

кейт мортон

дом у озера

*От автора мировых бестселлеров
«Забытый сад» и «Далекие часы»*

Annotation

Корнуолл, 1933 год. Элис Эдвейн живет в красивом поместье вместе с семьей. Дни текут привычной чередой, а идеальному миру, лишенному забот, ничто не угрожает. Но однажды случается непоправимое – таинственно исчезает Тео, младший брат Элис. А вскоре после этого находят бездыханное тело друга семьи. Что это – самоубийство или преступление? И если самоубийство, то могла ли причиной стать пропажа Тео? В 2003 году детектив Сэди Спэрроу оказывается в Корнуолле. Гуляя по лесу, она случайно обнаруживает заброшенный дом – тот самый, в котором произошла трагедия. Мысли о безутешной семье и бедном ребенке не дают ей покоя, и она решает раскрыть это дело и найти Тео... или его убийцу. И шанс на это все еще есть, ведь Элис жива, а значит, надежда на правду пока не иссякла.

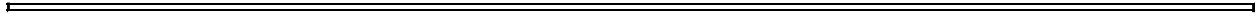

- [Кейт Мортон](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Информация об авторе](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Кейт Мортон

Дом у озера

Посвящается Генри, моей маленькой жемчужине

Kate Morton

THE LAKE HOUSE

Copyright © Kate Morton, 2015. First published in the English language by Allen & Unwin, Sydney, Australia, 2015

© Метлицкая И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Корнуолл, август 1933 г.

Дождь усилился, и грязь заляпала подол платья. Потом его надо будет спрятать, и никто не узнает, что она выходила из дома.

Луну затащили тучи (повезло, хотя и незаслуженно!); яму она выкопала заранее, но только сейчас, под покровом тьмы, можно было закончить начатое дело. Дождь рябил поверхность воды, неутомимо барабанил по земле. Неподалеку кто-то с шумом пронесся по зарослям папоротника, но она не остановилась, даже не вздрогнула. Всю свою жизнь она бродила по этому лесу и знала его наизусть.

Едва это случилось, она хотела признаться; наверное, и следовало бы, однако шанс упущен, сейчас уже поздно. Слишком много всего произошло: поисковые партии, полиция, статьи в газетах с просьбой сообщить любые сведения... Теперь никому не скажешь, ничего не исправишь, и прощения ждать не стоит. Можно только избавиться от улик.

Вот она и добралась до места. Сумка с коробкой оказалась неожиданно тяжелой, и она с облегчением поставила ее на землю. Присев на корточки, отодвинула маскирующие яму побеги папоротника. В нос ударил резкий запах размокшей почвы, лесных мышей, грибов и гнили. Однажды отец сказал ей, что немало поколений ходили по этому лесу и теперь покоятся глубоко под толщей земли. Ему нравилось так думать. Отца радовала преемственность в природе, и он искренне верил, что неизменность прошлого способна заглушить горечь невзгод в настоящем. Что ж, отчасти, может, и правда, только не в этот раз. И не этой беды.

Она опустила сумку в яму и забросала землей, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Слезы – непозволительная слабость, тем более здесь и сейчас. Она разровняла землю ладонями, утрамбовала, а потом утаптывала ботинками, пока не запыхалась.

Все. Дело сделано.

Внезапно мелькнула мысль, что надо бы сказать пару слов перед тем, как покинуть это уединенное место. Что-нибудь о смерти невинных, о чувстве вины, которое остается навсегда... Но она промолчала, устыдившись своего порыва.

Она торопливо вернулась назад через лес, стараясь не приближаться к лодочному сараю со всеми его воспоминаниями. Уже рассветало, когда она добралась до дома, дождь почти утих. У берегов озера плескалась вода;

последний соловей выводил прощальную трель. Просыпались камышники и славки, вдали раздавалось лошадиное ржание. Тогда она еще не знала, что никогда не избавится от этих звуков, они будут повсюду ее преследовать, вторгаться в сны и кошмары, напоминая о содеянном.

Глава 2

Корнуолл, 23 июня 1933 г.

Лучший вид на озеро открывался из Пурпурной комнаты, но Элис решила, что сойдет и окно ванной. Хотя мистер Ллевелин все еще сидел у ручья за мольбертом, обычно он заканчивал рано и шел отдыхать, а ей вовсе не хотелось с ним столкнуться. Старик, конечно, безобидный и все же чудаковатый и прилипчивый, особенно в последнее время. Вдруг, обнаружив ее в своей комнате, он все неправильно поймет? Элис поморщилась. В детстве она его обожала и он ее тоже. Сейчас, когда ей уже шестнадцать, странно вспоминать его истории, восхитительные рисунки, которые Элис бережно хранила, и ощущение чуда, которое, как песня, сопровождало мистера Ллевелина. Впрочем, до ванной ближе, чем до Пурпурной комнаты, и некогда бегать туда-сюда по ступенькам: мама вот-вот поймет, что в комнатах первого этажа нет цветов. Пока стайка служанок, размахивая полировочными тряпками, усердно наводила порядок в зале, Элис проскользнула в дверь и поспешила к окну.

Где же он? Желудок болезненно сжался, азарт вмиг сменился отчаянием. Стекло нагрелось под ладонями, пока Элис обводила взглядом картину внизу: алые и кремовые розы, лепестки блестят, как начищенные; бесценные персики льнут к стене крытого сада; длинное серебристое озеро сверкает под утренним солнцем. Поместье убрали, украсили и довели почти до невыносимого совершенства, тем не менее повсюду царил суета.

Нанятые музыканты расставляли позолоченные стулья на временной эстраде, фургоны поставщиков по очереди вздымали пыль на подъездной аллее, теплый летний ветерок раздувал полотнище наполовину установленного шатра. Единственным островком спокойствия среди всеобщей суматохи была бабуля Дешиль, маленькая и сгорбленная; погрузившись в туман воспоминаний, она сидела на чугунной садовой скамейке у библиотеки и не обращала ни малейшего внимания на то, как вокруг нее развешивают на деревьях круглые стеклянные фонари.

Вдруг у Элис перехватило дыхание.

Вон же он!

Невольная улыбка расплылась по ее лицу. Какой восторг, какая искрящаяся радость разглядеть на островке посреди озера его с огромным бревном на плече! Повинуясь порыву, Элис помахала рукой. Глупо, конечно, он даже не смотрел в сторону дома. А если бы и смотрел, то не

помахал бы в ответ. Они оба понимали, что надо проявлять осторожность.

Элис рассеянно затеребила прядь волос, вечно выбивающуюся над ухом. Ей нравилось вот так, тайком, наблюдать за молодым человеком. В эти минуты Элис ощущала свою силу, не то что с ним рядом, когда она приносила ему в сад лимонад, или когда ухитрялась улизнуть из дома, чтобы неожиданно навеститься в отдаленные уголки поместья, где он работал, или когда он расспрашивал о книге, семье и делах, а она рассказывала ему истории, смешила и старалась не утонуть в глубине зеленых с золотистыми крапинками глаз.

Под ее взглядом он наклонился, замер, удерживая на плече тяжелое бревно, потом осторожно положил его поверх остальных. Хорошо, что он сильный!.. В глубине души Элис чувствовала, как это важно, хотя и не знала почему. Щеки у нее горели, она покраснелась.

Элис Эдевейн доводилось общаться с молодыми людьми. Правда, не часто – ее родители вели довольно замкнутый образ жизни, предпочитая общество друг друга, и только раз в году, в канун Иванова дня, традиционно устраивали грандиозный праздник. Тем не менее порой Элис украдкой обменивалась парой слов с деревенскими парнями или сыновьями арендаторов, когда те, сняв шапки и опустив глаза, ходили за своими отцами по поместью. Однако сейчас... сейчас было совершенно *по-другому*, и каким бы ошеломительным или ужасно похожим на сантименты старшей сестры Деборы ни казалось это чувство, оно существовало, и все тут.

Его звали Бенджамин Мунро. Элис беззвучно произнесла имя по слогам. Бенджамин Джеймс Мунро, двадцати шести лет, до недавнего времени жил в Лондоне. Родственников не осталось, трудяга, не склонен к пустой болтовне. Родился в Суссексе в семье археологов, вырос в Юго-Восточной Азии. Любит зеленый чай, запах жасмина и знойные дни, которые заканчиваются грозой.

Ничего этого он ей не рассказывал. Он не из тех, кто любит разглагольствовать о себе и своих достижениях, как будто девушка – всего лишь хорошенькое личико и пара жадно внимающих ушей. Нет, Элис вслушивалась, наблюдала и по крупичкам собирала информацию, а как только представилась возможность, пробралась в кладовую, чтобы взглянуть на расчетную книжку главного садовника. Элис всегда считала себя неплохой сыщицей и, конечно же, обнаружила за аккуратными записями мистера Харриса о посадках подколотое письмо от Бенджамина Мунро с просьбой принять его на работу. Коротенькое послание, написанное почерком, который вряд ли понравился бы маме, но Элис

прочитала письмо целиком, запоминая особо важные куски и восхищаясь тем, как слова придают глубину и цвет придуманному ею образу, что хранился в тайне ото всех, словно засушенный между страницами цветов. Вроде того, что Бенджамин подарил ей в прошлом месяце. «Смотри, Элис, первая гардения в этом году». Хрупкий стебель зеленел на широкой, сильной ладони.

Элис улыбнулась воспоминанию и сунула руку в карман, чтобы погладить гладкую обложку записной книжки в кожаном переплете. Привычка с детства, которая выводила из себя маму с тех пор, как на восьмой день рождения Элис получила свою первую записную книжку. Как же она любила ту светло-коричневую книжицу! Здорово, что папа выбрал такой подарок. По словам отца, он тоже вел дневник, и Элис оценила серьезность, с которой он ей об этом сказал. Под присмотром мамы она медленно вывела свое полное имя – Элис Сесилия Эдевейн – по тонкой бледно-коричневой линии на фронтисписе и сразу же почувствовала себя более реальным человеком, чем раньше.

Маме не нравилась ее привычка то и дело трогать спрятанную в кармане книжку, потому что это выглядело так, словно Элис «вертится, замышляя какую-то шалость». Впрочем, сама Элис была ничуть не против подобной характеристики. Мамино недовольство послужило приятным бонусом, Элис продолжала бы касаться своей записной книжки, даже если бы это действие не вызывало легкую тень на прекрасном лице Элеонор Эдевейн. Записная книжка стала для Элис пробным камнем, постоянным напоминанием, кто она есть на самом деле. А еще близким другом, хранилищем секретов и, соответственно, досье на Бена Мунро.

Прошло около года с того дня, как Элис впервые его увидела. Он появился в Лоэннете поздним летом тысяча девятьсот тридцать второго, в тот жаркий и сухой промежуток времени, когда праздничное волнение Иванова дня прошло и оставалось только покориться одурманивающему зною. На поместье снизошла благодать ленивого умиротворения, и даже порозовевшая от жары мама, которая была на восьмом месяце беременности, сняла жемчужные браслеты и закатала по локоть шелковые рукава.

В тот день Элис сидела на качелях под ивой, лениво раскачивалась и обдумывала Очень Важную Проблему. Отовсюду, если вслушаться, доносились звуки семейной жизни – мама и мистер Ллевелин смеялись вдалеке под ленивый плеск лодочных весел, Клемми что-то бормотала себе под нос, раскинув крыльями руки и бегая кругами по лужайке, Дебора пересказывала няне Роуз все скандалы последнего Лондонского сезона, – а

Элис погрузилась в собственные мысли и не слышала ничего, кроме приглушенного жужжания насекомых.

Она почти целый час сидела на одном месте, не замечая, что новенькая ручка протекла и по белому хлопчатобумажному платью расплывается чернильное пятно, когда из сумрака рощи материализовался молодой человек и вышел на залитую солнцем дорогу. С холщовым мешком через плечо и пиджаком в руках, он шел твердым, упругим шагом, и Элис перестала раскачивать качели. Она следила за ним, старалась разглядеть получше из-за плакучих ветвей ивы, и не замечала, что щеку трет жесткая веревка.

Благодаря причуде географии в Лоэннет нельзя попасть случайно. Поместье располагалось в ложине, окруженной густым лесом, совсем как дома в сказках. (И в кошмарах тоже, только тогда Элис об этом не думала.) Лоэннет – их собственный счастливый уголок, дом нескольких поколений семьи Дешиль, родовое гнездо матери Элис. И все же вот он, чужак, прямо посреди имения, и послеобеденные чары сразу разрушились.

Элис обладала природным любопытством – о чем ей часто говорили окружающие, и она воспринимала их слова как комплимент, – но собиралась использовать эту свою черту с пользой. Впрочем, в тот день ее интерес подогревало не любопытство, а досада и желание отвлечься. Все лето Элис лихорадочно трудилась над остросюжетным любовным романом, однако три дня назад дело застопорилось. И все по вине главной героини, Лауры, которая после нескольких глав, призванных показать ее богатый внутренний мир, отказалась сотрудничать. Когда милую девушку познакомили с высоким темноволосым красавцем со звучным именем лорд Холлингтон, она неожиданно растеряла весь свой ум и обаяние и стала до ужаса скучной. Ладно, решила Элис, глядя, как молодой человек идет по подъездной дорожке, Лаура обождет. Подвернулось кое-что другое.

Через поместье бежал болтливый ручей, радуясь короткой передышке под жарким солнцем, прежде чем снова нырнуть в сумрак леса. Его берега соединял оставшийся от двоюродного прадеда каменный мост, через который лежала дорога в Лоэннет. Дойдя до моста, незнакомец остановился. Медленно повернулся в ту сторону, откуда пришел, и взглянул на что-то в своей ладони. Клочок бумаги? Или это игра света? Наклон головы, долгий взгляд на лесную чащу свидетельствовали о сомнениях, и Элис прищурилась. В конце концов, она – писательница и понимает людей, уязвимость сразу бросается ей в глаза. Почему незнакомец так неуверен, в чем причина? Он вновь повернулся вокруг себя, приложил руку ко лбу и уставился на дорогу с чертополохом по обочинам, которая вела к дому,

спрятавшемуся за тисовыми деревьями. Молодой человек не двигался и, похоже, затаил дыхание; затем под взглядом Элис положил вещевой мешок и пиджак на землю, поправил на плечах подтяжки и тяжело вздохнул.

И тогда Элис осенило. Она сама не понимала, откуда берутся внезапные озарения, открывающие доступ к мыслям других людей. Элис просто знала о чем-то, и все. Вот как сейчас: незнакомцу явно не доводилось бывать в подобном месте. Тем не менее этого человека ждала встреча с судьбой, и хотя какая-то его часть хотела развернуться и уйти, даже толком не ознакомившись с поместьем, от судьбы просто так не сбежишь. Весьма захватывающее предположение, и Элис еще крепче ухватила за веревку качелей, наблюдая за молодым человеком; в ее голове роились мысли.

Конечно же, он поднял пиджак, закинул на плечо вещевой мешок и зашагал по дорожке к скрытому за деревьями дому. В поведении незнакомца появилась вновь обретенная решимость, и те, кто плохо разбираются в людях, наверняка подумали бы, что он легко справится со своей задачей. Элис довольно улыбнулась, и тут ей пришла в голову мысль, от которой она чуть не свалилась с качелей. Элис заметила чернильное пятно на своей юбке и нашла решение Важной Проблемы одновременно. Это же ясно как божий день! Лаура, которая встретила своего собственного таинственного незнакомца, тоже гораздо проницательнее большинства людей и наверняка заглянет под его маску, узнает об ужасной тайне и темном прошлом, а потом, когда останется с ним наедине, прошепчет...

– Элис!

Оказавшись в ванной комнате своего дома, Элис подпрыгнула от неожиданности и больно ударилась щекой о деревянную оконную раму.

– Элис Эдевейн, где ты?

Она бросила взгляд на закрытую дверь. Вокруг таяли приятные воспоминания о прошлом лете, остром чувстве влюбленности, первых днях романа с Беном и пьянящей связи между их отношениями и ее творчеством. Бронзовая дверная ручка слегка задрожала от торопливых шагов на лестничной площадке, и Элис затаила дыхание.

Всю неделю мама была на грани нервного срыва. Обычное дело. Она не любила гостей, но праздничный прием в Иванову ночь давно стал семейной традицией рода Дешиль. Мама боготворила своего отца, Генри, потому каждое лето и устраивала праздник в его честь. И всякий раз ужасно нервничала – такой вот она уродилась! – однако в этом году превзошла саму себя.

– Я знаю, что ты здесь, Элис! Дебора видела тебя пару минут назад.

Дебора – старшая сестра, основной пример для подражания, главное зло. Элис стиснула зубы. Мало того что ее мать – прославленная Элеонор Эдевейн, так еще и повезло родиться за сестрой, которая почти такое же совершенство! Красавица, умница, обручена с самым завидным женихом прошедшего сезона... Слава богу, еще есть Клементина, младшенькая, такая странная, что даже она, Элис, по сравнению с ней кажется почти нормальной.

Пока мама в сопровождении Эдвины стремительно шагала по коридору, Элис с треском приоткрыла окно и подставила лицо теплему ветерку, наполненному соленым запахом моря и ароматом свежескошенной травы. Эдвина, вот единственная живая душа, которая терпит маму в ее нынешнем состоянии! Впрочем, Эдвина – золотистый ретривер, и вряд ли ее можно назвать душой в полном смысле этого слова. Даже папа несколько часов назад сбежал на чердак и теперь наверняка отлично проводит время над своим грандиозным трудом по естественной истории. Проблема в том, что Элеонор Эдевейн всегда стремилась к совершенству и любая мелочь праздника должна была отвечать ее высоким стандартам. Элис довольно долго переживала из-за того, что не оправдывает мамины ожидания, хотя тщательно скрывала это под маской напускного безразличия. Ее огорчало и отражение в зеркале – слишком высокий рост, непослушные рыжевато-каштановые волосы, – и то, что она предпочитала компанию вымышленных персонажей людям из плоти и крови.

Но теперь все изменилось. Элис с улыбкой смотрела, как Бен добавил еще одно бревно к быстро растущему сооружению, будущему костру. Может, она и не так очаровательна, как Дебора, и уж точно ее имя не обессмертят в популярной детской книге, как мамино, неважно. Она совершенно другая. «Ты – прирожденный рассказчик, Элис Эдевейн, – заметил как-то раз вечером Бен, когда голуби летели домой на ночлег. – Я еще никогда не встречал человека с таким богатым воображением, такими интересными мыслями». Он говорил тихо и не сводил взгляда с Элис. Тогда Элис посмотрела на себя его глазами, и ей понравилось то, что она увидела.

Мама еще не свернула за угол, а до двери ванной уже донесся ее голос: она говорила что-то о цветах.

– Конечно, мамочка! – восхитительно высокомерным тоном пробормотала Элис. – Только не выпрыгивай из трусов!

В упоминании нижнего белья Элеонор Эдевейн было некое великолепное кощунство, и Элис сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Бросив из окна прощальный взгляд на озеро, Элис вышла из ванной, на цыпочках прокралась к своей комнате и вытащила из-под матраса

заветную папку. Перепрыгивая через две ступеньки и лишь чудом не споткнувшись о потрепанный край красного белуджистанского ковра, который прадедушка Хорас привез из путешествий по Ближнему Востоку, Элис спустилась вниз, схватила со стола в зале корзинку и выбежала из дома, навстречу новому дню.

* * *

Надо сказать, погода стояла прекрасная. Элис невольно начала мурлыкать под нос, пока спешила по вымощенной камнем дорожке. Корзинка почти наполовину наполнилась, а ведь Элис еще даже не дошла до лужайки с полевыми цветами. Самые красивые цветы росли именно там, оригинальные и необычные, в отличие от садовых – ярких, но заурадных. Элис тянула время. Все утро она пряталась от матери, а теперь ждала, когда мистер Харрис пойдет обедать: хотела застать Бена одного.

В последнюю встречу он сказал, что у него для нее кое-что есть, и Элис рассмеялась. Тогда он спросил со своей легкой полуулыбкой: «Что смешного?» Элис выпрямилась во весь рост и ответила, что у нее, так уж вышло, тоже есть для него подарок.

Элис остановилась у самого большого тиса в конце дорожки. Перед праздником его аккуратно подстригли, сквозь плотную обрезанную крону ничего не было видно, и Элис выглянула из-за дерева. Бен все еще на острове, а мистер Харрис на дальнем берегу озера, помогает своему сыну Адаму грузить в лодку бревна, чтобы перевезти на остров. Бедняга Адам! Элис смотрела, как он чешет за ухом. По словам миссис Стивенсон, когда-то Адам был гордостью семьи, рослым, сильным и смышленным, пока под Пашендалем ^[1] осколок шрапнели не угодил ему в голову, лишив памяти. «Ужасная штука война! – любила рассуждать кухарка, яростно раскатывая скалкой ни в чем не повинное тесто. – Забирает полного надежд мальчика, пережевывает и выплевывает жалкое исковерканное подобие того, что было!»

«Хорошо еще, что сам Адам, похоже, не осознает перемены и даже почти счастлив», – говорила миссис Стивенсон. «Конечно, это редкость, – всегда добавляла она, дабы не изменять присущему ей шотландскому пессимизму. – Многие вернулись, разучившись смеяться».

Именно папа настоял на том, чтобы Адаму дали работу в поместье. Элис подслушала его разговор с мистером Харрисом. «Он будет работать до конца жизни, – произнес отец дрожащим от эмоций голосом. – Я вам

уже это говорил. Юному Адаму всегда найдется здесь место».

Внезапно Элис услышала приглушенный шелест у левого уха, щеки коснулся легкий ветерок. Боковым зрением она заметила зависшую в воздухе стрекозу. Довольно редкую – желтокрылую стрекозу-метальщицу. Элис охватило знакомое радостное возбуждение. Она представила отца, который прячется у себя в кабинете от маминой предпраздничной лихорадки. Если изловчиться, то можно поймать стрекозу и отнести наверх, в отцовскую коллекцию, посмотреть, как он радуется подарку, и почувствовать, что выросла в его глазах. Как в детстве, когда Элис ощущала себя избранной, и одного разрешения заходить в пыльную комнату с научными книгами, белыми перчатками и стеклянными витринами было достаточно, чтобы преодолеть страх перед блестящими серебристыми булавками.

Впрочем, сейчас нет времени. Вообще-то, даже мысль об этом отвлекает от цели. Элис нахмурилась. Время странным образом теряло границы, когда она о чем-то задумывалась. Еще двадцать минут, и главный садовник, как обычно, пойдет в свой сарай, чтобы съесть сэндвич с пикучками и сыром, а потом углубиться в изучение газетных страниц с результатами скачек. Он всегда следовал привычкам, и Элис это уважала.

Забыв о стрекозе, она торопливо пересекла дорожку и продолжила путь вокруг озера, держась подальше от лужайки и группки рабочих, подметавших у затейливой конструкции с фейерверками. Элис старалась не выходить из тени, пока не добралась до потайного сада. Там она села на нагретые солнцем ступени старого фонтана, поставила рядом корзинку с цветами. Отличный наблюдательный пункт. Живая изгородь из боярышника служила надежным укрытием, а сквозь просветы между ветвями было отлично видно новые мостки.

Ожидая, пока Бен останется один, Элис любовалась грачами, кувыркавшимися в лазурном небе. Ее взгляд упал на дом; взобравшись на лестницы, слуги украшали огромными венками из зелени кирпичный фасад, в то время как две служанки развешивали под карнизом изящные бумажные фонарики. Солнце освещало верхний ряд витражных окон, и начищенный до блеска родовой дом сиял, как увешанная драгоценностями пожилая дама, разодетая для ежегодного выезда в оперу.

Внезапно Элис захлестнула волна нежности. Сколько Элис себя помнила, поместье Лозннет значило для нее гораздо больше, чем для сестер. Дебору манил Лондон, а Элис нигде так не радовалась и не была сама собой, как здесь, когда сидела на речном берегу, болтая ногами в неторопливой воде, или лежала в постели перед рассветом, прислушиваясь

к хлопотливой суете стрижей, которые свили гнездо над окном ее комнаты, или бродила вокруг озера, зажав под мышкой неизменную записную книжку.

В семь лет Элис вдруг осознала, что когда-нибудь повзрослеет, а взрослые, как правило, покидают родительский дом. С той минуты в душе Элис воцарился экзистенциальный страх, и она стала везде, где только можно, царапать свое имя: на дубовых оконных рамах в маленькой столовой, примыкающей к кухне, на тоненькой полоске застывшего раствора между кафельными плитками в оружейной комнате, на узорчатых обоях с дроздами в передней. Элис словно навсегда привязывала себя к Лоэннету крепкими узами. Мать обнаружила это необычное проявление любви, и Элис на все лето оставили без сладкого; впрочем, она бы особо не горевала, если бы ее не называли отпетой хулиганкой. «От кого, от кого, а от тебя не ожидала такого неуважения к дому! – сердито шипела мать. – Подумать только, моя дочь – и такой варварский поступок!» Эти слова, которые свели страстную жажду обладания к обычной шалости, причинили Элис глубокую боль и сильно обидели.

Ладно, сейчас это уже неважно. Элис выпрямила ноги, вытянула вперед носочки и довольно вздохнула. Обычная детская навязчивая идея, с тех пор много воды утекло. Солнечный свет заливал все вокруг, золотил ярко-зеленую листву сада. Укрывшись среди ивовых ветвей, сладко щебетала славка-черноголовка, пара диких уток дралась из-за особенно сочной улитки. Оркестр репетировал танцевальную мелодию, и над гладью озера плыла музыка. Да, с погодой сегодня повезло. Несколько томительных недель все волновались, пристально наблюдали за рассветами, расспрашивали знатоков примет и наконец дождались: солнце высоко в небе и сжигает случайные облака, как и положено в канун Иванова дня. Вечер будет теплым, ветерок – легким, а праздничный прием, как всегда, волшебным.

Элис узнала о чарах Ивановой ночи задолго до того, как ей разрешили праздновать вместе со взрослыми, еще когда няня Бруен, одев ее и сестер в самые нарядные платья, отводила всех троих вниз и выстраивала в ряд, чтобы они поздоровались с гостями. Тогда, в самом начале вечеринки, разодетые взрослые ждали темноты и вели себя с чопорной благопристойностью, но позже, когда дети давно должны были спать, Элис, услышав, что дыхание няни стало глубоким и ровным, забиралась коленями на стул у окна детской и смотрела на фонарики, похожие на поспевшие в ночи фрукты, пылающий костер, который, казалось, плыл по серебристой от лунного света воде, на этот заколдованный мир, где люди и

места выглядели почти такими, как она помнила, но все же другими.

А сегодня, подумала Элис, она будет среди них, ее ждет необыкновенная ночь. Элис улыбнулась, слегка вздрогнув от предвкушения. Посмотрела на часы, а затем достала из корзинки папку с бесценным содержимым и открыла. Внутри лежала одна из двух машинописных копий, тщательно отпечатанных на портативном «Ремингтоне», – результат годовой работы Элис. В заглавии она сделала опечатку, случайно нажав букву «а» вместо «о», но в остальном все было идеально. Вряд ли Бен обидится, он сам бы сказал, что важнее отослать безупречный экземпляр в издательство Виктора Голланца.^[2] Когда книга выйдет, у Бена будет свое собственное первое издание, Элис даже его подпишет, как раз под посвящением.

«Спи, моя лапочка». Элис шепотом прочитала название, чувствуя, как по спине побежали приятные мурашки. Она гордилась книгой, лучшей из всех своих работ на сегодняшний день, и надеялась, что ее опубликуют. Настоящий детектив, с убийством. Изучив предисловие к «Лучшим детективным историям», Элис взяла блокнот и составила список правил, с точки зрения мистера Рональда Нокса.^[3] Она поняла, что ошибалась, пытаясь объединить два несовместимых жанра, избавилась от Лауры и начала с самого начала, придумав загородный дом, сыщика и целую компанию достойных подозреваемых. С детективной составляющей пришлось повозиться, нельзя было, чтобы читатели раньше времени догадались, кто убийца. Тогда-то Элис и решила, что ей нужен тестовый читатель, так сказать, Ватсон для ее Холмса. К счастью, таковой нашелся, а с ним кое-что еще.

«Посвящается Б. М., партнеру по преступлениям и сообщнику во всем остальном».

Элис провела пальцем по посвящению. Как только роман выйдет из печати, о них с Беном узнают, ну и что с того? В глубине души Элис мечтала, чтобы это произошло. Несколько раз она едва не проговорилась Деборе и даже Клемми, так ей хотелось произнести эти слова вслух. Еще она всячески избегала встреч с мамой, которая явно что-то подозревала. Наверное, будет правильно, думала Элис, если об их отношениях с Беном узнают, прочитав ее первую опубликованную книгу.

«Спи, моя лапочка» появилась на свет из разговоров с Беном, без него у Элис ничего не вышло бы; запечатлев их совместные мысли на бумаге, она словно ухватила некую призрачную возможность и вдохнула в нее

жизнь. Подарив экземпляр книги Бену, она делает более реальным невысказанное обещание, которое их связывало. А к обещаниям в семье Эдевейн относились серьезно. Так наставляла мама, и, едва научившись говорить, они уже знали: никогда не обещай того, что не сделаешь.

За кустами боярышника раздались голоса, и Элис инстинктивно прижала рукопись к груди. Настороженно прислушалась, затем торопливо подошла к живой изгороди и заглянула в просвет между листьями. На острове Бена уже нет, лодка стоит у мостков. Тут Элис увидела всех троих работников у оставшейся груды бревен. Бен пил из жестяной фляги, его кадык двигался с каждым глотком, на подбородке темнела щетина, завитки черных волос касались воротника. Рубашка Бена промокла от пота, и у Элис перехватило дыхание: она обожала его запах, такой земной и естественный.

Мистер Харрис поднял сумку с инструментами и дал последние указания, на что Бен кивнул и слегка улыбнулся. Элис тоже не сдержала улыбки, вглядываясь в ямочку на его левой щеке, сильные плечи, обнаженное предплечье, которое блестело под жарким солнцем. Вдруг он выпрямился; похоже, его внимание привлек какой-то шум. Молодой человек перевел взгляд с мистера Харриса на что-то в глубине одичалого сада.

Элис разглядела среди зарослей эремуруса и вербены крошечную фигурку, которая, покачиваясь, храбро шагала к дому. Тео. При виде младшего брата Элис улыбнулась еще шире, но когда она заметила, что за братом маячит большая темная тень, ее улыбка померкла. Теперь понятно, почему Бен нахмурился. Элис тоже недолюбливала няню Бруен, причем сколько себя помнила. Хотя вряд ли можно питать теплые чувства к людям с деспотическими наклонностями. Никто так и не понял, почему уволили милую и красивую няню Розу. Она хорошо относилась к Тео, вернее, обожала его, и ее все любили. Даже папа был замечен за беседой с няней Розой в саду, пока Тео ковылял за утками, а уж папа разбирается в людях.

Зато маме словно шлея под хвост попала. Пару недель назад Элис видела, как она ругает няню Розу, вернее, они обе обменивались яростным шепотом у дверей детской. Спор, похоже, шел из-за Тео, но, к сожалению, Элис стояла слишком далеко. На следующий же день няня Роза исчезла, а вместо нее вытащили из нафталина няню Бруен. Вообще-то Элис считала, что они навсегда распрощались со старой перечницей вместе с ее волосами на подбородке и бутылкой касторового масла. Более того, Элис даже слегка загордилась, подслушав бабулю Дешиль, которая утверждала, что именно она, Элис, довела старую няню своими выходками. Но теперь старуха

вернулась и, похоже, стала намного противнее.

Элис все еще горевала из-за ухода няни Розы, когда поняла, что больше не одна за изгородью: сзади хрустнула веточка. Элис резко повернулась.

– Мистер Ллевелин! – воскликнула она при виде сгорбленной фигуры с мольбертом под мышкой и большим этюдником, неловко прижатым к другому боку. – Вы меня напугали!

– Прости, детка. Наверное, я недооценил собственную незаметность. Мне бы хотелось с тобой поговорить.

– Прямо сейчас?

Элис любила старика, однако едва сдержала досаду. Он явно не понимает, что прошли те дни, когда Элис сидела рядом и смотрела, как он рисует, или каталась с ним на лодке, или рассказывала ему свои детские секреты, пока они вместе охотились на фей. Конечно, в свое время мистер Ллевелин занимал важное место в ее жизни, бесценный друг, пока Элис была маленькой, и наставник, когда она начала свои литературные опыты. Много раз Элис подбегала к нему, чтобы вручить ребяческие рассказы, нацарапанные в пылу вдохновения, и он изо всех сил старался дать им объективную оценку. Но сейчас, когда ей уже шестнадцать, у нее совсем другие интересы, и она не намерена ими делиться.

– Видите ли, я занята.

Мистер Ллевелин бросил взгляд на дырку в изгороди, и щеки Элис зарделись горячим румянцем.

– Я смотрю на приготовления к празднику, – торопливо пояснила девушка, а когда мистер Ллевелин улыбнулся, давая понять, что прекрасно знает, за кем она наблюдает и почему, добавила: – Мама попросила меня нарвать цветов.

Он взглянул на небрежно брошенную корзинку с поникшими от полуденного зноя цветами.

– Я должна выполнить ее просьбу.

– Конечно. При обычных обстоятельствах мне бы и в голову не пришло тебе мешать. Но у меня очень важный разговор.

– Боюсь, сейчас мне некогда.

Мистер Ллевелин выглядел крайне разочарованным, и Элис вдруг подумала, что он хандрит уже довольно давно. Вернее, не то чтобы хандрит, просто все время какой-то печальный и рассеянный. Вот и пуговицы на атласном жилете застегнуты неправильно, и шарф на шее потрепанный... Ее захлестнула волна сочувствия к старику.

– Хорошо у вас получилось, – примирительно сказала Элис, кивнув на

этюдник.

Действительно, рисунок удался. Раньше мистер Ллевелин не изображал Тео, но сходство было потрясающим: еще младенчески округлые щечки, пухлые губы, большие доверчивые глаза. Добрая душа, мистер Ллевелин, всегда видит в людях только хорошее.

– Может, поговорим после чая? – предложила Элис и ободряюще улыбнулась. – Перед вечеринкой?

Мистер Ллевелин крепче прижал к себе этюдник и, поразмышляв над предложением Элис, нахмурился.

– Как насчет того, чтобы встретиться у костра?

– Так вы тоже там будете?

Странно. Мистера Ллевелина нельзя было назвать светским львом, и обычно он всячески избегал большие компании людей, включая и те, что собирались, чтобы встретиться с ним лично. Хотя он обожал мать Элис, даже ей не удавалось заманить его на вечеринку накануне Иванова дня. Элис подумала, что мама опять выставит напоказ первое издание «Волшебной двери Элеонор», и гости будут наперебой искать знакомства с автором книги. Им никогда не надоедало ползать на коленках вдоль живой изгороди и искать каменный столб, зарытый по самую верхушку в землю. «Смотри, Симеон, вот оно, то самое медное кольцо, что было на карте! Совсем как в книге!» Они и не знали, что много лет назад хозяева, опасаясь любопытства таких вот настырных посетителей, наглухо закрыли туннель.

При других обстоятельствах Элис, наверное, попыталась бы расспросить мистера Ллевелина, но за изгородью послышался смех, потом дружеский возглас: «Да ладно тебе, Адам, иди с отцом и поешь, бревна никуда не денутся». Элис сразу же вспомнила, зачем она здесь.

– Ну хорошо, сегодня вечером, – сказала она. – На празднике.

– Скажем, в половине двенадцатого, в беседке?

– Да-да.

– Это очень важно, Элис.

– В половине двенадцатого, – нетерпеливо повторила она. – Я обязательно приду.

Старик все не уходил, стоял с серьезным и грустным видом, как приклеенный, и пристально смотрел на Элис, словно пытался запомнить.

– Мистер Ллевелин?

– Помнишь, как мы катались на лодке в день рождения Клемми?

– Да, – кивнула она. – Чудесный был день. На редкость приятный.

Девушка демонстративно потянулась за корзинкой, и мистер Ллевелин, должно быть, понял намек: когда Элис выпрямилась, он уже

ушел.

Ощувив укол смутной жалости, Элис глубоко вздохнула. Наверное, это потому, что она влюблена, вот и жалеет всех остальных. Бедный, старый мистер Ллевелин. Когда-то она считала его волшебником, а теперь видит сгорбленного, грустного человечка, постаревшего раньше времени, стесненного викторианской одеждой и предрассудками, с которыми не желает расстаться. В юности у него случился нервный срыв (предполагалось, что это секрет, но Элис знала много такого, чего ей знать не следовало). Все произошло, когда мама Элис была совсем ребенком, а мистер Ллевелин – близким другом Генри Дешиля. Мистер Ллевелин оставил карьеру в Лондоне и тогда же написал «Волшебную дверь Элеонор».

Элис не знала, что именно вызвало срыв. У нее мелькнула неясная мысль, что хорошо бы узнать. Только не сегодня, подумала она, как-нибудь в другой раз. Сейчас просто нет времени на прошлое, когда будущее рядом, ждет за изгородью. Взглянув еще раз сквозь дыру в изгороди, Элис убедилась, что Бен остался один и вот-вот тоже уйдет на обед. Она тотчас забыла про мистера Ллевелина и подставила лицо солнцу, наслаждаясь ласковыми лучами. Неужели на свете есть кто-то, более довольный жизнью, чем она? С машинописной копией своей книги в руках Элис зашагала к мосткам – красивая девушка на пороге блестящего будущего.

Глава 3

Корнуолл, 2003 г.

Солнце пробивалось сквозь листву, и Сэди бежала так, что ее легкие запросили пощады. Но она не остановилась, наоборот, побежала быстрее, наслаждаясь ритмичным глухим топотом, который слабым эхом отзывался от сырой мшистой почвы и густого подлеска.

Собаки давно сбегали с узкой тропинки и теперь, опустив носы к земле, скользили, как ручейки патоки, среди поблескивающих зарослей ежевики по обочинам. Похоже, псы радуются больше ее самой, что дождь закончился и они наконец-то свободны. Как ни удивительно, Сэди нравилось, когда эти двое рядом. Сперва она не хотела брать их с собой, но Берти, ее дед, и так встревоженный ее неожиданным появлением – «С каких это пор ты едешь в отпуск?» – привычно заупрямился. «Этот лес местами очень густой, и ты его не знаешь. Заблудишься как нечего делать». Когда дед пообещал уговорить кого-нибудь из местных парней составить ей компанию, сопровождая угрозу взглядом, в котором читалось, что вот-вот начнутся нежелательные расспросы, Сэди поспешно согласилась взять с собой на пробежку собак.

Сэди всегда бегала в одиночку – еще задолго до того, как дело Бейли развалилось и вся ее жизнь в Лондоне пошла прахом. Сэди считала, что лучше бегать одной. Некоторые люди бегают ради физической нагрузки, другие – ради удовольствия; Сэди бегала так, словно спасалась от смерти. Слова ее бывшего. Он произнес их обвиняющим тоном, согнувшись пополам посреди парка Хэмпстед-Хит и хватая ртом воздух. Сэди только пожалала плечами, не понимая, почему это плохо, и вдруг почти без сожаления осознала, что у них ничего не выйдет.

Порыв ветра качнул ветви, брызнув последними каплями дождя в лицо. Она тряхнула головой, однако бег не замедлила. По бокам тропы стали появляться побеги шиповника, рабы привычки, которые каждый год прорастают сквозь папоротник и валежник. Хорошо. Подобные мелочи доказывают, что в мире есть место добру и красоте, как утверждается в стихах и банальных сентенциях. Сэди подумала, что с ее работой об этом часто забываешь.

На выходных лондонские газеты все еще писали о деле Бейли. Сэди случайно увидела заметку через плечо одного из посетителей в кафе «Гавань», куда они с Берти зашли позавтракать. Вернее, завтракала Сэди, а

Берти пил что-то вроде густого зеленого коктейля, который пах травой. Маленькая заметка, всего одна колонка на пятой странице, но имя Мэгги Бейли как магнитом привлекло взгляд Сэди, и она, замолчав на полуслове, жадно прочитала статью. Ничего нового, значит, ничего не изменилось. А почему, собственно, что-то должно было измениться? Дело закрыто. Дерек Мэйтленд подвел черту. Неудивительно, что он до сих пор держится за эту историю, как собака за кость, вполне в его духе. Может, отчасти поэтому Сэди его и выбрала?

Из-за купы деревьев выскочил Эш, метнулся наперерез Сэди, хлопая ушами и улыбаясь во всю слюнявую пасть. Сэди отпрянула и, стиснув кулаки, побежала дальше. Она не должна читать газеты. Предполагается, что она взяла передышку, будет приходить в себя и ждать, пока в Лондоне все не уляжется. Дональд посоветовал. Он пытался защитить ее, не хотел, чтобы Сэди ткнули носом в ее собственную глупость. Мило, конечно, но, честно говоря, слишком поздно.

Одно время об этом деле писали все газеты и сообщали в новостях по телевизору. Даже спустя несколько недель поток не иссяк, наоборот, разросся. Некоторые статьи просто цитировали отдельные комментарии Сэди, зато другие радостно сообщали о внутренних разногласиях среди сотрудников лондонской полиции, намекая на сокрытие фактов. Неудивительно, что Эшфорд разозлился. Суперинтендант никогда не упускал случая выразить свои взгляды на лояльность. Подтянув повыше брюки, все в пятнах от еды, он, брызгая слюной, распекал собравшихся полицейских: «Хуже стукачей ничего нет, слышите? Если чем-то недовольны, не болтайте с посторонними! Больше всего репутации полицейского управления вредят доносчики!» Особого упоминания удостоивались самые мерзкие из посторонних – журналисты. Подбородок Эшфорда дрожал от ненависти: «Кровопийцы, вот кто они все!»

Слава богу, он не знал, что в этом конкретном случае стукачом оказалась Сэди. Дональд ее прикрыл, совсем как тогда, когда она начала допускать ошибки. «Партнеры всегда так поступают», – хмуро буркнул он в ответ на ее неловкую благодарность. Потом они не раз подшучивали над теми промахами в обычно безукоризненной работе Сэди, однако последнее нарушение вышло за рамки дозволенного. Будучи старшим следователем по делу, Дональд отвечал за действия своих подчиненных, и если прийти на допрос, не захватив с собой блокнот, означало стать объектом дружеских подначек, то обвинения о том, что полиция напортачила с расследованием, расценивались совсем по-другому.

Дональд с самого начала знал, что утечка информации произошла из-

за Сэди. Он пригласил ее в паб «Лиса и гончие», где не терпящим возражения тоном посоветовал на время уехать из Лондона. Велел Сэди взять положенный отпуск и не появляться на работе, пока не решит свои проблемы. «Я не шучу, Спэрроу, – сказал он, вытирая с седых щетинистых усов пивную пену. – Не знаю, что на тебя нашло, но Эшфорд не дурак, сейчас он будет следить за всеми как ястреб. У тебя ведь дед в Корнуолле, так? Ради себя самой – нет, ради нас обоих, – поезжай туда и возвращайся, когда придешь в норму».

Откуда ни возьмись, на тропе возник поваленный ствол дерева, и Сэди перепрыгнула через него, слегка зацепившись кроссовкой. Адреналин бурлил под кожей, словно горячий сироп; пришлось обуздать его, побежав еще быстрее. «Возвращайся, когда придешь в норму». Легко сказать! Дональд, может, и не знает, в чем причина ее рассеянности и промахов, но сама-то Сэди это прекрасно понимает. Она представила конверт со всем содержимым, засунутый в тумбочку гостевой спальни у Берти в доме. Красивая бумага, изящный почерк и послание, от которого Сэди словно ледяной водой окатили. Все проблемы начались тем вечером, шесть недель назад, когда она наткнулась на это чертово письмо, лежавшее на коврике у двери лондонской квартиры. Сперва ошибки из-за невнимательности, маленькие недочеты, которые легко исправить... а потом возникло дело Бейли, той маленькой покинутой девочки, и шарах! Разразилась буря.

С последним выплеском энергии Сэди заставила себя добежать до почерневшего пня, поворотного пункта сегодняшней пробежки. Не сбавляла темп, пока не добежала, коснулась рукой мокрой шершавой поверхности и только потом расслабилась и перевела дух, уперев ладони в колени. Диафрагма Сэди поднималась и опускалась, перед глазами мелькали звездочки. Эш крутился рядом, обняв комель замшелого бревна, которое торчало из земли на крутом склоне. Сэди жадно напилась из пластиковой бутылки, выдавила немного воды в открытую пасть пса, погладила блестящую темную шерсть между ушей.

– Ну и где же твой братец? – спросила Сэди у Эша. – Где Рэмзи?

Пес наклонил голову набок и уставился на Сэди умными глазами. Сэди огляделась. Вокруг густо рос папоротник, закрученные побеги тянулись к солнечному свету, разворачиваясь в широкие перистые листья. Сладкий аромат жимолости смешивался с землистым запахом недавнего дождя. Летнего дождя. Сэди всегда нравился этот запах, даже после того, как Берти сказал, что он вызван особыми бактериями. Значит, при соответствующих условиях и из плохого может выйти что-то хорошее. У Сэди были свои причины в это верить.

В поисках Рэмзи Сэди еще раз взгляделась в лесную чащу и вдруг поняла, что Берти был прав: здесь немудрено заблудиться. Конечно, она, Сэди, вряд ли потеряется, тем более с собаками, которые чуют дорогу домой, а вот кто-нибудь может и заплутать, например, наивная девушка из сказки. Такая девица, полная романтических мечтаний, вполне способна забрести в чащу леса и потеряться.

Сэди почти не знала сказок. Еще один из пробелов в жизненном опыте по сравнению со сверстниками – сказки, экзамены на аттестат о полном общем среднем образовании, родительское тепло. Даже в скудно обставленной комнатухе маленькой Бейли обнаружилась полка с книгами и замусоленный томик сказок братьев Гримм. Но в детстве Сэди не было рассказанных шепотом историй, которые начинаются с «давным-давно...». Ее мать не любила шептаться, отец – тоже, и оба они терпеть не могли все чудесное и сказочное.

Тем не менее Сэди, вполне приспособленная к жизни в обществе, знала, что в сказках люди, бывает, теряются и зачастую это связано именно с дремучим лесом. Люди пропадали и в реальной жизни – это Сэди знала по опыту. Иногда виной всему был несчастный случай, а порой люди исчезали намеренно: те, кто не хотел, чтобы их нашли. Люди вроде Мэгги Бейли.

«Мамаша в бегах, – с ходу определил Дональд в тот день еще до того, как они обнаружили в квартире малютку Кэйтлин; через несколько недель нашлась и записка, подтверждающая его правоту. – Не вынесла ответственности. Дети, попытки свести концы с концами... Жизнь. Если бы мне платили по фунту всякий раз, когда я с этим сталкивался...»

Но Сэди с ним не согласилась. Она гнула свою линию, выдвигала совершенно фантастические версии о преступлениях, которые встречаются только в детективах, настаивала, что мать не способна просто так бросить своего ребенка, и все пересматривала улики, надеясь найти какой-нибудь важный ключ к разгадке тайны.

«Ты пытаешься найти то, чего нет, – сказал ей Дональд. – Иногда, Спэрроу, – не часто, но порой бывает! – в реальной жизни все еще проще, чем кажется».

«Ты имеешь в виду себя?»

Дональд рассмеялся: «Наглая девчонка!» А потом заговорил мягким, почти отеческим тоном, хотя лучше бы он на нее накричал: «Знаешь, с полицейскими такое случается. Работаешь, работаешь над делом, и со временем оно западает тебе в душу. Но это означает только то, что ты человек, а не то, что ты права».

Дыхание Сэди выровнялось, а Рэмзи по-прежнему не было видно. Сэди позвала его, и голос эхом отозвался от темной сырой чащи. «Рэмзи... Рэмзи... Рэмзи!» Последний негромкий возглас затих, однако пес так и не появился. Он держался более настороженно, чем брат, и Сэди завоевывала его доверие куда дольше. Справедливо или нет, именно поэтому Рэмзи стал ее любимчиком. Сэди всегда остерегалась поспешных привязанностей. Похожую черту характера она заметила у Нэнси Бейли, матери Мэгги, и это, как подозревала Сэди, их сблизило. Так называемое *folie à deux*,^[4] разделенное безумие, когда двое в остальном вполне разумных людей поддерживают друг друга в одном и том же заблуждении. Теперь Сэди понимала, что они с Нэнси Бейли натворили, вторя своим фантазиям, убеждая себя, что в исчезновении Мэгги есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Да, это было настоящим безумием. Десять лет работы в полиции, пять – детективом, и все, чему Сэди научилась, сразу же улетучилось, стоило ей увидеть в запущенной квартире ту маленькую и худенькую девочку с растрепанными светлыми волосами. Огромными, настороженными глазами она смотрела на двух незнакомцев, ворвавшихся через переднюю дверь. Сэди подбежала к девочке, протянула руки и воскликнула чужим, не похожим на свой, голосом: «Здравствуй, милая! А кто это нарисован у тебя на ночной рубашке?» Беззащитность крохи, ее неуверенность ударили по тому потаенному месту в душе Сэди, которое она тщательно охраняла. Все последующие дни ей казалось, что она чувствует в своих руках детские ладошки, слышит тонкий, жалобный голосок: «Мама? Где моя мама?» Сэди сжигала потребность все исправить, вернуть девочке мать, и Нэнси Бейли оказалась самой подходящей союзницей. Впрочем, Нэнси простительно, что она хватается за соломинку, отчаянно ищет оправдание бессердечному поведению дочери, бросившей ее внучку одну в квартире, пытается смягчить собственную вину (если бы я только не уехала на выходные с подругами, я бы сама ее нашла!), а вот Сэди могла бы и сообразить, что к чему.

– Рэмзи! – позвала она еще раз.

И вновь в ответ тишина, которую нарушал лишь шорох листьев и журчание воды в размытой дождем канаве. Удивительно, как чувство одиночества усиливается от звуков природы! Сэди вытянула руки над головой. Желание позвонить Нэнси тяжелым камнем давило на грудь, сжимало в потных кулаках легкие. Сэди смирилась с собственным унижением, но всякий раз при мысли о Нэнси ей становилось стыдно. По-прежнему хотелось извиниться, объяснить, что произошло ужасное

недоразумение, что она вовсе не собиралась внушать пустые надежды. Дональд прекрасно знал Сэди. «И еще, Спэрроу, – сказал он на прощанье перед тем, как выпроводить ее в Корнуолл. – Ни в коем случае не общайся с бабушкой девочки, даже думать не смей!»

– Рэмзи! – снова крикнула Сэди, уже громче. – Где ты, мальчик?

Высоко в кронах деревьев захлопала крыльями вспугнутая птица. Сквозь переплетение веток Сэди увидела, как бледно-голубое небо испарывает крошечный самолетик, оставляя за собой белый след. Самолет направлялся на восток, в сторону Лондона. Странно думать, что где-то там бурлит жизнь, но, увы, без нее, Сэди.

С тех пор как она уехала, Дональд не давал о себе знать. Не то чтобы она особенно ждала, в конце концов, прошла всего лишь неделя, а Дональд велел взять отпуск на целый месяц. «Я же могу вернуться раньше, если захочу?» – спросила она у юноши из управления кадрами. Он смутился, и Сэди поняла, что такой вопрос ему задали впервые. «Только попробуй! – прорычал позже Дональд. – Я не шучу, Спэрроу, если увижу тебя здесь до того, как ты придешь в норму, то сразу же пойду к Эшфорду». Дональд не блефовал. Он собирался на пенсию и не хотел, чтобы его спятившая напарница все испортила. В общем, выбора не оставалось. Сэди собрала сумку и, поджав хвост, уехала в Корнуолл. Она оставила Дональду домашний телефон Берти и предупредила, что мобильная связь в тех краях неважная. Где-то в глубине души у Сэди теплилась надежда, что вскоре ее вызовут в Лондон.

Сбоку донеслось приглушенное рычание, и Сэди посмотрела вниз. Эш замер, как статуя, и стоял, устремив взгляд в лесную чащу. «Что случилось, мальчик? Не любишь, когда люди себя жалеют?» Шерсть на загривке пса поднялась, уши настороженно подрагивали, но сам он не шевелился. И тогда Сэди тоже услышала: вдалеке лаял Рэмзи, не тревожно, а скорее как-то необычно.

С тех пор как собаки взяли ее под свою опеку, Сэди испытывала непривычное и потому слегка пугающее материнское чувство. Когда Эш опять зарычал, она завинтила бутылочную крышечку и скомандовала, похлопав себя по ноге:

– Пошли, найдем твоего братца.

Бабушка и дедушка Сэди не держали собак, когда жили в Лондоне: у Рут была аллергия. А когда бабушка умерла, Берти перебрался в Корнуолл и захандрил. «У меня все хорошо, – сказал он, его голос едва пробивался через шумы на линии. – Мне здесь нравится, днем есть чем заняться. Правда, ночами слишком тихо. Я тут понял, что спорю с

телевизором. Хуже того, кажется, он берет верх».

Дед бодрился, но Сэди по голосу поняла, что он тоскует. Бабушка с дедом полюбили друг друга, когда были подростками. Отец Рут поставлял товар в магазин родителей Берти в Хакни. С тех пор Рут и Берти не расставались. Горе деда ощущалось почти физически, и Сэди очень хотела найти правильные слова, чтобы его утешить. Впрочем, она никогда не была сильна в утешениях и потому сказала, что шансов переспорить лабрадора куда больше. Дед рассмеялся, обещал подумать, а на завтра отправился в приют для животных, откуда вернулся, как и следовало ожидать, с двумя собаками и злюкой котом в придачу. Насколько Сэди могла судить за неделю пребывания в Корнуолле, все четверо прекрасно уживались, несмотря на то, что кот почти не вылезал из-под дивана. Впервые с того дня, как заболела Рут, дед выглядел счастливым. Еще одна причина, по которой Сэди не могла прийти домой без собак.

Эш рванулся вперед, и Сэди тоже пришлось побежать быстрее, чтобы не потерять его из виду. Растительность вокруг постепенно менялась, воздух светлел. Деревья поределели, и кусты ежевики, спеша воспользоваться ярким солнцем, весело разрастались во все стороны. Ветки цеплялись за шорты Сэди, когда она пробегала мимо зарослей. Если бы она была склонна к фантазиям, то представила бы, что ее пытаются остановить.

Огибая торчащие из земли камни, Сэди поднялась на вершину крутого холма и обнаружила, что стоит на краю леса. Она замерла, изучая местность. Так далеко Сэди еще не заходила. Перед ней простиралось поле с высокой травой, а вдали она с трудом разглядела забор и покосившиеся ворота. За забором тоже тянулось поле с разбросанными по нему мощными деревьями с пышной листвой. У Сэди перехватило дыхание. Посреди поля стояла маленькая девочка, совсем одна. Лица не видно, только темный силуэт, освещенный сзади солнцем. Сэди хотела было окликнуть малышку, но моргнула, а когда открыла глаза, девочка исчезла, растворилась в золотисто-белом сиянии.

Сэди потрясла головой. Наверное, мозг устал. И глаза. Надо бы проверить зрение, узнать, отчего перед глазами мелькают мушки.

Эш забежал вперед, оглянулся на Сэди и нетерпеливо залаял, решив, что она движется слишком медленно. Сэди поспешила за ним через поле, отгоняя от себя непрошеную мысль, что поступает неправильно. Незнакомое ощущение. Как правило, Сэди не задумывалась о подобных вещах, но недавние неприятности на работе ее напугали. Она не любила пугаться. По мнению Сэди, страх и беззащитность шли рука об руку, и она давно для себя решила, что лучше идти навстречу неприятностям, чем

позволить им себя преследовать.

Подойдя к деревянным воротам, Сэди заметила, что выцветшая потрескавшаяся створка косо висит на петлях, причем, судя по унылому виду, довольно давно. Раскидистый вьюнок с фиолетовыми, похожими на трубы цветами заплелся вокруг столбиков, и Сэди пришлось пролезть в дыру между выгнувшимися планками. Эш, убедившись, что хозяйка следует за ним, громко гавкнул и умчался вперед.

Высокая трава задевала Сэди по голым коленкам, и они сильно чесались там, где высох пот. Что-то тревожило Сэди, не давало покоя. С той минуты, как она перелезла через ворота, ее не оставляло чувство неправильности происходящего. Сэди не верила в дурные предчувствия – зачем нужно шестое чувство, если использовать остальные пять? – и действительно, вскоре нашлось рациональное объяснение. Сэди шла минут десять, когда поняла, что здесь не так. Поле пустовало. Нет, конечно, травы, деревьев и птиц там хватало, но больше ничего не было. Ни медленно ползущих тракторов, ни фермеров, которые вышли починить изгородь, ни пасущегося скота. Весьма необычно для этих мест.

Она огляделась, пытаясь найти доказательства собственной неправоты. Где-то неподалеку журчала вода, с ветки ивы на Сэди глядела какая-то птица, наверное, ворон. Вокруг простирались поля с высокой шуршащей травой, кое-где торчали корявые деревья, но ни одного человека, насколько хватал глаз.

Сбоку мелькнула темная тень, Сэди вздрогнула. Птица вспорхнула с ветки и теперь летела прямо к ней. Сэди отпрянула в сторону, зацепилась за что-то и упала на четвереньки в раскисшую грязь под мощной ивой. Серdito оглянулась, и ее взгляд упал на обрывок заплесневелой веревки, обмотавшийся вокруг левой ноги.

Веревка.

Инстинктивно, а может, благодаря предыдущему опыту – перед глазами промелькнула череда страшных картин с мест преступлений – Сэди взглянула наверх. Так и есть, к самому толстому суку привязана едва заметная на шершавой коре веревка с измочаленным концом. Рядом еще одна, на которой почти у самой земли болтается сырая полусгнившая доска. Так это не петля, а всего лишь качели!

Сэди встала, отряхнула грязные коленки, медленно обошла остатки качелей. Странно, что в этом уединенном месте когда-то играли дети, мелькнуло у нее в мозгу, но не успела она додумать эту мысль, как Эш вновь сорвался с места, – краткое беспокойство о Сэди сменилось желанием срочно найти брата.

Бросив последний взгляд на веревки, Сэди поспешила за псом. Теперь она замечала то, что не видела раньше. Ряд разросшихся тисов оказался живой изгородью, довольно запущенной, но все же изгородью; с северной стороны, между обширными зарослями диких цветов, виднелся пролет моста; сломанные ворота, через которые она перелезла, выглядели не остатками заграждения, разделяющего природное пространство на две части, а полуразрушенной границей между цивилизацией и дикой природой. И это означало, что Сэди идет не по непаханому полю, а по саду. По крайней мере, раньше здесь был сад.

Из-за тисовой изгороди донесся вой, Эш в ответ громко гавкнул и нырнул в брешь среди ветвей. Сэди полезла за ним, однако на другой стороне остановилась. Перед ней, в тиши лесной просеки, темнела зеркальная гладь озера. По берегам росли ивы, а посередине возвышался большой земляной холм, что-то вроде острова. Озеро кишело утками, лысухами и камышницами, в воздухе стоял густой запах развороченной компостной кучи.

Рэмзи снова завыл, и Сэди пошла на его зов по мокрому берегу, осклизлому от многолетних наслоений утиного помета. Эш тревожно залаял; он стоял на деревянных мостках на дальней стороне озера, задрав морду к небу.

Сэди отвела ветви плакучей ивы, похожие на длинные тонкие пальцы, и нагнулась, чтобы не натолкнуться на странную стеклянную сферу на проржавевшей цепи. По дороге Сэди попались еще четыре шара, все покрытые грязью и затянутые изнутри паутиной многих поколений пауков. Она осторожно потрогала один из них, очарованная его необычностью, и попыталась угадать назначение этих шаров, которые, как фантастические фрукты, висели среди листвы.

У мостков Сэди увидела, что задняя лапа Рэмзи провалилась сквозь прогнившее дерево и застряла. Пес паниковал, и Сэди торопливо подошла к нему, осторожно ступая по доскам. Присела, погладила уши Рэмзи, успокаивая пса, убедилась, что он особо не пострадал, и прикинула, как его лучше вытащить. Не придумав ничего другого, Сэди обхватила собаку руками и потянула вверх. Недовольный подобным обращением Рэмзи царапал когтями мостки и страдальчески лаял.

– Знаю, знаю, – пробормотала Сэди. – Кто-то здесь не умеет принимать помощь.

В конце концов она вытащила пса и легла навзничь, переводя дыхание, а Рэмзи, изрядно взъерошенный, но целый и невредимый, сразу же отбежал подальше от мостков. Сэди закрыла глаза и рассмеялась, когда Эш

благодарно лизнул ее шею. Внутренний голос шептал, что в любую минуту доски могут провалиться, однако Сэди слишком устала, чтобы прислушиваться.

Солнце уже поднялось, и Сэди чувствовала на лице божественное тепло. Она никогда не увлекалась медитацией, но в этот миг ей стало понятно, почему многие любят медитировать. Сэди удовлетворенно вздохнула, хотя в последнее время в ее жизни было мало поводов для довольства собой. Она слышала собственное дыхание; пульс под тонкой кожей на виске бился так громко, что Сэди казалось, будто она держит у уха раковину с шумом океана.

Теперь, когда зрение не мешало, мир наполнился звуками: плеск воды у свай мостков внизу, шум уток, которые с хлопанием и брызгами садились на гладь озера, негромкое потрескивание досок под жарким солнцем. Сэди вслушалась и различила за всеми этими звуками густой обволакивающий гул, словно кто-то одновременно завел сотни моторчиков. Гул прочно ассоциировался с летом, и только потом до нее дошло: насекомые, адова прорва насекомых.

Сэди села, моргая от яркого света. Поначалу все вокруг выглядело слепяще-белым, но вскоре вновь стало обычным. Сердцевидные листья кувшинок поблескивали на поверхности воды словно глазурованные плитки; цветы, похожие на красивые раскрытые ладони, тянулись к небу. В воздухе роились сотни крошечных крылатых созданий. Сэди встала и хотела уже подозвать собак, когда ее внимание привлекло кое-что на противоположном берегу озера.

Посреди залитой солнцем поляны стоял дом. Кирпичное здание с двумя одинаковыми фронтонами и портиком над парадным входом. Над черепичной крышей возвышалось множество труб, витражные окна всех трех этажей заговорщически щурились на солнце. Кирпичную стену дома густо оплело какое-то вьющееся растение, и маленькие птички деловито сновали туда-сюда среди кружева зеленых побегов и усиков, создавая эффект постоянного движения.

Сэди тихонько присвистнула.

– Интересно, что в этой глуши делает такая величественная пожилая дама? – вырвалось у нее.

Собственный голос показался Сэди чужим и непрошеным, юмор – натянутым; она словно вторглась в природное великолепие сада. Тем не менее дом необъяснимо манил к себе, и Сэди пошла к нему, пустившись в обход озера. Утки и другие дикие птицы не обращали на нее внимания, их безразличие вкупе с летней жарой и душной влажностью от застоявшегося

водоема усиливали чувство отрезанности от мира.

На другой стороне озера обнаружилась заросшая боярышником дорожка, которая вела прямо к парадному входу. Сэди ковырнула поверхность дорожки носком кроссовки. Камень. Когда-то, наверное, розовато-коричневый, как весь местный камень, судя по строениям в деревне, но теперь почерневший от времени и недостатка заботы.

Про дом, похоже, забыли так же давно, как и про сад. С крыши кое-где попадала черепица и теперь валялась, расколотая, под ногами; одно из окон верхнего этажа было разбито. Уцелевшее стекло покрывал густой слой птичьего помета, который белыми сталактитами свисал с подоконника и стекал на глянцевые листья.

Маленькая птичка, словно предъявляя права на впечатляющие залежи, выпорхнула из-за разбитого стекла, нырнула почти вертикально вниз и спикировала мимо Сэди, едва не задев ее ухо. Девушка пошатнулась, но устояла на ногах. Этих птичек Сэди заметила еще у озера, они летали повсюду, шныряли в темных закоулках беспорядочного переплетения лоз и стеблей, перекликались взволнованным чириканьем. Впрочем, там были не только птицы, листва изобиловала насекомыми – бабочками, пчелами и другими, названий которых Сэди не знала, – от чего дом выглядел необычайно оживленным, что не соответствовало его плачевному состоянию.

Напрашивалось предположение, что дом пустует, однако по долгу службы Сэди не раз доводилось выезжать к пожилым людям, и она знала, что заброшенный вид жилища снаружи часто предваряет печальную историю жизни внутри. На облупившейся деревянной двери криво висел потускневший медный молоток в форме лисьей головы, и Сэди потянулась было к нему, чтобы постучать, но потом опустила руку. Что она скажет, если ей откроют? Еще не хватало, чтобы ее обвинили в нарушении границы чужих владений!.. Впрочем, в доме наверняка никого нет. Сэди не смогла бы объяснить, почему она в этом уверена, просто дом производил такое впечатление.

Над входной дверью виднелось панно из декоративного стекла: четыре фигуры в длинных одеяниях, каждая изображена на фоне, представляющем одно из времен года. Насколько могла судить Сэди, сюжет картины не был связан с религией, но воспринимался как таковой. Художник явно работал с искренней серьезностью, возможно, благоговением, от чего при взгляде на картину возникали мысли о церковных витражах. Сэди подтащила к дверям огромный грязный вазон и осторожно залезла на край.

Сквозь довольно большой кусок прозрачного стекла она увидела

переднюю с большим овальным столом посредине. На столе стоял грушевидный фарфоровый кувшин с нарисованными на боку цветами и – Сэди прищурилась, чтобы разглядеть, – тусклым золотым узором, обвивающим ручку. В кувшине торчали тоненькие, хрупкие веточки какого-то растения, похоже, ивы, внизу валялись сухие листья. Из гипсовой розетки на потолке свисала люстра – хрустальная или стеклянная, в общем, что-то изысканно красивое, а в дальнем конце комнаты вверх уходила широкая изогнутая лестница с потертым красным ковром. На левой стене возле закрытой двери висело круглое зеркало.

Сэди прыгнула с вазона. Вдоль фасада дома тянулся затейливо разбитый сад, и Сэди едва отыскала тропинку среди колючих, цепляющихся за футболку кустов. Пахло резко, но довольно приятно: влажной землей, прелыми листьями, цветами, которые распускались под теплыми солнечными лучами, а вокруг них уже хлопотали большие толстые шмели, собирая пыльцу из мелких бело-розовых соцветий. «Ежевика», – подумала Сэди и удивилась: откуда такие познания?

На деревянной оконной раме были вырезаны неровные буквы, позеленевшие от плесени: «Э» и, похоже, еще одна «Э». Сэди провела пальцем по глубоким царапинам, лениво прикидывая, чьих рук это дело. Из густых зарослей под подоконником торчал изогнутый кусок железа. Она раздвинула ветви и обнаружила ржавые обломки садовой скамейки. Сэди оглянулась через плечо на дебри, из которых только что выбралась. А ведь когда-то здесь можно было спокойно сидеть и любоваться ухоженным садом! Теперь такое даже представить трудно.

Опять возникло странное, почти жутковатое чувство, и пришлось его отогнать. Она имеет дело с фактами, а не с ощущениями, и после недавних событий хорошо бы напоминать себе об этом почаще. Сэди прижала сложенные домиком ладони к стеклу и заглянула в окно.

В комнате было темно, но когда глаза привыкли, удалось различить во мраке кое-какие предметы: рояль в углу возле двери, диван посреди комнаты и пару кресел лицом к нему, камин у дальней стены. Знакомая ситуация, когда словно поднимаешь крышку и заглядываешь в чужую жизнь. Сэди считала подобные минуты изюминкой своей работы, и неважно, что зрелище часто открывалось не самое приятное: ей всегда нравилось наблюдать, как живут другие люди. Сэди машинально стала делать мысленные заметки, как делала на месте преступления, куда ее вызывали по долгу службы.

Вдоль стен, оклеенных полинялыми серо-лиловыми обоями с цветочным рисунком, прогибались под тяжестью тысячи книг стеллажи.

Над камином нес стражу большой, написанный маслом портрет женщины с точеным носом и сдержанной улыбкой. На примыкающей стене Сэди увидела двустворчатые застекленные двери с тяжелыми камковыми шторами по бокам. Похоже, когда-то двери вели в боковой садик, и погожим, вроде сегодняшнего, утром солнце врывалось в комнату, оставляя на ковре яркие теплые квадраты. Увы, цепкий плющ плотно заплел стекло, пропуская внутрь лишь крохи света. Сбоку от дверей стоял узкий деревянный стол, а на нем – фотография в красивой рамке. Сам снимок Сэди не разглядела из-за темноты, но даже если бы было светлее, обзор загораживала старомодная чашка с блюдцем.

Сэди поджала губы и задумалась. Судя по некоторым признакам – открытой крышке рояля, небрежно сдвинутым диванным подушкам, чашке на столе, – в комнате кто-то был, но ненадолго вышел и вот-вот должен вернуться; однако в то же время мир за стеклом пребывал в каком-то мрачном состоянии устоявшегося покоя. Комната, казалось, застыла вместе со всем содержимым, словно даже воздух, самый беспокойный из элементов, остался снаружи, и теперь внутри нечем дышать. Была еще одна деталь, подтверждающая, что комната давно пустует. Сначала Сэди решила, что у нее просто устали глаза, но потом поняла, что смазанный вид объясняется толстым слоем пыли.

Луч света падал на письменный стол у окна, и теперь Сэди разглядела, что все там покрыто пылью: чернильница, абажур и несколько открытых книг. На стопке лежал лист бумаги, который привлек внимание Сэди. Рисунок детского личика, очень красивого, с большими серьезными глазами, пухлым ротиком и спадающими на уши волосами, от чего малыш (трудно сказать, мальчик или девочка) больше походил на садового эльфа, а не на настоящего ребенка. Сэди заметила, что рисунок кое-где размазан, черные чернила расплылись, линии утратили четкость. В нижнем углу было что-то написано, стояла подпись и дата: 23 июня 1933 года.

Сзади раздался громкий треск, и Сэди вздрогнула, ударившись лбом о стекло. Два черных, тяжело дышащих пса вырвались из зарослей ежевики и стали обнюхивать ее ноги.

– Пора завтракать, да? – спросила она, когда холодный влажный нос ткнулся в ладонь. Желудок Сэди радостно откликнулся на это предположение, тихо заурчав. – Тогда пошли! Отведу вас домой.

Перед тем как пролезть за собаками сквозь разросшуюся тисовую изгородь, Сэди бросила прощальный взгляд на дом. Солнце скрылось за облаком, и окна больше не блестели. Здание словно нахмурилось, совсем как избалованный, привыкший к всеобщему вниманию ребенок, который

дуются из-за того, что про него забыли. Даже птицы стали еще нахальнее и с резкими, похожими на смех криками сновали туда-сюда над затуманенной поляной, и чем жарче припекало, тем громче звучал хор насекомых.

Аспидная поверхность озера таинственно поблескивала, и Сэди вдруг остро почувствовала себя незваной гостьей. Трудно сказать почему, но, пролезая в дыру в изгороди, а потом следуя за собаками к дому, она знала: в этом доме произошло нечто ужасное. Возможно, ей подсказывало полицейское чутье.

Глава 4

Корнуолл, октябрь 1932 г.

Девочки смеялись и, конечно, завопили от радости, когда игрушка едва не задела мамину голову. Элис восторженно всплеснула руками, глядя, как Клементина, топая ногами, бежит за планером.

– Не смей запускать эту штуковину рядом с малышом! – предупредила мама, поправив волосы на макушке и убедившись, что все шпильки на месте.

Даже если Клемми слышала ее слова, то не подала виду. В развевающейся юбке, она бежала так, будто бы спасала свою жизнь, подняв руки и готовясь поймать планер, если он вдруг соберется упасть.

Несколько любопытных уток, которые приковыляли с озера взглянуть на суматоху, разбежались с негодующим криканьем в вихре перьев, когда планер, скользя, приземлился и замер прямо посреди их компании.

Папа одобрительно улыбнулся из-за книги стихов, которую читал на скамейке у старого вазона.

– Превосходная посадка! Просто великолепная!

Папа сам придумал подарить Клемми планер. Увидел объявление в журнале и заказал игрушку из самой Америки. Предполагалось, что это секрет, но Элис знала о нем несколько месяцев – она всегда раньше всех узнавала, кто кому что намерен подарить. Еще весной она однажды вечером увидела, как папа показывает на объявление и говорит: «Ты только взгляни! Идеальный подарок Клемми на день рождения, правда?»

Мама отнеслась к папиному предложению без особого восторга, спросив, неужели он и вправду считает деревянный планер подходящим подарком для двенадцатилетней девочки. Папа только улыбнулся и ответил, что Клементина не обычная двенадцатилетняя девочка. И он был прав: Клемми определенно отличалась от других девочек: «Сын, которого у нас нет», как любил говорить папа, пока не появился Тео. И с планером папа не ошибся: Клемми разорвала упаковку прямо за столом, после обеда, и, увидев подарок, широко распахнула глаза, а потом завизжала от восторга. Она вскочила на ноги и рванулась к двери, потянув за собой скатерть.

– Клемми, нет! – взмолилась мама, едва поймав опрокинувшуюся вазу. – Мы еще не закончили!

Она вопросительно взглянула на остальных.

– Ох, давайте останемся в доме! Может, поиграем в шарады в

библиотеке...

Впрочем, трудно отмечать день рождения, когда виновница торжества сбежала, и потому, к вящей маминой досаде, пришлось выйти из-за изысканно накрытого стола и перенести послеобеденное празднование в сад.

Все они – семейство Эдевейн, а с ними мистер Ллевелин, бабушка и няня Роуз – высыпали на большую поляну в поместье Лоэннет, когда на густую зеленую траву уже начали ложиться длинные послеобеденные тени. Стоял прекрасный день, осенний, но еще теплый. На стене дома цвел клематис, маленькие птички щебетали, проносясь над поляной, и даже малыша Тео вынесли в плетеной люльке на свежий воздух.

На соседнем поле фермер жег вереск, и пахло чудесно. Элис обожала этот запах, который ассоциировался у нее со сменой времен года, и теперь, глядя, как Клемми заводит деревянный планер, она чувствовала на шее тепло солнечных лучей, а под босыми ступнями – холодную землю и наслаждалась редкими минутами полного блаженства.

Элис вытащила из кармана записную книжку и поспешила описать свои впечатления от самого дня и окружающих ее людей; она грызла кончик ручки, рассеянно блуждая взглядом по залитому солнцем дому, ивам, блестящему озеру и желтым розам, взбирающимся по железным воротам. Сад, казалось, сошел со страниц сказочной книги – Впрочем, он и на самом деле был садом из сказки! – и Элис его очень любила. Она никогда не уедет из поместья. Никогда. Она представила, как доживет здесь до преклонных лет. Счастливая старушка с длинными седыми волосами и в компании нескольких кошек. Да, она обязательно заведет кошек, чтобы не скучать. Клемми будет приезжать в гости, а Дебора, наверное, нет, – той лучше в Лондоне, где у нее огромный дом, богатый муж и команда служанок для присмотра за нарядами...

Это один из тех дней, думала Элис, радостно водя пером, когда все, похоже, испытывают одинаковые чувства. Папа решил отдохнуть от научной работы, мистер Ллевелин снял строгий пиджак и разгуливал в рубашке и жилете, а бабуля Дешиль, которая дремала под ивой, выглядела почти веселой. Единственное исключение – мама, но она терпеть не могла, когда срывались ее тщательно продуманные планы, так что сдержанное недовольство было вполне ожидаемо.

Клемми заразила своим энтузиазмом даже Дебору, а уж она-то никогда не увлекалась игрушками, считая себя слишком взрослой и благовоспитанной. Понятное дело, Дебора рассердилась, села в гордом одиночестве на скамью под окном библиотеки и лишь изредка снисходила

до разговора, всем своим видом показывая, что у нее есть дела поважнее и остальным просто повезло наслаждаться ее обществом.

– Попробуй запустить его по кругу, – предложила Дебора, держа в руках коробку от планера. – Здесь написано, что, если правильно закрутить резинки, он сделает петлю.

– Чай готов, – сообщила мама с осуждением в голосе, которое слышалось тем сильнее, чем дальше события отклонялись от намеченного сценария.

Все плотно пообедали, и никто не хотел чая, лишь мистер Ллевелин, преданный друг, подошел и взял у мамы чашку с блюдцем.

Дебора, наоборот, не обратила на мамин призыв никакого внимания.

– Давай, Клемми, запусти его еще раз! – велела она.

Клемми, которая засовывала планер под атласный пояс, ничего не ответила. Она заправила подол платья в трусы, наклонила голову и оценивающе взглянула на вершину платана.

– Клемми! – требовательно позвала Дебора.

– Подсадите меня, ладно? – отозвалась младшая сестра.

Мама в это время настойчиво угощала мистера Ллевелина тортом, но, будучи всегда начеку, сразу же заметила надвигающуюся опасность.

– Нет, Клемми! Не смей! – воскликнула она, не уронив ни крошки торта.

В поисках поддержки она бросила взгляд на папу, однако тот вновь укрылся за книгой, погрузившись в мир Китса.

– Пусть попробует, – успокаивающе произнес мистер Ллевелин. – Все в порядке.

Больше не в силах сопротивляться очарованию дня, Дебора бросила коробку на скамью и поспешила к подножию дерева. Няню Роуз уговорили взяться за руки с Деборой, чтобы получилась ступенька, на которую залезла Клемми. После пары неудачных попыток вскарабкаться наверх она исчезла среди нижних ветвей.

– Осторожнее, Клементина! – воскликнула мама, устремляясь к месту действия. – Пожалуйста, осторожнее!

Она ходила вокруг дерева и тяжело вздыхала, пытаясь разглядеть сквозь густую листву, как высоко забралась Клемми.

Наконец сверху донесся победный крик и появилась рука, которая радостно махала с вершины дерева. Элис прищурилась на послеобеденном солнце и улыбнулась, глядя, как младшая сестра устраивается в самой высокой развилине и высвобождает из-под пояса планер. Клемми туго закрутила резинки, подняла руку, выбирая наилучший угол пуска, а потом

вжик – и запустила планер!

Планер летел словно птица, парил в светло-голубом небе, то слегка ныряя вниз, то снова выравнивая полет, пока не упала скорость, тогда давление на хвост уменьшилось и задняя часть планера приподнялась.

– Смотрите! – закричала Клемми. – Вот сейчас смотрите!

И действительно, планер начал описывать огромную петлю прямо над озером, и это было такое впечатляющее зрелище, что даже мистер Харрис и новый садовник, которые что-то делали у мостков, отвлеклись от своего занятия и уставились на небо. Все невольно захлопали, когда планер, выполнив фигуру, полетел дальше, пронесся над водой и изящно приземлился на заросшей лужайке у фонтана на другой стороне озера.

Казалось, весь мир замер, когда маленький самолетик описывал круг, и потому Элис немного удивилась, услышав детский плач. Бедный малыш! Все так увлеклись, что совсем забыли про него в плетеной люльке. Элис, которая всегда считала себя наблюдателем, огляделась вокруг, ожидая, что кто-нибудь поспешит к ребенку, и вдруг поняла: все заняты и, кроме нее, помочь некому. Она хотела было подойти к Тео, но папа ее опередил.

Элис знала, вернее, ей внушили, что существуют отцы, которые и пальцем не пошевелият, чтобы успокоить младенца. Только не папа. Он был лучшим отцом в мире, добрым, заботливым и очень, очень умным. Любил природу и науку и даже писал книгу о земле. Он работал над ней больше десяти лет, и это было единственным, что Элис в нем изменила бы (хотя никогда не призналась бы вслух). Она радовалась, что отец такой умный, гордилась им; к сожалению, он слишком много времени уделял своей книге, а Элис мечтала, чтобы папа принадлежал только им.

– Элис! – позвала Дебора. В ее голосе не было ни капли пренебрежения, наверное, она хотела сказать что-то важное. – Элис, скорее! Мистер Ллевелин собирается покатать нас на лодке!

Потрясающе! Редкое развлечение – мама обожала его в детстве и с тех пор к катанию на лодке относились как к антикварной вещи, которой нельзя пользоваться. Элис счастливо улыбалась, ее сердце прыгало от радости. Похоже, сегодняшний день станет самым лучшим из всех, решила она.

Глава 5

Корнуолл, 2003 г.

– Мы вернулись!

Сэди сбросила в маленькой прихожей грязные кроссовки, носком ноги аккуратно придвинула их к плинтусу. В коттедже на вершине холма пахло чем-то горячим и вкусным, и желудок громко забурчал, требуя завтрак.

– Эй, Берти, ты даже не представляешь, что мы нашли! – Сэди вытряхнула порцию собачьих галет из банки под вешалкой. – Дед, ты где?

– На кухне, – отозвался Берти.

Сэди погладила голодных псов и зашла в комнату.

Дед сидел за круглым деревянным столом, но не один. Напротив сидела невысокая, энергичная на вид женщина с короткими седыми волосами и в очках. Она держала кружку и приветливо улыбалась.

– Ой, извините, – пробормотала Сэди, – я не знала...

Дед отмахнулся от извинений.

– Чайник еще горячий, детка. Наливай себе чаю и присоединяйся к нам. Это Луиза Кларк из больницы, пришла забрать игрушки для ярмарки на празднике солнцестояния.

Сэди улыбнулась в знак приветствия, а дед добавил:

– А еще она любезно принесла нам рагу.

– Это меньшее, что я могла сделать, – сказала Луиза, привстав, чтобы обменяться с Сэди рукопожатием.

На ней были полинялые джинсы и футболка такого же ярко-зеленого цвета, как оправа очков. Надпись на футболке гласила: «Чудеса случаются!» У Луизы было замечательное лицо, оно словно светилось изнутри, как будто она спала лучше, чем все остальные. По сравнению с ней Сэди сразу почувствовала себя пропыленной, мрачной и морщинистой.

– Ваш дедушка вырезает изумительно красивые игрушки. У больницы в этом году будет великолепный киоск! Нам очень повезло с вашим дедом.

Сэди не могла не согласиться, но, зная, что дед не любит, когда его хвалят на людях, предпочла промолчать. Она просто чмокнула его в лысую макушку, когда протискивалась за его стулом.

– Наверное, придется стоять над ним с плеткой и заставлять работать, – сказала Сэди, усаживаясь на скамью. – Рагу так вкусно пахнет!

Луиза просияла:

– Мой особый рецепт – чечевица и немного любви.

У Сэди было несколько вариантов ответа, но, прежде чем она выбрала самый подходящий, в разговор вмешался Берти.

– Сэди приехала погостить из Лондона.

– В отпуск? Как мило! Вы же еще будете здесь через две недели, на праздник?

– Возможно, – ответила Сэди, избегая дедова взгляда. Она не распространялась о своих планах, сколько бы Берти ни спрашивал. – Там видно будет.

– Да, пусть решает вселенная, – одобрительно кивнула Луиза.

– Примерно так.

Берти поднял брови, но решил не настаивать. Он кивнул на грязную одежду Сэди.

– Ты как после сражения.

– Видел бы ты моего противника!

Луиза удивленно распахнула глаза.

– Моя внучка увлекается бегом, – объяснил Берти. – Она из тех странных людей, которые, похоже, получают удовольствие от дискомфорта. На прошлой неделе погода не баловала, вот Сэди и засиделась в четырех стенах, теперь снимает напряжение на местных тропах.

Луиза рассмеялась.

– Да, с приезжими такое случается. К нашим туманам нужно привыкнуть с детства.

– Рада сообщить, что сегодня тумана нет, – сказала Сэди, отрезая толстый ломоть хлеба. – Воздух кристально чистый.

– Тем лучше. – Луиза допила чай. – В больнице у меня тридцать два возмущенных ребенка ждут пикника у моря. Еще день отсрочки, и они поднимут восстание.

– Давайте я вам помогу, – предложил Берти. – Не хочу давать маленьким узникам повод для мятежа.

Пока они заворачивали деревянные резные игрушки в бумагу и бережно укладывали в картонную коробку, Сэди намазала хлеб маслом и джемом. Ей не терпелось рассказать Берти о найденном в лесу доме. Его странная аура одиночества до сих пор преследовала Сэди, и сейчас она почти не слушала Берти и Луизу, которые возобновили разговор о каком-то Джеке из комитета.

– Я схожу к нему и прихвачу грушевый кекс, который он так любит, – говорил Берти. – Попробую переубедить.

Сэди взглянула через кухонное окно на дедов сад и дальше, на гавань, где десятки рыбацких лодок покачивались на бархатной глади моря.

Подумать только, как быстро Берти прижился на новом месте! Он приехал сюда чуть больше года назад, а уже успел со всеми подружиться, как будто живет здесь всю свою жизнь. Сама Сэди сомневалась, что сможет перечислить имена соседей по многоквартирному дому, в котором обитала семь лет.

Она сидела за столом и безуспешно пыталась вспомнить, как зовут парня из квартиры сверху – Боб, Тодд, Род? – когда Берти сказал:

– Ну давай, Сэди, детка, что ты там нашла? У тебя такой вид, словно ты свалилась в заброшенную медную шахту. – Он замер с бумагой в руках. – Ты же туда не падала?

Сэди с напускным нетерпением закатила глаза. С тех пор как умерла Рут, дед все время беспокоился, по крайней мере, когда дело касалось Сэди.

– А что тогда, клад? Мы разбогатели?

– Увы, нет.

– Как знать, вдруг и посчастливится, – заметила Луиза. – Здесь на побережье полно туннелей, вырытых контрабандистами. Вы обегали мыс?

– Нет, я была в лесу, – ответила Сэди.

Она коротко рассказала, как потерялся Рэмзи и ей с Эшем пришлось сойти с тропы, чтобы его найти.

– Сэди...

– Знаю, дедушка, лес дремучий, а я – дитя асфальта, но со мной был Эш, и хорошо, что мы пошли искать Рэмзи: как оказалось, у него лапа застряла в старых мостках.

– Мостки? В лесу?

– Не совсем в лесу. Там есть поляна, а на ней – поместье. Мостки были на озере посреди потрепанного заросшего сада. Тебе бы он понравился. Там ивы и огромные живые изгороди. Думаю, когда-то этот сад выглядел весьма впечатляюще. Еще там стоит дом. Заброшенный.

– Имение Эдевейнов, – тихо произнесла Луиза. – Лозннет.

В названии прозвучала волшебная напевность, присущая многим корнуоллским словам, и Сэди невольно вспомнила странное чувство, которое охватило ее, когда она слышала хор насекомых: будто бы дом живой.

– Лозннет, – повторила она.

– Это означает Дом у озера.

– Да... – Сэди представила заболоченное озеро и его жутковатых пернатых обитателей. – Да, так оно и есть. Что там произошло?

– Ужасная история. – Луиза печально покачала головой. – Случилась еще в тридцатых годах, до моего рождения. Мама часто ее рассказывала,

когда хотела предупредить, чтобы мы, дети, далеко не забредали. В праздничную ночь бесследно пропал ребенок. В свое время эта история наделала шуму: семья была богатой, и об исчезновении много писали в центральной прессе. Провели серьезное полицейское расследование, из Лондона приезжало большое начальство. Правда, все без толку. – Она сунула в коробку последнюю игрушку и закрыла крышку. – Бедный малыш, он едва начал ходить.

– Я никогда не слышала об этом деле.

– Сэди работает в полиции, – пояснил Берти и добавил с ноткой гордости: – Детективом.

Сэди слегка поморщилась.

– Ну, все произошло очень давно, – сказала Луиза. – Примерно раз в десять лет эта история всплывает. Кто-нибудь звонит в полицию, сообщает о новых следах, которые в итоге никуда не приводят. Или какой-нибудь тип заявится бог знает откуда и утверждает, что он и есть тот пропавший мальчик. Впрочем, дальше местных газет это не уходит.

Сэди представила покрытую пылью библиотеку, книги на письменном столе, рисунок, портрет на стене. Личные вещи, которые когда-то были кому-то дороги.

– Как так случилось, что дом бросили?

– Семья просто уехала. Заперли двери и вернулись в Лондон. Со временем люди забыли про этот дом. Он стал нашим местным замком Спящей красавицы. Стоит посреди леса, а туда мало кто пойдет без веской причины. Говорят, когда-то там было восхитительно: великолепный сад, большое красивое озеро. Своего рода рай. Но все закончилось, когда исчез ребенок – как под землю провалился.

Берти удовлетворенно вздохнул и тихо хлопнул в ладоши.

– Да, чего-то в подобном духе я и ждал от Корнуолла.

Сэди удивленно нахмурилась. Обычно дед был человеком прагматичным. История, конечно, романтическая, но полицейское чутье Сэди подсказывало, что здесь что-то не так. Никто не может просто взять и бесследно исчезнуть. Решив разобраться с реакцией Берти в другой раз, Сэди повернулась к Луизе.

– Я о полицейском расследовании... Кого-то заподозрили?

– Виновным никого не признали. Не было никаких зацепок. Мальчика долго искали, так как вначале думали, что он просто заблудился, но ничего не нашли.

– Его семья больше сюда не возвращалась?

– Нет.

– Может, дом продали?
– Насколько я знаю, нет.
– Странно, – заметил Берти. – Просто заперли дом и бросили?
– Думаю, у них с этим домом связано слишком много печальных воспоминаний, – сказала Луиза. – Только представьте, потерять ребенка! Ужасное горе, да еще чувство собственной беспомощности. Я понимаю, почему Эдвейны уехали, – видимо, решили полностью порвать с прошлым. Начать с чистого листа где-нибудь в другом месте.

Сэди что-то пробормотала в знак согласия. Она не стала говорить, что знает по собственному опыту: как бы далеко человек ни пытался сбежать, сколько бы раз ни пробовал начать все сначала, прошлое настигнет его даже через годы.

* * *

Вечером, в комнате на втором этаже, которую ей отвел Берти, Сэди достала конверт, так же, как и вчера, и позавчера. Впрочем, она не стала вытаскивать письмо. Зачем, если содержание выучено несколько недель назад?.. Над адресом стояла надпись большими буквами: «НЕ СГИБАТЬ. ВНУТРИ ФОТОГРАФИЯ». Ее Сэди тоже помнила. Улика. Осязаемое доказательство того, что она совершила.

У изножья кровати заворочались собаки, Рэмзи тихонько заскулил во сне. Сэди положила руку на теплый собачий бок, чтобы успокоить пса.

– Ну, ну, старина, все будет хорошо.

Сэди вдруг поняла, что успокаивает не только Рэмзи, но и себя. Пятнадцать лет прошлое искало ее, Сэди, и вот нашло. Пятнадцать лет Сэди сосредоточенно двигалась вперед, решив никогда не оглядываться. Даже трудно поверить, что все ее усилия построить барьер между «тогда» и «теперь» пошли прахом после одного-единственного письма. Стоило закрыть глаза, и перед мысленным взором представала она сама, шестнадцатилетняя: дешевое ситцевое платье, толстый слой губной помады, густо подведенные глаза. Она до сих пор помнила тот замусоленный огрызок карандаша, отражение в зеркале и невыносимое желание накраситься так сильно, чтобы за темными кругами никто не увидел ее саму.

За ней приехала семейная пара; Сэди их не знала, ей только сказали, что это знакомые деда с бабушкой. Мужчина остался в машине и стал протирать руль тряпочкой, а его жена, деловитая, с перламутровой

коралловой помадой на губах, вылезла из пассажирского кресла и торопливо направилась к тротуару.

– Доброе утро! – поздоровалась она с радостным оживлением человека, который совершает добрый поступок и очень этим гордится. – Ты, должно быть, Сэди.

Сэди все утро просидела на кирпичной стене перед двухквартирным домом ее родителей, решив, что нет смысла торчать в пустой комнате, и безуспешно пыталась придумать, что еще можно сделать. Социальная работница с выкрашенными хной волосами объяснила Сэди, где и когда нужно ждать, когда за ней приедут, и она хотела было отказаться, однако передумала. Просто не осталось другого выхода. Может, она и с придурью – родители не уставали это повторять, – но отнюдь не глупа.

– Сэди Спэрроу? – настойчиво повторила женщина; на светлых волосах над ее верхней губой виднелись бисеринки пота.

Сэди не ответила: всему есть предел, и ее уступчивости тоже. Просто сжала губы и притворилась, что увлечена созерцанием стайки скворцов в небе. Впрочем, женщину это совершенно не смутило.

– Меня зовут миссис Гардинер, а вон там, на переднем сиденье, – мистер Гардинер. Твоя бабушка Рут попросила нас заехать за тобой, так как ни она, ни твой дедушка не водят машину. Конечно, мы согласились. Мы живем по соседству и довольно часто ездим в этом направлении.

Миссис Гардинер кивнула залакированной прической в сторону сумки с логотипом «Британских авиалиний», которую отец Сэди привез из прошлогодней командировки во Франкфурт.

– Это все твои вещи?

Сэди подтянула сумку по бетону к себе и прижалась к ней ногой.

– Да ты путешествуешь налегке! Мистер Гардинер удивится.

Отгоняя мошку, женщина хлопнула руками прямо перед своим носом, и Сэди вдруг вспомнила кролика Питера. Надо же, она навсегда покидает родной дом, а в голову лезут мысли о персонаже из детской книжки! Это было бы смешно, только вот в ту минуту Сэди казалось, что она больше никогда не сможет смеяться.

Сэди решила, что не стоит проявлять слабость и оборачиваться на дом, где прожила всю свою жизнь, но когда мистер Гардинер отъехал от обочины, предательский взгляд Сэди скользнул в сторону. Дома никого не было, и вокруг Сэди не заметила ничего, чего бы не видела до этого тысячу раз. В соседском окне дрогнула тюлевая занавеска и снова опустилась, официально свидетельствуя, что краткое возмущение, вызванное отъездом Сэди, закончилось и монотонная жизнь пригорода вошла в привычное

русло. Доехав до конца улицы, большая машина мистера Гардинера повернула, и они направились на запад, в Лондон, где Сэди предстояло начать все заново у дедушки и бабушки, которых она почти не знала, но которые согласились принять ее, когда ей было некуда идти.

Над головой раздался глухой стук. Сэди, моргнув, отогнала воспоминания и вернулась в тускло освещенную комнату с выбеленными стенами, скошенным потолком и слуховым окном, откуда открывался вид на бескрайний темный океан. Одна-единственная картина украшала стены, та самая репродукция в рамочке, которую Рут повесила над кроватью Сэди в Лондоне. Картина изображала штормовое море и огромную волну, готовую накрыть три рыбацкие лодчонки. «Мы купили эту картину во время нашего медового месяца, – как-то раз сказала Рут Сэди. – Мне она сразу понравилась: столько драматизма в этой достигшей самой высокой точки волне, что вот-вот обрушится вниз!.. Отважные закаленные моряки не сдаются, они изо всех сил борются за свою жизнь». Сэди сразу уловила намек.

Еще один удар. Похоже, Берти снова на чердаке.

За неделю, что Сэди провела в коттедже, она заметила в действиях деда определенную последовательность. Днем он был всегда занят: новая жизнь, друзья, огород, бесконечные приготовления к предстоящему празднику, а вот вечером... Обычно после ужина Берти поднимался по шаткой лестнице на чердак, всякий раз придумывая новый предлог: то он искал какую-то особую кастрюльку, то мутовку, то кулинарную книгу. Пока он передвигал ящики и вытаскивал их содержимое, сверху доносился стук, потом промежутки между ударами удлинялись и сквозь щели в полу вниз плыл сладкий и навязчивый запах трубочного дыма.

Сэди знала, чем занимается дед на чердаке. Кое-какую одежду Рут он уже отдал в «Оксфам», однако еще осталось довольно много ящиков, наполненных вещами, с которыми он просто не мог расстаться. «В другой раз, – торопливо сказал дед, когда Сэди предложила ему помочь разобрать вещи, а потом добавил, словно извиняясь за резкий тон: – Они мне не мешают. Мне нравится думать, что под этой крышей многое напоминает о Рут».

Для Сэди стало неожиданностью, когда дед сказал, что продал все имущество и переезжает в Корнуолл. Они с Рут всю свою совместную жизнь прожили в одном доме, который Сэди обожала. Она думала, что Берти останется там навсегда, не в силах покинуть место, где счастливые воспоминания теснятся по пыльным углам, как образы из старого кинопроектора. Впрочем, Сэди не довелось испытать той преданной и

нежной любви, что объединяла Рут и Берти, так откуда ей знать? Выяснилось, что дед с бабушкой давно собирались переехать. Мысль о переезде в Корнуолл возникла у Берти, когда он был еще совсем юным, после разговоров с одной покупательницей, которая рассказывала о прекрасной погоде на юге, великолепных садах, соли, морских волнах и богатом фольклоре. «Так и не собрались, – печально сказал дед через несколько недель после похорон. – Всегда кажется, что впереди еще уйма времени, пока в один прекрасный день не поймешь, что его не осталось». Сэди спросила его, будет ли он скучать по Лондону, а дед пожал плечами и сказал, что, конечно, будет, ведь здесь он родился, вырос, встретил Рут и создал семью. «Но это уже прошлое, детка, и куда бы я ни уехал, оно будет со мной. А вот сделать что-то новое, то, о чем мы часто говорили с Рут, это вроде как дать будущее и ей».

Внезапно на лестничной площадке послышались шаги, потом в дверь постучали. Сэди торопливо сунула конверт под подушку.

– Заходи.

Дверь открылась, за ней стоял Берти с формой для кекса в руках. Сэди широко улыбнулась.

– Нашел, что искал?

– Да, вот эту штуковину. Хочу завтра испечь свой фирменный грушевый кекс. – Дед слегка нахмурился. – Только сейчас вспомнил, груш-то у меня и нет.

– Да, боюсь, это вызовет определенные трудности.

– Может, сходишь завтра утром в деревню и купишь?

– Ну, я проверю свое расписание...

Берти рассмеялся:

– Спасибо, детка.

Он слегка замялся.

– Я еще кое-что нашел. – Дед достал из формы книгу с загнутыми уголками страниц и показал обложку. – Почти как новая, да?

Сэди сразу ее узнала. Как будто в гости неожиданно заглянул старый добрый друг, который поддерживал тебя в трудный период. Надо же, она и не знала, что Берти и Рут сохранили этот сборник головоломок! Сейчас даже трудно представить, какое важное место он занял в жизни Сэди, когда она только-только перебралась к дедушке с бабушкой. Сэди закрылась в гостевой спальне их дома, маленькой комнате над магазином, которую Рут приготовила специально для нее, и методично, страница за страницей, проработала всю книгу, изучила ее от корки до корки с почти религиозным рвением.

– Ты разгадала все головоломки, – сказал Берти. – Все до единой.

Сэди растрогала нотка гордости в голосе деда.

– Да.

– И ни разу не подглядела в ответы.

– Конечно.

Сэди бросила взгляд на неровно оборванные края, туда, где были страницы с ответами, которые она выдрала, чтобы не соблазниться и не подсмотреть. Для нее было очень важно решить все задачи самостоятельно. Только ее собственное достижение, чистое и абсолютное, в котором никто не сможет усомниться. Конечно, она пыталась что-то доказать. Доказать самой себе, что она не глупая, не безнадежная и не «паршивая овца». Доказать, что у любой проблемы, даже очень серьезной, есть решение, а волна спадет, и рыбаки выживут.

– Книгу купила мне Рут.

– Да.

Это был идеальный подарок, сделанный исключительно вовремя, хотя Сэди подозревала, что тогда она его не оценила. Сэди даже не помнила, что сказала бабушке, когда та вручила ей книгу. Возможно, ничего: в то время Сэди не отличалась общительностью. Шестнадцатилетний комок дерзости и немногословного презрения ко всему и ко всем, включая этих малознакомых родственников, которые пришли ей на помощь.

– Интересно, как она догадалась?

– О, она была очень умной и доброй. Видела людей насквозь.

Берти улыбнулся, и они с Сэди притворились, что у них обоих заблестели глаза вовсе не от воспоминаний о бабушке. Он положил книгу на тумбочку.

– Может, пока ты здесь, подберешь себе еще что-нибудь в этом духе? Или какой-нибудь роман считаешь? Обычно люди в отпуске так и делают.

– Правда?

– Насколько я слышал.

– Ну, тогда мне тоже придется.

Дед поднял бровь. Ему, конечно, очень хотелось узнать, с чего это вдруг Сэди решила его навестить, но он хорошо ее знал и не стал допытываться.

– Ладно, пойду-ка я спать. Нет ничего лучше морского воздуха, да?

Сэди согласилась и пожелала ему спокойной ночи, но, когда дверь за дедом закрылась, услышала, что он снова поднимается на чердак.

Трубочный дым струился сквозь половицы, собаки беспокойно дремали у кровати, дед наверху вспоминал прошлое, а Сэди листала книгу.

Ничего особенного, всего лишь скромный сборник головоломок, и тем не менее он спас ей жизнь. Пока бабушка не подарила ей эту книгу, Сэди не знала, что хорошо соображает. Не знала, что умеет разгадывать головоломки или что сам процесс будет доставлять ей не меньше удовольствия, чем получают другие дети, прогуливая уроки. Когда это выяснилось, перед ней открылась новая дверь; Сэди даже представить не могла, что все так обернется. Она переросла свои подростковые беды и нашла работу, где нужно разгадывать настоящие тайны, но последствия ошибок гораздо серьезнее, чем разочарование в собственных интеллектуальных способностях.

А случайно ли Берти нашел сегодня именно ту книгу, что прочно ассоциировалась с определенным периодом ее жизни? Или он догадался, что теперешний визит связан с событиями пятнадцатилетней давности, которые, собственно, и привели Сэди в дом бабушки и дедушки?

Сэди достала конверт, снова взглядела в осуждающий почерк. Ее собственное имя и адрес словно укоряли ее с конверта. Письмо стало ее личной бомбой с часовым механизмом, которая безжалостно тикает, пока Сэди пытается ее разрядить. Она должна обезвредить эту бомбу. Из-за нее все пошло наперекосяк, и ситуация не изменится, пока Сэди не примет меры. Зачем она вообще получила эту гадость? Почтальон мог бы выронить письмо из сумки, и его носило бы ветром, пока какая-нибудь псина не поймала бы конверт и не сжевала, превратив в мокрые ошметки... Тяжело вздохнув, Сэди сунула письмо в сборник головоломок. Она не была наивной и прекрасно понимала, что в мире нет справедливости. И все-таки несправедливо, что из-за одной ошибки человеческая жизнь должна дважды идти под откос.

* * *

Решение пришло, когда Сэди засыпала. Как обычно в последнее время, ей грезилась освещенная сзади маленькая девочка, которая стояла в дверях и, протягивая руки, звала маму. Сэди вдруг проснулась и открыла глаза. Ответ на все (так ей показалось в ночной тиши) проблемы был настолько прост, что она сама удивилась. Подумать только, потребовалось шесть недель, чтобы отыскать решение, а она еще гордится своим умением разгадывать головоломки! Собственно, кто подтвердит, что письмо ее нашло? Сэди отшвырнула одеяло, достала из книжки письмо и взяла с тумбочки ручку. Торопливо нацарапала на лицевой стороне конверта

«Адресат выбыл», старательно изменив почерк. «Вернуть отправителю». Сэди полюбовалась на дело рук своих и облегченно вздохнула. Словно гора с плеч... Поборов желание еще раз взглянуть на фотографию, она аккуратно заклеила конверт, чтобы никто не заподозрил подвоха.

На следующий день с утра пораньше, когда Берти и собаки еще спали, Сэди натянула форму для бега, пронеслась по темным тихим улицам и бросила конверт в единственный на всю деревню почтовый ящик, откуда письмо должны были забрать обратно в Лондон.

Ноги бежали с вновь обретенной энергией, и пока золотое солнце поднималось в розовом небе, Сэди наслаждалась ощущением, что все плохое закончилось. Как будто письмо и не приходило. Берти никогда не узнает причину ее неожиданного визита в Корнуолл, а она, Сэди, сможет вернуться на работу. Теперь, когда содержание письма не туманит рассудок, она раз и навсегда выкинет из головы дело Бейли и выберется из окутавшего ее помрачения. Осталось только поговорить с Дональдом.

* * *

Днем Сэди вновь отправилась в деревню, на этот раз за грушами для Берти. Она выбрала более длинный путь: по скалам до смотровой площадки, а оттуда вниз по крутой западной тропе прямо на детскую площадку. И правда, этот край очарователен, ясно, почему Берти влюбился в него с первого взгляда. «Я сразу почувствовал, что это место меня притягивает», – сообщил он с неожиданным пылом. Деду так хотелось верить в действие неких внешних сил, предопределивших его переезд, что Сэди просто улыбнулась и кивнула.

Она достала из кармана мелочь, нетерпеливо встряхнула. Мобильная связь в деревне ловила плохо, но в парке был телефон-автомат, и Сэди собиралась позвонить, пользуясь тем, что Берти ее не слышит. Она бросила монеты в прорезь и замерла в ожидании, постукивая по губе большим пальцем.

– Рейнс, – послышался в трубке ворчливый голос.

– Дональд, это Сэди.

– Спэрроу? Я тебя плохо слышу. Как отпуск?

– Да, это я. Замечательно. – Она помешкала и добавила: – Отдыхаю.

Насколько Сэди знала, от отпускников ждут чего-нибудь в этом роде.

– Очень хорошо.

В трубке шумело и трещало. Понимая, что ни она, ни Дональд не

любят вести светские беседы, Сэди решила сразу перейти к делу.

– Слушай, я тут много думала и готова вернуться.

Молчание.

– На работу, – добавила Сэди.

– Прошла всего лишь неделя.

– Она прочистила мне мозги. Морской воздух и все такое.

– Я думал, что вполне ясно выразился, Спэрроу. Четыре недели, и никаких возражений.

– Дон... – Сэди оглянулась через плечо, увидела женщину, которая раскачивала ребенка на качелях, и понизила голос. – Я знаю, что перешла границы. Я поступила неправильно, приняла дело близко к сердцу и не справилась с работой. В моей жизни действительно не все было гладко, но теперь с этим покончено, я в порядке и...

– Погоди-ка.

На другом конце провода раздалось приглушенное бормотание. Дональд что-то ответил и вернулся к их разговору.

– Послушай, Спэрроу, здесь кое-что происходит, – тихо сказал он.

– Правда? Новое дело?

– Мне пора идти.

– Да, конечно. Я просто хочу сказать, что готова...

– Очень плохая связь. Позвони через несколько дней, ладно? Давай на следующей неделе. Тогда все и обсудим.

– Я ведь...

Связь прервалась, и Сэди выругалась в трубку, потом нашарила в кармане еще несколько монет. Снова набрала номер Дональда, но попала на голосовую почту. Немного подождала и набрала еще раз. То же самое.

Какое-то время она сидела на скамье у детской площадки. Пара чаек дралась из-за жареной картошки, высыпавшейся из разорванного газетного кулька. Ребенок на качелях плакал, цепи качелей сочувственно скрипели. Может, Дональд намеренно не брал трубку? Похоже на то. Можно было бы набрать еще чей-нибудь номер, но Сэди так и не придумала, кому позвонить. До боли хотелось вернуться в Лондон, где от нее гораздо больше пользы и есть чем заняться, кроме как ходить за грушами. Сэди переполняло разочарование, смешанное с бессилием. Радостное возбуждение исчезло. Ребенок на качелях устроил настоящую истерику и выгибался всем телом, уворачиваясь от матери и не давая вытереть грязную мордашку. Если бы Сэди могла, то с радостью бы к нему присоединилась.

– Вот ведь безобразник! – сказала женщина тем осуждающим тоном, каким обычно говорят родители, когда жалуются на детей.

Проходя мимо, Сэди слабо улыбнулась и продолжила свой путь в деревню. Там с преувеличенной тщательностью выбрала груши, изучив каждый плод, словно подозреваемого на опознании, расплатилась и пошла домой.

Она и раньше проходила мимо библиотеки – каменное здание стояло на Хай-стрит и служило ориентиром по дороге из деревни к дому деда, – но никогда не заглядывала внутрь. Сэди не любила библиотеки. Слишком много книг, чересчур тихо. Однако в этот раз она бросила взгляд на библиотечное окно и замерла. Там высилась целая пирамида из детективных романов, все в черных переплетах, на обложках большими серебряными буквами напечатано имя: Э. С. Эдевейн. Сэди, конечно, слышала об этой писательнице. Э. С. Эдевейн была одним из немногих мастеров детективного жанра, которого с удовольствием читали полицейские, и к тому же национальным достоянием. Луиза рассказывала о семье Эдевейн и доме на озере, но тогда Сэди и в голову не пришло, что между ними есть какая-то связь. Сейчас Сэди рассматривала рекламный плакат над книгами – «Наш местный автор готовится опубликовать пятидесятый роман!» – и ощущала то особое волнение, когда два, казалось бы, совершенно разных кусочка головоломки совпадают.

Без лишних раздумий Сэди вошла в здание. Услужливый, похожий на гнома человечек с именовым бейджиком на рубашке сообщил, что, конечно, у них есть краеведческая секция, и спросил, не ищет ли она что-нибудь конкретное.

– Вообще-то, ищу, – ответила Сэди, опуская на пол сетку с грушами. – Мне нужна вся информация об одном доме. И о старом полицейском расследовании. Да, кстати, пока я здесь, какую книгу Э. С. Эдевейн вы бы мне порекомендовали?

Глава 6

Лондон, 2003 г.

Питер чуть не уронил пакет, когда бежал за автобусом. К счастью, за всю свою жизнь он так привык к собственной неловкости, что успел прижать пакет локтем и даже не сбился с шага. Вскочил в автобус, достал из кармана проездной билет, убрал с глаз длинную челку и заметил одно свободное место.

– Извините, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, и пошел по проходу, в то время как автобус рванул вперед. – Извините, пожалуйста. Простите. Прошу прощения.

Дама с поджатыми губами, которая сидела у окна, хмуро выглянула из-за газеты «Таймс», когда автобус резко повернул за угол, и Питер рухнул на соседнее сиденье. Дама чуть поерзала и тихо вздохнула, показывая, что Питер принес с собой нежелательный вихрь суеты. Сам Питер всегда подозревал за собой способность мешать людям и потому несколько не обиделся.

– Думал, что пройдусь пешком, – вежливо произнес он, поставив сумку и пакет между ног, – но отсюда до Хэмпстеда слишком далеко, особенно в такую жару.

Дама ответила ему вымученной улыбкой, которую кто-нибудь менее великодушный, чем Питер, вполне бы мог принять за гримасу, и снова уткнулась в газету, предварительно встряхнув ее, чтобы расправить страницы. Подобная манера чтения напрочь отвергала присутствие соседа; впрочем, Питер не отличался крупной комплекцией и обнаружил, что развернутые страницы его почти не заденут, если он вожмется в спинку. Более того, из такого положения видны все новостные заголовки, значит, в Хэмпстеде можно будет не останавливаться у газетного киоска.

Элис требовала, чтобы Питер следил за новостями. Под настроение она любила поболтать и не очень-то жаловала глупцов. Так она заявила в самый первый день их совместной работы. Элис тогда еще прищурила глаза, как будто обладала сверхъестественной способностью распознавать дураков с первого взгляда.

Питер бросил взгляд на вторую страницу, которую соседка любезно пристроила у него на коленях: последний опрос общественного мнения показал, что у лейбористов и консерваторов примерно равный рейтинг, шестеро служащих Королевской военной полиции погибли в Ираке,

Маргарет Ходж назначили министром по вопросам детства. Хорошо, хоть о деле Бейли больше не пишут на первых страницах, подумал Питер. Ужасное происшествие: маленькую девочку бросили одну на несколько дней, причем бросил именно тот человек, который должен был о ней заботиться. Питер так и сказал за послеобеденным чаем в один из дней, когда это дело было в центре внимания, и Элис его поразила: она долго смотрела на свою чашку, а потом промолвила, что они не имеют морального права судить других, ведь им неизвестны все обстоятельства дела. «Вы еще молоды, – торопливо продолжила она. – Жизнь излечит вас от наивных предположений. В этом мире можно лишь одно утверждать с уверенностью: ни на кого нельзя рассчитывать».

Поначалу присущая Элис желчность пугала Питера. Весь первый месяц работы он не сомневался, что его вот-вот уволят, и лишь позже понял: это часть натуры Элис, особое чувство юмора, порой язвительное, но не злое. Плохо было то, что Питер ко всему относился слишком серьезно. Он считал эту черту своего характера недостатком и пытался данный недостаток скрыть. Это не всегда удавалось – таким уж Питер уродился. Его родители и старшие братья любили смех и веселье, и когда младшенький надолго задумывался над шутками или подначками, они только качали головой, посмеивались, ерошили ему волосы и удивлялись, что за серьезный кукушонок, дай бог ему счастья, невесть откуда взялся в их гнезде.

Слова родных задевали Питера, но не сильно. Дело в том, что он всегда отличался от родственников, и не только простодушием. Два его старших брата росли коренастыми, плотными мальчуганами и стали коренастыми, плотными мужчинами, которых легко представить с бутылкой пива в одной руке и футбольным мячом в другой. А Питер, напротив, был тощим, бледным, долговязым и легко велся на розыгрыши. «Доверчивый простачок», как назвала его мать, не осуждая, а, скорее, удивляясь, что у них с мужем появился этот странный маленький подменьш с нежной, легко ранимой кожей и необъяснимой любовью к библиотечному абонементу. «Он любит читать», – говорили родители Питера своим друзьям таким благоговейным тоном, словно сообщали, что его наградили Крестом Виктории.^[5]

Питер и вправду любил читать. К восьми годам он прочитал все книги из детского отделения Килбернской библиотеки – серьезный повод для гордости, если бы не одно неприятное обстоятельство: до получения вожделенного взрослого читательского билета Питеру нужно было ждать несколько лет. Слава богу, в библиотеке работала мисс Тальбот, которая

прикусила губу, поправила именной бейджик на лимонном кардигане и сказала с решимостью, слегка оживившей ее обычно тихий и мягкий голос, что для Питера всегда найдется подходящее чтение, и она лично об этом позаботится. Для Питера мисс Тальбот стала настоящей волшебницей. Дешифровщиком секретных кодов, повелительницей каталожных карточек и десятичной классификации Дьюи, ^[6] проводником в чудесные миры.

Послеполуденные часы, которые Питер проводил в библиотеке, вдыхая запах нагретой солнцем застарелой пыли тысяч разных историй и многолетней, идущей снизу сырости, вызывали у него восторг. Сейчас, двадцать лет спустя, Питер сидел в автобусе номер сто шестьдесят восемь до Хэмпстед-Хит и испытывал почти физическое чувство, что снова вернулся в то время. Каким же огромным и многообещающим казался мир, когда он, Питер, был заперт в четырех кирпичных стенах!

Рискуя получить от соседки осуждающий взгляд, Питер сдвинул газету и достал из сумки памятный буклет. Он лежал в потрепанном экземпляре «Больших надежд», книге, которую Питер перечитывал в память о мисс Тальбот. С первой страницы буклета улыбалась сама мисс Тальбот.

Элис, как обычно, не сдержала любопытства, когда Питер объявил, что во вторник утром ему нужно присутствовать на похоронах. Она вообще жадно интересовалась его жизнью. Порой донимала вопросами, которые скорее можно было бы ожидать от изучающего человеческую расу инопланетянина, чем от восьмидесятишестилетней представительницы этой самой расы. Поначалу подобное вмешательство несколько нервировало Питера, считавшего свою жизнь вполне заурядной и не заслуживающей особого внимания. Он предпочитал читать о жизни и мыслях других людей, а не делиться собственными. Однако Элис не терпела возражений. Со временем Питер смирился и стал отвечать на вопросы без обиняков. Впрочем, нельзя сказать, что ее интерес помог Питеру поднять собственную самооценку: Элис с таким же рвением изучала привычки семейства лис, устроивших себе логово за садовым сараем.

– Похороны? – переспросила она, пристально взглянув на молодого человека из-за стопки книг, которые подписывала для испанского издателя.

– Первые в моей жизни, – признался Питер.

– Зато не последние, – буднично заметила Элис, ставя широкий росчерк на странице. – За всю жизнь их еще столько наберется! Доживете до моих лет и тогда поймете, что проводили под землю больше людей, чем можете пригласить к утреннему чаю. Хотя, конечно, весьма нужный

ритуал: смерть без похорон ни к чему хорошему не приводит.

Питер не успел задуматься над словами Элис, как она продолжила:

– Кто-то из родственников? Друг? Всегда тяжелее, когда умирают молодые.

Он рассказал о мисс Тальбот, удивляясь, сколько странных мелочей застряло в мозгу девятилетнего мальчугана. Изящные часики из розового золота на запястье, привычка потирать большой палец указательным, когда она задумывалась, запах мускуса и увядших лепестков от ее кожи.

– Ваша советчица, – сказала Элис, подняв серебристые брови. – Наставница. Вам очень повезло. И все это время вы с ней общались?

– Не совсем. Мы потеряли связь, когда я уехал учиться в университете.

– Но вы ее навещали. – Утверждение, отнюдь не вопрос.

– Не слишком часто.

Никогда, но Питеру было стыдно в этом признаться. Он давно собирался зайти в библиотеку, однако закрутился, да и как-то не попадал в те края. О смерти мисс Тальбот Питер узнал случайно. Элис отправила его в Британскую библиотеку с заданием, и он лениво перелистывал страницы «Библиотечного вестника», ожидая, когда из архива принесут немецкую книгу о ядах, как вдруг в глаза бросилось ее имя. Мисс Тальбот – *Люси* Тальбот, конечно же, у нее было имя! – скончалась от рака, похороны назначены на вторник, десятого июня. Питера точно громом поразило. Он даже не знал, что мисс Тальбот больна. Впрочем, откуда ему было знать? Питер сказал себе, что таков извечный порядок вещей, дети вырастают и уходят, и вообще, память сильно приукрасила их с мисс Тальбот дружбу. Он вообразил, что между ними существовала некая особая связь, а на самом деле мисс Тальбот просто делала свою работу и у нее было много таких читателей.

– Сомневаюсь, – ответила на это Элис. – Вероятнее всего, она встречала много детей и не испытывала к ним особых чувств, пока не нашелся один, который стал ей дорог.

Питер не льстил себя мыслью, что она пытается повысить его самооценку. Элис действительно так думала и выразила свое мнение с привычной прямоотой, а если он чувствует себя последним мерзавцем, то при чем здесь она?

Спустя несколько часов, когда он увлеченно работал, перенося результат утренних трудов Элис в новенький компьютер, который она наотрез отказалась использовать, Элис спросила:

– А мои книги она вам давала?

Питер поднял взгляд от пестрящего правками машинописного

предложения. Он понятия не имел, о чем говорит Элис, и даже не сразу понял, что она все еще в комнате. Элис никогда не присутствовала, когда Питер работал с компьютером: почти каждый день после обеда она уходила по каким-то таинственным делам, о которых никогда не рассказывала.

– Ваша библиотекарьша. Она давала вам мои книги?

Питер хотел солгать, но тут же передумал – у Элис было чутье на неправду. Он признался, что не давала, и, к его удивлению, Элис рассмеялась.

– Правильно. Мои книги не для детей.

Что верно, то верно. Элис писала английские детективы, в них не было ничего милого или уютного. Обозреватели любят называть подобные произведения «психологически напряженными» и «неоднозначными с моральной точки зрения», и в них «почему» не менее важно, чем «кто» и «как». В своем знаменитом интервью для Би-би-си Элис заявила, что в самом убийстве нет ничего занимательного, куда интереснее человеческий фактор, стремление убить, страсти и негативные чувства, которые приводят к этому ужасному поступку. Элис прекрасно разбиралась в таких страстях и чувствах. Интервьюер сказал ей об этом, и Элис кивнула, вежливо выслушала, когда он намекнул, что от ее виртуозного владения предметом ему слегка не по себе, а потом ответила: «Писателю не нужно никого убивать, чтобы писать детективы, точно так же, как ему не нужна машина времени, чтобы написать о битве при Азенкуре. Он должен знать о темных глубинах человеческой души и стремиться исследовать их до самого дна». Помолчала и добавила с милой улыбкой: «Кроме того, мы ведь все хотя бы на миг испытывали желание убить, правда?»

После интервью продажи книг Элис взлетели до небес, хотя она и не нуждалась в подобной рекламе. Элис пользовалась успехом уже несколько десятков лет. Имя Э. С. Эдвейн прочно ассоциировалось с жанром полицейского процедурного детектива, а ее выдуманного сыщика Диггори Брента, брюзгливого бывшего военного, увлекающегося лоскутным шитьем, многие читатели любили больше, чем родных отцов. И это не было преувеличением, судя по недавнему опросу, который проводила воскресная газета «Санди таймс». «Замечательно», – сказала Элис, когда ее рекламный агент сообщил эту новость по телефону. Не успел Питер подумать, что ей все-таки не совсем безразличны чувства других людей, как она добавила: «Конечно, это не совсем то, чего бы мне хотелось».

Питер не признался Элис, что не читал ее книг, пока не стал ее помощником. Если на то пошло, он почти не читал современную литературу. Мисс Тальбот, которая взялась незаконно поставлять

несовершеннолетнему книги для взрослых, отнеслась к делу очень серьезно. Какое-то время она думала, не начать ли с научно-популярной литературы. Какой вред, рассуждала мисс Тальбот вслух, могут нанести детскому уму труды по истории? Однако потом все-таки решила, что изучение классики бесценно, и достала с полки библиотечный экземпляр «Больших надежд». Питер без оглядки влюбился в мир газовых фонарей, сюртуков и конных экипажей.

Именно маниакальное увлечение художественной литературой девятнадцатого века и привело его к Элис. Окончив университет, Питер оказался на распутье: предложений работы для человека с докторской степенью и диссертацией «Аллегорические изображения просвещения, человеческой сущности и разума в викторианских романах 1875–1893 гг.» было не слишком много. Питер решил дать себе время для размышлений и за лето придумать, что делать дальше. Однако плату за квартиру никто не отменял, и потому Питер подрабатывал у своего брата Дэвида: помогал уничтожать насекомых и грызунов. Элис позвонила в понедельник рано утром. Сказала, что все выходные ей не давал спать какой-то подозрительный тикающий шум в стене, и нужно, чтобы кто-то немедленно принял меры.

– Занозистая старуха, – сообщил Дэвид Питеру, когда они вылезли из фургона и направились к дому Элис. – Впрочем, довольно безобидная. У нее странная привычка вызывать меня и говорить, что, по ее мнению, я найду. А еще более странно, что она не ошибается.

– Наверное, там завелся жук-точильщик, – сказала Элис, пока Дэвид раскладывал снаряжение у стены спальни и прослушивал шум через прижатый к штукатурке стакан. – *Xestobium...*

– ...*rufovillosum*, – одновременно с ней пробормотал Питер, а потом пояснил, видя, что Дэвид смотрит на него с недоумением: – Как в рассказе «Сердце-обличитель».

Последовало холодное молчание, потом Элис спросила:

– Кто это? – Таким голосом могла бы говорить королева, если бы зашла посмотреть, как продвигается истребление вредителей. – Насколько я помню, мистер Обел, у вас не было помощника.

Дэвид объяснил, что у него и нет помощника, а это его младший брат Питер, который будет помогать ему несколько недель, пока не решит, куда пойти работать.

– Пусть отдохнет от книг, – добавил Дэвид. – А то, на свою беду, слишком умный.

Элис едва заметно кивнула и удалилась, поднявшись в комнатку под

самой крышей, где, как теперь знал Питер, устроила себе рабочее место.

Позже, когда они сидели в прокуренной задней кабинке в пабе «Пес и свисток», Дэвид хлопнул брата по плечу.

– В общем, ты разбудил дракона и выжил, – заметил он, допивая пиво и подбирая дротики. – Кстати, что это ты ей сказал про какое-то там сердце?

Питер поведал ему об Эдгаре По, о безымянном рассказчике, который совершил тщательно подготовленное убийство, о том, как настойчиво он повторял, что совершенно вменяем, и о саморазоблачении, вызванном чувством вины, – а Дэвид, далекий от готичной литературы, раз за разом попадал в десятку. Когда дротики закончились, он весело предположил, что Питеру повезло, ведь Элис вполне могла бы замуровать в стену его самого.

– Знаешь, она специализируется на убийствах. Правда, насколько я знаю, не на настоящих. Совершает убийства на бумаге.

Письмо от Элис пришло через неделю – вместе с чеком за проделанную работу. Отпечатанное на пишущей машинке с дефектной буквой «и» и подписанное темно-синими чернилами, послание было предельно простым. Элис искала временного помощника, пока не вернется постоянный, и ждала Питера в пятницу в полдень.

Почему он согласился? Сейчас уже и не вспомнишь, но позже Питер заметил, что люди, как правило, выполняют распоряжения Элис Эдевейн. Ровно в полдень он позвонил в дверь, и его провели в нефритово-зеленую гостиную на первом этаже. На Элис были элегантные саржевые брюки и красивая шелковая блузка; сейчас Питер воспринимал этот наряд как униформу. На шее у нее висела цепочка с большим золотым медальоном, белые волосы были аккуратно уложены назад изящными волнами, которые заканчивались за ушами послушными завитками. Элис села за письменный стол из красного дерева, жестом велела Питеру сесть на обитый стул напротив себя, поставила локти на столешницу, сложила ладони домиком и засыпала Питера градом вопросов, которые, казалось, не имели никакого отношения к его будущей работе. Он как раз что-то рассказывал, когда Элис, бросив взгляд на судовые часы над камином, прервала его на полуслове, резко встала и протянула руку. Он до сих пор помнил прикосновение холодной, похожей на птичью лапку ладони. Собеседование закончено, коротко сказала Элис. Сейчас у нее дела, а он может приступать к работе со следующей недели.

Автобус номер сто шестьдесят восемь притормозил у обочины в конце Фицджон-авеню, и Питер торопливо собрал вещи. Та встреча с Элис произошла три года назад. Загадочный постоянный помощник почему-то

так и не вернулся, и Питер остался.

* * *

Элис работала над особенно трудной сценой: перемещением из одной точки пространства в другую. Эти описания всегда ей тяжело давались. Дело было в их незначительности, в простой на вид задаче довести персонаж от важного эпизода А до не менее важного эпизода Б и не потерять читательского интереса. Элис никому об этом не говорила, особенно репортерам, но даже после сорока девяти книг она по-прежнему мучилась с чертовыми перемещениями.

Элис поправила на носу очки, подняла рамку бумагодержателя пишущей машинки и перечитала последнюю строку. «Диггори Brent вышел из морга и направился обратно в полицейское управление».

Коротко, четко, указывает направление. Следующие строки должны быть такими же простыми и ясными. Пусть персонаж подумает о чем-то связанном с темой книги, надо мельком упомянуть, где он проходит или проезжает, чтобы читатели не забыли о его передвижениях, а затем финальное предложение, в котором он переступает порог своего кабинета и – вуаля! – там ждет сюрприз, и благодаря ему сюжет вместе с героем будет двигаться дальше.

Проблема заключалась в том, что Элис уже использовала все сценарии, какие могла придумать, и теперь откровенно скучала. К скуке Элис не привыкла и не собиралась ей поддаваться. Мать всегда говорила, что скучающих людей можно только пожалеть, и вообще, скука – удел глупцов. Занеся пальцы над клавишами машинки, Элис решила ввести в сцену мысли персонажа о лоскутном одеяле, над которым он работал, – возможно, как некую аллегорию неожиданного поворота в расследовании.

Эти маленькие кусочки ткани оказались весьма полезными и не раз выручали. Забавно, что они появились благодаря счастливой случайности. Элис подыскивала для Brentа такое хобби, которое подчеркивало бы его чутье на узоры и схемы, и как раз в то время ее сестра Дебора забеременела и в совершенно несвойственном ей порыве взялась за иглолку с ниткой. «За рукоделием я расслабляюсь, – говорила сестра, – и не думаю о том, что может пойти не так». Элис решила, что лоскутное шитье – вполне подходящее увлечение для такого человека, как Диггори Brent, чтобы заполнить долгие ночные часы, которые когда-то занимала его семья. Критики утверждали, что Элис придумала сыщику хобби, желая смягчить

его шероховатый характер, но они ошибались. Элис любила шероховатости и с недоверием относилась к тем, кто от них избавлялся.

«Диггори Брент вышел из морга и направился обратно в полицейское управление». И? Пальцы Элис зависли над клавиатурой. Что потом? «Он шел и думал...» О чем?

Мозг отказывался работать.

Разозлившись, Элис вернула на место рамку бумагодержателя, сняла очки и переключила внимание на вид из окна. Стоял теплый июньский день в самом начале лета, и небо было ярко-голубым. В детстве Элис не могла устоять перед такой прекрасной погодой и предпочитала проводить время на свежем воздухе, там, где пахло согретыми солнцем листьями и жимолостью, бетон покряхтывал от жары, а сверчки прятались в прохладных норках под землей. Увы, Элис давно выросла, и в мире не так много мест, которые она предпочла бы своему писательскому кабинету даже сейчас, когда ее покинуло вдохновение.

Эта комната находилась под самой крышей викторианского дома из красного кирпича на Холли-хилл. Маленькая, со скошенным потолком, она отличалась одной особенностью: по словам риелтора, который показывал дом, предыдущий владелец держал в ней взаперти свою мать, – наверное, та стала для него обузой. Элис порадовалась, что так и не завела детей. Она купила дом исключительно из-за этой комнаты, хотя, конечно, печальное прошлое было здесь ни при чем. Элис вполне хватало горестей в прошлом ее собственного семейства, и она никогда не путала историю с романтикой. Просто ей очень понравилось расположение комнатки: она напоминала гнездо, крепость на неприступной скале, сторожевую башню.

С места, где Элис работала, просматривался весь Хэмпстед до самой пустоши, Хэмпстедские пруды, а за ними – остроконечные крыши и шпили Хайгейта. За спиной находилось еще одно окно – маленькое, круглое и похожее на иллюминатор. Из него открывался вид на задний двор с садом, замшелую кирпичную стену и деревянный сарай, отмечающий границу владений Элис. Густой сад достался в наследство еще от одной прежней владелицы, которая работала в Королевских ботанических садах Кью, а в свободное время создавала «Сад земных наслаждений» у себя на заднем дворе. Под присмотром Элис сад сильно разросся, но не по воле случая или из-за недостатка заботы. Элис обожала леса, особенно те, которых не касалась рука человека.

Внизу щелкнул замок входной двери, заскрипели половицы. Затем послышался звук, как будто что-то уронили. Питер. Он не то чтобы неловкий, подумала Элис, просто ему мешают чересчур длинные руки и

ноги. Она взглянула на часы и удивилась: уже два часа. Немудрено, что ей хочется есть. Элис переплела пальцы и вытянула руки вперед. Встала. Печально, конечно, что она потратила все утро, пытаясь провести Диггори Брента из пункта А в пункт Б, но тут уж ничего не поделаешь. За полвека профессионального писательства Элис усвоила, что бывают дни, когда лучше отступить. Пусть Диггори Brent проведет ночь на ничейной земле между моргом и своим кабинетом. Элис вымыла руки в маленькой раковине у заднего окна, вытерла полотенцем и пошла вниз по лестнице.

Ничего удивительного, что у нее возникли затруднения, причем дело не только в скуке. Чертов юбилей и шумиха, которую собираются устроить издатели, когда Элис достигнет круглой даты! Безусловно, все делается в знак уважения, из самых лучших побуждений, и при других обстоятельствах Элис порадовалась бы торжеству в свою честь, но книга идет плохо. В том-то и загвоздка: самой ей не разобраться. Редактор, Джейн, – умница и полна энергии, однако она молода и благоговеет перед Элис. Критики, настоящей критики, от нее не дождешься.

В самые мрачные минуты Элис с ужасом думала, что не осталось никого, кто скажет ей, когда уровень ее мастерства начнет падать. А в том, что со временем так и будет, она не сомневалась. Элис следила за творчеством других писателей своего поколения и знала, что рано или поздно неизбежно приходит книга, по которой заметно: автор теряет хватку и уже не так хорошо ориентируется в современных реалиях, как раньше. Это не всегда бросается в глаза: слишком подробное объяснение технологии, которую читатель воспринимает как нечто само собой разумеющееся, употребление полного названия, когда принято использовать аббревиатуру, устаревшая культурная отсылка – вроде бы мелочи, но весь текст звучит фальшиво. Элис гордилась достоверностью своих книг, привыкла получать комплименты за трепетное отношение к деталям, и сама мысль о том, что опубликованная книга не дотянет до привычного уровня, ее страшно пугала.

Именно поэтому Элис каждый день после обеда спускалась в метро, иногда – без определенной цели. Иногда люди ее раздражали, она прекрасно обходилась без человеческого общества, но ей нравилось за ними наблюдать. И лучшим местом для наблюдения оказались лабиринты метро. Весь Лондон проходил по этим туннелям, постоянный человеческий поток во всем своем разнообразии, и Элис чувствовала себя там совершенно незаметной. Старость – ужасное состояние, однако и в ней есть кое-что хорошее: с возрастом ты словно становишься невидимкой. Никто не обращает внимания на маленькую пожилую даму, которая чинно

сидит в углу вагона, держа на коленях сумочку.

– Привет, Элис! – окликнул ее из кухни Питер. – Ленч почти готов!

На площадке второго этажа Элис хотела было крикнуть ему в ответ, но передумала. В ушах еще звучали давнишние мамины лекции о приличиях. В этом вся Элеонор, думала Элис, спускаясь по последнему пролету лестницы; прошло почти семьдесят лет с тех пор, как они жили под одной крышей, а она по-прежнему устанавливает свои правила, даже в этом доме, который никогда не видела. Порой Элис задавалась вопросом: что было бы, проживи мать дольше? Какую оценку она дала бы жизни своей дочери, одобрила бы карьеру Элис или нет, как отнеслась бы к ее нарядам или к тому, что у нее нет мужа? У Элеонор были непоколебимые понятия о моногамии и узах верности, хотя сама она вышла замуж за свою первую любовь, так что сравнение не совсем честное. Мать занимала особое место в воспоминаниях Элис о детстве; она принадлежала далекому прошлому, и Элис с трудом представляла, как на нее подействовало бы изменчивое время. Прекрасная, недоступная дама, обожаемая и далекая, в конечном итоге сломленная горем от своей потери. Единственный человек, по которому Элис тосковала с болезненно-горьким чувством обиженного ребенка.

Вообще-то, Элис не особо нуждалась в любви или заботе. Почти всю свою взрослую жизнь она прожила одна и не испытывала по этому поводу ни гордости, ни стыда. У нее были любовники; каждый из них приносил с собой зубную щетку и одежду, кое-кто оставался надолго, но дальше этого не шло. Элис никогда никому не предлагала переехать к ней и даже в мыслях не называла свой дом «нашим», только «моим». Все могло бы сложиться иначе – когда-то Элис была помолвлена, – однако Вторая мировая война положила конец этим отношениям, да и много чему еще. Жизнь такая штука: все время то открывает двери к возможностям, то закрывает, а человек слепо идет своей дорогой.

Добравшись до кухни, Элис увидела, что на конфорке кипит кастрюля, у дальнего конца стола стоит Питер, а перед ним открытый пакет с почтой. Питер поднял взгляд на Элис, когда та заходила в дверь. Он поздоровался, и в ту же секунду зазвенел таймер.

– Как раз вовремя!

Все-таки у Питера очаровательная улыбка, слегка кривоватая, зато всегда искренняя, подумала Элис. Собственно, она стала одной из причин, почему Элис его наняла. Улыбка, а еще тот факт, что Питер оказался единственным претендентом на должность помощника, кто пришел точно в назначенное время. С тех пор он зарекомендовал себя только с хорошей

стороны, и неудивительно. Элис считала себя знатоком человеческих душ. По крайней мере, сейчас она прекрасно разбиралась в людях. В прошлом, конечно, случались ошибки, и некоторые весьма досадные.

– Что-нибудь срочное? – спросила Элис, усаживаясь перед газетой, которую утром оставила открытой на странице с кроссвордом.

– Ангус Уилсон из «Гардиан» что-то готовит к торжественной дате. Джейн хочет, чтобы вы согласились.

– Кто бы сомневался. – Элис налила себе чашку свежесваренного «дарджилинга».

– Музей естествознания просит выступить на открытии выставки плюс приглашение посетить праздничный вечер в честь десятилетия со дня первой публикации книги «Смерть свое возьмет» и открытка от Деборы – подтверждение встречи в день рождения вашей матери в пятницу. Все остальное от читателей. С этими письмами я разберусь после обеда.

Элис кивнула, и Питер поставил перед ней тарелку – вареное яйцо на кусочке поджаренного хлеба. Вот уже двадцать лет Элис ела на ленч одно и то же, не считая, конечно, случаев, когда обедала не дома. Ей нравилось соблюдать заведенный порядок, но она не стала рабой своих привычек, в отличие от Диггори Брента, который, как известно, требовал от официанток, чтобы те готовили яйца точно по его любимому рецепту. Элис вынула ложечкой почти плотный желток, положила на тост и разрежала на четвертинки, наблюдая, как Питер сортирует почту.

Питер не отличался излишней разговорчивостью, и она это ценила. Конечно, молчаливость безумно бесила Элис, когда она пыталась вытянуть из него мнение относительно того или иного предмета, но уж лучше молчун, чем более словоохотливые помощники, которые работали у нее в прошлом. Элис решила, что ей нравится, как у него отросли волосы. С этой прической худощавый и кареглазый Питер походил на музыканта из какой-нибудь группы, играющей брит-поп.^[7] Впрочем, может, все дело в темном бархатном костюме, подумала Элис, обычно Питер одевается не так строго. Ах да, он же был на похоронах библиотекаря, своего доброго старого друга, потому и пришел на работу попозже. Элис немного повеселела, надеясь выпытать у него все подробности. Ее взволновал рассказ Питера о своей наставнице, и она невольно вспомнила о мистере Ллевелине. Она редко думала о старике – слишком тесно его образ ассоциировался с тем ужасным летом, которое Элис пыталась вычеркнуть из памяти, но когда Питер поведал о мисс Тальбот, о ее участии в его жизни и о неизгладимых впечатлениях, которые она оставила, на Элис нахлынули воспоминания. Она словно вновь почувствовала запах сырости и речного ила, услышала

негромкое стрекотание водяных клопов и увидела себя с мистером Ллевелином, как они плывут в старой лодке по течению, обсуждая любимые истории из книг. Наверное, то были лучшие минуты в ее жизни.

Элис отпила еще глоток чая, отгоняя нежелательные мысли о прошлом.

– Так, значит, вы проводили своего друга? – Элис помнила, как Питер признался, что это его первые похороны, а она сказала, что дальше их будет больше. – Все прошло, как вы ожидали?

– Думаю, да. Грустно, хотя и в некотором роде познавательно.

– То есть?

Питер задумался.

– Ну, я всегда знал ее как мисс Тальбот. А когда послушал, что про нее говорят другие – муж, сын... Это было очень трогательно. – Он смахнул с глаз челку. – Глупо звучит, да? Клише...

Он помолчал и начал снова:

– Она оказалась более многогранным человеком, чем я себе представлял. А ведь чем лучше узнаешь людей, тем они интереснее, правда?

Элис согласно улыбнулась. Она считала, что на свете очень мало по-настоящему скучных людей, просто надо задавать правильные вопросы, и использовала этот прием, когда создавала своих героев. Хорошо, когда в детективе преступником оказывается тот, кого вообще не подозревали, но самое важное – мотив преступления. Можно, конечно, удивить читателя бабулей-убийцей, однако логическое обоснование должно быть безупречным.

– А вот необычное письмо...

Питер замер, нахмутив брови и рассматривая конверт в руке. Чай Элис неожиданно стал горьким. Нет, все-таки она никогда не будет равнодушной к критике.

– Одно из тех самых, да?

– От детектива-констебля Спэрроу.

– А, из этих...

Элис по собственному опыту знала, что есть два типа полицейских: те, кто всегда готов помочь с вопросами процедурного характера во время работы над книгой, и зануды, которые любят указывать на нестыковки уже после того, как книгу напечатали.

– И каким же перлом профессиональной мудрости намерен поделиться с нами детектив Спэрроу?

– Тут другое. Это женщина, и она рассказывает о случае из жизни.

Пропажа человека.

– Дайте-ка догадаюсь. Ей пришла в голову гениальная идея, и она хочет, чтобы я написала книгу, а прибыль мы поделим пополам?

– Нет, здесь говорится об исчезнувшем ребенке, – продолжил Питер. – Это случилось давно, еще в тридцатых годах прошлого столетия, в каком-то корнуоллском поместье. Дело не раскрыли.

До последнего вздоха Элис не смогла бы сказать, то ли в комнате внезапно похолодало, то ли ее внутренний терморегулятор сломался, когда мощным валом обрушилось прошлое, словно волна, которая давным-давно откатилась назад, а сейчас вернулась с приливом. Конечно, Элис знала, о чем идет речь в письме, и это не имело никакого отношения к вымышленным тайнам в ее книгах.

Письмо было написано на самой обычной бумаге, дешевой и тонкой, совсем не похожей на ту, которую выбирали для писем ее читатели. Питер читал вслух, и Элис хотелось, чтобы он замолчал, но слова застряли в горле. Она слушала краткое изложение известных обстоятельств давнего дела. Наверняка их вытащили из старых газетных подшивок или из ужасной книги Пикеринга. И ведь не запретишь получать информацию из открытых источников! Не запретишь посылать письма совершенно незнакомым людям и вываливать злополучное прошлое на человека, который сделал все возможное, чтобы никогда не возвращаться ни в то место, ни в то время.

– Похоже, она думает, что вы знаете, о чем речь.

Образы из прошлого пронеслись перед мысленным взором Элис, как выброшенные из колоды карты: участники поисковой партии, бредущие по колену в воде по блестящему озеру, толстый полицейский, обливающийся потом в зловонной духоте библиотеки, его помощник-юнец с блокнотом, мать и отец, оба с пепельно-серыми лицами, перед фотографом из местной газеты. Элис почти физически ощутила, как прижимается к стеклянным дверям и наблюдает, терзаемая тайной, которую так и не решилась никому открыть, и виной, которая до сих пор гнездится в глубине души.

Элис заметила, что у нее слегка дрожит рука, и постаралась запомнить это ощущение, чтобы использовать, когда в следующий раз будет описывать физическое проявление шока, ледяным душем обрушившемся на героиню, которая всю жизнь приучала себя сохранять невозмутимый вид. Она положила предательские руки на колени и произнесла, надменно выдвинув подбородок:

– Выбросьте письмо в урну.

Говорила Элис на удивление спокойно; сейчас, наверное, уже почти не

осталось людей, которые расслышали бы в ее голосе чуть заметное напряжение.

– Может, вы хотите, чтобы я ответил?

– Не вижу смысла. – Элис посмотрела Питеру в глаза. – Боюсь, детектив Спэрроу ошиблась. Она меня с кем-то перепутала.

Глава 7

Корнуолл, 25 июня 1933 г.

Человек говорил. Его рот двигался, оттуда вылетали фразы, но Элеонор не улавливала смысл сказанного, только выхватывала отдельные слова: «пропал без вести»... «заблудился»... «потерялся». Все мысли словно окутал благословенный туман, спасибо доктору Гиббонсу.

Ручеек холодного пота проскользнул за воротник, потек между лопатками. Элеонор вздрогнула, и Энтони, который сидел рядом, крепче сжал ее руку. Его большая ладонь покоилась на ее маленькой ладони, такая знакомая и такая чужая теперь, когда жизнь стала кошмаром. Элеонор вдруг увидела то, чего не замечала раньше: волоски, морщины, а под кожей, как дороги на карте, проглядывают бледно-голубые вены.

Жара не спадала. Обещанная гроза прошла мимо. Гром ворчал всю ночь, затем отдалился и гремел над морем. Тем лучше, сказал молодой полицейский, дождь смыл бы следы и улики. Этот же полицейский посоветовал им обратиться в газету. «Тогда еще тысяча пар глаз будет высматривать вашего мальчика».

Элеонор терзала тревога, страх парализовал тело. Хорошо, что Энтони сам взялся отвечать на вопросы репортера. Голос мужа доносился словно издалека. Да, мальчик совсем маленький, ему еще не исполнилось одиннадцати месяцев, но он рано начал ходить, все дети Эдевейнов пошли рано. Красивый ребенок, сильный и здоровый... светлые волосы и голубые глаза... конечно, они предоставят его фотографию...

Через окно просматривался весь сад до самого озера. Там собрались полицейские в форме, еще какие-то мужчины. Элеонор их не знала. Большинство стояли на заросшем травой берегу, несколько человек зашли в воду. Озеро выглядело гладким, как стекло, большое серебряное зеркало, в котором колыхалось тусклое отражение неба. Утки куда-то исчезли после того, как водолаз в черном скафандре все утро исследовал озеро, ныряя с маленькой лодки. Кто-то сказал, что после по дну озера прошли баграми.

В детстве у Элеонор была своя собственная лодочка. Ее купил отец и на борту написал имя дочери. Лодка была оснащена деревянными веслами и белым парусом, и Элеонор каталась на ней почти каждое утро. Мистер Ллевелин звал ее Элеонорой Искательницей Приключений, махал рукой с заросшего берега из-за мольберта, когда Элеонор на лодке проплывала мимо, сочинял истории о ее путешествиях и рассказывал их за обедом.

Элеонор хлопала в ладоши, папа смеялся, а мама хмуро улыбалась.

Мама терпеть не могла мистера Ллевелина и его истории. Она ненавидела любые проявления мягкости, называя их «слабостью характера», а мистер Ллевелин отличался кротким нравом. В молодости он пережил тяжелый нервный срыв, после чего всю жизнь страдал от приступов меланхолии. Констанс презирала подобные проявления. Еще она не одобряла «нездоровое внимание», которым муж осыпал дочь. Констанс считала, что излишнее баловство только портит ребенка, и без того обладающего «в высшей степени строптивым характером». Да и вообще, муж мог бы тратить деньги разумнее. Вечная тема для разговоров – деньги, вернее, их нехватка, разница между жизнью в мамином представлении и повседневной жизнью семейства. Ночами Элеонор часто слышала, как родители ссорятся в библиотеке: резкий голос мамы и тихие, успокаивающие реплики отца. И как он терпит постоянные упреки, удивлялась Элеонор. «Любовь, – пояснил мистер Ллевелин, когда она рискнула обратиться к нему с этим вопросом. – У нас не всегда есть выбор, где, кого и как любить, а любовь помогает нам найти в себе силы, о существовании которых мы даже не догадывались».

– Миссис Эдевейн?

Элеонор открыла глаза и поняла, что находится в библиотеке на диване, рядом с Энтони, и его большая ладонь по-прежнему бережно сжимает ее руку. На миг Элеонор удивилась, когда заметила, что напротив сидит человек с маленьким блокнотом в руках и карандашом за ухом. Вихрем вернулась реальность.

Репортер. Пришел поговорить о Тео.

Руки без ее любимого малыша словно налились свинцом. Вспомнилась первая ночь, когда они с Тео были только вдвоем. Из всех четырех детей только он родился почти под утро, и, убаюкивая сына, Элеонор чувствовала под рукой движения пяточек, тех самых маленьких крепких ножек, которые всего лишь день назад брыкались внутри ее живота. Она разговаривала с сыном, шептала, что всегда будет его оберегать...

– Миссис Эдевейн?

С Тео все было по-другому с самого начала. Элеонор любила всех своих детей, пусть и не с первого взгляда, если быть честной, но уж точно к тому времени, когда они начинали ходить, однако Тео она не просто любила. Она не чаяла в нем души. Когда Тео родился, Элеонор положила его, завернутого в одеяльце, на свою кровать, долго смотрела ему в глаза и видела там всю мудрость, с которой рождаются младенцы. Сын отвечал ей

взглядом, как будто пытался рассказать о тайнах вселенной, маленький ротик то открывался, то закрывался, словно произнося слова, пока еще незнакомые или, возможно, уже забытые. Элеонор вспомнила, как умирал отец. Папа точно так же смотрел на нее бездонными глазами, а в них было все, что он не успел ей сказать.

– Миссис Эдевейн, фотограф хочет сделать снимок.

Элеонор мигнула. Ах да, репортер. Его блокнот напомнил об Элис. Где она? И, если на то пошло, где Дебора и Клемми? Наверное, кто-то приглядывает за девочками. Может, мистер Ллевелин? Тогда понятно, почему Элеонор не видела его все утро: наверное, он взялся помочь с детьми, чтобы они не попали в беду. В прошлом Элеонор сама часто его об этом просила.

– Секундочку, мистер и миссис Эдевейн. – Второй человек, грузный и раскрасневшийся от жары, помахал рукой из-за штатива. – Посмотрите сюда, пожалуйста.

Хотя Элеонор привыкла фотографироваться – она ведь была маленькой девочкой из сказки, ее постоянно рисовали и фотографировали, – сейчас ей хотелось забиться в укромное место, закрыть глаза и ни с кем не разговаривать. Она так устала, ужасно устала.

– Милая, давай уже закончим, – прозвучал у ее уха тихий и ласковый голос Энтони. – Я держу тебя за руку.

– Здесь очень жарко, – прошептала Элеонор в ответ.

Шелковая блузка прилипла к спине, юбка на поясе собралась некрасивыми складками.

– Миссис Эдевейн, посмотрите сюда.

– Я не могу дышать, Энтони, мне нужно...

– Я рядом, милая. Я всегда буду с тобой.

– Внимание, снимаю!

Вспышка полыхнула белым светом, на миг ослепив Элеонор, и ей почудилось, что у стеклянных дверей маячит чей-то силуэт. Наверняка Элис, подумала Элеонор, тихо стоит и наблюдает.

– Элис? – позвала она, отчаянно моргая, чтобы вернуть зрению ясность. – Элис!

Вдруг со стороны озера донесся громкий мужской крик, репортер соскочил со стула и бросился к окну. Энтони встал, Элеонор тоже поднялась на внезапно ослабевшие ноги. Время, казалось, замерло, пока юнец-репортер не повернулся, покачивая головой. Его возбуждение явно сменилось разочарованием.

– Ложная тревога, – сказал он, доставая платок и вытирая лоб. – Всего

лишь старый башмак. Тело не нашли.

У Элеонор едва не подломились колени. Она повернулась к дверям, но Элис там уже не было. Взгляд Элеонор упал на зеркало над камином, и она не узнала свое отражение. Тщательно выверенный образ благовоспитанной матери семейства исчез; возникла девчонка, которая когда-то давно жила в этом доме, естественная, открытая и необузданная.

– Все, хватит, – неожиданно резко произнес Энтони. Ее любимый. Спаситель. – Сжальтесь, молодой человек, моей жене плохо, пропал ее ребенок. Интервью закончено.

* * *

Элеонор словно плыла в воздухе.

– Уверяю, мистер Эдевейн, это очень эффективные барбитураты. Одной дозы достаточно, чтобы ваша супруга проспала до вечера.

– Спасибо, доктор. Она вне себя от горя.

– Неудивительно. Ужасное происшествие, просто ужасное, – ответил голос доктора.

– Они уверены, что найдут его?

– Нужно не терять надежды и верить, что полицейские сделают все, что в их силах.

Рука мужа, теплая и уверенная, коснулась лба Элеонор, погладила по волосам. Элеонор хотела было что-то сказать, но язык не слушался.

– Тише, любимая. Поспи, – успокоил ее муж.

Его голос словно окружал ее, раздавался со всех сторон одновременно, как голос бога. Тело Элеонор отяжелело и медленно стало падать сквозь облака. Она падала все глубже и глубже, через все слои своей жизни. Туда, где она еще не стала матерью, не вернулась в Лоэннет, не встретила Энтони и не потеряла отца, в то долгое, безграничное время своего детства. Элеонор смутно чувствовала, что потеряла нечто очень важное, но сознание туманилось, она не могла сосредоточиться. Мысль ускользала от нее, как тигр, желто-черный тигр, который уносился прочь по длинной полосе луга. Луга в поместье Лоэннет. Вдали темнел густой лес, и Элеонор протянула руки, чтобы погладить верхушки травы.

* * *

Когда Элеонор была маленькой, у нее в комнате был тигр. Его звали Зефир, и он жил под кроватью. Папин папа, Хорас, поймал его в Африке еще в добрые старые времена. Элеонор слышала о тех временах; отец рассказывал, что когда-то поместье было огромным, семья Дешиль жила в роскошном доме с двадцатью восемью спальнями и каретным сараем, в котором держали не тыквы, а настоящие кареты, украшенные позолотой. Увы, сохранился лишь обгоревший остов дома, и тот слишком далеко, из Лоэннета не увидишь. Впрочем, историю о тигре и жемчужине рассказал мистер Ллевелин.

В детстве Элеонор искренне верила в эту сказку. В то, что вместе с Зефиром из Африки привезли жемчужину: тигр проглотил ее, она застряла у него между зубов и оставалась там, когда его застрелили и сняли шкуру, которую отправили на корабле в Британию, где эта шкура долгое время служила украшением большого особняка, а потом попала в гораздо более скромный дом. Однажды безжизненную голову тигра трянули так сильно, что жемчужина выкатилась из пасти и затерялась в длинном ворсе ковра в библиотеке. На нее наступали, и лежала она, почти забытая, пока однажды темной ночью, когда все в доме спали, ее не нашли эльфы, которые искали, чем бы поживиться. Они отнесли жемчужину далеко в лес, уложили на постельку из листьев и принялись рассматривать, изучать и гладить, но не уберегли, и драгоценность украла птица, принявшая ее за яйцо.

Высоко в кронах деревьев жемчужина начала расти, и все росла и росла, пока птица не испугалась, что серебристый шар передавит ее собственные яйца, и не выкатила его из гнезда. Жемчужина упала на землю рядом со стволом прямо на сухие листья, где ее окружили любопытные эльфы. Светила полная луна, жемчужина треснула, и появилась маленькая девочка. Эльфы собирали для нее нектар, по очереди убаюкивали, но вскоре поняли, что нектара не хватает и даже магия не помогает растить младенца сытым и довольным. Тогда они решили, что лес – не место для человеческого дитяти и спеленатую листьями девочку нужно отнести к дому и положить у порога.

По мнению Элеонор, это объясняло все: ее страстную любовь к лесу, почему она замечает на лугу фей, а другие люди видят только траву, почему, когда она была маленькая, птицы прилетали на карниз над окном детской. И конечно, это объясняло свирепую тигриную ярость, которая порой переполняла Элеонор, заставляя плевать, кричать и топтать ногами; и тогда няня Бруен сердито шипела, что ничего путного из девчонки не выйдет, если только она не научится держать себя в руках. Зато мистер Ллевелин сказал, что в жизни встречаются вещи похуже горячего нрава, а

вспыльчивость показывает, что у человека есть собственное мнение. И жажда жизни, добавил он, альтернатива которой – мертвенность! Еще он сказал, что такая девушка, как Элеонор, не даст разгореться углям своей дерзости, иначе общество найдет способ их остудить.

Элеонор доверяла словам мистера Ллевелина. Он был не такой, как другие взрослые.

* * *

Она никому не рассказывала историю своего появления. В отличие от «Волшебной двери Элеонор», которая стала известной детской книжкой, сказка «Тигр и жемчужина» принадлежала только ей. Однажды, когда Элеонор было восемь лет, в поместье вместе с родителями приехала ее двоюродная сестра Беатрис. Это случалось нечасто. Констанс, мать Элеонор, не слишком ладила со своей сестрой Верой. Между ними было одиннадцать месяцев разницы, и сестры постоянно соревновались между собой, превратив всю свою жизнь в арену сражений, где достижения одной немедленно вызвали ответные действия со стороны другой. Брак Констанс с Генри Дешилем, вначале выглядевший триумфом, оказался не таким уж блестящим, когда младшая сестра вышла за новоиспеченного шотландского графа, сколотившего огромное состояние в Африке. После этого сестры не разговаривали пять лет, но сейчас, похоже, заключили шаткое перемирие.

Как-то дождливым днем девочек отослали в детскую, где Элеонор пыталась читать «Королеву фей» Эдмунда Спенсера^[8] (эту книгу очень любил мистер Ллевелин, и Элеонор хотела произвести на него впечатление), а Беатрис заканчивала вышивать гобелен. Элеонор полностью погрузилась в свои мысли, как вдруг пронзительный крик сбил ее с ритма. Беатрис стояла, вытянувшись в струнку, и показывала куда-то под кровать; покрытое красными пятнами лицо кузины блестело от слез.

– Чудовище... моя иголка... я уронила... а там... увидела... чудовище!

Элеонор сразу поняла, в чем дело, и вытащила Зефира из-под кровати, объяснив, что тигр – сокровище, которое она прячет от гнева матери. Беатрис еще долго всхлипывала и шмыгала носом, а глаза у нее так покраснели, что Элеонор стало ее жалко. В окно барабанил дождь, за окном было холодно и сыро... В общем, самое подходящее время для сказочных историй. Элеонор усадила кузину рядом с собой на кровать и поведала о жемчужине и о своем необычном появлении в поместье. Когда она

закончила повествование, Беатрис рассмеялась и сказала, что история забавная, а Элеонор – отличная рассказчица, но разве она не знает, что появилась из маминого живота? Теперь рассмеялась Элеонор. Беатрис была пухленькой, довольно заурядной девочкой с пристрастием к лентам и кружевам и не имела склонности к сочинительству. Уму непостижимо, что она придумала такую потрясающую историю! Из маминого живота, надо же! Мама Элеонор, высокая и стройная, каждое утро втискивалась в платья, которые сидели на ней без единой морщинки и уж точно не растягивались. Невозможно представить, что у нее внутри могло что-то расти. Ни жемчужина, ни тем более Элеонор.

После этой истории Элеонор прониклась симпатией к Беатрис, и девочки, несмотря на все различия, подружились. У Элеонор почти не было друзей, только отец и мистер Ллевелин, и она наслаждалась общением со сверстницей. Элеонор показала кухне свои любимые места: форелевый ручей в лесу, излучину, где ручей вдруг становился глубже, самое высокое дерево, с вершины которого, если туда забраться, можно разглядеть вдали обугленный остов большого дома. Она даже устроила Беатрис экскурсию по старому лодочному сараю, своему излюбленному месту игр и забав. Ей казалось, что визит родственников удался, но однажды ночью, когда они обе уже лежали в кроватках, кухня заявила: «Тебе, должно быть, очень одиноко в этой глуши, где и заняться-то нечем». Элеонор поразила абсолютная неправильность ее слов. С чего это Беатрис взяла, что в поместье нечего делать? Да тут уйма развлечений! Похоже, пора познакомить кухню с самой любимой и секретной игрой, решила Элеонор.

На следующее утро она затемно разбудила Беатрис, жестом велела не шуметь и повела кухню к озеру, где буйно разрослись деревья, а в сумрачной глубине воды скользили угри. Там Элеонор познакомила Беатрис с «Бесконечными приключениями дедушки Хораса». Дневники этого великого человека, перевязанные желтой лентой, хранились наверху в библиотеке. Предполагалось, что Элеонор не знает об их существовании, но она всегда оказывалась там, куда ей запрещали ходить, или слышала то, что не должна была слышать, и потому изучила дневники от корки до корки. Элеонор разыграла перед Беатрис сцены из реальных дедушкиных приключений, вроде путешествий по Африке и Перу или походу через льды на севере Канады, а еще из тех, что выдумала сама. Под конец шел гвоздь программы: в назидательных целях она при помощи Зефира показала ужасную смерть пожилого человека, инсценируя подробности из письма, адресованного «всем заинтересованным лицам», которое ныне покоилось за обложкой последнего, незаконченного дневника. Беатрис следила за

представлением, широко раскрыв глаза, а потом захлопала в ладоши, рассмеялась и восторженно воскликнула:

– Неудивительно, что твоя мама называет тебя маленькой дикаркой!

– Правда? – Элеонор зажмурилась от удивления и неожиданности, хотя сравнение ей понравилось.

– Она сказала маме, что не представляет, как ты вступишь в лондонскую жизнь.

– В лондонскую жизнь? – Элеонор сморщила нос. – Не поеду я ни в какой Лондон!

Она слышала название «Лондон». Когда родители ссорились, это слово разило как меч. «Я чахну в твоём богом забытом захолустье! – повторяла мать. – Я хочу в Лондон. Я знаю, Генри, тебя это пугает, но моё место там. Я должна бывать в хорошем обществе. Не забывай, что меня однажды приглашали ко двору!»

Элеонор слышала эту историю тысячу раз и не придавала ей особого значения. Насколько она знала, папа ничего не боялся, и потому представляла Лондон пристанищем зла и беззакония. Как-то Элеонор спросила отца, и он ответил:

– Это большой город, полный автомобилей, омнибусов и людей.

Элеонор уловила за его ответом невысказанную тень.

– И соблазнов?

Отец быстро поднял голову, испытующе взглянул в её глаза.

– Где ты такое услышала?

Элеонор простодушно пожала плечами. Это слово сорвалось с губ отца, когда они с мистером Ллевелином разговаривали за лодочным сараем, а она, Элеонор, собирала дикую землянику у ручья.

Отец вздохнул.

– Да, для некоторых. Место соблазнов.

Он выглядел таким печальным, что Элеонор положила свою маленькую ладошку на его руку и горячо пообещала:

– Я никогда туда не уеду. Я не покину Лоэннет.

То же самое она заявила кузине Беатрис, однако кузина лишь сочувственно улыбнулась, почти как тогда отец.

– Конечно, уедешь, глупышка. Как же ты здесь найдешь себе мужа?

* * *

Элеонор не хотела уезжать в Лондон и не хотела выходить замуж, но в

тысяча девятьсот одиннадцатом году, когда ей исполнилось шестнадцать, сделала и то, и другое. Все произошло само собой. Отец умер, поместье Лоэннет попало в руки агента по торговле недвижимостью, а мать увезла ее в Лондон, чтобы подыскать выгодную партию. От злости и бессилия Элеонор дала себе слово, что никогда не влюбится. Они с мамой остановились у тети Веры в большом доме на краю Мэйфейр. Констанс и Вера решили, что их дочери вместе примут участие в светском сезоне, и, как и следовало ожидать, соперничество между сестрами вспыхнуло с новой силой, только теперь на поле брачных перспектив.

В один прекрасный вечер в конце июня в спальне на третьем этаже лондонского особняка горничная с бисеринками пота на лбу затягивала корсет на своей упрямой подопечной и говорила:

– Стойте спокойно, мисс Элеонор! Я не смогу сделать вашу грудь больше, если вы не будете стоять смирно!

Никто из горничных не любил одевать Элеонор, она знала это совершенно точно. В библиотеке был укромный уголок с вентиляционным отверстием в стене, которое выходило в кладовку, где горничные прятались от дворецкого. Элеонор подслушала их разговор, когда сама пряталась от матери. Из кладовки доносился слабый запах сигаретного дыма и обрывки фраз: «Никогда не постойте спокойно...», «А пятна на ее одежде!», «Приложи она чуточку старания...», «Если бы она хотя бы попыталась...», «Но эта ее грива!».

Элеонор уставилась на свое отражение в зеркале. Волосы у нее действительно непокорные, масса темно-каштановых кудрей, которые противятся любой попытке их укротить. Растрепанная прическа, тощие руки и ноги, еще и привычка смотреть в упор широко раскрытыми глазами... Да, кокеткой ее не назовешь. А что касается характера... Характер тоже с изъяном. Няня Бруен любила цокать языком и громко сетовать на тех, кто «жалая розги, портит ребенка», и на «потакание дурным наклонностям, из-за чего девочка расстраивает мать и, что еще хуже, Бога»! Чувства Бога остались тайной, а вот мамино недовольство легко читалось на ее лице.

Помяни черта, он тут как тут: в дверях спальни появилась Констанс Дешиль, одетая в лучшее платье, волосы (аккуратные, светлые, гладкие) уложены на макушке в затейливую прическу, на шее сверкают драгоценности. Элеонор скривилась. Деньги, вырученные от продажи этих драгоценностей, могли бы спасти Лоэннет. Мать жестом велела горничной отойти и сама зашнуровала корсет дочери. Затянув шнурки так сильно, что Элеонор ойкнула, Констанс с ходу принялась перечислять достойных, на ее

взгляд, молодых людей, которые сегодня вечером будут на балу у Ротшильдов. Элеонор не верила своим ушам. Неужели это та самая женщина, которая категорически отказывалась отвечать на вопросы отца о дорогих покупках, легкомысленно заявляя: «Ты же знаешь, я не запоминаю подробности»? В своем исчерпывающем описании мать не упустила ни одной мелочи, касающейся потенциальных женихов.

Наверняка на свете существовали матери и дочери, которым подобное занятие доставило бы удовольствие, но Констанс и Элеонор были не из их числа. Для Элеонор мать оставалась чужой, холодной и отстраненной особой, которая никогда ее не любила. Элеонор так и не поняла, почему (слуги в Лоэннете шептались, что хозяйка всегда хотела сына), но не сильно горевала по этому поводу. Неприязнь была обоюдной. Сегодня в рвении Констанс ощущалась некая маниакальная нотка. Кузину Беатрис (которая с возрастом приобрела пышные формы и нездоровое пристрастие к любовным романам Элинора Глин^[9]) упомянули в последнем номере «Придворного циркуляра»,^[10] и неожиданно соревнование между сестрами вышло на новый уровень.

– ...старший сын виконта, – говорила Констанс. – Его дед нажил состояние на какой-то сделке с Ост-Индской торговой компанией... сказочно богат... акции и облигации... американские интересы...

Все эти слова, наряды, ожидания были оковами, из которых Элеонор мечтала вырваться. Она не любила лондонский мир лепнины и вымощенных дорог, утренних примерок в ателье мадам Люсиль на Ганновер-сквер и послеобеденных экипажей, развозящих приглашения на очередной чай с болтовней в придачу. Элеонор нисколько не интересовали советы журнала «Леди», как управлять прислугой, украшать дом и избавляться от лишних волос в носу.

Рука невольно потянулась к цепочке на шее, вернее, к подвеске, спрятанной под одеждой, – нет, не к медальону, а к оправленному в серебро тигровому клыку, подарку отца. Поглаживая знакомые гладкие грани, Элеонор позволила взгляду затуманиться, и отражение в зеркале расплылось. Голос матери превратился в слабое жужжание, комната в лондонском особняке исчезла, и Элеонор оказалась дома, в Лоэннете. Они с отцом и мистером Ллевелином сидели на берегу ручья, и все в мире было хорошо.

Вечером Элеонор стояла в углу бальной залы и наблюдала, как мать, звеня драгоценностями, кружится в танце. По мнению дочери, Констанс выглядела нелепо: с пухлыми накрашенными губами и вздымающейся грудью она вальсировала, меняя одного раскрасневшегося партнера за другим, и весело смеялась. «Ну почему мама не может вести себя как остальные добропорядочные вдовы?» – думала Элеонор. Сидела бы у стены, любовалась гирляндами из лилий и втайне мечтала бы попасть домой, где ждет горячая ванна, расправленная постель и грелка. Очередной партнер Констанс что-то сказал ей на ухо, она прижала руку к декольте, и у Элеонор вдруг всколыхнулись воспоминания: перешептывания слуг, когда она была маленькой, тихие шаги в коридоре на рассвете, странные мужчины, которые без обуви, в одних носках, пробирались в свои комнаты... Лицо Элеонор застыло, ее охватила жгучая тигриная ярость. Нет греха хуже измены; самое страшное, что может сделать человек, – это нарушить клятву.

– Элеонор, смотри!

Рядом стояла Беатрис и тяжело дышала. От малейшего волнения у нее начиналась одышка. Элеонор проследила за взглядом кузины и увидела, что в мерцании свечей приближается бойкий молодой человек с прыщами на подбородке. Элеонор ощутила нечто вроде безысходности. И это любовь? Надеть лучший наряд, нарисовать на лице маску, станцевать заученный танец, вести беседу, используя заранее подготовленные вопросы и ответы?

– Ну конечно! – воскликнула Беатрис, когда Элеонор высказала свои мысли вслух.

– Должно же быть нечто большее, разве нет?

– Ох, Элеонор, ты такая наивная! Знаешь, жизнь не похожа на сказку. Все это хорошо в книгах, но волшебства не существует.

После скоропалительного переезда в Лондон Элеонор много раз жалела, что рядом нет мистера Ллевелина. Она хранила все полученные письма и сберегала копии отправленных в специальных книгах для третьих экземпляров, однако письменное общение не способно заменить разговор по душам с близким человеком. Кажется, все бы отдала, лишь бы ее понимали! Ведь дело не в волшебстве, она имела в виду простую истину. Любовь – это свершившийся факт, нечто само собой разумеющееся, а не взаимовыгодное соглашение между двумя людьми, соответствующее определенным требованиям. Эти слова вертелись у Элеонор на языке, когда Беатрис пропела сквозь сжатые в самой очаровательной улыбке зубы:

– А теперь, дорогая, сделай веселое лицо, и посмотрим, обратят ли на

нас внимание!

Элеонор сникла. Безднадежно. Ее не интересовало внимание изнеженных мужчин, которые ведут никчемную жизнь ради своего удовольствия. Как-то раз отец сказал, что бедняк, может, и претерпевает нужду, зато богач вынужден мириться с собственной бесполезностью, и ничто так не разъедает душу, как безделье. Улучив минуту, когда Беатрис отвлеклась, Элеонор проскользнула сквозь толпу к выходу.

Она поднялась по лестнице, пролет за пролетом, не зная, куда и зачем идет, радуясь, что музыка за спиной становится все тише. У Элеонор вошло в привычку как можно раньше сбегать из танцевального зала, а потом исследовать дом, где устраивали бал. Это прекрасно у нее получалось: в детстве она вместе с духом дедушки Хораса частенько бродила по лесам Лоэннета, незаметная для посторонних глаз. Элеонор дошла до лестничной площадки, увидела приоткрытую дверь и решила, что можно начать прямо отсюда.

В окно ртутью лился лунный свет, и Элеонор разглядела, что попала в какой-то кабинет. На дальней стене висели книжные полки, на ковре посреди комнаты стоял большой письменный стол. Элеонор подошла поближе, села за стол. Возможно, из-за запаха кожи или потому, что ее не покидала мысль об отце, Элеонор представила кабинет в Лоэннете, где часто видела отца незадолго до смерти, когда тот сидел, склонив голову, над листком с цифрами и пытался разобраться с семейными долгами. В последние месяцы жизни он утратил силы и уже не мог, как прежде, бродить с Элеонор по лугам и лесам. Элеонор решила приносить отцу дорогую его сердцу природу и каждое утро собирала всякие разности, показывала ему и рассказывала обо всем, что видела, слышала или чувствовала. Однажды, когда она весело болтала о меняющейся погоде, папа жестом велел ей замолчать. Он сказал, что разговаривал со своим поверенным. «Моя милая девочка, я больше не богат, но наше поместье в безопасности. Я принял кое-какие меры, чтобы Лоэннет нельзя было продать. У тебя всегда будет свой дом». Впрочем, со временем документы исчезли, а мать утверждала, что ничего не знает об их существовании. «Под конец он говорил много чепухи», – сказала она.

Оглянувшись на закрытую дверь, Элеонор включила настольную лампу. На поверхности стола возник широкий треугольник яркого света. Барабаня пальцами по дереву, Элеонор разглядывала письменные принадлежности. Подставка для ручек из резной слоновой кости, пресс-папье, толстая тетрадь в коленкоровом переплете. Еще на столе лежала открытая газета, и Элеонор принялась лениво перелистывать страницы.

Позже все события того дня сложатся в пронизанную благоговением сагу «Как они встретились» и обретут черты неизбежности. А тогда Элеонор просто спасалась от скучного и предсказуемого бала внизу. В глаза бросился заголовок «В Лондонский зоопарк привезли пару дальневосточных тигров», и она даже не заметила, как открылась дверь. Клык Зефира вдруг потеплел, и Элеонор поняла, что должна увидеть этих тигров.

Глава 8

Лондон, июнь 1911 г.

Через два дня Элеонор представилась такая возможность. Родственники собрались посетить Фестиваль Британской империи, и все в доме Веры пребывали в радостном оживлении.

– Представляете, настоящие дикари из Африки! – воскликнула Беатрис за рюмочкой хереса вечером накануне.

– И летательный аппарат! – вторила Вера. – А еще живые картины!

– Да, триумф мистера Ласселза, – согласилась Констанс и с надеждой добавила: – Интересно, а сам он там будет? Я слышала, он большой друг короля.

Хрустальный дворец^[11] сиял в солнечных лучах, когда «Даймлер» остановился у входа. Матери Элеонор, тете и кузине Беатрис помогли выйти из машины, за ними последовала сама Элеонор, которая задрала голову, любуясь великолепным строением из стекла. Оно оказалось точно таким, как про него рассказывали, красивым и впечатляющим, и щеки Элеонор вспыхнули от предвкушения. Впрочем, перспектива провести весь день, любуясь сокровищами Империи, ее не прельщала, у Элеонор был свой план.

Компания направилась в секцию, посвященную Британии, провела там добрых полчаса, согласившись, что все экспонаты превосходны, а затем перешла к экзотическим чудесам из колоний. В зале цветоводства родственники восхитились роскошными цветами, у бивака кадетских корпусов из доминионов оценили атлетические фигуры курсантов, потом посмотрели живые картины, раскритиковав их в пух и прах. Элеонор плелась сзади и с умным видом кивала, когда к ней обращались. Наконец, когда они подошли к Средневековому лабиринту, Элеонор улыбнулась удача. В лабиринте толпился народ, и Элеонор без труда отделилась от компании. Просто свернула налево, пока остальные поворачивали направо, вернулась и вышла там, откуда они зашли.

Опустив голову из боязни столкнуться с кем-либо из маминых знакомых, она торопливо шагала мимо Имперской спортивной арены к павильону сельского хозяйства и не останавливалась до тех пор, пока не дошла до выхода к железнодорожной станции. Там настроение Элеонор сразу улучшилось. Она вытащила карту, позаимствованную в кабинете дяди Вернона, и еще раз сверилась с маршрутом, который загодя составила

в ванной. Согласно ее плану, сейчас всего-то нужно дождаться на Норвуд-роуд трамвая номер семьдесят восемь и доехать на нем до вокзала Виктория. Оттуда остаток пути можно проделать пешком: пересечь Гайд-парк, пройти через Мэрилебон-стрит, и вот он, Риджентс-парк. Лучше держаться парков, решила Элеонор. Улицы Лондона походили на ревущие реки, стремительно несущиеся через город, и движение на них такое ужасное и быстрое, что иногда она почти чувствовала, как ее сбивает с ног.

Впрочем, сегодня Элеонор было не до страха. С прыгающим от предвкушения сердцем она спешила по тротуару к трамвайной остановке, радуясь, что скоро увидит тигров, а еще больше тому, что впервые за несколько недель осталась одна. Тяжело покачиваясь, подъехал семьдесят восьмой трамвай. Элеонор остановила его взмахом руки, заплатила за проезд монетками, тоже позаимствованными в кабинете дяди Вернона, и вот так запросто отправилась навстречу мечте. Она чувствовала себя взрослой и бесстрашной, искательницей приключений, готовой преодолеть любые препятствия. Оборванные, казалось бы, связи с детством, жизнью в Лоэннете и собой прежней, снова окрепли, девушка наслаждалась радостным трепетом, какой она испытывала, когда играла в приключения дедушки Хораса. Пока трамвай проезжал по Воксхольскому мосту, а потом катил по рельсам через Белгравию, Элеонор незаметно гладила под блузкой подвеску из тигрового клыка.

У вокзала Виктория царил сует, люди спешили во всех направлениях – море цилиндров, тростей и шуршащих юбок. Элеонор сошла с трамвая, торопливо проскользнула сквозь толпу и очутилась на улице, где в обе стороны теснились конные экипажи, развозя приглашенных на приемы с чаем. Она едва не запрыгала от радости, что не сидит в одной из карет.

Помедлив пару секунд, чтобы собраться с духом, Элеонор пошла по Гросвенор-плейс. Она двигалась быстро и вскоре запыхалась. В Лондоне смешалась вонь навоза и выхлопных газов, старого и нового, и Элеонор обрадовалась, когда свернула в Гайд-парк и вдохнула аромат роз. По красной глине аллеи Роттен-роу няни в накрахмаленных форменных платьях торжественно катили детские коляски, на газонах виднелись зеленые шезлонги, в которых можно было отдохнуть за шесть пенсов. Пруд Серпентайн пестрел лодками, похожими на больших уток.

– Покупайте сувениры! – кричал уличный торговец с лотком, полным флажков в честь коронации и открыток с изображением огромной новой статуи, которая стояла перед Букингемским дворцом, символизируя мир. («Мир? – фыркнул дядя Вернон всякий раз, когда карета проезжала мимо внушительного беломраморного монумента, выделяющегося на фоне

темных каменных стен дворца. – Да нам повезет, если хотя бы одно десятилетие обойдется без войны!» После этих слов на лице дяди появлялось самодовольное выражение: больше всего на свете он любил предрекать что-нибудь плохое. «Папа, не будь таким ворчуном! – выговаривала ему Беатрис, но тут же отвлекалась на проезжающий экипаж. – Ой, смотрите! Это же карета Мэннерсов, да? Вы слышали, что недавно устроила леди Диана? Нарядилась черным лебедем на благотворительный бал, где все должны были быть в белом! Представляете, как разозлилась леди Шеффильд?»)

Увидев табличку с названием «Бейкер-стрит», Элеонор снова вспомнила дядю Вернона. Тот считал себя в некотором роде сыщиком, и ему нравилось ломать голову над делами Шерлока Холмса. Элеонор взяла из дядиного кабинета парочку детективов, но поклонницей жанра так и не стала. Самонадеянность рационализма шла вразрез с ее любимыми сказками. Даже сейчас, подумав о самоуверенном заявлении Шерлока Холмса, что любую загадку можно решить методом дедукции, Элеонор разозлилась. Разозлилась до такой степени, что, подходя к Риджентс-парку, совсем забыла о моторизованной реке, которую предстояло пересечь. Не глядя, она шагнула на дорогу и не замечала омнибус, пока чуть не оказалась под его колесами. Видя, как на нее несется огромная реклама чая «Липтон», Элеонор поняла, что сейчас погибнет. В голове мелькнула мысль: они с отцом снова будут вместе и не надо больше печалиться о потере Лоэннета, но как жаль, что она не посмотрела тигров!.. Элеонор зажмурилась, ожидая, что на нее обрушится боль, а потом забвение.

Неожиданно у нее перехватило дыхание – какая-то сила схватила ее за талию, а потом швырнула на землю. Смерть оказалась совсем не такой, какой ее представляла Элеонор. Вокруг клубились звуки, в ушах звенело, голова кружилась. Элеонор открыла глаза и увидела очень близко самое прекрасное лицо из всех, какие только можно представить. Хотя Элеонор никому в этом не призналась, но и много лет спустя она с улыбкой вспоминала, как в тот миг подумала, что видит лицо бога.

Но это был не бог, а всего лишь юноша, молодой человек ненамного старше ее самой, с песочно-каштановыми волосами. Он сидел на земле рядом с ней и одной рукой придерживал ее за плечи. Губы у него двигались, однако Элеонор не разобрала ни слова. Юноша внимательно посмотрел ей в один глаз, потом в другой. Наконец, он улыбнулся, хотя шум стоял несусветный – вокруг них собралась толпа, – а Элеонор подумала, какой красивый у него рот, и потеряла сознание.

Его звали Энтони Эдевейн, и он учился в Кембридже на врача, точнее, на хирурга. Элеонор узнала об этом в буфете на станции метро «Бейкер-стрит», куда молодой человек привел ее после происшествия с омнибусом и угостил лимонадом. Там его ждал друг, юноша с черными кудрявыми волосами и в очках. Элеонор с первого взгляда определила, что он из тех молодых людей, которые всегда выглядят так, будто бы одевались второпях, и волосы у них вечно взъерошены. Он ей сразу понравился: Элеонор почувствовала в нем родственную душу.

– Говард Манн. – Энтони кивнул на растрепанного юношу. – А это Элеонор Дешиль.

– Рад встрече, Элеонор, – сказал Говард, взяв ее за руку. – Какой замечательный сюрприз! Откуда вы знаете моего друга?

– Он только что спас мне жизнь.

Элеонор словно со стороны услышала свой голос и подумала, как, должно быть, неправдоподобно это звучит.

Однако Говард и глазом не моргнул.

– Правда? Неудивительно. Вполне в его духе. Не будь он моим лучшим другом, я бы его ненавидел.

Этот шуточный разговор с двумя посторонними мужчинами в станционном буфете мог бы показаться странным и неловким, однако спасение от неминуемой гибели в некотором роде снимает привычные строгие правила. Беседа шла легко и свободно, и с каждой фразой оба молодых человека все больше нравились Элеонор. Энтони и Говард подшучивали друг над другом, но так благожелательно и располагающе, что она тоже включилась в разговор. Вскоре Элеонор уже высказывала вслух свое мнение, смеялась, кивала, а иногда не соглашалась с такой запальчивостью, что Констанс пришла бы в ужас.

Они втроем обсудили науку и природу, политику и порядочность, семью и дружбу. Элеонор выяснила, что больше всего на свете Энтони хотел стать хирургом, мечтал об этом с самого детства: его любимая горничная умерла от аппендицита из-за того, что поблизости не оказалось квалифицированного врача. Говард был единственным сыном чрезвычайно богатого графа, который с четвертой женой проводил время на Французской Ривьере, посылая деньги на содержание сына в фонд, которым руководил управляющий из лондонского банка «Ллойдс». Молодые люди познакомились в первый школьный день, когда Энтони

одолжил Говарду свою запасную форму, чтобы тому не попало от воспитателя, и с тех пор почти не разлучались.

– Мы, скорее, братья, – пояснил Энтони, тепло улыбнувшись Говарду.

Время летело незаметно, пока во время паузы Говард не сказал Элеонор, слегка нахмурившись:

– Не хочу показаться некомпанейским, но, боюсь, вас уже потеряли.

Элеонор посмотрела на отцовские часы, которые, к неудовольствию матери, носила со дня папиной смерти, и с ужасом поняла, что прошло уже три часа, как она сбежала в лабиринте от родственников. Перед мысленным взором предстал образ разгневанной матери.

– Вполне возможно, – мрачно заметила она.

– Тогда мы отвезем вас домой. Как ты считаешь, Энтони?

– Да, конечно, – пробормотал Энтони, хмуро посмотрел на собственные часы и постучал по циферблату, как будто сомневаясь, что они показывают правильное время. Элеонор показалось, что она услышала в его голосе нотки огорчения. – Страшно эгоистично задерживать вас своей болтовней, когда вам надо бы отдохнуть.

Внезапно Элеонор отчаянно захотелось остаться с ними. С ним. И она принялась возражать: такой чудесный день, она себя прекрасно чувствует и не собирается идти домой, и вообще, она проделала весь этот путь, почти дошла до зоопарка, а тигров так и не увидела! Энтони говорил о ее голове, сотрясении при ударе, но Элеонор настаивала, что чувствует себя прекрасно. Немного кружится голова, особенно если попытаться встать, однако это вполне ожидаемо: в кафе очень жарко, а она ничего не ела и... ой! Ничего, сейчас она немного посидит, отдышится и подождет, пока в глазах прояснится.

Энтони настаивал, Элеонор упрямылась, и все решил Говард. С извиняющейся улыбкой он взял ее за руку, а его друг пошел оплачивать счет.

Элеонор смотрела вслед Энтони. Какой он умный, добрый и явно радуется жизни во всех ее проявлениях! А еще он красивый. Густые песочно-каштановые волосы и загорелая кожа, взгляд, горящий от любопытства и страсти к учению. Возможно, что-то случилось с ее зрением после того, как она чуть не погибла, подумала Элеонор, но, кажется, от Энтони исходит сияние. Энергичный и целеустремленный, он выглядит более живым, чем все люди в зале.

– Правда, он особенный? – спросил Говард.

Элеонор покраснела. Она не думала, что ее восхищение бросается в глаза.

– Он был самым умным в классе и получил больше всех наград по итогам обучения в школе. Сам он об этом никогда не расскажет, потому что до неприличия скромн.

– Неужели? – Элеонор притворилась, что интересуется только из вежливости.

– Он собирается открыть хирургическое отделение для неимущих, когда получит диплом хирурга. Трудно представить, сколько детей обходятся без жизненно необходимых операций из-за нехватки денег.

Молодые люди отвезли Элеонор в Мэйфейр на серебристом «Роллс-Ройсе» Говарда. Дверь открыл дворецкий, но Беатрис, которая из окна своей комнаты увидела, как они подъезжают, сбежала по ступенькам вслед за ним.

– О господи, Элеонор! – взволнованно выдохнула она. – Твоя мама вне себя от ярости!

Заметив Энтони и Говарда, Беатрис тут же взяла себя в руки и кокетливо взмахнула ресницами.

– Здравствуйте.

– Беатрис, позволь мне представить Говарда Манна и Энтони Эдевейна, – с улыбкой произнесла Элеонор. – Мистер Эдевейн спас мне жизнь.

– Ну, тогда вы должны остаться на чай, – не моргнув глазом сказала Беатрис.

Историю спасения рассказали за чаем и лимонным кексом. Констанс сидела, подняв брови и поджав губы. Ее переполняли незадаанные вопросы, вроде того, как Элеонор вообще оказалась на Мэрилебон, но Констанс сохранила самообладание и лишь сдержанно поблагодарила Энтони.

– Эдевейн? – спросила она с надеждой. – Вы, случайно, не сын лорда Эдевейна?

– Он самый, – весело ответил Энтони, взяв второй кусок кекса. – Младший из трех.

Улыбка Констанс исчезла. (Позже слышали, как она высказывает Вере: «Третий сын?! Третий сын не должен болтаться по улицам, спасая впечатлительных девиц! Ради всего святого, ему полагается работать в министерстве!»)

Зато для Элеонор сразу все прояснилось. Его легкий, добродушный характер, непостижимое, почти королевское достоинство, с которым он держался, то, как они встретились. Оказывается, он третий сын!

– Вам предназначено стать героем волшебной истории, – сказала она.

Энтони рассмеялся.

– Ну, не знаю, хотя считаю, что мне повезло родиться третьим.

– Неужели? – Голос Констанс на несколько градусов понизил температуру в комнате. – Умоляю, скажите, почему?

– У отца уже есть основной и запасной наследники, и я могу делать то, что мне хочется.

– Чего же вам хочется, мистер Эдевейн?

– Я собираюсь стать врачом.

Элеонор принялась было объяснять, что Энтони учится на хирурга и намерен провести жизнь, помогая бедным, что его много раз награждали за успехи в учебе, однако Констанс, которую не интересовали подобные мелочи, оборвала дочь на полуслове.

– Человеку вашего круга не нужно зарабатывать себе на жизнь. Вряд ли ваш отец одобряет эти порывы.

Энтони пристально посмотрел на нее, и Элеонор показалось, что из комнаты исчезло оставшееся тепло. Воздух словно дрожал от напряжения. Раньше никто не перечил матери, и Элеонор затаила дыхание, ожидая, что скажет Энтони.

– Мой отец, миссис Дешиль, видел, подобно мне, что случается со скучающими богачами, которые никогда в жизни не работали. Я не собираюсь сидеть сложа руки и думать, как убить время. Я хочу помогать людям и приносить пользу. – Он повернулся к Элеонор, как будто, кроме них, в комнате никого не было. – А вы, мисс Дешиль? Чего вы хотите от жизни?

В тот миг что-то изменилось, и это крохотное смещение стало решающим. Энтони поражал незаурядностью своей натуры, и Элеонор поняла, что их утренняя встреча была предопределена судьбой. Связь между ними казалась такой прочной, почти зримой. Элеонор хотелось так много рассказать Энтони, но вместе с тем она странным образом чувствовала, что не нужно ничего рассказывать. Она видела это в его глазах, читала в его взгляде. Энтони уже знал, чего она хочет от жизни. Что она не намерена становиться одной из тех, кто играет в бридж, сплетничает и ждет, когда кучер поможет выйти из кареты; ей нужно гораздо больше, столько всего, что не хватает слов, чтобы это высказать. И потому Элеонор просто сказала:

– Я хочу посмотреть на тигров.

Энтони рассмеялся, по его лицу разлилась блаженная улыбка. Он протянул Элеонор открытые ладони.

– Ну, это легко устроить. Сегодня отдохайте, а завтра я отведу вас в зоопарк. – Он повернулся к матери Элеонор и добавил: – Если вы не

возражаете, миссис Дешиль.

Те, кто знал Констанс, поняли, что у нее масса возражений, и ей очень хочется запретить этому самоуверенному юнцу – третьему сыну! – сопровождать ее дочь куда бы то ни было. Элеонор никогда не видела, чтобы мать испытывала к кому-либо столь сильную неприязнь. Впрочем, Констанс ничего не могла сделать. Энтони был из хорошей семьи, он спас жизнь ее дочери и предложил отвести Элеонор туда, куда она очень хотела попасть. Не желая показаться невежливой, Констанс с кислой улыбкой выдавила из себя невнятное разрешение. Чистой воды формальность. Все в комнате почувствовали, что расклад сил изменился: с той самой минуты матримониальные планы Констанс относительно Элеонор больше ничего не значили.

После чая Элеонор проводила обоих юношей до двери.

– Надеюсь, мы еще увидимся, мисс Дешиль, – тепло произнес Говард и посмотрел на Энтони с понимающей улыбкой. – Пойду прогрею машину.

Оставшись одни, Элеонор и Энтони сразу же замолчали.

– Вот так, – сказал он.

– Вот так.

– Значит, завтра зоопарк?

– Да.

– Пообещайте, что до того времени не броситесь под автобус.

Она рассмеялась:

– Обещаю!

Он слегка нахмурился.

– Что случилось? – спросила Элеонор, внезапно смутившись.

– Ничего. Мне просто нравятся ваши волосы.

– Вот это?

Она потрогала растрепанную после всех сегодняшних волнений гриву. Энтони улыбнулся, и в душе Элеонор что-то дрогнуло.

– Да. Очень нравятся.

Энтони попрощался. Когда Элеонор зашла в дом и закрыла за собой дверь, перед ней со всей очевидностью предстала простая истина: все изменилось.

* * *

Было бы неправильно утверждать, что в следующие две недели между Энтони и Элеонор возникла любовь; нет, они влюбились в первый же день.

А после почти не расставались, во многом благодаря доброте Беатрис, которая оказалась на редкость нестрогой дуэньей. Они ходили в зоопарк, где Элеонор наконец увидела тигров, целыми днями бродили по Хэмпстеду, отыскивая укромные уголки среди зеленого вереска и обмениваясь секретами, исследовали Музей естественной истории и Музей Виктории и Альберта, а еще восемь раз смотрели гастрольное выступление труппы русского Императорского балета. Элеонор ездила только на те балы, где бывал Энтони. Зато они часто гуляли вдоль Темзы, болтали и смеялись, словно знали друг друга всю жизнь.

В конце каникул, утром того дня, когда нужно было вернуться в Кембридж, Энтони сделал крюк, чтобы увидеть Элеонор. Не дожидаясь, пока они войдут в дом, он прямо на пороге выпалил:

– Я шел сюда с мыслью, что попрошу тебя дожидаться меня.

Сердце Элеонор забилося чаще, но у нее перехватило дыхание, когда он добавил:

– Потом я понял, что это неправильно.

– Да? Почему?

– Я не могу просить того, чего бы не сделал сам.

– Я могу подождать...

– А я нет, ни одного дня. Я не могу жить без тебя, Элеонор. Я должен спросить... Как ты думаешь... ты выйдешь за меня замуж?

Элеонор улыбнулась.

– Да, тысячу раз да! Конечно, я выйду за тебя замуж!

Энтони схватил ее в объятия и закружил, целуя, потом осторожно поставил на пол.

– Я всегда буду любить только тебя! – сказал он, убирая с ее лица выбившиеся пряди волос.

От прозвучавшей в его голосе уверенности у Элеонор по коже побежали мурашки. Небо – голубое, север находится напротив юга, а он, Энтони Эдевейн, будет любить только ее.

Элеонор тоже призналась ему в вечной любви, и Энтони улыбнулся – несколько не удивившись, как будто уже знал, что так оно и будет.

– Знаешь, я не богат и вряд ли когда-нибудь стану богачом.

– Мне все равно.

– Со мной ты никогда не будешь жить в таком доме. – Он показал на великолепный особняк тети Веры.

– Меня это не волнует! – негодуя воскликнула Элеонор.

– Или в поместье вроде того, где ты выросла. В Лоэннете.

– Ну и ладно, обойдусь, – сказала она и впервые в это поверила. – Ты

теперь мой дом.

* * *

В Кембридже они жили счастливо. Квартирка Энтони была маленькой, но чистой, а Элеонор сделала ее уютной. Энтони учился на последнем курсе и почти все вечера допоздна просиживал за учебниками, Элеонор рисовала и читала. Даже в манере Энтони хмуриться над книгой сквозили ум и добродушие, а еще он двигал руками, когда читал о лучших способах провести ту или иную операцию. У него были очень чуткие руки, осторожные и ловкие. «Энтони всегда умел работать руками, строить и чинить, – сказала его мать Элеонор, когда они впервые встретились. – В детстве он обожал разбирать часы моего мужа, нашу семейную реликвию. К счастью для нас – и для него! – он всегда собирал их и они шли как новенькие».

Их семейная жизнь не отличалась изысканностью: они не посещали светские мероприятия, но приглашали родных и близких друзей на задушевные посиделки у себя дома. Порой к ужину приходил Говард, оставался до поздней ночи, и они втроем сидели за бутылкой вина, болтали, смеялись и спорили. Иногда приезжали родители Энтони, несколько озадаченные тем, в какой скромной обстановке живет их младший сын, но слишком вежливые, чтобы высказываться по этому поводу, однако самым частым гостем был мистер Ллевелин. Мудрый, с прекрасным чувством юмора, он по-отцовски любил Элеонор и вскоре стал закадычным другом Энтони. Они подружились еще сильнее, когда Энтони узнал, что до того, как прославиться благодаря своему литературному таланту, его старший товарищ тоже учился на врача (правда, не на хирурга, а на врача общей практики). «Неужели вам никогда не хотелось вернуться к медицине?» – часто спрашивал Энтони, не в силах понять, что может встать между человеком и его призванием. Мистер Ллевелин только улыбался и качал головой: «Я нашел занятие по душе. Оставлю медицину компетентным людям вроде вас, тем, чья кровь бурлит от желания помогать и исцелять». Закончив доклиническое обучение с отличными оценками и медалью университета, Энтони пригласил на выпускную церемонию родителей, Элеонор и мистера Ллевелина. Когда ректор выступил с напутственной речью о возмужании и долге – «Если человек не может принести пользу своей стране, ему лучше умереть!» – мистер Ллевелин тихонько шепнул на ухо Элеонор: «Забавный тип, напоминает твою мать»,

и Элеонор едва удержалась от смеха. Тем не менее глаза мистера Ллевелина сияли от гордости, когда он смотрел, как его юному другу вручают диплом.

Ни Энтони, ни Элеонор не лгали, говоря, что деньги их не интересуют, однако жизнь – штука коварная, и очень скоро они разбогатели. После девяти месяцев семейной жизни они стояли на причале в Саутгемптоне, провожая родителей и старших братьев Энтони, которые все вместе отправлялись в Нью-Йорк.

– Жалеешь, что мы не поехали с ними? – спросил Энтони, пытаясь перекрыть восторженные крики толпы.

Родственники предлагали им присоединиться к путешествию. Увы, билеты были слишком дорогими для скромного бюджета Энтони, а ехать за счет родителей он категорически отказался. Элеонор понимала, что муж огорчен из-за того, что не может обеспечить ей подобную роскошь, но сама она ничуть не расстроилась. Она пожала плечами.

– В море меня укачивает.

– Нью-Йорк – потрясающий город.

Элеонор стиснула его ладонь.

– Мне все равно, где находиться, лишь бы ты был рядом.

Улыбка Энтони светилась такой любовью, что у Элеонор перехватило дыхание. Они вновь принялись махать родным, и Элеонор задалась вопросом, может ли человек быть слишком счастливым. Чайки ныряли в волны, а мальчишки в матерчатых шапочках бежали, перепрыгивая через препятствия, вслед за уходящим судном.

– Непотопляемый, – качая головой, произнес Энтони, когда огромный пароход отошел от причала. – Подумать только!

* * *

На вторую годовщину свадьбы Энтони предложил поехать на выходные в знакомое ему местечко у моря. После нескольких месяцев скорби о погибших в ледяных водах Атлантического океана родственниках у них наконец-то появился повод для радости.

– Ребенок, – ошеломленно пробормотал Энтони, когда Элеонор сообщила ему новость. – Надо же, крошечная копия тебя и меня!

Они приехали ранним поездом из Кембриджа в Лондон и сделали пересадку на вокзале Паддингтон. Ехать пришлось долго; Элеонор взяла с собой корзинку с едой, чтобы перекусить в дороге. Они то читали, то болтали, иногда азартно резались в карты, а потом, довольные, сидели,

прижавшись друг к другу, держались за руки и смотрели в окно на проносящиеся мимо поля.

Наконец они добрались до нужной станции, где их ждал водитель, и Энтони усадил Элеонор в машину. Дорога была узкая и извилистая, и после целого дня пути Элеонор разморило в душном салоне автомобиля. Зевнув, она положила голову на спинку сиденья.

– Что с тобой? Ты себя хорошо чувствуешь? – ласково спросил Энтони.

Элеонор ответила, что да, и она не лукавила. Поначалу, когда муж впервые заговорил о поездке, Элеонор задавалась вопросом, каково ей придется неподалеку от места, где прошло ее детство, и сможет ли она заново пережить потерю отца и родного дома. Теперь же она поняла, что, конечно, расчувствуется, но если от прошлых горестей никуда не денешься, то будущее принадлежит ей и думать надо о нем.

– Я рада, что мы сюда приехали, – сказала она, положив руку на слегка округлившийся живот и глядя на дорогу, которая сужалась по мере приближения к океану. – Я так давно не видела моря!

Энтони с улыбкой потянулся к ней. Она смотрела на его большую ладонь поверх своей маленькой и не верила собственному счастью.

Элеонор погрузилась в воспоминания и незаметно уснула. С тех пор как она забеременела, с ней это часто случалось, а сегодня она ужасно устала. Мотор равномерно урчал, теплая ладонь Энтони покоилась на ее руке, в воздухе ощутимо пахло солью. Элеонор не знала, сколько прошло времени, прежде чем муж легонько толкнул ее локтем и сказал:

– Проснись, Спящая красавица!

Она села и потянулась, мигая под ультрафиолетовым светом жаркого дня до тех пор, пока мир перед глазами не приобрел привычную форму.

У Элеонор перехватило дыхание.

Они приехали в Лоэннет, под ее родной, любимый, потерянный кров. Сады буйно разрослись, сам дом обветшал еще сильнее, чем она представляла, но для нее это было лучшее место на земле.

– Добро пожаловать домой, – сказал Энтони, целуя ее руку. – С днем рождения, с годовщиной свадьбы, с началом новой жизни!

* * *

Сперва донесся звук, зрительный образ возник позже. Какое-то насекомое билось об оконное стекло, за короткими, яростными вспышками

статичной тревоги следовали недолгие мгновения тишины, а за всем этим слышалось тихое непрерывное царапанье, которое Элеонор узнала, но она не смогла бы сказать, что это. Открыв глаза, она обнаружила, что вокруг темно и только сквозь щель между задернутыми шторами пробивается полоска ослепительного света. Пахло знакомо: комнатой, закрытой от летнего зноя, плотными штофными портьерами и тенистой прохладой панелей, застоявшимся солнечным светом. Это спальня, поняла Элеонор, их с Энтони спальня. Лоэннет.

Она снова закрыла глаза. Голова кружилась. В комнате было очень жарко, и Элеонор слегка мутило. Такая жара стояла тем летом, когда они с Энтони приехали сюда вместе, в тысяча девятьсот тринадцатом году. Они вдвоем, почти дети, прекрасно провели время без суетливого внешнего мира. Дом нуждался в ремонте, и они поселились в лодочном сарае, излюбленном месте детских игр Элеонор. Обстановка не отличалась роскошью – кровать, стол, самая простая кухонная утварь и крошечная уборная, – но они были молоды, влюблены и привыкли обходиться малым. Позже, все долгие годы, пока Энтони воевал, Элеонор, чувствуя, что ей грустно, одиноко или не хватает сил, шла в лодочный сарай, прихватив письма от мужа; там, как больше нигде, она могла снова прикоснуться к счастью и искренности, которые окружали ее тем летом, пока в их с Энтони рай не ворвалась война.

Они завтракали, обедали и ужинали на свежем воздухе, ели сваренные вкрутую яйца и сыр из корзинки для пикника, пили вино под сиренью в саду. Бродили по лесу и воровали яблоки на соседней ферме, катались по озеру в маленькой лодке Элеонор, и один спокойный час плавно сменялся другим. Ясной тихой ночью они доставали из сарая старенькие велосипеды и катили вдвоем по пыльной тропе, обгоняя друг друга, смеясь и вдыхая соленый теплый воздух, а камни, еще теплые после жаркого дня, казались ослепительно-белыми в ярком лунном свете.

Идеальное было лето, Элеонор поняла это только со временем. Длинная череда погожих дней, ее с Энтони юность, новое и всеобъемлющее чувство влюбленности... Увы, в мире действовали более значительные силы. Это лето стало для Энтони и Элеонор началом – началом их семьи, совместной жизни, – но оно же завершило что-то другое. Они вместе со всем человечеством стояли на краю пропасти; их эпоха, которая несколько поколений не менялась, должна была вот-вот рухнуть. Кое-кто это предвидел, но только не Элеонор. Она даже не пыталась представить будущее: счастливое настоящее окутывало ее как коконом, кружило голову, и ничего не имело значения, кроме сегодняшнего дня.

Насекомое все билось о витражное стекло, и Элеонор накрыла новая волна горя. Настоящее просачивалось сквозь воспоминания. Тео. Вопросы репортера, фотограф, Элис в дверях библиотеки. Элеонор узнала выражение лица дочери. У нее было точно такое выражение, когда Элеонор увидела, как она вырезает свое имя на наличниках, или когда кухарка отправила маленькую Элис наверх за то, что она таскала из кладовки сахарных мышек, или когда она испортила новое платье большими чернильными пятнами.

Да, Элис выглядела виноватой, но было в ее лице что-то еще. Казалось, она хочет что-то сказать. Но что? И кому? А если ей что-то известно? Элис, как и всех остальных в доме, допрашивали полицейские. Неужели она знает, где может быть Тео, и никому об этом не сказала?

– Как она могла? – раздался в темноте слабый голос. – Она же сама еще ребенок!

Элеонор не собиралась произносить эти слова вслух, и ей стало не по себе. Во рту пересохло, наверное, из-за лекарства, которое дал доктор Гиббонс. Она потянулась за стаканом воды на прикроватной тумбочке и наконец разглядела в темной комнате еще одного человека: в коричневом бархатном кресле у бюро сидела ее мать.

– Есть новости? – торопливо спросила Элеонор.

– Пока нет. – Мать писала письма, перо царапало по веленовой бумаге. – Добрый полицейский, который постарше и кривой на один глаз, сказал, что у них появилась новая информация, возможно, она окажется полезной.

– Какая еще информация?

Скрип-скрип.

– Ну, Элеонор, ты же знаешь, я не запоминаю подробности!

Элеонор сделала глоток воды. Руки дрожали, в горле саднило. Должно быть, это Элис рассказала. Элеонор представила, как дочь направляется к полицейскому, и ее энергичное лицо выражает уверенность, когда она вытаскивает записную книжку и зачитывает вслух свои четкие и емкие записи. Наблюдения и теории, которые, как она считает, «имеют непосредственное отношение к делу».

Вполне вероятно, что Элис действительно заметила какую-нибудь деталь, которая приведет полицию к Тео. Девочка приобрела необъяснимую привычку оказываться там, где ей быть не положено.

– Я должна поговорить с Элис.

– Тебе нужно отдохнуть. Мне сказали, доктор Гиббонс дал тебе очень сильное снотворное.

– Мама, пожалуйста.

Вздых.

– Понятия не имею, где она. Ты же знаешь эту девчонку. Сама в ее возрасте была точно такая же, обе до невозможности упрямые.

Элеонор не стала отрицать. Если честно, то характеристика была довольно точной, хотя она сама подобрала бы другое слово. Элеонор предпочитала думать, что в юности она была «упорной», даже «преданной своим взглядам».

– Тогда позови мистера Ллевелина. Мама, я тебя очень прошу. Он знает, где найти Элис.

– Его я тоже не видела. Вообще-то, его ищет полиция, поговаривают, что он уехал. В последнее время он сильно нервничал.

Элеонор попыталась сесть. Сегодня она не готова мириться с маминой застарелой неприязнью к мистеру Ллевелину. Она сама найдет Элис. Но как же болит голова!.. У изножья кровати заскулила Эдвина.

Элеонор подумала, что минутка-другая, и она придет в себя. Мысли не будут разбегаться, а голова перестанет кружиться. Констанс просто наговаривает на мистера Ллевелина, сеет вражду. Мистер Ллевелин не бросит ее в такое тяжелое время. Ну да, последние несколько недель он действительно выглядел встревоженным, но он ведь ее близкий друг. Наверняка он сейчас где-нибудь в саду, присматривает за девочками, и только поэтому его сейчас нет рядом. А когда Элеонор найдет его, она найдет и Элис.

Мысли Элеонор туманились, ей отчаянно хотелось спрятаться под одеялом и забыть про сегодняшний кошмар, но она во что бы то ни стало хотела поговорить с Элис. Элеонор не сомневалась: дочь что-то знает об исчезновении Тео.

Глава 9

Корнуолл, 2003 г.

Сэди наткнулась на Лоэннет почти неделю назад и с тех пор каждый день туда возвращалась. Какой бы маршрут она ни выбрала для утренней пробежки, он всегда заканчивался в заросшем саду. Больше всего Сэди любила сидеть на широком каменном бордюре фонтана, обращенного к озеру, и сегодня, усевшись на свое любимое место, она вдруг заметила на затененном цоколе грубо вырезанную надпись. Э-Л-И-С. Сэди провела пальцем по прохладным углубленным очертаниям букв.

– Привет, Элис! – произнесла она. – Похоже, мы снова встретились.

Сэди находила эти вырезанные надписи повсюду. На стволах деревьев, на подоконниках, на скользком, позеленевшем от мха настиле у лодочного сарая... Складывалось впечатление, что они с Элис Эдвейн играют в кошки-мышки, хитроумную игру, затянувшуюся на десятки лет. Это ощущение усиливалось благодаря тому, что Сэди всю неделю урывками читала книгу «Блюдо, которое подают холодным», попутно изображая отпускницу (ради Берти) и пытаясь разобраться с Дональдом (с понедельника она оставила ему шесть сообщений и много раз безрезультатно звонила). Чтение оказалось на редкость приятным занятием. Ей понравился брюзгливый сыщик Диггори Брент, и особое удовольствие она находила в том, что замечала ключи к разгадке раньше него. Сэди с трудом представляла строгую женщину, чей портрет глядел на нее с обложки детектива, малолетней хулиганкой, уродующей собственное жилище, но почему-то испытывала к Элис необъяснимо теплые чувства. Интерес подогревал и тот факт, что писательница, известная запутанными детективными сюжетами, имела отношение, пусть и косвенное, к реальному уголовному расследованию, да еще к такому, которое завершилось ничем. Сэди задавалась вопросом, что было раньше: выбор жанра или исчезновение маленького брата.

Всю неделю, пока Дональд молчал, Сэди боролась с чувством бессилия, а потом вдруг поймала себя на том, что постоянно думает о заброшенном доме и потерявшемся ребенке и эта тайна не дает ей покоя. Конечно, она предпочла бы вернуться в Лондон, к настоящей работе, но любое занятие все же лучше, чем смотреть, как часы отсчитывают время. Ее интерес не остался незамеченным. «Ну что, разгадала тайну?» – спрашивал Берти всякий раз, когда Сэди с собаками шумно вваливались в

дверь коттеджа. Дед спрашивал с улыбкой, как будто сдержанно радовался, что она нашла чем заняться. Похоже, он не очень-то поверил, что Сэди приехала сюда в отпуск. Иногда она ловила на себе его взгляд и понимала, что за плотно сжатыми губами, как за дамбой, теснятся вопросы о ее неожиданном приезде в Корнуолл и весьма странном пренебрежении работой. Сэди сочла за лучшее сбегать из дома в компании собак и с рюкзаком за плечами всякий раз, когда чувствовала, что дамба вот-вот прорвется.

Собаки, в свою очередь, радовались новому распорядку. Они трусили перед Сэди, наперегонки сновали по лесу, то и дело сбегая с тропы, гонялись друг за другом в зарослях высокой травы и, поднырнув под тисовую изгородь, возобновляли вчерашнюю ссору с утками у озера. Сэди не поспевала за собаками: приходилось тащить рюкзак с тяжелыми книгами, которыми ее снабжал новый друг Аластер Хокер, деревенский библиотекарь.

Со дня их первой встречи он всеми силами старался помочь Сэди, насколько позволял скромный библиотечный фонд. Во время Второй мировой войны бомба уничтожила все газетные подшивки вплоть до января тысяча девятьсот сорок первого.

– Очень жаль, – сказал Аластер. – Этой информации нет в Сети, но я могу заказать копии из Британской библиотеки. Может, пока найти вам что-нибудь еще, для начала?

Сэди сказала, что это ее вполне устроит, и он принялся за дело, энергично стуча по клавиатуре компьютера и просматривая старые каталожные карточки в ящиках деревянного шкафа, потом извинился и торопливо исчез за дверью с табличкой «Архив». Аластер вернулся, смахивая пыль с маленькой стопки книг.

– «Знатные семейства Корнуолла», – прочитал он, потом открыл оглавление, провел длинным пальцем по странице и остановился где-то на середине. – Глава восьмая: «Род Дешиль из Гавелина».

Сэди с сомнением посмотрела на библиотекаря.

– Меня интересует поместье Лоэннет.

– Да, Дом у озера, но когда-то Лоэннет был частью другого, большего поместья. Я думаю, изначально Лоэннет служил домом главному садовнику.

– А семья Дешиль?

– Они были местными аристократами, в свое время очень влиятельными. Обычная история: могущество семьи иссякло вместе с деньгами на банковском счете. Ошибочные деловые решения, парочка

разгильдяев, обязательная череда скандалов... – Он помахал книжкой. – Все найдете здесь.

Сэди покинула библиотеку с новехоньким читательским билетом, первым в своей жизни, ксерокопией восьмой главы «Род Дешиль из Гавелина» и книгой Арнольда Пикеринга «Малыш Эдевейн», эмоциональным письменным отчетом об исчезновении. Сэди выпала сомнительная честь быть первой с тысяча девятьсот семьдесят второго года читательницей сего опуса. Еще она взяла изрядно потрепанный экземпляр «Блюда, которое подают холодным».

В тот же день после обеда, когда Берти пек грушевый кекс, Сэди устроилась во дворе коттеджа и, слушая, как вздыхает и бьется о берег море, прочитала о семье Дешиль. Как и говорил библиотекарь, это была сага величия и упадка. Сэди быстренько просмотрела первые несколько сотен лет: возведение в рыцарское звание Елизаветой I некоего Дешиля-мореплавателя, который ухитрился выкрасть у испанцев огромное количество золота, награждение землями и титулами, многочисленные браки, смерти и наследования. Внимание привлек период около тысяча восемьсот пятидесятого года, когда благосостояние семьи резко ухудшилось. Предполагалось, что потеря денег как-то связана с плантацией сахарного тростника в Вест-Индии, потом упоминался пожар на Рождество в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, который начался на половине слуг и уничтожил почти весь господский дом. Следующие тридцать лет поместье продавалось по частям, пока у семейства Дешиль не осталось ничего, кроме «Дома на озере» и примыкающих к нему земель.

Как выяснилось, Эдевейны были не более чем сноской в истории дома. За три абзаца до конца главы автор упомянул, что Элеонор Дешиль, последняя в роду, вышла замуж за Энтони Эдевейна в тысяча девятьсот одиннадцатом году, после чего Лоэннет восстановили, и усадьба стала загородной резиденцией семьи. В книге ничего не говорилось об исчезновении Теодора Эдевейна, и это удивило Сэди, пока она не выяснила, что справочник «Знатные семейства Корнуолла» напечатали в тысяча девятьсот двадцать пятом году, почти за десять лет до того, как малыш потерялся, более того, лет за восемь до его рождения.

За неимением интриги с исчезновением автор сосредоточился на том, как Элеонор Дешиль вдохновила Дафида Ллевелина написать «Волшебную дверь Элеонор», детскую книжку, которая пользовалась огромной популярностью в первом десятилетии двадцатого века. «Если бы не удивительное взаимопонимание между Ллевелином и смышленной дочерью его друга, он, возможно, остался бы врачом, так и не открыв в себе талант

рассказчика и лишив многие поколения ребят превосходной сказки». Ллевелин продолжал сочинять и иллюстрировать книги, и в тысяча девятьсот тридцать четвертом году в день рождения монарха его посмертно наградили орденом Британской империи «За вклад в литературу». По словам Аластера Хокера, книга еще имела хождение, но, в отличие от некоторых других произведений той эпохи, не выдержала проверку временем. Сэди ему поверила. В детстве эта книга – подарок бабушки – прошла мимо нее. Родителям предсказуемо не понравились элементы волшебства, они назвали книгу «чушь» и брезгливо передали в какой-то дом престарелых, где умерла Энид Блайтон.^[12]

Сейчас Сэди держала на коленях книгу, изданную в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Мягкая, словно припорошенная пудрой бумага, глянцево-белые страницы с картинками, которые уже начали покрываться пятнами по краям. Эстампы, так назвал Аластер эти иллюстрации, когда в понедельник выдавал Сэди книгу. В ней говорилось о маленькой девочке, что жила в большом одиноком доме с добрым, но бесхарактерным отцом и холодной, тщеславной мачехой. Однажды, когда родители уехали в Лондон, девочка исследовала продуваемый насквозь дом и вдруг набрела на незнакомую дверь. За дверью обнаружился морщинистый седоголовый старик, «похожий на самого дедушку Время», а стены его комнаты от пола до потолка покрывали вычерченные от руки карты и тщательно нарисованные пейзажи. «Что вы здесь делаете?» – как и полагается, спросила девочка, а он ответил: «Жду тебя», затем принялся рассказывать о далекой волшебной стране, где произошло ужасное событие, и с тех пор там не прекращаются войны и раздоры. «Только ты можешь все исправить», – добавил старик.

Воспользовавшись его картами, девочка обнаружила в заросшем саду туннель, который и привел ее в волшебную страну. Там она присоединилась к отряду угнетенных местных жителей и после многих битв и приключений вместе со своими верными союзниками свергла коварного узурпатора, восстановив в стране мир и счастье. Вернувшись через тот же туннель, она увидела, что не прошло несколько времени, однако дом полностью изменился. Отец был счастлив, мать – жива, а дом и сад утратили мрачный вид. Девочка поспешила к старичку, желая рассказать о своей победе, но в комнате никого не было. Родители сказали, что, наверное, ей все приснилось, и девочка почти поверила, а потом нашла в гостевой комнате под обоями одну-единственную карту волшебной страны.

Сидя на краю фонтана, Сэди откусила бутерброд с сыром, который

принесла с собой в рюкзаке, и подняла книгу перед собой, сравнивая изображение дома из сказки с настоящим. В библиотеке она попросила Аластера найти побольше информации об авторе книги, Дафиде Ллевелине. В предисловии упоминалось, что он был близким другом семьи Эдевейн, и Сэди не сомневалась: он черпал вдохновение в Лозннете. Дом на иллюстрациях Ллевелина был точной копией старого дома, художник даже запечатлел легкий перекося крайнего слева окна. Сама Сэди лишь через несколько дней исследований заметила, что окно не прямоугольное. Она посмотрела на эстамп, отмеченный как «рис. 2»: изображение девочки с длинными непослушными волосами и в старомодном платье, которая стояла у каменного столба с медным кольцом у подножия. Яркий солнечный свет слепил глаза, и Сэди прищурилась, чтобы прочитать подпись под картинкой: «Там, под самой большой, мрачной и плакучей ивой, Элеонор нашла то, что обещала карта старичка. «Потяни за кольцо, – казалось, шептал воздух вокруг, – потяни и увидишь, что произойдет».

Сэди бросила оставшуюся от бутерброда корку нахальной стайке лебедей и вытерла руку о спортивные штаны. Детские книжки схожи между собой, решила она. Одиноким ребенок находит дверь в волшебную страну; приключения и геройство прилагаются. Зло повержено, добро освобождено от заклятий, и в мире вновь воцарился порядок. Похоже, многие дети мечтают вырваться из детства и обрести власть над собственной судьбой. Сэди их прекрасно понимала. Некоторые проходят через платяной шкаф, другие взбираются на верхушку заколдованного дерева, Элеонор нашла крышку люка в саду. Вот только, в отличие от других проходов в волшебный мир, дверь Элеонор оказалась настоящей. Сэди пришла в восторг, когда обнаружила ее во вторник утром: медное кольцо и столб под особенно угрюмой ивой на дальней стороне озера, все как в книге. Конечно, Сэди попыталась поднять крышку люка, тянула изо всех сил. Увы, дверца не поддавалась.

Конечно, детство Элеонор Эдевейн разительно отличалось от ее собственного, тем не менее Сэди ощущала какое-то родство душ с этой женщиной. Ей понравилась маленькая девочка из сказки, благородная, отважная и озорная; именно такой Сэди хотелось быть в детстве. А несколько дней назад Сэди обнаружила у ручья старый лодочный сарай. Через разбитое окно она забралась внутрь и увидела, что там ничего нет, кроме стола, кровати и пары других, самых простых предметов обстановки. Все отсырело, всюду лежал толстый слой застарелой пыли и грязи. После тщательного осмотра Сэди обнаружила только одну достойную внимания вещь: конверт, который завалился за изголовье кровати и пролежал там

добрую половину века. Конверт с единственным листком бумаги с изысканным орнаментом из темно-зеленых листьев плюща по краям – вторая страница письма, подписанного Элеонор.

В этом любовном послании, которое Элеонор написала, будучи беременной, она страстно признавалась, что эта любовь спасла ей жизнь, а еще подробно описывала, какие чудесные изменения происходят с растущим внутри нее младенцем – «крошечной копией тебя и меня». Вначале Сэди предположила, что речь идет о Тео Эдевейне, потом заметила, как Элеонор сокрушается, что ее любимый слишком далеко, как тоскует и мечтает, чтобы он был рядом. Наверное, письмо написали, когда Энтони служил во Франции во время Второй мировой войны. В главе «Род Дешиль из Гавелина» сообщалось, что у Эдевейнов было три дочери: Дебора, которая родилась перед войной, Клементина, появившаяся на свет уже после окончания военных действий, и аккурат посередине – Элис. Выходит, именно ее с таким нетерпением ждала Элеонор. Страстное, откровенное письмо позволило заглянуть в душу Элеонор, и Сэди словно слышала из девяностолетней дали ясный и искренний голос другой женщины.

Сэди захлопнула книгу, подняв облачко пыли. Солнце стояло высоко, с поверхности озера испарялась влага. Отраженный свет плясал на нижней стороне склоненных ветвей, и невероятно зеленые листья ярко блестели. Было жарко, но Сэди поежилась, когда взглянула на дом. Мелькнула мысль, что, даже если не думать о связи этого места с «Волшебной дверью Элеонор», все равно кажется, что ты в сказке. Чем больше времени Сэди проводила в саду усадьбы Лоэннет, чем больше узнавала о доме и людях, которые когда-то здесь жили, тем меньше чувствовала себя незваной гостьей. И все же ее не покидало ощущение, что дом наблюдает за ней.

Чушь, конечно. Что-нибудь в этом роде могла бы выдумать новая подружка Берти, Луиза. Сэди почти слышала грубый смех Дональда. Просто она, Сэди, реагирует на тишину и безлюдье. Дома не должны стоять пустыми. Нет ничего печальнее и бессмысленнее, чем дом без жильцов, особенно такой, как этот, где до сих пор сохранился скарб семьи.

Сэди проводила глазами стайку отраженных облаков, проплывающих в витражных окнах верхнего этажа, перевела взгляд на крайнее слева окно. Детская, последнее место, где видели Тео Эдевейна перед тем, как малыш пропал. Сэди взяла камушек, задумчиво покатила между большим и указательным пальцами, лениво взвесила на ладони. Вот в чем, собственно, суть. Сам дом можно было бы легко забыть, если бы не связанная с ним печальная история исчезновения маленького мальчика. Отголоски дурной

славы со временем дозрели до фольклора, превратились в сказку о том, как потерялся маленький мальчик, сам дом погрузился в вечный сон и перестал дышать, а сад вокруг пришел в упадок и зарос.

Сэди швырнула камушек в озеро, он описал пологую дугу и с плеском шлепнулся в воду. Да, сказочная составляющая – самая каверзная часть. С нераскрытыми делами всегда сложно, а к этому делу добавлен еще и фольклорный фактор. Историю столько раз пересказывали, что люди стали воспринимать ее как таинственную. Если честно, большинству людей ответ не нужен – например, посторонним, другими словами, тем, кого это лично не коснулось. Нераскрытая тайна больше притягивает. На самом деле колдовства и магии не существует и дети просто так не дематериализуются. Они могут заблудиться, их могут похитить, даже продать. Иногда их убивают, но чаще все-таки отдают или забирают. Сэди нахмурилась. Вокруг столько детских теней, разлученных с родителями, цепляющихся за материнские юбки... Куда делся именно этот малыш?

Аластер сдержал слово и заказал копии газетных статей, а дедова подруга Луиза, которая, когда бы Сэди ни зашла на кухню, уже была там, утверждая, что «заглянула на минутку», пообещала расспросить в больнице обитателей отделения для престарелых. Сама Сэди выяснила в Бюро регистрации земельной собственности, что сейчас дом принадлежит Элис Эдевейн, но, как выяснилось, «местный» автор живет в Лондоне и уже несколько десятков лет не показывается в деревне, несмотря на гордые заявления об обратном. Сэди разыскала ее адрес, хотя имейл так и не нашла. Пока Элис Эдевейн не ответила ни на одно из писем, Сэди пришлось довольствоваться библиотечным экземпляром книги Арнольда Пикеринга «Малыш Эдевейн».

Книга вышла в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году в серии «Корнуоллские тайны», включающей в себя также сборник рассказов очевидцев о встречах с феями, а еще истории о печально известном корабле-призраке, заходящем в местную бухту. Подборка несколько разочаровала Сэди. Действительно, в опусе Пикеринга угадывалось стремление не столько докопаться до истины, сколько вызвать читательский интерес. Книга не предлагала никаких разумных теорий, предпочитая обсасывать тему «таинственного исчезновения в Иванову ночь». Тем не менее в ней приводился довольно неплохой обзор событий, и вообще, нищие не выбирают.

Сэди достала свои заметки, которые недавно поместила в папку с ярлыком «Эдевейн». Сидеть на краю старого фонтана и просматривать записи стало для нее чем-то вроде утреннего ритуала. Она всегда так

работала, раз за разом изучая малейшие подробности дела, пока не запоминала их наизусть. Дональд считал ее манеру маниакальной (сам он предпочитал обдумывать дела за кружкой пива), но Сэди полагала, что кому мания, а кому – преданность делу, и вообще, если и есть на свете другой, лучший, способ обнаружить в деле слабые места, прорехи и нестыковки, то она, Сэди, его не знает.

Пикеринг писал, что в последний раз Теодора Эдевейна видели в одиннадцать часов вечера, когда его мать зашла в детскую. Она всегда заглядывала в одно и то же время перед сном, и после этого мальчик спокойно засыпал до утра. Как сообщила полицейским Элеонор Эдевейн, спал он хорошо и очень редко просыпался среди ночи.

Одна из горничных подтвердила слова миссис Эдевейн, сказав, что видела, как та вышла из детской, а потом остановилась на лестнице переговорить с другой служанкой. По словам горничной, это произошло около одиннадцати часов вечера, она абсолютно уверена, так как несла поднос с бокалами из-под шампанского на кухню, где их должны были вымыть, чтобы снова подать гостям в полночь, когда начнут запускать фейерверки. Лакей, который дежурил у парадного входа, сообщил, что видел, как после одиннадцати миссис Эдевейн вышла из дома, и до конца праздника больше никто из членов семьи или гостей туда не заходил, разве только в туалет на первом этаже.

Миссис Эдевейн провела остаток вечера у лодочного сарая, где все желающие могли покататься на гондолах по освещенному фонариками озеру, и, в полной уверенности, что ее дети дома, легла спать с восходом солнца, когда разъехались последние гости. Она быстро уснула и спала до тех пор, пока в восемь часов утра ее не разбудила горничная, которая сообщила, что Тео нет в кровати.

Мальчика стали искать, но тревогу не поднимали, чтобы не беспокоить гостей, которые остались ночевать. Одна из дочерей супругов Эдевейн – самая младшая, Клементина – часто ускользала из дома по утрам и порой брала с собой младшего брата, если он не спал, когда она проходила мимо детской. Все решили, что так произошло и в этот раз.

Завтрак еще не закончился, когда в начале одиннадцатого домой вернулась Клементина Эдевейн, одна. Девочка призналась, что не знает, где ее братишка, и сообщила, что в шесть утра дверь в детскую была закрыта. Вызвали полицию. Мальчика официально признали пропавшим и организовали массовые поиски.

Хотя Пикеринг, похоже, искренне верил, что ребенок просто таинственным образом испарился, он включил в книгу краткий отчет о

полицейском расследовании, выделив две официальных версии: Теодор Эдевейн заблудился – или его похитили. Первая версия, казалось, получила подтверждение, когда выяснилось, что вместе с мальчиком исчез и его любимый игрушечный щенок, но после того, как тщательные поиски не дали результата, и с учетом богатства семьи, полиция признала вторую версию более вероятной. Между одиннадцатью вечера накануне Иванова дня и восемью часами следующего утра кто-то прокрался в детскую и забрал ребенка.

Вполне обоснованное предположение, к которому склонялась и сама Сэди. Она бросила взгляд через озеро на дом и попыталась представить себя на ночном празднестве, как его описал Пикеринг: повсюду народ, горят фонарики и факелы, гондолы со смеющимися пассажирами, костер посередине озера. Музыка, смех и шум голосов трех сотен весело переговаривающихся людей.

Если мальчик заблудился – а Пикеринг цитировал слова Энтони Эдевейна из газетного интервью, о том, что с недавних пор малыш стал самостоятельно выбираться из кровати и пару раз уже спускался по лестнице, – то какова вероятность, что никто из присутствующих его не заметил? Пикеринг упомянул о нескольких гостях, которые, возможно, видели ребенка, но достоверных показаний никто не дал. Если же одиннадцатимесячный мальчик каким-то образом умудрился незаметно пройти через сад, насколько далеко он мог забрести? Почти ничего не зная о детях и об этапах их развития, Сэди предположила, что даже уверенно держащийся на ногах ребенок выбился бы из сил довольно быстро. Полиция обыскала округу на несколько миль во всех направлениях, безрезультатно. И вообще, странно, что за семьдесят лет ничего не нашли: ни тела, ни костей, ни хотя бы обрывка одежды.

С версией похищения тоже не все было гладко. А именно: как кто-то смог войти в дом, забрать ребенка и, не вызвав подозрений, покинуть поместье? Сотни людей наводняли дом и сад, и, судя по показаниям, никто не видел и не слышал ничего необычного. Сэди провела все утро среды в поисках выходов из дома и кроме парадной двери обнаружила еще два: стеклянную дверь из библиотеки и одну сзади дома. Библиотечная дверь исключалась, так как она выходила в сад, а там всю праждновали, а вот задняя дверь вызвала у Сэди сомнения.

Сэди заглянула в замочную скважину, потом хорошенько трянула дверь, надеясь, что та распахнется; как ни крути, есть разница между проникновением со взломом и просто проникновением в чужое жилище. Обычно Сэди не задумывалась о подобных мелочах, к тому же поблизости

не было никого, кто возмутился бы, решилась она сломать задвижку и войти внутрь, однако, помня о сложностях с Дональдом и о зловещей тени Эшфорда, который при желании мог бы вышвырнуть ее из полиции, предпочла вести себя прилично. Одно дело – влезть через окно в почти пустой лодочный сарай, совсем другое – вломиться в полностью обставленный дом. В общем, помещение за дверью оставалось загадкой, пока Сэди не поручила Аластеру найти поэтажный план дома. Библиотекарь с радостью согласился, признав, что обожает карты и планы. Он быстро справился с заданием, и уже в четверг Сэди знала, что через эту дверь прислуга заходила на кухню.

Впрочем, это обстоятельство ничего не прояснило. В ту ночь на кухне наверняка тоже толпились люди. А не было ли в доме еще одного выхода, через который похититель с Тео Эдевейном под мышкой мог бы выскользнуть незамеченным?

Сэди снова посмотрела на имя «Элис», выцарапанное в укромном уголке на бордюре фонтана.

– Давай, Элис, – пробормотала она. – Ты же была там. Подскажи хоть что-нибудь.

Тишина оглушала.

Вернее, не тишина, ибо здесь всегда стоял шум. Каждый день, когда солнце поднималось повыше, хор насекомых, снующих в воздухе среди зарослей камыша, звучал почти как громкая ругань. Отсутствие ключей к разгадке, вот что оглушало Сэди.

Раздосадованная, она отложила записи. Хорошо, конечно, искать прорехи в материалах следствия, но метод срабатывает, только когда у тебя есть эти самые материалы. Настоящие материалы: показания свидетелей, версии полиции, информация из надежных источников. А фактов, которыми она располагает, явно недостаточно.

Сэди собрала вещи, сунула книги и папку в рюкзак и подозвала собак. Они неохотно послушались и вскоре бок о бок побежали вперед, пока Сэди пробиралась через сад за домом. Ранее она выяснила, что в задней стороне усадьбы протекает ручей, по которому можно дойти до деревни.

Через несколько дней у нее, бог даст, появятся настоящие материалы. Самое полезное, что она почерпнула у Пикеринга, были имена полицейских, проводивших расследование. Как выяснилось, младший из них до сих пор жил неподалеку. Судя по книге Пикеринга, это было первое дело Клайва Робинсона. В то время ему исполнилось семнадцать и он работал помощником местного инспектора сыскной полиции Харгривза.

Отыскать адрес Клайва Робинсона оказалось плевым делом, во всяком

случае для Сэди, у которой остались друзья в дорожной полиции. Вернее, друг. Довольно милый парень; несколько лет назад они обжимались по пьяни после полицейской вечеринки. С тех пор никто из них об этом не упоминал, но этот милый парень всегда охотно снабжал ее нужной информацией. Сэди записала адрес и в среду после обеда съездила в деревушку Полперро. Ближайшая соседка Робинсона, весьма разговорчивая особа, сообщила, что Клайв сейчас отдыхает на Кипре с дочерью и зятем, но завтра должен вернуться. Она это знает потому, что по-соседски предложила Клайву забирать его почту и поливать цветы, пока его нет. Сэди написала записку с просьбой о встрече и бросила в почтовый ящик. Поблагодарила соседку, заметив, что цветы, за которыми та ухаживала, выглядят великолепно. Сэди питала особую симпатию к дружелюбным соседям вроде Дорис, всегда готовым прийти на помощь.

Собаки умчались вперед, перебравшись через ручей в самом узком месте, но Сэди замешкалась. Там, где помельче, в грязи лежал камешек, она достала его, повертела в пальцах. Гладкий овальный камень, плоский, как монета. Идеальный, чтобы пускать «блинчики». Берти научил Сэди искать такие камешки еще тогда, когда она переехала жить к бабушке с дедушкой, и они втроем ходили в Виктория-парк, гуляли там вокруг пруда. Сэди кинула камешек броском снизу и обрадовалась, когда он послушно запрыгал по поверхности воды.

Вдруг ее внимание привлекла вспышка света на противоположной стороне. Сэди сразу поняла, что это. Сжав губы, она крепко зажмурилась, потом вновь открыла глаза. Силуэт ребенка с протянутыми в мольбе о помощи руками исчез. Сэди швырнула еще один камешек, мрачно посмотрела, как он прыгает по воде вслед за своим приятелем. Когда камень бесследно ушел под воду, Сэди перешла на другой берег. Она не позволила себе оглянуться.

Глава 10

Корнуолл, 1914 г.

– Нужно найти совсем плоский камешек, – сказал Энтони, шаря рукой на мелководье у берега речья. – Например, вот такой.

Он вытащил маленький овальный камешек, восхищенно покрутил между пальцами. Солнце высветило силуэт Энтони, когда он положил камешек в раскрытую ладонку Деборы.

Дебора удивленно уставилась на камень. Мягкие, как пух, волосы спадали на лицо, почти касаясь широко распахнутых голубых глаз. Она счастливо вздохнула и, довольная, топнула ножкой, не в силах сдержать радость. Вполне предсказуемо камешек выскользнул из Дебориной ручки и плюхнулся в воду.

Ротик девочки удивленно округлился. Быстро исследовав пустую ладонку, она негодуя показала пухленьким пальцем на то место, где исчез камень.

Энтони рассмеялся и взъерошил мягкие волосы дочери.

– Ничего страшного, малышка. Там еще много таких камушков.

Элеонор, которая сидела на поваленном стволе под ивой, улыбнулась. Здесь было все. День позднего лета, доносящийся издалека запах моря, люди, которых она любила больше всего на свете. В такие дни казалось, что солнце заколдовало все вокруг, зима никогда не наступит и происходящие в мире ужасы всего лишь плод ее воображения... Но стоило отвлечься от счастливых мгновений, как накатывала паника, внизу живота возникало грызущее чувство, и все потому, что каждый новый день пролетал быстрее предыдущего, и как бы Элеонор ни старалась остановить время, оно проскальзывало между пальцев как вода или как эти плоские речные камешки между пальчиков Деборы.

Наверное, она вздохнула или нахмурилась, а может, каким-то другим образом выдала свое смятение чувств, потому что Говард, который сидел рядом, слегка подтолкнул ее плечом и сказал:

– Это ненадолго. Оглянуться не успеешь, как он вернется.

– Говорят, к Рождеству.

– Видишь, меньше чем через четыре месяца.

– Всего лишь через три.

Он сжал ее руку, и Элеонор вдруг охватило дурное предчувствие. Она велела себе не глупить и сосредоточилась на стрекозе, зависшей над

залитыми солнцем камышами. Стрекозы не воображают, что могут предвидеть будущее, просто летают себе, наслаждаясь солнечным теплом на крыльях.

– Что слышно от твоей Кэтрин? – весело спросила она.

– Только то, что она обручилась с каким-то рыжеволосым кузеном с севера.

– Не может быть!

– Я думал, что сумею впечатлить ее поступлением на военную службу, но увы...

– Тем хуже для нее. Она тебя не заслуживает.

– Да... только я надеялся, что я ее заслуживаю.

Говард говорил весело и легко, однако Элеонор знала, что за его шутливостью скрывается жгучая боль. Он любил Кэтрин и, по словам Энтони, уже собирался сделать ей предложение.

– Ну и ладно, в море еще полно рыбы, – заметила она и поморщилась: так легкомысленно это прозвучало.

– Да, только Кэтрин была прелестной рыбкой. Может, если я вернусь с войны с небольшим, но впечатляющим ранением...

– Например, хромоногим?

– Вообще-то я думал о повязке на глаз. Она бы придала мне некоего разбойничьего очарования.

– Для разбойника ты слишком милый.

– Я боялся, что ты так скажешь. Война ведь меня ожесточит, правда?

– Надеюсь, не сильно.

У ручья маленькая Дебора заливалась смехом от восторга: Энтони окунал ее пальчики на ногах в прохладную воду. Солнце слегка сместилось и теперь ярко освещало их двоих. Малышка смеялась так заразительно, что Элеонор и Говард улыбнулись друг другу.

– Энтони – счастливцев, – необычно серьезным голосом произнес Говард. – Раньше я никогда ему не завидовал, хотя, видит бог, причин хватало. А сейчас завидую, что он стал отцом.

– Ты тоже скоро станешь.

– Думаешь?

– Уверена.

– Полагаю, ты права. Никто передо мной не устоит! – Говард выпятил грудь, потом нахмурился. – Конечно, кроме прекрасной Кэтрин.

Маленькая Дебора подковыляла к месту, где они сидели. Короткое, но довольно опасное путешествие, ведь она была совсем маленькой и еще нетвердо держалась на ножках. Малышка вытянула руку и торжественно,

словно королевский дар, показала маленький камешек.

– Очень красивый, детка.

Элеонор взяла камешек, такой теплый и гладкий, погладила его большим пальцем.

– Па, – с важностью сказала Дебора. – Па-па.

Элеонор улыбнулась.

– Да, па-па.

– Иди-ка сюда, крошка Ди, – позвал Говард и посадил девочку себе на плечи. – Пойдем поглядим, что делают на озере те жадные утки.

Элеонор смотрела, как они удаляются, ее дочь весело визжит и смеется от удовольствия, а Говард бежит, виляя между деревьями.

Какой же Говард хороший и добрый, подумала Элеонор, но, сколько она его знает, он всегда выглядит глубоко одиноким. Кажется, даже его чувство юмора, его манера смешить окружающих отдаляют его от других людей. Однажды она сказала об этом Энтони, и он ответил: «Просто у него нет близких, кроме нас. Он всю жизнь одинок. Нет ни братьев, ни сестер, мать давно умерла, а отцу на него наплевать». Наверное, именно поэтому Элеонор сразу понравился Говард, они с ним очень похожи, только ей повезло встретить родственную душу на оживленной лондонской улице, а он еще ищет.

– Я сделаю из нее чемпионку по запуску «блинчиков», – заявил Энтони, подходя к жене.

Она отогнала прочь печальные мысли и улыбнулась. Энтони закатал рукава рубахи до локтей, и Элеонор в тысячный раз подумала, какие у него замечательные руки, ладони и пальцы. Ее руки почти такие же, но он своими руками может лечить людей. Вернее, сможет, когда после войны пройдет клиническую подготовку.

– Надеюсь, – весело ответила она. – Только не слишком ли поздно вы начали тренироваться? Ей уже почти одиннадцать месяцев!

– Она быстро учится.

– И к тому же очень способная.

– Вся в мать!

Энтони наклонился к ней и поцеловал, взяв в ладони ее подбородок, а Элеонор упивалась его запахом, его присутствием и теплом, пытаясь сохранить в памяти этот миг. Энтони сел рядом с ней на ствол дерева и удовлетворенно вздохнул. Как бы Элеонор хотелось быть такой же смелой, уверенной и умиротворенной! Сама она постоянно тревожилась. Как она справится, когда он уедет? Как объяснить его отсутствие крошке Ди? Уже сейчас дочка обожала отца, искала его каждое утро и всякий раз счастливо

улыбалась, увидев, что он – о радость! – никуда не делся. Элеонор не могла представить, как однажды малышка будет тщетно искать папу, все еще в ожидании привычного восторга... Правда оказалась еще хуже: в первый же день Дебора забыла отправиться на поиски.

– У меня для тебя кое-что есть.

Элеонор моргнула. Ее страхи совсем как мухи на пикнике: сколько их ни отгоняй, все время налетают новые.

– Правда?

Он порылся в корзинке, принесенной из дома, и протянул небольшой плоский сверток.

– Что это?

– Разверни и узнаешь.

– Книга? – спросила Элеонор.

– Нет. И лучше не пытайся отгадать.

– Почему?

– Когда-нибудь ты угадаешь и испортишь сюрприз.

– Я всегда ошибаюсь.

– Точно подмечено.

– Спасибо.

– Хотя все бывает впервые.

– Я разворачиваю.

– Давай.

Элеонор сорвала упаковочную бумагу и ахнула. Внутри лежала пачка самой прекрасной писчей бумаги, какую только ей доводилось видеть. Элеонор провела пальцем по мягким шелковистым листкам, обводя изящный орнамент из листьев плюща, вьющийся по краям.

– Это чтобы ты мне писала, – сказал Энтони.

– Я знаю, для чего нужна бумага.

– Не хочу ничего пропустить, пока меня не будет.

Слово «не будет» вернуло ее к реальности. Она так старалась скрыть свои тревоги! Энтони был сильным и уверенным в себе, и она, Элеонор, хотела быть с ним на равных, боялась его разочаровать, но порой страх грозил поглотить ее без остатка.

– Тебе не нравится?

– Она прекрасна.

– Тогда в чем дело?

– Ох, Энтони... – Элеонор говорила торопливо и несвязно. – Я знаю, что не очень смелая, а в такие времена мы все должны быть смелыми, но...

Он прижал палец к ее губам.

– Боюсь, я не выдержу...

– Выдержишь. Ты сильнее всех, кого я знаю.

Энтони поцеловал ее, и Элеонор бросилась в его объятия. Энтони считает ее сильной. Может, он прав? Может, ради Деборы она сумеет справиться? Элеонор отбросила страхи и позволила себе раствориться в настоящем, наслаждаясь совершенством момента.

– Ты только вернись.

– Меня ничто не остановит.

– Обещаешь?

– Да.

Глава 11

Корнуолл, 2003 г.

По пути домой Сэди заглянула в библиотеку. Собаки уже привыкли к этому маршруту и, немного повозившись, устроились возле угла здания, где Аластер с недавних пор оставлял им стальную миску с водой.

Внутри царил полумрак; после недолгих поисков Сэди обнаружила библиотекаря в секции крупноформатных книг. Увидев посетительницу, Аластер улыбнулся.

– У меня для вас кое-что есть, – сказал он, подходя к столу и доставая из-под него конверт для бумаги формата А4.

– Это то, что я думаю?

– «Полперро пост», вышла через день после исчезновения мальчика.

Сэди довольно вздохнула.

– Это еще не все. – Он вручил ей толстую пачку прошитых страниц, схваченных резинкой, под которой Сэди заметила листочек со своим именем. – «Вымышленные побеги: матери, чудовища и метафизика в детской литературе», диссертация на соискание докторской степени, в ней есть глава, посвященная книге «Волшебная дверь Элеонор» Дафида Ллевелина.

Сэди невольно подняла брови.

– И последнее, но не менее важное...

– Еще что-то?

– Желание клиента – закон. Еще одна карта имения Лоэннет, включающая план дома. Довольно интересная, скажу я вам. Редкая удача. Лежала среди документов, которые нашли всего лишь несколько лет назад. Они хранились в старом сундуке – один бог знает, кто их туда уложил! – и обнаружили, когда здание подновляли в честь нового тысячелетия. Оригиналы сильно пострадали от воды и только в прошлом месяце вернулись в архив графства после реставрации.

Сэди едва сдерживалась, чтобы не разорвать конверт и не прочитать его содержимое прямо здесь, но выслушивание воодушевленных отчетов Аластера о поисках входило в сделку. Она кивала, пока наконец библиотекарь не перевел дыхание, и тогда торопливо поблагодарила его и вставила, что нужно отвести собак домой.

Как ни странно, настроение Сэди значительно улучшилось, когда она с пакетами в руках вернулась в сияние залитого солнцем дня. Сэди в жизни

бы не подумала, что человек может получить столько удовольствия от похода в библиотеку, особенно такой человек, как она.

Неподалеку стояла маленькая гостиница с выбеленными стенами, веселенькими цветочками в свисающих корзинах, видом на гавань и удобной деревянной скамьей у входа. Сэди уселась рядом с аккуратной табличкой «Только для постояльцев отеля!», открыла конверт и тщательно изучила статью.

Увы, в статье не нашлось ничего нового. Пикеринг явно использовал ее в качестве источника. Зато там обнаружились две фотографии, которых Сэди раньше не видела: на одной была изображена элегантная улыбающаяся женщина, которая сидела под деревом с книгой «Волшебная дверь Элеонор» на коленях и в компании трех девочек в белых летних платьицах, а на второй фотографии ту же самую женщину, только с серьезным и напряженным лицом, бережно поддерживал за талию высокий красивый мужчина. В комнате на снимке Сэди узнала библиотеку Лоэннета. Она совсем не изменилась, даже фотография на столике у стеклянной двери стояла на своем месте. «Безутешные родители!» – большими буквами кричал заголовок, дальше следовало продолжение: «Мистер и миссис Эдевейн обращаются ко всем, у кого есть какая-либо информация о местонахождении их маленького сына Теодора».

Сэди узнала печать скорби на лице женщины. Эта женщина потеряла часть себя самой. Хотя письмо на бумаге с орнаментом из листьев плюща Элеонор написала во время более ранней беременности, по тому, с какой любовью она ждала появления ребенка, было ясно, что она из тех женщин, для кого материнство в радость. Прошедшие десятилетия добавили фотографии глубинного смысла. Снимок сделали, когда ужас от исчезновения был еще свежим, когда Элеонор Эдевейн еще верила, что сын вернется и зияющая дыра, вызванная потерей, затянется. Сэди, которая смотрела на застывшее мгновение из будущего, знала худшее. Ужас потери навсегда останется с Элеонор, а вместе с ним и муки неизвестности. Как тяжело не знать, жив твой ребенок или умер, любим или страдает, плачет ли долгими ночами по своей матери!

Сэди отложила газету в сторону и посмотрела на вымощенную дорожку к мерцающей воде. Дочь Мэгги Бэйли плакала по своей маме. Личико Кэйтлин было в разводах от слез, когда Сэди с Дональдом обнаружили ее одну в пустой квартире в Холборне. Они прошли в квартиру прямо по груде рекламной почты у двери, и в нос им ударил такой отвратительный запах, что даже отличающегося крепким желудком Дональда чуть не вырвало. Мусорное ведро на кухне кишело мухами.

Сэди никогда не забыть, как впервые увидела малышку Кэйтлин. Они с Дональдом не ожидали, что найдут здесь ребенка, и Сэди уже прошла половину коридора, когда перед ней возникла маленькая большеглазая девочка в ночной рубашке с изображением мультяшной Доры-исследовательницы. Соседка обратилась в полицию с жалобой на неприятный запах; когда ее спросили, кто живет в квартире, она описала нелюдимую молодую женщину, которую время от времени навещает мать, упомянула громкую музыку. О ребенке соседка не сказала ни слова. Уже потом, когда Сэди поинтересовалась почему, она пожала плечами и выдала обычную отговорку: «А вы не спрашивали».

После того как девочку нашли, поднялась страшная шумиха. Как же так, ребенок один, в запертой квартире? Пока Дональд вызывал подмогу, Сэди сидела на полу с Кэйтлин – к тому времени они уже знали ее имя, – играла с игрушечным автобусом, пыталась вспомнить хоть один детский стишок и размышляла, насколько подобный оборот событий изменил ситуацию. Как выяснилось, очень сильно. Маленькие брошенные девочки привлекают внимание множества ведомств, и вскоре крошечную квартирку наводнили полицейские, эксперты-криминалисты и представители социальной службы. Казалось, все прибыли одновременно и теперь толпились повсюду, что-то измеряли, искали и посыпали порошком. В какой-то момент, когда день уже близился к вечеру, малютку увезли.

Сэди никогда не плакала на работе, хотя ей доводилось видеть немало печального и ужасного, но тем вечером на пробежке она неслась со всех ног, с топотом бежала по тротуарам Ислинготна, через Хайгейт, по сумеречной пустоши, мысленно перебирая кусочки головоломки, пока они не скрылись под горячей волной ярости. Сэди давно усвоила, что нельзя зависать на эмоциональном, чисто человеческом факторе, когда расследуешь преступления. Ее работа – раскрывать тайны, а все причастные к этому люди важны лишь в той мере, насколько знания об их характере можно использовать для дела, например, чтобы определить мотив преступления, подтвердить или опровергнуть алиби. Но кроха в измятой ночной рубашке и со спутанными волосами, которая звала маму и смотрела испуганными глазами, с тех пор не выходила из мыслей и мешала работать.

Черт, она и сейчас мешает. Сэди поморгала, чтобы отогнать образ девочки, злясь на себя, что опять вспомнила ту проклятую квартиру. Все, дело закрыто. Она сосредоточилась на гавани, глядя, как рыбацкие лодки, вернувшись, становятся на якорь, а над ними кружат чайки, то падая вниз, то взмывая вверх.

Конечно, между этим двумя делами существует параллель: матери и дети, потеря близкого человека. Фотография Элеонор Эдевейн, опустошенное выражение на ее лице, горечь утраты и страх, который она пережила, ударили Сэди по больному. Обнажили ту самую слабость, из-за которой она приняла дело Бейли слишком близко к сердцу и не спала ночами, убежденная, что Мэгги Бейли не могла просто взять и бросить двухлетнюю дочь в запертой квартире, без всякой гарантии, что девочку найдут вовремя.

– Не хочу разочаровывать, Спэрроу, – сказал тогда Дональд, – но такое случается чаще, чем ты думаешь. Не все созданы для материнства.

Сэди не спорила. Кому, как не ей, знать, что он прав. Ее только смущала беспечность, с которой Мэгги бросила дочь. Что-то тут не сходилось.

– Дело не в этом. Может, Мэгги и не самая хорошая мать, но вряд ли она оставила бы своего ребенка страдать. Наверняка бы позвонила кому-нибудь, что-то сделала.

В определенной степени Сэди оказалась права. Как выяснилось, Мэгги действительно что-то сделала. Она исчезла из жизни Кэйтлин в четверг, в тот день, когда отец забирал девочку на выходные. Вот только на той неделе его не было в городе: уехал на рыбалку в Лайм-Реджис.^[13] «Я ее предупредил, – говорил он, когда его допрашивали в полицейском управлении, и сжимал дешевый пластиковый стаканчик. – Заставил записать на бумажке, чтобы не забыла. Я редко куда-то езжу, но брат подарил мне путевку на день рождения. Я все ей написал». Мужчина сильно волновался и то и дело отламывал от стаканчика кусочки полистирола. «Если бы я знал, если бы она мне сказала. Как подумаю, что могло бы случиться...»

Он снабдил полицейских информацией, которая сильно отличалась от того, что рассказала о Мэгги ее мать, Нэнси Бейли. Неудивительно. Сэди предположила, что всему виной материнский инстинкт, именно он побуждает женщину показывать своего ребенка в лучшем свете. Правда, в данном случае это только навредило. Жаль, что Сэди не пообщалась со Стивом, отцом девочки, до того, как купилась на историю Нэнси. «Знаешь, в чем проблема? – любезно спросил Дональд, когда все закончилось. – Вы двое – ты и бабушка – слишком сдружились. Типичная ошибка начинающих». Самый обидный из его комментариев. Ничего так не уязвляет сыщика, как обвинение в недостатке объективности или в том, что он позволяет эмоциям вторгаться в область разума.

Особенно если обвинение справедливо. «Ни в коем случае не общайся

с бабушкой девочки, даже думать не смей!» Дональд прав. Нэнси вызывала симпатию, тем более она говорила то, что Сэди хотелось услышать. Что Мэгги была ответственной, любящей матерью и скорее умерла бы, чем бросила своего ребенка без присмотра, что полиция ошиблась и нужно искать следы преступления. «Почему она лгала? – допытывалась Сэди у Дональда. – Ей-то какая выгода?» Дональд покачал головой и снисходительно улыбнулся: «Это же ее дочь, глупышка. Что она должна была говорить?»

После жалобы Стива Сэди посоветовали воздержаться от дальнейших попыток встретиться с Кэйтлин, но она еще раз увидела девочку, сразу после того, как дело закрыли. Кэйтлин шла, держа за руки отца и его жену, Джемму, когда они выходили из полицейского управления, – симпатичная, хорошо одетая пара. Кто-то распутал свалявшиеся волосы Кэйтлин и заплел косички. Джемма остановилась, чтобы выслушать девочку, а потом сказала ей что-то смешное и взяла на руки.

Сэди видела их мельком и на расстоянии, но этого было достаточно, чтобы понять: все закончилось благополучно. Женщина с добрым лицом и плавными, заботливыми жестами – это именно то, что нужно Кэйтлин. С одного взгляда Сэди определила: Джемма из тех, кто всегда говорит и поступает правильно, точно знает, кто такая Дора-исследовательница, и у кого всегда наготове детские стихи или колыбельные. Дональд явно подумал то же самое. «Лучшее, что могла сделать эта мамаша, – сказал он позже, когда они с Сэди сидели в «Лисе и Гончих». – Даже слепой увидел бы, что малышке хорошо с отцом и его женой». И правда, разве дети не заслуживают шанса на счастливое детство? Один бог знает, сколько трудностей выпадет им на жизненном пути.

Мысли Сэди вернулись к письму, которое она бросила в почтовый ящик. Наверняка оно уже дошло до девочки. Хорошо, что она написала на конверте обратный адрес аккуратными печатными буквами. Наверняка этому учат в престижной школе, куда она ходит. Шарлотта Сазерленд. Красивое имя, решила Сэди. Конечно, не то имя, что дала ей Сэди, но все равно красивое. Звучное имя образованного и успешного человека. Того, кто увлекается верховой ездой, хоккеем на траве и никогда не молчит, боясь показаться глупым. Разве не этого хотела Сэди для своей дочери, когда отдала медсестре крошечную девочку, а потом смотрела сквозь слезы, как ту уносят к лучшему будущему?

От резкого звука сзади Сэди едва не подпрыгнула. Кто-то приоткрыл подъемное окно и рывком поднял вверх. Кружевная занавеска отодвинулась, и на ее месте появилась женщина с зеленой пластмассовой

лейкой. Женщина с собственническим видом посмотрела вниз, на скамью (Только для постояльцев отеля!) и перевела многозначительный взгляд на Сэди.

Собаки уже закончили обследовать местность и теперь сидели, насторожив уши и преданно глядя на хозяйку, ждали, когда она даст им знак, что пора домой. Сэди кивнула псам, когда хозяйка гостиницы начала лить воду в корзинку с цветами прямо над ее головой. Эш и Рэмзи потрусили к коттеджу Берти, а Сэди плелась следом, пытаясь не замечать призрачного ребенка, который шагал рядом с ней.

– Ну что, разгадала тайну? – громко спросил Берти, когда Сэди с Эшем и Рэмзи шумно ворвались в переднюю дверь.

Сэди обнаружила деда во внутреннем дворике за кухней с садовыми ножницами в руках, рядом высилась горка сорняков и обрезанных веток.

– Почти, – ответила она, роняя рюкзак на дощатый садовый стол. – Остались мелочи: кто, как и почему.

– Действительно мелочи.

Сэди прислонилась к каменной стене, которая не давала саду сползти по крутому склону к морю. От открывающегося вида захватывало дух. Серебристая трава, белый песок, выстилающий дно маленькой бухты между двумя мысами, бескрайний простор шелковистого моря, меняющего цвет с лазурного до чернильно-синего... Идеальная картина. Фотографии с такими видами загорелые отпускники отправляют друзьям и знакомым, чтобы те позавидовали. В самом деле, не купить ли Дональду открытку?..

– Чувствуешь запах прилива? – спросил Берти.

– А я-то винила собак!

Берти рассмеялся и аккуратно щелкнул ножницами у ствола цветущего деревца.

Сэди села на табурет рядом с дедом, вытянула ноги. Что ни говори, у Берти талант к садоводству. Повсюду пышно, словно морская пена, цвели цветы и зеленела листва, оставив свободной только небольшую вымощенную площадку посреди сада.

Среди упорядоченного беспорядка Сэди заметила россыпь маленьких синих цветов с желтыми, похожими на звездочки серединками.

– Чатемские незабудки, ^[14] – произнесла она, внезапно вспомнив садик, который Рут и Берти устроили во дворе за своим лондонским домом. – Мне они всегда нравились.

Тогда Берти выращивал эти цветы в терракотовых горшках, подвешенных на кирпичной стене; просто удивительно, что он мог сотворить на девяти квадратных метрах, которые попадали под яркие лучи

солнца всего лишь на час в день. По вечерам, когда магазинчик закрывался, Сэди сидела с Берти и Рут в садике – правда, не с самого начала, а уже позже, когда прошло несколько месяцев и дата родов становилась все ближе. Рут с дымящейся чашкой чая «Эрл Грей», ласковый взгляд и безграничная доброта: «Детка, что бы ты ни решила, мы тебя поддержим».

Неожиданно Сэди накрыла волна горя. Даже сейчас, год спустя, она остро ощущала потерю. Наверное, все бы отдала, лишь бы вернуть сюда бабушку, такую теплую, знакомую и, казалось бы, вечную. Нет, не сюда. Пусть Рут с Берти по-прежнему живут в Лондоне. Похоже, все важные решения принимались в том крошечном огороженном садике с его горшками и висящими корзинками, совсем не похожем на это открытое, залитое солнцем пространство. В душе Сэди вдруг возникло резкое неприятие перемен, приступ ребяческого капризного гнева, который она проглотила, как горькую пилюлю.

– Ты, наверное, рад, что теперь у тебя больше места для сада, – заметила Сэди с деланой веселостью.

Берти улыбнулся, соглашаясь, потом кивнул на потрепанную папку для бумаг, на которой стояли две использованные чайные чашки с остатками чего-то, напоминающего мутный настой из обрезков травы.

– Ты разминулась с Луизой. Вряд ли это поможет раскрыть тайну, но Луиза подумала, что тебе будет интересно взглянуть.

Опять Луиза. Сэди мгновенно оцетинилась, но потом напомнила себе, что эта женщина – необычайно дружелюбный человек, который к тому же оказал ей услугу. И открыла папку. Там лежали старые любительские газеты, каждая представляла собой отдельный лист бумаги с написанным староанглийским готическим шрифтом названием «Вестник Лоэннета» и украшенный рисунком тушью с изображением дома и озера. Покрытые пятнами страницы выцвели и служили убежищем паре чешуйниц, которые выбрались на свободу, когда Сэди потревожила их покой, переворачивая листы. Хотя бумага пахла сыростью и запустением, заголовки, казалось, искрились жизнью, возвещая о важных событиях: «НОВОРОЖДЕННЫЙ: НАКОНЕЦ-ТО МАЛЬЧИК!», «ИНТЕРВЬЮ С МИСТЕРОМ ЛЛЕВЕЛИНОМ, ГЕНИАЛЬНЫМ АВТОРОМ!», «РЕДКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ: В САДУ ЛОЭННЕТА ЗАМЕЧЕНА КОРОТКОХВОСТАЯ ГОЛУБЯНКА!» Каждая статья сопровождалась иллюстрацией, выполненной Клементиной, Деборой или Элис, зато все без исключения тексты принадлежали перу Элис.

Сэди задержала взгляд на строке с именем и вдруг вновь ощутила ту самую незримую связь, которую чувствовала всякий раз, когда находила в

Лоэннете вырезанные буквы «Э-Л-И-С».

– Откуда они взялись? – спросила она.

– Тетя одного из Луизиных пациентов работала горничной в Доме на озере. Она ушла от Эдевейнов в тридцатых годах, когда их семейство уехало из Корнуолла, а эти газеты, должно быть, случайно попали в ее вещи. Печатный станок стоял в комнате для учебных занятий, которая, по-видимому, находилась на чердаке, рядом с комнатами горничных, и дети любили с ним играть.

– Ты только послушай...

Сэди убрала газету от слепящего света и прочитала вслух:

**ИНТЕРВЬЮ С НАРУШИТЕЛЬНИЦЕЙ ПРАВИЛ
ПОВЕДЕНИЯ: ГОВОРIT ОБВИНЯЕМАЯ!**

Сегодня мы публикуем эксклюзивное интервью с Клементиной Эдевейн, которую мама обвинила в «нарушении правил поведения» после недавнего инцидента, во время которого Клементина оскорбила няню Роуз. «Она в самом деле толстая! – выкрикнула из-за двери обвиняемая, отбывающая наказание у себя в комнате. – Я только сказала правду!» Правда или оскорбление? Судить тебе, дорогой читатель.

Элис Эдевейн, корреспондент, ведущий расследование.

– Элис Эдевейн, – повторил Берти. – Нынешняя владелица дома.

Сэди кивнула.

– Известная еще как Э. С. Эдевейн, гениальный автор детективов. Жаль, что она не ответила на мои письма.

– Еще и недели не прошло.

– Ну и что? – возразила Сэди, в число добродетелей которой не входило терпение. – Четыре полных рабочих дня!

– Какая трогательная вера в Королевскую почтовую службу.

Если честно, Сэди предполагала, что Элис Эдевейн обрадуется ее письму. Настоящий сыщик из полиции хочет возобновить, пусть и неофициально, дело об исчезновении ее брата. Сэди ожидала ответа с обратной почтой. Даже если, как сказал Берти, почтовая служба далека от совершенства, ответ уже должен бы прийти.

– Люди могут по-разному относиться к своему прошлому, – заметил

Берти, проведя пальцами по гладкому стволу деревца. – Особенно если пережили что-то болезненное.

Дед говорил ровно и спокойно, казалось, все его внимание поглощено деревцем, но Сэди уловила жар незаданного вопроса. Он наверняка ничего не знал о Шарлотте Сазерленд и письме, которое воскресило тот давнишний кошмар. Громко закричала чайка, вспоров над ними небо, и на какую-то долю секунды Сэди вдруг захотелось рассказать Берти о девочке с четким, уверенным почерком и изящными оборотами речи.

Глупое желание, тем более сейчас, когда она уже избавилась от письма. Деду наверняка захочется все подробно обсудить, и тогда вообще ничего не забудешь.

– Смотри, наконец-то прислали статью из газеты, – перевела Сэди тему, вытаскивая из рюкзака материалы исследования. Она положила на колени стопку библиотечных книг, архивные папки и большой отрывной блокнот, который купила в книжном магазине. – Там были фотографии, я их раньше не видела, а больше ничего нового.

Дед тихонько вздохнул, как будто уловил невысказанное признание, и Сэди вдруг пронзила мысль, что он – единственный близкий ей человек, и если с ним что-нибудь случится, она останется совсем одна.

– Итак, мы наверняка знаем, что мальчика выкрали, но так и не выяснили, кто или каким образом, – заметил Берти, у которого хватило ума не донимать Сэди расспросами.

– Точно.

– Есть версии?

– Ну, я считаю, что можно исключить залетных похитителей. Там шло празднество, а сам дом находится в стороне от проезжих дорог. Это не то место, куда можно попасть случайно.

– Если только не ищешь собаку.

Сэди улыбнулась в ответ.

– Остается две возможности. Ребенка похитили потому, что кому-то нужны были деньги, или потому, что нужен был сам ребенок.

– Выкуп так и не потребовали?

– Пикеринг писал, что нет, однако полиция не всегда сообщает о подобных вещах. Надо будет спросить Клайва Робинсона.

– Он связался с тобой?

– Пока нет, он только вчера приехал, так что, будем надеяться...

Берти отстриг с деревца еще один побег.

– Предположим, что мальчика похитили не из-за денег.

– Тогда дело в самом мальчике. Именно в этом мальчике. Вряд ли кто-

то, кому просто был нужен ребенок, выбрал бы сына богатых и знатных родителей, у которых есть все возможности для поисков.

– Да, это было бы неразумно, – согласился Берти. – Наверняка нашлись бы варианты попроще.

– Следовательно, тот, кто забрал Тео Эдевейна, хотел забрать именно его. Почему?

Сэди занесла ручку над дешевым блокнотом, сделанным из тонкой, почти прозрачной бумаги, на которой солнце высветило отпечатки предыдущего письма, и вздохнула.

– Бесполезно. До тех пор, пока я не соберу больше информации – получу ответ от Элис, поговорю с Клайвом Робинсоном, прочувствую людей, которые имели отношение к тому делу, и выясню, у кого были средства, мотив и возможность, – это все сплошные догадки.

Берти услышал в ее голосе нотку отчаяния.

– Ты и вправду хочешь во всем разобраться, да?

– Не люблю недоработки.

– Прошло много времени. Большинство людей, которым был дорог этот ребенок, давно умерли.

– Дело в другом. Малыш исчез; это неправильно, родственники имеют право знать, что с ним случилось. Вот... – Она протянула Берти газетную статью. – Посмотри на его мать, на ее лицо. Она родила этого ребенка, дала ему имя, любила. Это ее сын, и остаток жизни она прожила без него, так и не узнав, что случилось, каким он вырос, был ли счастлив. Да она даже не знала, жив он или нет!

Мельком взглянув на газету, Берти ласково и немного растерянно посмотрел на Сэди.

– Сэди, детка...

– Это головоломка, – перебила она, понимая, что говорит слишком резко, но не в силах остановиться. – Ты же знаешь меня, я не успокоюсь, пока не решу. Как вынесли ребенка из полного людей дома? Чего-то я пока не вижу. Двери, окна, может, лестница, как в похищении маленького Линдберга?^[15]

– Сэди, твой отпуск...

Эш неожиданно залаял, оба пса вскочили на ноги и бросились к каменной стене с той стороны, где сад граничил с улочкой. Сэди тоже услышала, как к коттеджу подъехал мопед. Раздался скрип и негромкий глухой звук: почтальон открыл почтовый ящик на входной двери, и стопка писем упала на коврик.

– Почта, – сказала Сэди.

– Я схожу.

Берти положил садовые ножницы и аккуратно вытер руки о фартук для работы в саду. Слегка нахмурившись, посмотрел на внучку, потом наклонил голову и скрылся в кухне.

Сэди подождала, пока дед не уйдет, и только потом перестала улыбаться. Лицо болело. Уклоняться от расспросов Берти с каждым разом было все труднее. Сэди ненавидела врать деду, ложь ставила их обоих в дурацкое положение, но не могла смириться с мыслью, что он узнает, как она напортачила на работе. Ее поступок, то, что она обратилась в прессу, – плохо, даже позорно. А что еще хуже, дед наверняка спросит, почему она это сделала, ведь это совсем не в ее характере. И тогда придется упомянуть о письме Шарлотты Сазерленд. Сэди не хотелось рассказывать об этом деду. Наверняка он будет слушать ее с добрым и сочувствующим выражением лица, и Сэди боялась, что не выдержит. Ей казалось, что если она заговорит об этом вслух, кошмар материализуется и она вернется в прошлое, вновь станет собой тогдашней: юной, перепуганной и беспомощной, скорчившейся в ожидании гигантской волны, которая вот-вот накроет ее с головой. Нет, она, Сэди, уже не та девочка. И никогда ею не будет.

Так почему она ведет себя как тогда? Сэди нахмурилась. Да-да, это именно то, что она сейчас делает. Позволила Дональду командовать, а сама изнывает от неопределенности, ждет, когда ее попросят вернуться к любимой работе. Работала как каторжная, только бы добиться цели. А сколько всего пришлось пережить, пока ее заметили? Так почему же сейчас она робеет, отсиживается у летнего спокойного моря, прячется за делом, по которому все следы остыли семьдесят лет назад?

Поддавшись порыву, Сэди вытащила из кармана мобильный телефон. Покрутила пару секунд в руках, затем, решительно вздохнув, направилась в самый дальний уголок сада. Залезла на каменную стену и тянулась изо всех сил в сторону от дома, пока на экране не возникла одна черточка, означающая, что связь появилась. Сэди набрала номер Дональда и стала ждать, бормоча вполголоса:

– Ну давай же, давай...

Вызов сразу попал в голосовую почту. Сэди выругалась, но вместо того, чтобы нажать кнопку «Отбой» и набрать номер еще раз, прослушала короткое сообщение Дональда и оставила свое. «Дональд, это Сэди. Хочу тебе сказать, что возвращаюсь в Лондон. Я со всем разобралась и готова приступить к работе через неделю, в понедельник. Было бы здорово встретиться заранее, пообщаться. Покажу тебе снимки из отпуска...»

Шутка прозвучала довольно жалко, и Сэди торопливо продолжила: «В общем, сообщи, где и когда встретимся. На следующей неделе?» Сэди остановилась на последнем утверждении, прозвучавшем как вопрос, и закончила разговор.

Вот так. Все сделано. Теперь, когда Берти спросит о ее планах, услышит вразумительный ответ: после короткой и приятной поездки в Корнуолл она на следующей неделе едет в Лондон.

Сэди сунула телефон в карман и вернулась на свое место под деревом, ожидая, что наконец-то обретет душевное спокойствие. Как бы не так: мысли метались, наперебой подсказывая, что нужно было сделать иначе. Например, самой уточнить место и время и говорить мягче, примирительным тоном.

Вспомнилась угроза Дональда пойти напрямик к Эшфорду, если Сэди не выполнит его указания. Но Дональд – ее напарник и благоразумный человек. Наверняка он желал ей добра, когда заставил взять отпуск, и Сэди усвоила урок, она больше не будет связываться с журналистами. Дело Бейли закрыли, в газетах ничего о нем не пишут, так что от проступка Сэди никто не пострадал. (Если, конечно, не принимать во внимание Нэнси Бейли. Сэди вздрогнула, вспомнив выражение лица Нэнси, когда ей сказали, что расследование закончено. «Я думала, вы мне поверили, что моя девочка никогда бы так не поступила. Я думала, вы ее найдете».)

«Ни в коем случае не общайся с бабушкой девочки, даже думать не смей!» Сэди отогнала мысли о Нэнси Бейли, сказала себе, что поступила правильно, и попыталась в это поверить.

Новая карта усадьбы Лоэннет лежала у нее на коленях, и Сэди, чтобы отвлечься, сосредоточила на ней все свое внимание. Эта карта оказалась намного старше той, что Аластер дал Сэди раньше, – тысяча шестьсот шестьдесят четвертого года, как утверждала надпись наверху, – и ее нарисовали, когда «Дом у озера» еще был частью большого имения. Несмотря на устаревшее написание и странный шрифт, от которого некоторые слова выглядели совершенно нечитаемыми, карта выглядела очень знакомо, учитывая, что всю прошлую неделю Сэди изучала поэтажный план здания, пытаясь сообразить, каким путем вынесли в ту ночь ребенка. Все комнаты и другие помещения дома были там, где им полагалось быть.

Разве что... Сэди взгляделась, потом вытащила из папки первую карту и положила рядом, чтобы сравнить.

Все-таки они отличались. На более поздней карте отсутствовала маленькая комнатка, вернее, закуток по соседству с детской.

Что это? Шкаф? Неужели в семнадцатом веке уже существовали стенные шкафы? Вроде бы нет. Даже если они уже были, то зачем включать в поэтажный план именно этот, а не другие?

Сэди задумчиво постучала пальцами по губам. Посмотрела на дедово деревце, потом на собак, которые устроились у каменной стены, и, наконец, на море. Взгляд упал на черную точку корабля, маячившего на горизонте.

И тут ее осенило.

Сэди торопливо просматривала бумаги, пока не нашла выписки из главы «Род Дешиль из Гавелина».

Вот оно: во времена правления Генриха Восьмого дом построил некий Дешиль-мореплаватель, который похитил у испанцев много золота. Как же еще называют таких людей?

Ассоциативные связи вспыхивали у Сэди в мозгу проблесковыми маячками: Дешиль, который, возможно, был пиратом... разговор Луизы о контрабандистах и о туннелях по всему побережью Корнуолла... туннель в книге «Волшебная дверь Элеонор» и его двойник в реальной жизни... столб и кольцо, которое Сэди видела собственными глазами...

– Тебе письмо, – сообщил Берти и протянул ей маленький конверт.

Сэди молча взяла письмо. Она настолько увлеклась новой, зарождающейся в мозгу теорией, что даже не обратила внимание на имя, аккуратно напечатанное в левом верхнем углу конверта.

– От полицейского, – настаивал Берти. – Клайва Робинсона из Полперро. Разве ты не...

Дед осекся на полуслове.

– Господи, тебе что, призрак явился?

Призраки ей, может, и не являлись, но у Сэди возникло ощущение, что рядом промелькнула тень.

– Комната, – произнесла Сэди, когда Берти подошел к ней и заглянул через плечо. – Вот этот маленький альков... По-моему, я знаю, как ушел похититель.

Глава 12

Лондон, 2003 г.

Этот уголок Южного Кенсингтона изобилует призраками; собственно, именно поэтому сестры Эдевейн его и выбрали. Каждый год в годовщину смерти Элеонор они пили чай в кафе музея Виктории и Альберта, но вначале встречались в Музее естественной истории. Отец завещал свою коллекцию музею, и Элис считала, что незримое присутствие отца чувствуется здесь сильнее всего.

Сестры считали логичным поминать обоих родителей в один день. У отца с матерью была такая любовь, о которой пишут в книгах, а обычные люди ей завидуют: красивые юноша и девушка, случайно встретились, полюбили друг друга с первого взгляда, а потом их разлучила Первая мировая война, но чувство молодых людей не только выдержало проверку, но и стало еще крепче. В детстве Элис и ее сестры принимали отношения родителей как данность и выросли под сенью их преданности друг другу. Однако такая любовь не нуждается в посторонних. Элеонор и Энтони почти ни с кем не общались, делая исключение только для очень тесного круга старых друзей, и неохотно выезжали. Сейчас Элис понимала, что их обособленность добавляла волшебства ежегодному празднику в Иванову ночь. Когда Элеонор неожиданно погибла, ненадолго пережив мужа, люди качали головами, ужасались и говорили сестрам: «Конечно, они не могли друг без друга!» Те же самые люди многозначительно перешептывались за спинами сестер: «Похоже, она не вынесла разлуки».

Элис, как всегда, пришла в музей первой. Это вошло у них в привычку, словно по негласному соглашению, благодаря которому Элис чувствовала себя пунктуальной, а Дебора – взбалмошной. Элис устроилась на скамейке в центральном холле музея, сунула руку в сумочку, погладила гладкий кожаный переплет потрепанной записной книжки, потом вытащила ее и положила на колени. Больше всего на свете она любила наблюдать за людьми и со временем выяснила, что если просто пялиться на окружающих, тебя сочтут не в меру любопытной, но если делать это с блокнотом и ручкой, то сойдешь за рассеянную и даже очаровательную особу. Впрочем, сегодня Элис не хотелось ничего записывать – ее слишком занимали собственные переживания.

Она открыла записную книжку и уставилась на письмо, которое лежало внутри. Перечитывать не стала, да и зачем? Это уже второе письмо,

и в нем то же самое, что и в первом. Какая-то особа, детектив полиции, снова просит о встрече, но намеренно не сообщает, что именно ей известно о деле Эдевейнов (как она его назвала). Умный ход, Элис сама бы так написала от лица Диггори Брента, если бы тот, проводя отпуск в Корнуолле, вдруг заинтересовался нераскрытым преступлением. Любой мало-мальски приличный сыщик знает, как расставлять едва прикрытые ловушки, чтобы туда, если повезет, угодил доверчивый свидетель. К несчастью для Сэди Спэрроу, Элис трудно назвать доверчивой и она не намерена попасться на удочку и наговорить лишнего, но вот Дебора...

Она захлопнула записную книжку и стала обмахиваться ею, как веером. Прошлой ночью, лежа в постели, Элис думала, как лучше поступить, прикидывала вероятность, что эта Спэрроу отыщет что-либо важное, а потом убеждала себя, что после стольких лет не осталось никаких следов. Внезапно ей пришло в голову, что Дебора тоже могла получить письмо, и сердце пронзил страх.

Тщательно взвесив подобную возможность, она решила, что если бы с Деборой кто-нибудь связался, сестра, чистая душа, сразу бы ей позвонила. Хранительница политического наследия Тома, Дебора пришла бы в ужас от мысли, что не в меру шустрая незнакомка ворошит прошлое их семьи, и обратилась бы за помощью. И только сегодня утром, когда такси уже ехало через район Сент-Джонс-Вуд, до Элис дошло, что Дебора, возможно, хочет обсудить все при личной встрече. Зная, что близится годовщина смерти Элеонор, сестра могла просто сунуть письмо в сумочку.

У входа в зал растерянно суеился какой-то человек в черных джинсах. Элис заметила его, когда только вошла: он держал за руку маленькую девочку в ярко-розовой майке и джинсовом комбинезоне, девочка на что-то показывала и нетерпеливо подпрыгивала, а мужчина – отец, как предположила Элис, – пытался умирить ее пыл, одновременно доставая что-то (бутылку с водой? Современные дети, похоже, всегда хотят пить) из маленького рюкзака.

Сейчас явно встревоженный мужчина махал руками охраннику, а девочка куда-то исчезла. Всеобъемлющий ужас родителя, потерявшего ребенка; Элис за милую различала это чувство. Ее взгляд скользнул по огромному скелету диплодока и упал на величественную каменную лестницу в конце огромного, похожего на пещеру зала. Когда Элис впервые заметила девочку, она показывала в ту сторону, а в другой руке держала мячик – из тех, что светятся изнутри, если их встряхнуть. В глазах малышки горела решимость. И действительно, сейчас девочка стояла на самом верху лестницы, прижавшись щекой к прохладному плоскому камню

балюстрады, и держала мяч на уровне лица, готовясь запустить его вниз по перилам.

Элементарно, Ватсон. Элис, как обычно, оказалась права. Она всегда обладала способностью делать выводы из очевидных фактов. Отшлифовать это умение до блеска помог отец. Когда Элис и ее сестры были детьми, папа играл с ними в необычные игры. Он устраивал вылазки на природу и брал с собой дочерей, разрешая им нести что-нибудь из снаряжения, например вожденный сачок. Порой отец останавливался и, присев, чтобы видеть их глаза, показывал на какой-нибудь объект. «Мысленно нарисуйте картину, – говорил он, – но не смотрите просто на дерево. Обратите внимание на лишайник на стволе, на отверстия, которые проклевал дятел, на более редкую листву там, куда не попадают солнечные лучи». Позже, порой через несколько дней, в самый неожиданный момент папа говорил: «Элис! То дерево в лесу, назови десять особенностей». А потом закрывал глаза и считал, загибая пальцы, пока Элис, вызвав сцену в памяти, перечисляла подробности.

Отец часто ей улыбался, и даже сейчас от этого воспоминания у Элис защемило в груди. У папы была потрясающая улыбка, он не умел скрывать эмоции, в отличие от Элеонор, которую благородное воспитание сделало чопорной и сдержанной. Элис хорошо помнила бдительное присутствие мамы, как та пристально следила за дочерьми и за малейшую провинность отсылала их прочь, чтобы остаться вдвоем с мужем. Только много лет спустя Элис поняла, что мама ревновала, завидовала их дружбе с отцом, тому, как сильно он их любил.

«Нет, тут все намного сложнее, – возразила Дебора, когда как-то раз они заговорили на эту тему. – В какой-то мере она ревновала, я тоже так считаю. Помнишь, во время войны, когда мы были маленькими, она дурачилась вместе с нами и играла? Казалось, она такая же девчонка, как мы, а не взрослая женщина, вроде бабушки или няни Бруен». Элис неуверенно кивнула: слова Деборы пробудили далекие воспоминания о прятках и чудесных историях. «А потом папа вернулся домой, и мама нас отчасти потеряла. Все изменилось. Она сама изменилась, стала совсем другой, более суровой. Она не могла... – Дебора замолчала на полуслове, как будто передумала продолжать. – В общем, только один из них мог быть самым любимым, понимаешь?»

У входа появилась знакомая фигура: Дебора опирается на руку Джеймса, своего шофера. Они вошли в зал, и Дебора рассмеялась в ответ на реплику Джеймса, потом ласково похлопала его по руке и отправила к машине. Элис с облегчением выдохнула – сестра явно не похожа на

человека, который получил по почте гранату.

Подобно всем женам, чьи мужья подвизаются в политике, сестра научилась в любой ситуации сохранять безмятежное выражение лица, но Элис всегда видела симптомы ее тревоги: слегка поджатые губы, сохранившаяся с детства привычка смыкать кончики пальцев... Сегодня Элис ничего такого не заметила, и у нее отлегло от сердца. Она продолжила разглядывать Дебору. Люди редко находят время, чтобы приглядеться к тем, кого хорошо знают. Дебора в свои без малого девяносто лет по-прежнему держалась прямо и любила шелковые платья того же фасона, что носила в тридцатые годы прошлого столетия: приталенные, с изящными перламутровыми пуговками, поднимающимися от пояса до кружевного воротничка. Сестра походила на одну из отцовских бабочек, пойманную на пике своей красоты и застывшую во времени, само олицетворение женственности. Полная противоположность Элис с ее брюками и удобными полуботинками.

Сегодня Дебора опиралась на трость; похоже, у нее разболелась нога. Впрочем, на вопрос о здоровье Дебора наверняка улыбнется и скажет, что чувствует себя превосходно. Просто немыслимо, чтобы кто-то из сестер Эдевейн признался в немощи, болезни или о чем-то пожалел. Стойкость духа они унаследовали от матери вместе с привычкой своевременно отвечать на письма и презрением к небрежному обращению с грамматикой.

– Прости, я опоздала, – сказала Дебора, подойдя к скамье. – Совершенно безумное утро. Давно ждешь?

– Ничего страшного, у меня с собой записная книжка.

– Ты уже смотрела коллекцию?

Элис покачала головой, и они в обоюдном молчании пошли сдавать летнее пальто Деборы в гардероб. Сторонний наблюдатель ошибочно назвал бы их встречу прохладной. Сестры никогда не целовались и не обнимались при встрече, и обе терпеть не могли дурацкую манеру выставлять чувства напоказ.

– Вы, должно быть, сестры, – заметила молоденькая гардеробщица, широко улыбаясь.

– Да, – ответила Дебора, пока Элис не успела привычно съязвить. – Похожи?

В старости они действительно стали походить друг на дружку больше, чем когда-либо; впрочем, молодежи все старики кажутся похожими. Постепенно выцветают волосы, глаза, кожа и губы, лицо покрывает маска морщин, и индивидуальные черты теряются. На самом деле они совсем не похожи, подумала Элис. Дебора до сих пор красива, – говоря другими

словами, сохранила остатки красоты. В то лето, когда она обручилась с Томом, последнее лето в Лоэннете, газета «Таймс» назвала ее самой привлекательной девушкой светского сезона. Элис и Клемми безжалостно дразнили Дебору, но исключительно ради спортивного интереса. Статья не сообщила ничего, чего бы они и сами не знали. «В любой группе сестер есть одна, которая затмевает остальных», – записала Элис в своей восьмой книге, «Смерть зайдет в гости». Она вложила эту строку в уста Диггори Брента, которой обладал поразительной особенностью видеть мир таким, каким его видела сама Элис. Но он был мужчиной и мог позволить себе подобные наблюдения, не боясь показаться язвительным или недобрым.

Нет, решила Элис, глядя, как сестра весело смеется вместе с гардеробщицей, Дебора явно не получала письма от Сэди Спэрроу. Впрочем, это дело времени, радоваться рано, Дебору обязательно впутают. К счастью, она, Элис, знает, как перенаправить нежелательное любопытство в другое русло. Надо действовать спокойно и методично. И о чем она только думала, когда сказала Питеру, что первое письмо пришло не по адресу, и она ничего не знает о пропавшем ребенке! Похоже, вообще не думала, просто паниковала.

– Как у тебя дела? Хорошо выглядишь, – оценивающе заметила Дебора, когда они отошли от гардеробной стойки.

– Все в порядке. А как ты?

– Великолепно.

Дебора кивнула в сторону зала, едва заметно скривив губы. Элис вспомнила, что ей никогда не нравились папины насекомые на серебряных булавах, как бы ни отстаивала она в детстве свою очередь ему помогать.

– Ладно, – сказала сестра, осторожно опираясь на трость. – Давай поскорее покончим с этим и пойдем пить чай.

* * *

Элис и Дебора почти не разговаривали, пока обходили зал, лишь отметили, что все бабочки на месте. Куратор музея вытащил их из отцовских застекленных коробок и разместил так, чтобы они дополняли уже имеющуюся коллекцию, но Элис без труда находила тех, которых помогала собирать. У каждой бабочки имелась своя история; рассматривая знакомые крылышки, очертания и цвета, Элис как будто слышала мягкий голос отца.

Нога все-таки явно беспокоила Дебору, поэтому Элис не стала

затягивать паломничество. Они направились через дорогу к Музею Виктории и Альберта, вошли в кафе и нашли уголок в зале поменьше, рядом с незажженным камином. Элис предложила Деборе занять столик, а сама отправилась за чаем. Когда она вернулась с подносом в руках, Дебора уже водрузила на нос очки для чтения и вглядывалась в экран мобильного телефона.

– Чертова штуковина! – сказала она, тыча в кнопочки малиновым ногтем. – Никогда его не слышу...

Элис сочувственно пожала плечами и налила в чашки молоко.

Ей пришло в голову, что прежде чем разговаривать с детективом Спэрроу, хорошо бы выяснить, что известно сестре. Вопрос в том, с чего начать. Дебора по-прежнему возилась с телефоном, то выдвигая панель, то закрывая, и что-то бормотала, пытаясь разобрать сообщение. Элис отпила чай.

Дебора нахмурилась и нажала на кнопку.

– Может, если я...

Элис поставила чашку.

– Я недавно вспоминала Лоэннет.

– Да? – Голос Деборы прозвучал почти безразлично.

Осторожнее, напомнила Элис сама себе, не торопись.

– Помнишь, как радовалась мама, когда папа вернулся с войны? Собрала в комнате наверху все его любимые вещи: микроскоп и энтомологические коробки, ряды книг, старый граммофон и пластинки с танцевальными мелодиями. А мы тайком пробирались наверх, чтобы через замочную скважину полюбоваться на красивого незнакомца.

Дебора отложила телефон, слегка прищурившись, долго смотрела на Элис и наконец сказала:

– Бог мой, у кого-то сегодня ностальгическое настроение.

Элис проигнорировала завуалированный вопрос.

– Совершенно не ностальгическое, – ответила она. – Я не романтизирую прошлое. Просто предлагаю тему для разговора.

– Ох уж эта твоя семантика! – Дебора весело покачала головой. – Ладно, как скажешь. Да, прекрасно помню. Папа с мамой часто танцевали наверху, а мы с тобой за ними повторяли. Хотя, конечно, у тебя обе ноги левые...

– Она его спасала.

– Что ты имеешь в виду?

– Папа наверняка был измучен после войны и стольких лет разлуки, а она любовью вернула его к жизни.

– Думаю, да.

– А позже папа сделал то же самое для нее. После Тео. – Элис старательно сохраняла невозмутимый вид. – Хорошо, что они были друг у друга. Потеря ребенка, полная неизвестность... Немногие браки выдерживают подобное испытание.

– Ты права.

Дебора говорила осторожно, явно недоумевая, почему сестра подняла тему, которой они по безмолвному обоюдному уговору никогда не касались. Элис уже готовила следующий вопрос, когда Дебора вдруг произнесла:

– Знаешь, накануне моей свадьбы мама пришла ко мне в комнату, чтобы поговорить. Процитировала Первое послание к Коринфянам.

– «Любовь долготерпит, милосердствует...»?

– «Любовь не мыслит зла». [\[16\]](#)

– Довольно мрачное напутствие. Что она хотела сказать?

– Понятия не имею.

– И ты не спросила?

– Нет.

Дебора не сумела скрыть затаенной горечи, и Элис вспомнила кое-что, о чем совершенно забыла. Перед Дебориной свадьбой мама и сестра не ладили и постоянно переругивались, подолгу не разговаривая с остальными домочадцами. К тому времени Эдевейны вернулись в Лондон. Дебора вышла замуж за Тома через пять месяцев после исчезновения Тео, и жизнь семейства в поместье Лозннет закончилась. Полицейское расследование мало-помалу сошло на нет, однако родственники еще надеялись. Поговаривали о том, чтобы отложить бракосочетание, но Дебора и Элеонор наотрез отказались. Это было единственное, о чем они тогда не спорили.

– Долить чаю? – предложила Элис, взяв чайник.

Она не ожидала, что Дебора расскажет о разговоре с матерью перед свадьбой. Элис не планировала воскрешать старые обиды и теперь боялась, что разговор уйдет в сторону.

Дебора пододвинула свою чашку с блюдцем.

– А все-таки хорошо было в Лозннете, правда? – продолжила Элис, пока чай с бульканьем лился через носик чайника. – До того как пропал Тео.

– Да, хотя лично я всегда предпочитала Лондон. Тот восхитительный дом на Кэдоган-сквер, мистер Аллан, который подгонял ко входу «Даймлер», балы, наряды, ночные клубы... Сельская жизнь мне казалась скучной.

– Зато там было красиво! Лес, озеро, пикники. Сад.

А вот сейчас аккуратнее, подумала Элис и продолжила:

– Вообще-то, там и должно было быть красиво. Мама держала целую команду садовников, они работали круглые сутки.

Дебора рассмеялась.

– Да уж, было время! Сейчас прислугу не сыщешь, пыль с камина стереть некому.

– Заправлял всем, если не ошибаюсь, старый мистер Харрис, а ему помогал сын, он еще получил ужасную черепно-мозговую травму в битве на Сомме.

– Бедняга Адам.

– Да, Адам. И еще один человек, точно помню, работал по контракту. – Элис слышала стук собственного сердца. Шум кафе, казалось, исчез, как будто она оказалась внутри вакуумной электронной лампы старинного радиоприемника. – Как его звали... Бенджамин?

Дебора нахмурилась, вспоминая, затем покачала головой.

– Нет, боюсь, не помню. Это было так давно, сколько их приходило и уходило...

– Верно.

На душе стало легче, но вместе с облегчением пришла странная опустошенность. Какую-то долю секунды Элис ждала, что Дебора скажет: «Мунро. Его звали Бенджамин Мунро». Ей вдруг захотелось продолжить разговор, заставить сестру вспомнить Бена, как будто помощь сестры вернула бы его к жизни, и она, Элис, могла бы говорить о нем и чувствовать то, что чувствовала тогда, много лет назад. Дурацкий порыв, настоящее безумие, и Элис подавила его усилием воли. Она узнала все, что хотела: Дебора не помнит Бена, значит, можно не бояться. А сейчас лучше перевести разговор в безопасное русло.

Элис намазала скон^[17] маслом и спросила:

– Как там Линда?

Дебора подхватила давно избитую тему, но Элис слушала вполуха. Утомительная история о блудной внучке интересовала ее постольку, поскольку Элис собиралась завещать Лоэннет Линде. Собственно, у нее не было выбора. Поместье считалось неотчуждаемым, а у самой Элис не было родственников по нисходящей линии. Те, которые могли бы когда-то появиться, остались не более чем призраками у изножья кровати в те ночи, когда Элис мучилась бессонницей. А о том, чтобы продать дом, не могло быть и речи.

– Пиппа, конечно, вне себя, – говорила Дебора. – Кстати, это она оставила мне голосовое сообщение. Оно и понятно: если молодые люди

отдыхают перед университетом, то обычно год, не более, а Линды нет уже почти пять лет.

– Ну, она еще совсем юная, и у нее наследственная страсть к приключениям.

– Да, и мы обе знаем, что случилось с прадедушкой Хорасом.

– Не думаю, что в Австралии есть племена воинственных караيبов. Она, скорее, потеряется на пляжах Сиднея, чем станет жертвой каннибалов.

– Боюсь, это слабое утешение для Пиппы.

– Ничего, со временем Линда вернется домой.

«Когда у нее закончатся деньги», – подумала с сарказмом Элис. Они с сестрой никогда не обсуждали Линду, однако Элис не питала иллюзий насчет ее характера. Элис подозревала, что Дебора втайне разделяет ее мнение, но нельзя же в открытую критиковать единственную внучку сестры, это дурной тон. Тем более Дебора так долго не могла забеременеть, что ее не самое удачное потомство обрело почти королевский статус.

– Ничего, наберется житейского опыта и вернется совсем другим человеком.

– Надеюсь, ты права.

Для Элис было полной неожиданностью, когда после смерти Элеонор поместье Лоэннет досталось ей. Впрочем, смерть матери тоже была неожиданной. Она погибла в тысяча девятьсот сорок шестом году, когда война уже закончилась. После стольких смертей и разрушений казалось немыслимым, что человеческая жизнь может прерваться под колесами заурядного автобуса, следующего из Килберна в Кенсингтон.

Водитель автобуса ужасно переживал, на дознании не выдержал и расплакался. По его словам, он заметил Элеонор, когда та стояла на тротуаре – представительная, в элегантном костюме и с кожаным портфелем. Какая благородная дама, подумал водитель, интересно, куда она едет? Он сказал, что, судя по ее лицу, она полностью погрузилась в свои мысли. Вдруг в конце автобуса закричал ребенок, и водитель на долю секунды отвлекся от дороги, понимаете, всего лишь на какой-то миг, и тут – бац!.. Он так и сказал – бац! Элис до сих пор слышала его голос, когда закрывала глаза.

Она не хотела ни дома, ни поместья, никто из них не хотел, но мамино решение было вполне логичным: Дебора богата, Клемми умерла, оставалась Элис. Тем не менее Элис слишком хорошо знала свою мать и сразу поняла, что все не так просто. За наследством пришли долгие ночи, когда мрак смыкался вокруг Элис, она почти жалела себя и слишком много пила, сидя за голым столом в холодной квартире. В те послевоенные годы

Элис казалось, что стены, которыми она отгородилась от прошлого, вот-вот рухнут. Все это было в другой жизни, еще до того, как она начала писать книги, и Диггори Brent помог ей найти, куда излить страх и раскаяние. Теми ночами Элис поняла, что мать наказала ее, оставив в наследство Лоэннет. Поняла, что Элеонор всегда винила ее в пропаже Тео, хотя ни единым словом не упрекнула. Каким же изощренным оказалось это наказание, каким правильным: получить во владение свое самое любимое место на земле, куда невозможно вернуться из-за прошлого.

Глава 13

Домой в Хэмпстед Элис поехала на метро. По громкой связи объявили, что на станции «Гудж-стрит» человек попал под поезд; пришлось перейти на линию Пикадилли и доехать до «Кингз-Кросс». Парочка влюбленных сплелись в тесном объятии в конце вагона среди чужих чемоданов; девушка прижималась к молодому человеку и тихо смеялась, пока тот что-то шептал ей в ухо.

Элис встретила взглядом с мужчиной, который с напыщенным видом сидел напротив. Он с осуждающим видом поднял брови, но Элис отказалась его поддерживать и отвела взгляд. Она еще помнила, что такое юношеская страсть, хотя прошло много времени с тех пор, как она испытывала нечто подобное. Такая любовь прекрасна, хотя и очень опасна. Она затмевает весь мир, в ее власти заставить даже самого разумного человека потерять голову.

Если бы тем летом Бенджамин Мурно попросил Элис умереть за него, она бы умерла не раздумывая. Конечно, он бы не попросил; как выяснилось, ему вообще ничего не было нужно. Впрочем, Элис и без просьб отдала бы ему все, что угодно.

Тогда Элис думала, что она очень скрытная, считала себя взрослой и умной. Любовь ослепила ее, и она ничего не замечала. Правильно сказал Уильям Блейк: любовь всегда слепа к недостаткам. Любовь заставляет людей попираť законы, она окрыляет и освобождает, любовь делает людей беспечными. А ведь их с Беном могли увидеть. Может, Дебора ничего про них и не знала, а вот другие вполне могли догадываться.

Пока поезд с грохотом мчался по туннелю, в голове Элис вдруг зазвучали два далеких голоса, как из старой радиопередачи, которая долетела к ней через десятки лет. Это было зимой тысяча девятьсот сорокового года, в самый разгар немецких бомбардировок. Клемми ненадолго приехала в Лондон – ей дали неожиданный отпуск – и остановилась в крошечной квартирке Элис. Сестры сидели за бутылкой джина и обменивались военными историями: о службе Клемми во вспомогательной транспортной авиации, о работе Элис на расчистке завалов после налетов. Ночь все тянулась, бутылка пустела, и когда сестры расчувствовались, разговор перешел на отца и Первую мировую войну, на пережитый отцом ужас, который Элис и Клемми только-только начали осознавать.

– Папа хорошо держался, правда? – сказала Клемми.

– Да, он не хотел нас обременять.

– Он никогда не говорил о войне. Ни единого слова. В голове не укладывается, как это он все терпел, а после войны отбросил в сторону, как будто ничего и не было. Вот я в старости наверняка заболтаю своих внуков до полусмерти, рассказывая о войне и своих подвигах. А папа был не такой. Я бы в жизни не подумала, что он всю войну провел в окопах. Только представь, топкая грязь, кругом крысы, а главное – гибель товарищей. Он говорил с тобой о войне?

Элис покачала головой.

– Помню, папа однажды сказал, что, к счастью, у него дочери, и, случись еще одна война, его детям не придется воевать. – Она махнула стаканом в сторону армейской формы Клемми и улыбнулась. – Все порой ошибаются.

– Даже папа, – согласилась Клемми. – И что бы он ни говорил, ему все-таки хотелось иметь сына.

– Бабушка Дешиль считала, что все мужчины мечтают о сыне.

Элис не стала добавлять, что вредная старуха высказала свое мнение в октябре тысяча девятьсот двадцатого года, сразу после рождения Клемми, когда упрекала их мать: мол, третья дочь никоим образом не порадует вернувшегося с войны мужа.

– И все-таки в конце концов у него появился сын, – заметила Клемми.

Они обе замолчали – разговор привел их к детству и запретной теме потерянного брата. Сестры сидели, погружившись в пропитанные джином мысли о прошлом. В квартире наверху заплакал ребенок, где-то завывала сирена. Элис встала, чувствуя, как накренилась комната, собрала пустые стаканы и отнесла их к маленькой раковине под грязным окошком, заклеенным крест-накрест полосками бумаги. Она стояла спиной к Клемми, когда та вдруг сказала:

– Я встретила садовника, который какое-то время работал у нас в Лоэннете, он ехал во Францию.

В холодной тишине комнаты слова прозвучали резко, как будто кто-то чиркнул спичкой. Элис сжала кулаки в рукавах вязаного джемпера, собравшись с духом, повернулась к Клемми и услышала собственные слова.

– Какого еще садовника?

Клемми смотрела на деревянную столешницу, водя по текстуре коротким ногтем. Она не ответила, да и зачем, – обе знали, о ком идет речь.

– Элли, – произнесла она, и от детского прозвища Элис бросило в

дрожь. – Мне нужно что-то... я имею в виду... О том, что я видела, когда мы были детьми.

Сердце Элис тяжело упало, словно молотком ударили по часам. Часть ее хотела немедленно закончить разговор, но другая, пьяная часть, которая устала бегать от прошлого и осмелела перед лицом вездесущей смерти и опасности, почти ждала продолжения. Поразительно, как алкоголь развязывает языки.

– Все случилось тем, последним летом. За несколько месяцев до этого мы были на авиационном шоу, и я с ума сходила по самолетам. Помнишь, я даже бегала, раскинув руки, притворялась, что лечу.

Элис кивнула. У нее пересохло в горле.

– В тот день я ходила на аэродром за фермой Джека Мартина. Я любила там бывать, просто смотрела, как взлетают и садятся самолеты, и представляла, что когда-нибудь сама стану летчицей и полечу. Я опаздывала домой и потому срезала путь: пошла через лес вдоль ручья и вышла к старому лодочному сараю.

У Элис поплыло перед глазами; часто моргая, она уставилась на картину с изображением корабля в штормовом море, оставленную предыдущим жильцом. Корабль двигался. Элис с легким удивлением смотрела, как он качается из стороны в сторону.

– Я бы не стала останавливаться, потому что очень проголодалась и спешила домой, но изнутри донесся мужской голос.

Элис закрыла глаза. Долгие годы она страшилась этой минуты, представляла различные варианты развития событий, мысленно репетировала объяснения и оправдания, однако теперь, когда это случилось, не знала, что сказать.

– Я поняла, что там не папа и не мистер Ллевелин, и мне стало любопытно. Я не удержалась и подошла к окну, забралась на перевернутую лодку и увидела... Элис, я не хотела, так получилось. Этот мужчина, садовник...

– Осторожно! – перебила Элис и, рванувшись к столу, сбросила бутылку с джином на пол. Стекло разбилось, Клемми вскочила со стула, отряхивая одежду, ошарашенная неожиданным грохотом и брызгами.

– Прости, – пробормотала Элис, – ты локтем чуть не задела бутылку. Я хотела ее поймать.

Она поспешила к раковине и вернулась с тряпкой, с которой капала вода.

– Элис, прекрати.

– Господи, ты же насквозь промокла!.. Сейчас принесу тебе другую

рубашку.

К тому времени как одежду сменили, а разлитый джин вытерли, желание поделиться тайнами исчезло. На следующее утро исчезла и Клемми.

От нахлынувшего чувства облегчения у Элис закружилась голова. Даже записка на столе не испортила настроения. «Тороплюсь, рано улетаем. Увидимся, когда вернусь. Надо поговорить. Очень важно. К.».

Элис скомкала клочок бумаги и поблагодарила бога за временную отсрочку.

Как выяснилось, бог может быть жестоким. Через два дня Клемми сбили над океаном, за четыре мили до английского побережья. Самолет выбросило на берег, но ее тело так и не нашли. В рапорте говорилось: «Вероятно, пилот катапультировался перед тем, как самолет упал в воду». Еще одна потеря в мире, который решил, что человеческая жизнь ничего не стоит. Элис не считала, что события в жизни других людей происходят лишь для того, чтобы она, Элис, могла извлечь из них урок, и терпеть не могла выражение: «Ничего не бывает просто так». Поэтому предпочитала считать обычным совпадением то, что гибель сестры скрывает причастность Элис к смерти брата.

Она по-прежнему видела Клемми – в летние дни, когда глядела на пылающее солнце, и у нее темнело в глазах. Черная точка стремительно неслась в небе, описывала изящную дугу и безмолвно падала в море. Маленькая девочка, которая, вытянув руки, кругами бегала по полю; еще одна исчезнувшая родная душа. «Кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы и успокоился бы». ^[18]

Поезд вполз на станцию «Кингз-Кросс», влюбленные встали и направились к выходу. Элис вдруг захотелось пойти за ними, чтобы хотя на несколько мгновений прикоснуться к их пьянящей страсти.

Конечно, никуда она не пошла. Пересела на Северную линию и доехала до станции «Хэмпстед», а там на лифте поднялась наверх. У нее нет времени на сожаления о прошлом или ностальгию, нужно поскорее вернуться домой, увидеть Питера и заняться делом. Наверху ясный день близился к вечеру, жара спала, и солнце не слепило глаза. Знакомой дорогой Элис пошла к дому.

* * *

Питер выбрал желтый маркер и аккуратно выделил нужные строки.

Потом позволил себе на минутку отвлечься, довольный результатом. Издатель Элис хотел запустить веб-сайт через месяц, и Питеру поручили написать тексты. Работа оказалась нелегкой, а все потому, что особа, которой посвящался сайт, наотрез отказалась принимать участие в его создании.

Дело было вовсе не в обычном для человека, которому перевалило за восемьдесят, нежелании воспринимать новшества; наоборот, Элис гордилась своим умением идти в ногу с современными технологиями. Интернет сильно изменил полицейские процедуры со времени первого появления Диггори Брента, а Элис в книгах строго придерживалась реализма. Ее безумно злило «коварное вторжение» общественной сферы в личную жизнь. Маркетинг, конечно, дело хорошее, говорила она, но если автор становится важнее, чем его книги, значит, в этом мире что-то не так. Только приближающийся юбилей творческой деятельности и личная просьба главы издательства вынудили ее согласиться. При одном условии: «Я не желаю об этом слышать, Питер. Сами займитесь».

Питер пообещал, что займется, и приступил к работе, старательно избегая в присутствии Элис слов «онлайн» или «платформа». Биография автора получилась довольно быстро – у них уже был типовый документ, который постоянно дополняли для пресс-релизов, – и Питер даже гордился особой страничкой, которую написал от лица Диггори Брента, но сейчас он работал над разделом «ЧаВо», и дело буксовало. Трудность заключалась в том, что здесь все основывалось на ответах Элис. Без ее помощи Питеру приходилось перелопачивать архивы в поисках статей, из которых можно было бы набрать материала.

Питер сосредоточился на создании текста и поиске информации, отчасти потому, что хотел порадовать Элис, а отчасти потому, что это облегчило жизнь. Сейчас Элис почти не давала интервью, а если давала, то требовала, чтобы ее спрашивали только о работе. Элис тщательно охраняла свою частную жизнь, и Питер иногда тревожился – украдкой, про себя, и так, чтобы она не догадалась! – что в этом есть нечто невротическое.

Тем не менее он включил несколько личных вопросов из уважения к рекламному агенту Элис, которая прислала «коротенький список» из тридцати пунктов на выбор, и теперь ему приходилось перерывать информацию за несколько десятков лет, чтобы найти ответы. Архивы самой Элис не отличались аккуратностью. В течение всех этих лет для их упорядочивания и хранения использовались разные, довольно интересные системы, и теперь отыскать там что-либо было довольно проблематично.

И вот, наконец, успех. В интервью «Йоркшир пост», напечатанном в

августе тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, Питер нашел цитату Элис, которую, немного обработав, можно было использовать как ответ на один из вопросов.

Вопрос: *Каким вы были ребенком? Уже тогда пробовали стать писателем?*

Питер посмотрел на выделенные чуть раньше строки.

Ответ: *Мне всегда нравился процесс письма, меня ругали за то, что я пишу на стенах или вырезаю свое имя на мебели. К счастью, меня поддержал друг нашей семьи, известный автор, который никогда не ограничивал полет моей фантазии. Одним из лучших подарков, которые я когда-либо получала, была моя первая записная книжка. Ее подарил отец. Как же я ее любила! Я с ней не расставалась и до сих пор сохранила любовь к записным книжкам. Каждый год папа дарил мне новую, и я написала целый детективный роман – самый первый! – в записной книжке, которую получила на пятнадцатилетие.*

Прекрасно подойдет. Напевая, Питер прокрутил вниз текст на экране компьютера, отыскивая пустое пространство, куда нужно было вставить ответ.

Теплые послеобеденный свет падал на клавиатуру. За окном вздохнул автобус, подъезжая к остановке, женщина со смеющимся голосом кому-то крикнула «Скорей!», а дальше, на Хай-стрит, уличный музыкант играл на электрогитаре мелодию группы «Лед Зеппелин».

Питер уже мысленно собирался домой, предвкушая долгую поездку на автобусе в компании Пипа и Абея Мэгвича,^[19] как вдруг его внимание привлек еще один вопрос. Вернее, ответ, который он напечатал ниже.

Вопрос: *Роман «В мгновение ока» стал первым опубликованным детективом с участием Диггори Брента. Был ли он вашей первой книгой?*

Ответ: *Да. Я из тех редких счастливиц, кому никогда не возвращали рукопись.*

Эти два ответа не слишком противоречили друг другу. В конце концов, существует разница между законченной рукописью и романом,

написанным пятнадцатилетней девочкой в записной книжке, но что-то не давало Питеру покоя.

Он снова перебрал стопку ксерокопий на столе, разыскивая страницы, откуда взял ответ на второй вопрос. Питер нашел их в интервью для журнала «Пэрис ревю» в тысяча девятьсот девяносто шестого году и перечитал.

Интервьюер: Роман «В мгновение ока» стал первым опубликованным детективом с участием Диггори Брента. Но ведь он был не первой вашей книгой?

Элис Эдвейн: Вообще-то, первой.

Интервьюер: Неужели вы никогда не пробовали ничего написать до того, как взялись за «В мгновение ока»?

Элис Эдвейн: Никогда. До конца войны мне и в голову не приходило, что я смогу написать рассказ, не говоря уже о детективном романе. Я увидела своего персонажа, Диггори Брента, во сне и на следующее утро взялась за перо. Конечно, это архетипический образ, хотя любой автор цикла книг, который утверждает, что его герой не разделяет увлечения и хобби самого писателя, просто-напросто лжет.

Питер слышал, как тикают часы на каминной полке. Он встал, потянулся, допил воду из стакана, затем подошел к окну. Как ни крути, а эти два интервью явно противоречат друг другу.

Он вернулся к письменному столу, встал перед компьютером. Стрелка курсора мигала на слове «лжет».

Элис никогда не лгала. Более того, она говорила исключительно правду, была настолько искренней, что на нее порой обижались.

Значит, расхождение возникло из-за ошибки. Между двумя интервью прошло сорок лет, Элис вполне могла что-нибудь забыть. Ей восемьдесят шесть лет. Питеру всего тридцать, а он уже почти не помнит какие-то события из своего детства.

И все же не следует выкладывать в Интернет то, что может навлечь критику. В наше время легко попасться на неточностях и несоответствиях. Все можно проверить.

Питер рассеянно постучал по клавиатуре пальцем. Ничего страшного, просто досадная мелочь. И ведь не спросишь у Элис, какое интервью точнее. Он пообещал, что не будет докучать ей веб-сайтом, а еще Питер слишком дорожил жизнью, чтобы вслух усомниться в правдивости Элис.

Он снова перевел взгляд на экран.

До конца войны мне и в голову не приходило, что я смогу написать рассказ, не говоря уже о детективном романе... Как же я ее любила! Я с ней не расставалась и до сих пор сохранила любовь к записным книжкам. Каждый год папа дарил мне новую, и я написала целый детективный роман – самый первый! – в записной книжке, которую получила на пятинадцатилетие.

С крыльца донеслись шаркающие шаги, Питер бросил взгляд на часы. Входная дверь открылась, и вошла Элис.

– Питер?

– Я в библиотеке, – отозвался он, торопливо сворачивая окно до крохотного электронного пятнышка. – Уже заканчиваю. Может, чашку чая, пока я не ушел?

– Да, пожалуйста. – Элис подошла к двери. – Мне нужно кое-что с вами обсудить.

Она выглядела усталой и еще более хрупкой, чем обычно. Казалось, весь зной летнего дня собрался в помятостях одежды Элис, на ее коже, в ее манерах.

– Кто-нибудь звонил? – поинтересовалась Элис, присев, чтобы снять туфли.

– Джейн – по поводу нового романа, Синтия хочет поговорить о рекламе, а еще звонила Дебора.

– Дебора? – Элис вскинула взгляд на Питера.

– Да, всего лишь полчаса назад.

– Мы с ней только сегодня виделись! Что-то случилось? Она оставила сообщение?

– Да. – Питер сдвинул в сторону распечатки с интервью, чтобы найти бумажку с записью. – Где-то здесь лежит. Я записал, чтобы не забыть.

Он отыскал клочок бумаги и нахмурился, глядя на собственные каракули. Обычно Дебора разговаривала по телефону довольно рассеянно; сегодня же она вела себя настойчиво и потребовала, чтобы Питер передал сообщение слово в слово.

– Она просила передать, что вспомнила. Его звали Бенджамин Мунро.

Глава 14

Корнуолл, 23 июня 1933 г.

В свое последнее утро в Лозэннете Тео Эдевейн проснулся вместе с птицами. Ему было всего одиннадцать месяцев, слишком мало, чтобы самому определять время и уж тем более говорить, который час, но если бы он мог, то понимал бы, что большие настенные часы в детской показывают ровно шесть минут шестого. Тео только знал, что ему нравится, как серебряные стрелки сияют в лучах утреннего света.

Засунув большой палец в рот и обняв теплого Щена, довольный Тео перекатился на бок и сквозь полумрак посмотрел туда, где в небольшом закутке на узкой кровати спала няня. Металлические дужки очков не поддерживали ее лицо, и оно покоилось на подушке кучкой морщин и обвисших одутловатостей.

Тео не мог понять, куда делась другая няня, няня Роуз. Он скучал по ней, хотя уже начал забывать, какая она была и почему он без нее скучает. Новая няня оказалась старше и строже, а от ее запаха у Тео чесалось в носу. Она засовывала влажный носовой платок в рукав черного хлопчатобумажного платья, а на подоконнике хранила бутылку касторового масла. Еще она часто повторяла, что нет слова «не могу», а «бахвальство – плохая рекомендация», и любила усаживать Тео в большую черную коляску и возить туда-сюда по ухабистой дорожке. Тео терпеть не мог коляску, особенно сейчас, когда научился ходить. Он пытался об этом сказать, но слов не хватало, и няня Бруен выговаривала ему: «Тише, мастер Теодор. Мы не приглашали мистера Грубияна».

Тео слушал щебечущих за окном птиц, смотрел, как по потолку крадется рассвет, когда дверь в детскую открылась. Услышав скрип, Тео перекатился на живот и выглянул из-за прутьев кровати.

Его сестра, та, что с длинными косами и рассыпанными по щекам веснушками, заглядывала в щель между дверью и косяком и улыбалась. Любовь и восторг переполнили Тео. Он поднялся на ножки и широко улыбнулся в ответ, хлопая по перильцам так сильно, что медные шишечки по углам кровати звенели.

Тео любил своих сестер, всех трех, но больше всего именно эту. Две другие улыбались, ворковали над ним, говорили, какой он сладкий малыш, но особо рассчитывать на них не приходилось. Дебора сразу спускала его на пол, если он от восторга вцеплялся в ее волосы или одежду, Элис могла

смеяться и играть с ним в «ку-ку», а через минуту в ее глазах появлялось странное выражение, и она, словно забыв про Тео, вскакивала, сразу повзрослев, и без всяких объяснений начинала что-то строчить у себя в блокноте.

Зато эта сестра, Клемми, без устали щекотала Тео, строила ему рожицы и громко фыркала в его животик. Она носила Тео по разным интересным местам, крепко обхватив его за пояс теплыми худенькими руками, а когда, наконец, ставила его на землю, никогда не останавливала, как другие, если он находил что-нибудь интересное. Она не говорила «нельзя», «опасно» или «нет», а когда приходила за ним с утра пораньше, вот как сегодня, то обязательно брала его с собой на кухню, где на решетках остывали теплые буханки хлеба, а в кладовке хранились банки густого клубничного варенья.

Тео схватил Щена и в предвкушении поднял ручки, извиваясь всем телом, как будто думал, что если очень постараться, то можно самостоятельно вылезти из кровати. Он махал руками, радостно растопыривал пальчики, а старшая сестра улыбалась, ее глаза сияли, веснушки плясали. Она наклонилась (Тео знал, что так и будет!) и вытащила его из кровати.

Она потащила его к двери, весело встряхивая, пока няня Бруен мирно храпела в подушку, и от восторга Тео раскинул руки и ноги звездочкой.

– Пошли, Пухлик, – сказала сестра, смачно целуя его в макушку, – посмотрим на самолеты.

Они стали спускаться по лестнице, Тео весело улыбался, глядя на красную ковровую дорожку, думая о теплом хлебе с маслом и вареньем, уточках на озере, сокровищах, которые он отыщет в грязи, о широко раскинутых руках сестры, когда та сделает вид, что летит вместе с ним. Не выпуская пальца изо рта, Тео рассмеялся тихим, булькающим смехом просто потому, что был счастлив и любим.

* * *

Элеонор слышала скрип ступеней, но сонный мозг не придал этому значения и вплеп звук в интересный сон, в котором Элеонор была распорядителем большого, суматошного цирка. Тигры там не хотели укрощаться, воздушные гимнасты все время оступались на трапециях, а обезьянка постоянно терялась. Когда Элеонор наконец проснулась, скрип уже превратился в смутное воспоминание, исчезнувшее в огромном

мрачном пространстве вместе с остальными обрывками тревожных, переходящих одно в другое сновидений.

Наконец-то утро, свет, конкретность. После долгих месяцев подготовки наступил канун Иванова дня, но Элеонор не торопилась вылезать из кровати. Она проснулась затемно и долго лежала в душной комнате, не в силах справиться с теснящимися в мозгу мыслями. Каждая овца, которую она пыталась посчитать, превращалась в пункт из списка того, что предстояло сегодня сделать, и только под утро Элеонор провалилась в беспокойный сон.

Она потеряла глаза, потянулась, затем взяла с тумбочки папины старые часы, служившие ей верой и правдой, и, прищурившись, взглянула на круглый циферблат. Еще нет семи, а уже так жарко! Элеонор вновь откинулась на подушки. В другой день она надела бы купальник и сбегала к озеру – окунуться до завтрака, пока все спят и не нужно изображать строгую мать семейства. Элеонор обожала купаться, ощущение шелковистой воды на коже, прозрачный свет на покрытой рябью поверхности, любила слушать, как меняется звук, когда погружаешься в воду с головой. В детстве у нее было любимое место на озере, самое глубокое, рядом с лодочным сараем, где по крутым берегам буйно разрослась вербена, наполняя воздух сладким ароматом с легкой примесью гнили. Вода там была замечательно холодная, Элеонор ныряла в нее и опускалась все ниже и ниже, пока не устраивалась, как в гнездышке, среди скользких камышей. Дни тогда были намного длиннее.

Элеонор вытянула руку в сторону, похлопала по простыне. Энтони рядом не было. Наверное, встал с утра пораньше и поднялся наверх, избегая суматохи, которая, как он знал по собственному опыту, в этот день неизбежна. До недавних пор Элеонор страшилась проснуться и обнаружить, что мужа нет рядом, ужасно волновалась, пока не находила его одного, но теперь это прошло. Она все уладила, можно не бояться.

За окном застрекотала газонокосилка, и у Элеонор вырвался вздох, который она, не давая себе отчета, сдерживала. Шум газонокосилки означает, что погода, слава богу, хорошая. Одной заботой меньше. Дождь стал бы настоящей катастрофой. Ночью гремел гром, он-то и разбудил Элеонор; она поспешила к окну и раздвинула шторы, с ужасом думая, что за стеклом уже все промокло. К счастью, гроза прошла стороной, ее сполохи мелькали вдали; небо не прошивали зигзаги молний, принесся с собой проливной дождь. Сад, залитый лунным светом, было погружен в таинственное безмолвие.

У Элеонор словно камень с души свалился. Она стояла в темной

комнате, глядя на легкие волны на озерной глади, посеребренные облака, бежавшие по темному небу, и испытывала странное чувство, что на земле нет никого, кроме нее. Знакомое ощущение, оно напомнило Элеонор о тех ночах, когда дети были совсем маленькими и она, к вящему неодобрению своей матери, сама кормила их грудью, устроившись в кресле у окна детской. Довольные попискивания, крохотные бархатные ручки на полушарии налившейся груди, безграничная, застывшая тишина всего остального мира.

В младенчестве Элеонор тоже кормили в детской, но совсем в других условиях. Ее мать, не одобрявшая «вампирские» наклонности младенцев, поручила няне Бруен – та тогда была гораздо моложе, но с такими же старомодными взглядами – кипятить для новорожденной коровье молоко и кормить ее из стеклянных рожков, которые выписали из универмага «Хэрродс». До сих пор при запахе резины Элеонор едва сдерживала тошноту и испытывала острое чувство одиночества. Само собой, няня Бруен всецело одобряла установленный режим и бутылочки поставлялись с военной четкостью через отмеренные часами промежутки времени, вне зависимости от состояния животика Элеонор. Обе женщины согласились, что это правильно, пусть ребенок с младых ногтей привыкает к порядку и пунктуальности. А как еще она научится подчиняться и с радостью займет свое место в самом низу семейной лестницы? То были пресные, тягучие, как желе, дни – до того как отец Элеонор вызволил ее из оков викторианского детства. Он вмешался, когда речь зашла о гувернантке, заявив, что сам займется обучением дочери. Папа был одним из самых умных людей, которых встречала Элеонор. Он не получил формального образования, подобно Энтони или мистеру Ллевелину, зато был настоящим ученым джентльменом, запоминал все, что только читал или слышал, постоянно размышлял, по крупицам собирал знания и всегда стремился узнать еще больше.

Элеонор снова откинулась на подушки, застегивая ремешок на любимых часах, и внезапно вспомнила, как сидела у камина в библиотеке на коленях отца, а он читал ей «Беовульфу» в переводе Уильяма Морриса и Э. Дж. Уайатта. Она была еще слишком мала, чтобы понять значение всех староанглийских слов, и ее одолевала дремота. Голова Элеонор покоилась на груди отца, и его слегка картавый голос доносился будто изнутри; теплое раскатистое бормотание, казалось, окутывало Элеонор со всех сторон. Она зачарованно смотрела на оранжевые блики отражающегося в часах пламени, и ей было так хорошо и спокойно, что с тех пор эти часы ассоциировались с ощущением полной безопасности и удовлетворения.

Она и отец, вдвоем, в самом глазу бури, безмятежном центре вращающейся вселенной.

Может, между отцами и дочерьми существует особенная связь? Энтони, безусловно, был кумиром для их девочек с тех пор, как вернулся с войны. Поначалу они робели, две любопытные мордашки с широко распахнутыми глазами осторожно выглядывали из-за двери его кабинета и перешептывались, но вскоре Энтони их очаровал. И неудивительно. Он ходил с ними в поход, и они вместе разбивали бивак на лугу, показывал, как плести лодочки из травы, терпеливо выслушивал все горести и выдумки. Как-то раз Элеонор с гостем пили мятный джулеп на лужайке, пока Энтони играл в чехарду с Деборой и Элис, потом пришла очередь малютки Клемми, и он стал лошадкой, поскакал по саду, а все три девочки заливались веселым смехом. Гость спросил, пряча мелочное любопытство за деланой симпатией, не огорчает ли Элеонор то, что девочки явно больше любят отца. «Конечно, нет», – ответила она.

Элеонор почти не лукавила. После всех тягот войны, четырех долгих лет, когда им с Энтони пришлось жить в разлуке, повзрослеть и взвалить на себя новые обязанности, для Элеонор было счастьем знать, что он вернулся в привычный для себя мир, видеть неподдельную любовь в его взгляде, обращенном на дочерей. Казалось, у нее есть собственная машина времени, на которой можно возвратиться в эпоху невинности.

Элеонор взяла с прикроватного столика фотографию. Тысяча девятьсот тринадцатый год, они вдвоем в огороде, Энтони в соломенной шляпе, тогда еще совсем новой. Смотрит прямо на фотографа, рот кривится в улыбке, как будто он только что пошутил, а она, Элеонор, глядит на него с обожанием, волосы подвязаны шарфом. У обоих в руках лопаты – в тот день Элеонор и Энтони копали грядку под клубнику, и у них ничего не получилось. Фотографировал Говард Манн. Он тогда приехал на своем «Роллс-Ройсе», желая убедиться, что «эта парочка не упала за край земли», да так и остался на неделю. Они втроем смеялись, поддразнивали друг друга, яростно спорили о политике, людях и поэзии, совсем как в Кембридже; а когда пришло время возвращаться в Лондон, Говард уезжал неохотно, с клятвенными обещаниями скоро вернуться. Глядя на фотографию и вспоминая, какими они были, Элеонор остро ощутила бег времени. Счастливые молодые люди, такие уверенные, такие цельные и нетронутые жизнью...

Она недовольно поцокала языком. Во всем виноват недосып, от которого ее потянуло на воспоминания, а еще суэта последних месяцев и бремя предстоящего дня. Солнце набирало силу, на штофных портьерах

появилась слепящая россыпь крохотных точек. Пора было вставать, но какая-то часть Элеонор отчаянно сопротивлялась, цеплялась за иррациональную мысль, что если остаться в постели, то обратный отсчет не начнется. Волна не обрушится. «Невозможно сдержать прилив». Элеонор словно услышала голос отца. Они с ним тогда стояли на мысу Миллерз-пойнт и смотрели, как волны бьются о скалы, ненадолго ослабевают и вновь откатываются назад. «Это так же неизбежно, как день следует за ночью». Тем утром папа сказал, что неизлечимо болен, и заставил Элеонор пообещать, что и после его смерти она всегда будет помнить, кто она. «Оставайся доброй, смелой и преданной». Старая, любимая цитата из «Волшебной двери Элеоноры».

Элеонор отогнала воспоминания и сосредоточилась. Первые гости появятся в восемь часов вечера, значит, к половине восьмого нужно быть при полном параде и обязательно выпить чего-нибудь крепкого. Ох, еще столько всего предстоит сделать! Придется позвать на помощь девочек. Элис она даст простое (кто-то бы сказал – приятное, но только не Элис!) задание: набрать цветов и расставить по вазам в комнатах для гостей. Дебора займется чем-нибудь посложнее; правда, в последнее время у нее плохое настроение, вечно дуется и смотрит свысока, наверное, по-детски считает, что сделает все лучше, чем родители, а у Элеонор нет сил с ней спорить. Что касается бедняжки Клемми, то лишь бы не путалась под ногами, и то ладно. Милая Клемми, самая необычная из всех детей Элеонор, застряла в нелепом переходном возрасте, похожая на неуклюжего жеребенка, голенастая, с выступающими зубами, и наотрез отказывается покидать детство.

Дверь открылась, и в комнату вошла Дейзи, гордо неся серебряный поднос с завтраком.

– Доброе утро, мэм! – произнесла она с раздражающей бодростью. – Сегодня большой день!

Горничная поставила поднос, захлеб тараторя о меню, гостях и ужасном бардаке на кухне.

– В последний раз, когда я туда заглядывала, кухарка гонялась за Хетти вокруг стола, держа в одной руке цесарку, а в другой скалку!

Затем она раздвинула шторы, впуская замечательный яркий свет, который хлынул в окно и смыл все следы ночи.

Пока Дейзи по собственной инициативе докладывала, как идут приготовления на лужайке, Элеонор налила чай из маленького серебряного чайника и подумала, где взять силы, чтобы справиться со всем, что предстоит сегодня сделать.

Шторы в окне спальни раздвинулись, и со своего места на садовой скамейке Констанс увидела за стеклом эту дурочку горничную, Дейзи, которая размахивала руками и тараторила без устали, несомненно, доводя Элеонор до отчаяния. Так ей и надо. Подумать только, сегодня прием, а она до сих пор в постели! Впрочем, Элеонор всегда была эксцентричной особой.

Сама Констанс позавтракала еще час назад. Всю свою жизнь она поднималась с первыми лучами солнца. Конечно, она тоже не без греха – наоборот, она считала, что женщина должна поддерживать интерес к себе, – но ей с детства внушали, что пунктуальность – это добродетель, отсутствие которой у одного человека вносит беспорядок в жизнь других людей.

Сад уже кипел как улей. Констанс взяла с собой письменный прибор и список писем, которые нужно написать, однако ее постоянно отвлекали. На овальной лужайке несколько дюжих рабочих устанавливали сложную конструкцию для запуска фейерверков, а к кухне начали подъезжать фургоны с провизией. Рядом двое грубоватых местных парней с декоративными гирляндами вытаптывали клумбы, подыскивая место для лестницы. Один из них, желчный, со свежей россыпью прыщей на подбородке, по ошибке обратился к Констанс, спросив, где найти главного. Констанс быстро от него избавилась: посмотрела непонимающим взглядом и забормотала что-то о погоде. Иногда очень удобно прикинуться выжившей из ума старухой!.. Надо признать, сейчас ей трудно собраться с мыслями, и все же она по-прежнему может решиться на грандиозные поступки, было бы подходящее настроение.

Да, сегодня отличный день. Констанс в жизни бы не призналась в этом вслух (особенно перед Элеонор), но она обожала праздник в честь Иванова дня. Эдевейны редко принимали гостей; слава богу, Элеонор не смогла отказаться от традиции отмечать Иванов день. Праздничный прием в Лоэннете был для Констанс важнейшим событием в году и помогал ей мириться с тем, что живет в этой глухомани, где кровь стынет в жилах от запаха моря и ужасного шума прибоя. Этот шум напоминал об одной давней ужасной ночи. Двадцать лет назад, когда они уехали отсюда, Констанс думала, что навсегда избавилась от тягостных воспоминаний... Увы, жизнь жестока.

Ну и ладно. Предпраздничная суeta пробудила воспоминания о

счастливых временах: приятное предчувствие, которое она ощущала в молодости, наряжаясь в шелка и драгоценности, брызгаясь одеколоном и закалывая волосы в прическу; как величественно выходила к гостям, оценивающе глядя на толпу и выбирая достойную добычу, а потом восторг охоты, тепло залитого светом танцевального зала, приглушенные торопливые шаги по темным коридорам туда, где ее ждал возжеланный приз... С недавних пор прошлое как бы оживало, становилось почти реальным, и Констанс казалось, что она вновь стала молодой женщиной.

Какое-то движение прервало ее грезы, и улыбка стерлась. Передняя дверь открылась, вышел Дафид Ллевелин и едва не упал, споткнувшись о порог, когда поправлял шляпу и устраивал под мышкой мольберт. Констанс сидела очень тихо, скрытая тенью. Меньше всего ей хотелось вступать с ним разговор. Он двигался намного медленнее, чем обычно, как будто испытывал боль. Констанс заметила это еще несколькими днями раньше, когда все собрались на лужайке и Элеонор объявила, что ему скоро вручат награду. Наверное, у него изжога; впрочем, ерунда, у нее нет времени на глупого и слабого типа. Как незаметно он передвигался по дому и саду, нелепо одетый, с грустным взглядом и дурацкими сказками, когда она, Констанс, здесь хозяйничала! Нельзя было и шагу ступить, чтобы на него не наткнуться. А его нервное потрясение!.. Констанс презрительно фыркнула. У этого человека нет ни стыда ни совести. Ему-то с чего унывать? Это она должна чувствовать себя удрученной и обиженной. Он забрал ее ребенка, разглагольствовал о волшебных мирах и спасении, а потом осмелился злоупотребить ее гостеприимством! Она велела Генри вышвырнуть его прочь, но Генри, обычно такой уступчивый и кроткий, отказался.

А теперь Элеонор балует этого типа, во всем ему потакает. В детстве она его обожала, и он ее тоже любил, они до сих пор очень дружны. Пару недель назад Констанс видела, как они беседовали с глазу на глаз, уютно устроившись на садовой скамейке рядом с розами. Элеонор, очень расстроенная, что-то говорила, а когда Ллевелин коснулся ее щеки кончиками пальцев, Констанс поняла, что дочь плачет. Констанс сразу поняла, о чем они разговаривают.

Дул теплый ветерок, и лепестки осыпались, как конфетти. В последнее время Констанс много чего видела. Конечно, она предпочла бы сохранить молодость и красоту, но нет смысла бороться с неизбежным; в старости тоже есть свои преимущества. Когда Констанс больше не могла кружить головы, она научилась неподвижно сидеть, еле слышно дышать и оставаться незамеченной. И столько всего видела! Видела, как Дебора

после помолвки дерзит матери, как Элис тайком бежит на свидания к темноволосому садовнику с цыганскими глазами, как Энтони завел интрижку с молодой и хорошенькой няней.

Жаль, что Элеонор не такая наблюдательная. Констанс было интересно, когда все откроется. Конечно, она могла бы просветить дочь, только неохота нести дурные вести; к тому же в конце концов Элеонор сама догадалась: молодая няня исчезла. Ее уволили втихую и без предупреждения. Так ей и надо. Эти тайные улыбки, разговоры украдкой, пока никто не видит... Впрочем, она, Констанс, все видела. Даже заметила, как однажды после обеда молодая женщина вручила Энтони подарок – книгу. Зрение у Констанс было не то что раньше, название она сразу не разглядела, зато позже не поленилась и тайком пробралась в кабинет Энтони и там среди бабочек и увеличительных стекол отыскала знакомую зеленую обложку. Томик стихов Джона Китса.

Констанс возмущала не сама измена – почему бы мужчинам и женщинам не получить удовольствие, если есть возможность? – дело в осторожности. Люди их круга должны делать правильный выбор, чтобы разговоры не превращались в сплетни. Тут-то и лежит камень преткновения. Прислуга, само собой, не входит в их круг, и впутываться в подобные отношения глупо. Слуги начинают заблуждаться насчет своего положения, и ни к чему хорошему это не приводит.

Свобода и удобство доведут до греха, а в последнее время Роуз Уотерс чувствовала себя слишком вольготно, особенно в обращении с малышом Тео. Вела себя в высшей степени непрофессионально, вечно целовала ребенка и нашептывала ему всякие глупости, таскала его на руках по саду, вместо того чтобы усадить, как положено, в коляску. Такие нежности еще можно терпеть от любящего родственника, но только не от наемной помощницы. И нянины вольности на этом не заканчивались. Роуз Уотерс постоянно переходила границы дозволенного, а недавно совсем с ума сошла: посмела высказать свое недовольство, когда Констанс заглянула в детскую «во время отдыха малыша»! Ради всего святого, она же бабушка и всего-то хотела посидеть у кровати, посмотреть, как малыш мирно дышит во сне и лучится здоровьем.

Слава богу, няня Бруен вернулась. От одной этой мысли Констанс повеселела. Приятно было увидеть верную союзницу, зная, что та снова в строю и Тео вверили ее заботам! Констанс проявляла особый интерес к своему маленькому внуку и считала, что восстановление надлежащих стандартов изрядно запоздало. Следует поговорить с няней Бруен. Полчаса назад Констанс видела нечто совершенно неподобающее! Клементина,

несчастное веснушчатое дитя с лошадиными зубами, выбежала из-за дома, неся малыша на спине! Констанс пришла в ярость. Она позвала девчонку, намереваясь выбрать, но та как будто не слышала.

Сзади на лужайке прогрохотала газонокосилка, Констанс взяла бьюар и стала обмахиваться им, как веером. От механических шумов жара переносится еще хуже, а сегодня будет ужасно жарко. В жару люди совершают странные, совершенно неожиданные поступки. Человек вполне может тронуться умом, когда изнемогает от зноя и духоты. Констанс не любила Шекспира – обычно он наводил на нее скуку, – хотя в одном с ним соглашалась: Иванов день – странное и непредсказуемое время.

Клементины и малыша нигде не было видно, однако смех Тео еще звенел в памяти, и у Констанс потеплело на сердце. Восхитительный ребенок: прекрасный характер, улыбка с ямочками на щеках, пухлые крепкие ножки. Иногда Констанс задавалась вопросом, каким бы был тот, другой мальчуган, если бы ему дали хоть малейший шанс.

Сегодня после обеда она посидит с Тео, решила Констанс, посмотрит, как он спит. Одно из любимых ее занятий, и теперь, когда Розы Уотерс нет, Элеонор занята, а няня Бруен знает свое место, ей никто не помешает.

* * *

Клемми выбрала узкую, вытопанную в траве тропинку вдоль ручья. Можно было пойти другой, более короткой дорогой, но Тео любил плескаться на мелководье у каменистого брода, а Клемми нравилось радовать брата. К тому же сегодня канун Иванова дня и дома будет настоящее столпотворение. Клемми вдруг пришло в голову, что их, возможно, даже не хватятся.

– Хорошо, что мы есть друг у друга, Пухлик, – заметила она.

– Га! – булькающе отозвался Тео.

Клемми вдруг охватило смешанное чувство любви и потери, и девочка крепче обхватила ножки малыша, такие толстенькие и мягкие. Может, он и занял место младшего в семье, но Клемми не могла себе представить мир без братишки.

Восходящее солнце светило в спину, и длинная совместная тень простиралась вперед: удлиненное тело Клемми, а посередине выпирают маленькие ножки Тео. Его голова выглядывает у Клемми из-за плеча, время от времени он восхищенно поднимает кулачок и тычет пухлым пальчиком во все интересное, что встречается на пути. Не сразу, но все же Тео

научился крепко держаться за шею Клемми. Теперь, когда было настроение, она могла широко раскинуть руки и бежать, кренясь то в одну сторону, то в другую, как будто выполняя сложные фигуры высшего пилотажа.

Добравшись до каменистого брода, Клемми остановилась, швырнула в сторону сумку для пикника (с пирожными, которые стащила из кухни) и дала Тео соскользнуть с ее спины по ногам прямо в большую кучу сухой скошенной травы на берегу. Малыш приземлился с восторженным смехом и встал на ножки.

– Ва! – важно сказал он, показывая на ручей. – Ва!

Пока Тео топал по клеверу к илистому краю берега и усаживался на попку среди камышей, Клемми искала идеальный камень для запуска «блинчиков». Мало того что плоский и гладкий, он еще должен удобно лежать между пальцев. Она подняла округлый камешек, взвесила на ладони, погладила края и забраковала: слишком неровный.

Весь процесс пришлось повторить раза три, прежде чем нашелся камешек, может, и не идеальный, но вполне пригодный. Клемми сунула его в карман и продолжила поиски.

Лучше всех камешки для «блинчиков» выбирала Элис. Она всегда побеждала в играх, потому что отличалась любовью к деталям и упрямым характером, который заставлял ее бороться до последнего. Когда-то Элис и Клемми проводили здесь долгие часы, отыскивая, а потом швыряя заветные камешки. Сестры кувыркались колесом, делали качели из длинных и жестких лодочных канатов, строили шалаши среди зарослей утесника. Они дрались, щекотались и хохотали, заклеивали друг дружке коленки липким пластырем, засыпали, усталые и потные, под кустами боярышника, когда яркие цвета блекли под послеполуденным солнцем. Но этим летом Элис изменилась, и Клемми осталась одна.

Она подняла светлый камешек со смешными крапинками и вытерла большим пальцем. Все началось с тех пор, как их семейство вернулось из Лондона. Они привыкли к тому, что Элис внезапно утыкается в записную книжку и с головой уходит в воображаемый мир своих историй, однако сейчас все было иначе. У нее постоянно менялось настроение: от бурной радости до угрюмой злобы. Она придумывала отговорки, чтобы закрыться у себя в комнате, – «мне нужно прилечь... я сейчас пишу... у меня болит голова», – а потом тайком сбегала, и когда Клемми заходила за ней, ее уже не было.

Клемми оглянулась на Тео, который ковырял палкой грязь на берегу. Малыш радостно загулил, когда кузнечик перепрыгнул с одной камышинки

на другую, и Клемми грустно улыбнулась. Тео, конечно, замечательный мальчуган, но она скучала по Элис и все бы отдала, лишь бы та, как прежде, была рядом. Впрочем, Клемми скучала по обеим сестрам. Они ушли вперед, стали взрослыми. Элис с мечтательным выражением лица и Дебора, которая собралась замуж. Клемми казалось, что ее предали. Вот она никогда не будет такой, никогда не повзрослеет. Взрослые вечно все осложняют. Клементина впадала в тоску от утомительного однообразия их указаний («не сейчас», «поспокойнее», «немедленно прекрати»), скучных разговоров, таинственных головных болей, дурацких предлогов, которые они придумывали, чтобы уклониться от любого мало-мальски интересного занятия, а еще она терпеть не могла бесконечное вранье по мелочам, царство измышлений и полутонув, в котором, похоже, существовали все взрослые, говоря одно, а подразумевая совсем другое. Мир самой Клемми был черно-белым, или, если говорить в авиационных терминах, строился на основе модели бинарного выбора: «да» или «нет», «вверх» или «вниз», «правильно» или «неправильно».

– Нет! – пробормотала Клемми, злясь на саму себя.

Ее настроение уже омрачило сегодняшнее солнечное утро, а теперь еще и память услужливо подбросила то, о чем лучше забыть. То, что она видела. Тела, обнаженные, сплетенные в объятии, движущиеся тела...

Нет! Клемми зажмурилась и, встряхнув головой, отогнала ужасную картину.

Впрочем, понятно, почему она вообще всплыла в памяти. Клемми увидела их в такой же погожий день. Она тогда ходила посмотреть на самолеты и уже возвращалась домой.

Да, ничего бы не случилось, если бы она пошла домой раньше. Или если бы что-нибудь помешало ей срезать дорогу через лес, мимо лодочного сарая. Тогда бы она не увидела их вдвоем, не испытала бы страх и замешательство, пытаясь понять, что они делают.

«Бедняжка! – воскликнула Дебора, когда Клемми сообщила ей об отвратительной сцене, больше не в силах держать это в себе. – Какое ужасное потрясение ты пережила!» Она взяла Клемми за руки и велела успокоиться. Она все сделала правильно и теперь может забыть о той сцене. «Я все улажу», – обещала сестра. Клемми тогда еще подумала, что нельзя сложить разбитую скорлупу обратно в яйцо, однако Дебора улыбнулась, и ее лицо было таким безмятежно красивым, а голос таким уверенным, что все тревоги Клемми сразу улетучились. «Я сама с ней поговорю, – заверила Дебора, – вот увидишь, все будет хорошо».

Клемми встряхнула камешками в кармане и рассеянно прикусила

ноготь на большом пальце. Она до сих пор не знала, нужно ли рассказать маме или папе. Спросила Дебору, но та сказала, что нет. Велела забыть обо всем и не говорить ни одной живой душе. «Они только расстроятся, Клем, а мы же не хотим их огорчать, правда?»

Тогда, после того, что она увидела, Клемми хотела пойти к Элис, поговорить; возможно, будь они близки, как раньше, так бы и поступила, но между ними пролегла пропасть. Нет, она, Клемми, все сделала правильно. Дебора всегда знает, что делать. Она все устроит.

– Ми-ми?

Тео пристально смотрел на нее, на его мордашке застыло серьезное выражение, и Клемми поняла, что хмурится. Она быстренько изобразила улыбку, и после недолгого раздумья Тео радостно улыбнулся в ответ, пухленькое личико довольно сморщилось, душевный покой малыша был восстановлен. Клемми внезапно охватило смешанное чувство грусти, радости и страха. Как же Тео ей доверял! Одной улыбки хватило, чтобы у него полностью поменялось настроение. Клемми снова нахмурилась, и радость исчезла из глаз малыша, он тоже посерьезнел. Клемми внезапно поняла, что обладает безграничной властью над братом, и остро почувствовала его беззащитность. С какой легкостью плохой человек смог бы воспользоваться доверием малыша!

От мыслей о брате Клемми отвлек шум сенокосилки, вернее, его отсутствие. Стрекот сенокосилки был привычной частью летнего утра, и Клемми не замечала его до тех пор, пока он не прекратился, и все остальные звуки – журчание воды, пенье ранних птиц, лепет братика – вдруг стали громче.

Лицо девочки затуманилось. Она знала, кто управляет сенокосилкой, и меньше всего на свете хотела видеть *этого* человека. Ни сейчас, ни когда-нибудь еще. Она страстно хотела, чтобы он навсегда убрался из Лоэннета, и как можно дальше. Может, тогда она забудет, что видела в лодочном сарае.

Клемми взяла Тео на руки.

– Давай, Пухляничек, – сказала она, отряхивая его грязные ладошки. – Поднимайся на борт, идем на взлет.

Тео охотно послушался; Клемми слышала, как мама говорила няне Бруен, когда та две недели назад заменила няню Роуз, что Тео – покладистый и очень спокойный ребенок. (Довольный и слегка удивленный тон матери явно намекал, что Клемми не отличалась ни покладистостью, ни спокойным нравом.) Он безропотно оставил свое занятие и устроился на спине сестры, крепко прижав локтем Щена. Осторожно ступая по камням, Клемми перешла на другую сторону ручья и направилась на аэродром за

фермой Джека Мартина. Она шла быстрым шагом, согнув руки под коленками Тео, и не оглядывалась.

* * *

Бен спрыгнул с сенокосилки и наклонился над мотором. Цепь держалась на месте, в ножах ничего не застряло, участок, на котором он пытался скосить траву, был ровный. На этом познания Бена в технике заканчивались. Наверное, нужно дать машине отдохнуть: вдруг передумает и снова начнет работать.

Он сел поудобнее и достал из кармана рубашки спички. Утреннее солнце припекало затылок, день обещал быть жарким. Стало слышно чириканье воробьев и шум раннего поезда, который отъезжал от станции, в воздухе разливался сладкий аромат чайных роз и запах свежескошенной травы.

В небе пролетел биплан, и Бен смотрел на него, пока тот не превратился в крошечную точку, затем перевел взгляд на залитый солнцем фасад дома. При виде витражных окон наверху – Бен знал, что там находятся спальни, – его, как всегда, охватило желание. Выругавшись, он отвел взгляд и затянулся сигаретой. Его чувства не имеют значения, хуже того, они только мешают. Он и так зашел слишком далеко и теперь стыдится самого себя.

Он будет скучать по этому саду, когда уйдет. У него временный контракт – Бен знал это, когда начинал, не знал только, как скоро все закончится и что ему захочется остаться. Мистер Харрис предложил продолжить работу, но Бен сказал, что у него есть другие дела, «семейные». Старик кивнул и похлопал его по плечу, а рядом в сарае копошился Адам – тридцатитрехлетний мужчина, а разума не больше, чем у щенка. Бен не стал вдаваться в подробности и, уж конечно, не упомянул о Фло и ее трудностях, да и зачем? Мистер Харрис знает об ответственности перед семьей больше, чем другие.

Бен подошел к увитой зеленью беседке и замер у пруда с рыбками. Незаметно, как тень, подкралось воспоминание. Именно здесь Элис впервые прочитала ему отрывки из своей рукописи. Он до сих пор слышал ее голос, будто тот случайно остался среди ветвей и теперь звучал в ушах Бена, как граммофонная запись.

Он услышал, как она, такая юная и невинная, радостно сообщает: «У меня возникла блестящая идея. Я работала над ней все утро, и не хочу

хвастаться, но это будет лучшим из того, что я до сих пор написала».

«Неужели?» – с улыбкой спросил тогда Бен, поддразнивая. Элис ничего не заметила от восторга. Она принялась увлеченно рассказывать о своем замысле, сюжете, персонажах, неожиданном повороте, и ее сосредоточенность – ее страсть! – чудесным образом изменили ее лицо, придав его чертам живое очарование. Бен не замечал, как красива Элис, пока она не стала делиться с ним своими историями. Щеки у нее пылали, глаза светились. Да, она оченьмышленная. Нужно обладать особым складом ума, чтобы проникнуть в тайну: необходимо предусмотреть все возможные варианты, а еще обладать стратегическим мышлением. Бен бы в жизни до этого не додумался.

В самом начале ему просто нравилось ее воодушевление, нравилось слушать истории за работой, обмениваться мыслями. Это было похоже на игру. Наверное, в присутствии Элис он сам становился моложе; ее юношеская одержимость творчеством, стремление жить здесь и сейчас опьяняли. Бену казалось, что все его взрослые заботы исчезают.

Он прекрасно понимал, что родители девушки не одобряют их общение, однако не видел в нем ничего плохого. Собственно, вначале так и было. Бен и представить не мог – никто не мог! – куда все приведет. Он старше Элис и должен был догадаться, должен был вести себя осторожнее. Человеческое сердце, жизнь, обстоятельства – непредсказуемы, ими невозможно управлять. К тому времени, когда Бен понял, что происходит, было уже поздно.

Он огляделся и, убедившись, что вокруг никого нет, достал письмо. Он так часто его перечитывал, что оно вытерлось на сгибах, а некоторые слова исчезли. Впрочем, Бен помнил их наизусть. Несомненно, она прекрасно владела словом. Он медленно читал строчку за строчкой, и те абзацы, что когда-то наполняли сердце радостью, теперь заставляли изнывать от тоски.

Он будет скучать по этому месту. Скучать по ней.

Низко пролетела птица, что-то сварливо крича. Бен сложил письмо и сунул в карман. Впереди еще много дел, и нет смысла думать о прошлом. «Костер сегодня будет огромный, – сказал мистер Харрис, кивая на груды поленьев, которые они рубили всю неделю. – Даже с Карадонского холма увидят. Знаешь, здесь есть старое поверье, что чем выше костер в Иванову ночь, тем больше человеку повезет в следующем году».

Бен это уже слышал. Элис рассказывала.

Глава 15

Корнуолл, 2003 г.

Клайв Робинсон оказался худощавым, проворным стариком почти девяноста лет от роду с высоким, изборожденным морщинами лбом, густыми седыми волосами, крупным носом и широкой улыбкой. Он до сих пор сохранил все свои зубы. Его ясный пронизательный взгляд говорил о живом уме, и смотрел Клайв Робинсон сквозь огромные очки в коричневой бакелитовой оправе, которую, как заподозрила Сэди, носил еще с семидесятых годов прошлого столетия.

– Жаркое тогда было лето, – сказал он, покачав головой. – Жара буквально проникала под кожу, не давала спать. Еще и сушь стояла ужасная, за несколько недель ни капли дождя, и трава пожухла. Конечно, только не в Лоэннете. Там держали садовников, которые за этим следили. Когда мы туда приехали, все поместье было разукрашено: фонарики, гирлянды, цветочные венки. Я, простой парень, ничего подобного раньше не видел. Так было все красиво!.. Хозяйева прислали нам пирожные к чаю. Представляете, прошел день, как пропал малыш, а они угощают нас пирожными – маленькими, покрытыми глазурью специально к празднику.

Сэди связалась с полицейским в отставке, как только получила от него письмо. Он указал свой номер телефона внизу страницы, и Сэди сразу пошла звонить. Сделанное благодаря старому плану дома открытие взбудоражило ее, и она никак не могла успокоиться. «Я ждал вас», – сказал Клайв, выслушав Сэди, и от нее не укрылось, что он почти один в один повторил слова старика из книги, когда тот встретился с Элеонорой, которая пришла восстановить справедливость. Сэди не сразу поняла, что Клайв имел в виду: то ли сутки, что прошли с ее телефонного звонка, то ли семьдесят лет с тех пор, как дело объявили нераскрытым. «Я знал, что кто-нибудь появится, что не только я по-прежнему думаю об этой семье».

Они коротко поговорили по телефону, прощупывая друг дружку, обменялись своими послужными списками (Сэди не стала упоминать, что проводит в Корнуолле вынужденный отпуск), а потом перешли к делу. Как бы ни хотелось ей выложить теорию с туннелем, она сдержалась, сказав только, что трудно найти нужную информацию, приходится довольствоваться отчетом Пикеринга. Клайв насмешливо фыркнул.

– Ему не хватает проверенной информации, – согласилась Сэди.

– Бедняге много чего не доставало, – со смехом произнес Клайв. – О

покойных плохо не говорят, но, боюсь, когда Всевышний раздавал мозги, Арнольд Пикеринг стоял в другой очереди.

Старый полицейский спросил, не хочет ли Сэди к нему приехать, и она ответила, что заглянет завтра.

– Тогда прямо с утра. В полдень приедет моя дочь Бесс, чтобы отвезти меня на прием к врачу. – Он немного помолчал и тихо добавил: – Она не одобряет мой столь длительный интерес к этому делу. Называет его одержимостью.

Сэди улыбнулась в трубку. Как знакомо!

– Ей бы хотелось, чтобы я увлекся бриджем или начал собирать марки.

– Я умею хранить секреты. Буду у вас в девять.

И вот она приехала, сидит ясным субботним утром в Полперро на кухне у Клайва Робинсона, а между ними чайник чая, тарелка диетического печенья и нарезанный фруктовый торт. На выдвижном столике – вышитая скатерть и, судя по складкам от утюга, ее только что постелили. Сэди неожиданно растрогалась, когда заметила на кромке маленький ярлычок и поняла, что скатерть лежит изнанкой вверх.

Если, Клайв, похоже, Сэди обрадовался, то большую черную кошку вторжение явно разозлило.

– Не обижайтесь на нее, – сказал Клайв гостю, почесывая злобно шипящую зверюгу под подбородком. – Она сердится на меня – за то, что я уезжал. Молли у меня ревнивица.

Сейчас кошка следила за происходящим, устроившись на солнечном подоконнике между горшков с душистыми травами, недовольно урчала и предостерегающе била хвостом.

Сэди взяла печенку и просмотрела оставшиеся вопросы из подготовленного списка. Она хотела сперва прощупать почву, а уж после решить, стоит ли выкладывать свою теорию старому полицейскому. Сэди немного сомневалась в его компетентности. Вряд ли человек на пороге девяностолетия помнит подробности дела, над которым работал семьдесят лет назад. Однако Клайв быстро развеял ее сомнения, и Сэди уже исписала несколько страниц в своем блокноте.

– Я никогда не забуду это дело, – признался Клайв, разливая чай через ситечко. – Может, с виду не скажешь, но у меня хорошая память, а дело Эдевейнов мне особенно запомнилось. Я не смогу его забыть, даже если захочу.

Он ссутулил узкие покатые плечи под отутюженной рубашкой с воротничком. Сэди подумала, что Клайв из того поколения, что свято верило в опрятный внешний вид.

– Понимаете, это было мое первое дело. – Он внимательно посмотрел на нее сквозь толстые стекла очков. – Впрочем, вам ли не знать, вы же из полиции.

Сэди сказала, что прекрасно его понимает. Никакая тренировка не способна подготовить человека к душевным переживаниям и тревогам, связанным с первым настоящим делом. Первым делом Сэди был выезд на вызов по поводу домашнего насилия. Женщина выглядела так, будто провела на ринге десять раундов – лицо распухло и почернело, разбитая губа кровоточила, – и все же отказалась подавать в суд. «Наткнулась на дверь», – объяснила она, не удосужившись придумать что-либо оригинальное. Сэди, которая недавно прошла подготовку и к тому же боролась с собственными демонами, хотела арестовать сожителя. Несправедливость возмущала. Сэди не верила, что у полиции нет выбора, что без взаимодействия с пострадавшей им с Дональдом остается только вынести предупреждение и убраться прочь. Дональд посоветовал смириться, сказал, что запуганная жертва готова на все, лишь бы защитить своего мучителя, а из-за существующей системы не так-то просто получить развод. Сэди до сих пор помнила запах той квартиры, как будто все случилось вчера.

– Я впервые столкнулся с горем, – продолжил Клайв Робинсон. – Я вырос в тепличных условиях: счастливая семья, уютный дом, братья, сестры и бабушка, которая жила на той же улице. Я даже ни разу не ходил на похороны, пока не стал полицейским. Впрочем, потом их было с лихвой.

Он нахмурился, глядя на что-то за плечом Сэди и вспоминая.

– Тот дом, люди, их беспомощность, выражение безысходности на лицах... Казалось, даже воздух в комнатах знал об утрате. – Он повернул чашку на блюдце, подбирая слова. – Для меня это было впервые.

Сэди понимающе улыбнулась. Никто так близко не сталкивается с ужасами жизни, как полицейские. Разве что работники «Скорой помощи».

– Значит, сначала вы предположили, что Тео Эдевейн заблудился?

Короткий кивок.

– Да. В те дни о похищениях никто не знал. Ну, было за год до этого дело Линдберга в Америке, но оно попало на страницы печати именно из-за своей исключительности. Мы не сомневались, что найдем мальчика в считанные часы, в силу юного возраста он просто не мог уйти далеко. Искали до самой ночи, прочесали поля и лес рядом с поместьем, но ничего так и не нашли. Ни одной зацепки. На следующее утро вызвали водолазов, чтобы проверить озеро, а когда и там ничего не обнаружилось, стали думать, кто мог забрать малыша.

Сэди перешла ко второй группе вопросов, составленных накануне вечером. Обычно она старалась избегать вопросов, начинающихся с «почему», особенно в самом начале расследования. «Мотив – это для писателей, – часто ворчал Дональд. – А еще для киношных сыщиков». Как обычно, грубовато, зато точно. Полицейским нужны улики, нужно найти ответы на вопросы – как было совершено преступление и кто мог его совершить. «Почему» отвлекало внимание, а зачастую могло увести в сторону.

Впрочем, Сэди решила, что для нынешнего случая, когда улик почти не осталось, а со времени совершения преступления прошло семьдесят лет, можно сделать исключение. Кроме того, карта с планом дома в корне изменила ситуацию. Таинственный альков в стене, возможно, еще один туннель, который соединяет дом со внешним миром, давно исчез с большинства карт, и о нем почти все забыли. Если туннель существует, то тогда, вероятно, ответ на самый трудный вопрос – «как?» – найден. А вместе с ним, будем надеяться, и ответ на вопрос «кто?» – наверняка о существовании туннеля знали немногие. С той минуты, как Сэди договорилась о встрече с Клайвом Робинсоном, у нее в голове вертелась строчка из книги «Блюдо, которое подают холодным»: «Диггори всегда начинал с семьи. Ошибочно считать, что горе и вина взаимно исключают друг друга». Эта строка предшествовала первой встрече Диггори Брента с бывшей женой и дочерью покойного.

– Вы допросили родителей? – спросила Сэди.

– Первым делом. Против них не было никаких улик, и у обоих нашлось убедительное алиби. Особенно у матери – как хозяйка приема, она постоянно была на виду. Почти всю ночь провела у лодочного сарая – там гостей катали на гондолах. Мы проверили алиби родителей, все совпало. И неудивительно, зачем им похищать собственного ребенка?

Сэди пока не торопилась снимать подозрения с Эдевейнов, даже несмотря на то, что ощущала в Элеонор Эдевейн родственную душу.

– В книге Пикеринга говорится о трехчасовом промежутке между тем, когда закончился праздник, и тем, когда обнаружили, что ребенок пропал. Что родители делали в это время?

– Одновременно пошли спать. Никто из них не покидал спальню до восьми утра, когда горничная зашла сказать, что мальчика нет в кровати.

– Есть ли основания думать, что кто-то из них лжет?

– Никаких.

– Может, они действовали в сговоре?

– Вместе выкрали ребенка? После того, как попрощались с тремя

сотнями гостей?

Да, действительно глупое предположение, подумала Сэди, но надо отработать все версии. Она кивнула.

– Все как один твердили, что в семье малыша обожали. Он был желанным ребенком. Эдевейны очень долго ждали сына. У них уже было три дочери, самой младшей в тысяча девятьсот тридцать третьем исполнилось двенадцать, и мальчик явился подарком судьбы. Тогда все богатые семьи хотели сыновей, чтобы было кому продолжить род и передать состояние. Сейчас не так. Моя внучка говорит, что все ее друзья хотят девочек – мол, они лучше себя ведут, их можно наряжать, и вообще, с девочками легче. – Он изумленно поднял седые брови. – Как отец трех дочерей, могу заверить, что это неправда.

Сэди слегка улыбнулась, пока Клайв жевал печенье.

– Поверю вам на слово, – сказала она, старательно вглядываясь в список членов семейства Эдевейн, который сразу с порога вручил ей старый полицейский. – Так вы говорите, бабушка мальчика жила с ними?

Добродушное лицо Клайва слегка помрачнело.

– Констанс Дешиль... весьма неприятная дамочка. Одна из тех высокомерных, кичащихся своим воспитанием особ, которые скорее съедят тебя живьем, чем ответят на вопрос. Впрочем, когда речь заходила о ее дочери и зяте, у нее сразу развязывался язык.

– И что же она говорила?

– Большей частью язвила, что «вещи не такие, какими кажутся на первый взгляд». Неоднократно упоминала неверность, намекала на какую-то интрижку, однако отказалась сообщить подробности.

– Пробовали что-нибудь вытянуть?

– В те времена допрашивать представителей дворянства, особенно женщину... Были разные правила поведения, мы не могли надавить на нее, хотя очень хотелось.

– Но вы проверили ее слова?

– Конечно. Как известно, разлады в семье – хлеб полицейского; есть люди, которые ни перед чем не остановятся, чтобы наказать супруга. Отец после развода приходит навестить детей и увозит их в неизвестном направлении, мать, которая рассказывает детям небылицы об отце... В битве между родителями часто забывают о правах детей.

– Но не в этом случае?

– Люди из кожи вон лезли, доказывая, какой неразлучной парой были Эдевейны, как любили друг друга.

Сэди задумалась. Супружеская жизнь – странная штука. Сама она

никогда не была замужем, однако подозревала, что в каждом браке есть свои секреты и обманы.

– С чего бы Констанс Дешиль выдумывать? Может, она что-то видела? Или дочь поделилась?

– Мать с дочерью особо не ладили, по словам многих.

– Хотя жили вместе?

– Как я понял, вынужденно. После смерти мужа пожилая женщина потеряла все состояние из-за неудачного капиталовложения и полностью зависела от дочери и зятя, что ей весьма не нравилось. – Клайв пожал плечами. – Возможно, она наговаривала на родственников, чтобы им насолить.

– В момент, когда пропал их ребенок?

Клайв махнул рукой, всем своим видом показывая, что его ничем не удивишь, и не такое видел.

– Не исключено, хотя было и другое объяснение. В тысяча девятьсот тридцать третьем году пожилая женщина страдала деменцией на ранней стадии. Ее доктор посоветовал относиться скептически ко всему, что она рассказала. Вообще-то... – Клайв наклонился к Сэди, словно не хотел, чтобы их подслушали. – Доктор Гиббонс предположил, что сама Констанс изменяла мужу, и, вероятно, ее намеки были спутанными воспоминаниями, а не достоверными фактами. Говорят, людям с таким диагнозом трудно отделить прошлое от настоящего.

– А вы что думаете?

Клайв развел руками.

– Думаю, она была желчной, но безобидной. Старая, одинокая женщина, а тут вдруг появились невольные слушатели.

– Полагаете, она надувала щеки?

– Ей как будто нравилось, что ее допрашивают, ей хотелось, чтобы мы видели ее создательницей какого-то грандиозного злодейского плана. Думаю, она была бы довольна, если бы ее арестовали. Тогда бы она привлекла к себе столь желанное внимание, даже с лихвой. – Клайв взял со скатерти крошку и аккуратно положил на край своей тарелки. – Очень тяжело стареть, чувствовать, как теряешь собственную значимость. Когда-то Констанс Дешиль была красавицей, важной дамой, хозяйкой большого дома. В библиотеке над камином висел ее портрет: она выглядела очень внушительно. До сих пор с дрожью вспоминаю, как глаза на портрете, казалось, следили за каждым моим шагом.

Он посмотрел на Сэди, чуть прищурился, и она вдруг представила, каким закаленным полицейским когда-то был Клайв.

– Видит бог, у нас почти не было зацепок. Я долго присматривался к этой паре, Энтони и Элеонор.

– И что?

– Потеря ребенка действует на некоторые семьи как взрыв гранаты, статистика разводов после трагедии это подтверждает, однако Эдевейны были само очарование. Он обращался с женой очень ласково, оберегал ее, следил, чтобы она отдыхала, не дал ей броситься на поиски со всеми остальными. Буквально не отходил от нее. – От воспоминаний у Клайва сжались губы. – Ужасное было время. Бедная женщина пережила самый страшный материнский кошмар, но держалась с необыкновенным благородством. Знаете, она много лет приезжала сюда после того, как семья уехала в Лондон.

– В деревню?

– Нет, в дом. И всегда одна.

Вот это новость! Подруга Берти Луиза предположила, что никто из семьи ни разу не был в доме с тех пор, как исчез Тео.

– Вы ее видели?

– Полиция много чего знает. До города дошел слух, что кто-то вернулся в Лоэннет. Я заезжал туда несколько раз, хотел убедиться, что у нее все в порядке, узнать, не могу ли я чем-то помочь. Элеонор держалась вежливо, благодарила меня, но от помощи отказывалась, говорила, что просто хочет отдохнуть от Лондона. – Клайв печально улыбнулся. – Думаю, она надеялась, что сын вернется.

– Для нее ничего не закончилось.

– Конечно. Она сказала, что ценит нашу работу и то, как тщательно мы искали малыша. Даже сделала исключительно щедрое пожертвование для местного полицейского участка. Весьма достойная женщина. И очень печальная. – Клайв нахмурился, погрузившись в воспоминания. Когда он снова заговорил, в его голосе зазвучала горькая нотка. – Я все надеялся найти ее сына. Нераскрытое дело не давало мне покоя. Дети ведь не исчезают бесследно, правда? Они куда-то попадают. Всегда есть какой-то путь, надо только знать, куда смотреть... А у вас были дела, которые въелись в душу?

– Да, пару раз, – ответила Сэди, живо представив Кэйтлин Бейли в коридоре той квартиры.

Она сразу вспомнила теплую маленькую руку в своих ладонях, прикосновение спутанных волос девочки, когда та принесла книжку и положила голову на плечо Сэди.

– Для меня таким оказалось дело Эдевейнов, – сказал Клайв. – И оно

стало еще хуже оттого, что мы ничего не смогли.

– У вас же были версии?

– Пытались зацепиться за какие-то мелочи. Изменения в штате прислуги незадолго до происшествия, пропавший флакон со снотворным, которым, как мы думали, мог воспользоваться похититель, друг семьи, умерший при странных обстоятельствах. Некий Дафид Ллевелин...

– Писатель?

– Да, он самый. В то время довольно известный.

Сэди мысленно выругала себя за то, что не заглянула в диссертацию и не прочитала главу, посвященную Ллевелину. Она вспомнила предисловие к «Волшебной двери Элеоноры», где упоминалось посмертное награждение орденом Британской империи в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Тогда Сэди не обратила внимания, что Ллевелин умер почти сразу после исчезновения Тео.

– Что с ним случилось?

– Через несколько дней поиски переместились к озеру. Мы были недалеко от лодочного сарая, когда кто-то крикнул, что нашел тело. Как оказалось, старика. Самоубийство. Вначале думали, что он как-то связан с исчезновением ребенка и покончил с собой из-за чувства вины.

– А вы уверены, что это не так?

– Проверили: у него не было мотива. Ллевелин обожал мальчика, и все, кого мы допрашивали, утверждали, что он самый близкий друг Элеонор. Вы знаете, что когда она была маленькой, Ллевелин написал про нее книгу?

Сэди кивнула.

– Элеонор была вне себя от горя, даже упала в обморок, когда ей сказали. Ужасно. – Клайв потряс головой. – Душераздирающее зрелище, одно из самых тяжелых, что мне доводилось видеть.

Сэди задумалась. Пропал ребенок, а через несколько часов или дней близкий друг семьи покончил с собой.

– Странный выбор времени.

– Местный доктор пояснил, что за несколько недель до смерти Ллевелин жаловался на приступы тревоги. Мы нашли у него в кармане флакончик с барбитуратами.

– Он принимал именно это лекарство?

– Коронер подтвердил передозировку. Ллевелин смешал таблетки с шампанским, прилег у ручья и больше не проснулся. Действительно, странный выбор времени, если учесть, что мальчик пропал примерно тогда же, однако ничего подозрительного. Ничего, что связывало бы Ллевелина с

исчезновением Тео Эдевейна. Просто совпадение.

Сэди тонко улыбнулась. Она не любила совпадений. Знала по собственному опыту, что совпадения часто не случайны, только это нужно доказать. Сейчас чутье говорило, что в смерти Дафида Ллевелина есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Клайв, похоже, отбросил эту мысль много лет назад, но Сэди решила проверить еще раз.

А пока... Она задумчиво постучала ручкой по блокноту и нацарапала: «несчастный случай». Конечно, в деле Тео Эдевейна существует еще одна версия, возможно, самая жуткая: что, если ребенок вообще не покидал дом – по крайней мере, живым? Порой детей калечили, даже убивали – намеренно или по неосторожности, – а потом пытались скрыть преступление. Виновные неизменно обставляли все так, будто ребенок сбежал или его похитили, – в общем, отвлекали внимание от места преступления.

Поток ее мыслей прервали негромкие щелчки, и она впервые заметила на скамье за Клайвом большие электронные часы с перекидными цифрами. Три пластиковые таблички только что перевернулись и показывали время: одиннадцать часов. Сэди внезапно осознала, что осталось совсем немного до полудня, когда приедет дочь Клайва, и беседу придется закончить.

– А как насчет сестер? – спросила она. – Вы их допрашивали?

– Неоднократно.

– Узнали что-нибудь интересное?

– Мальчика они любили, ничего подозрительного не заметили. Пообещали рассказать, если вспомнят что-нибудь полезное. У всех было алиби.

– Вы нахмурились.

– Да?

Клайв уставился на нее светло-голубыми глазами, огромными из-за очков с толстыми линзами. Запустил руку в седые волосы, потом дернул плечом.

– Мне всегда казалось, что младшая сестра что-то недоговаривает. Ничего конкретного, только догадки. Как-то странно она себя вела. Покраснела, когда ее допрашивали, скрестила руки на груди и не смотрела в глаза. Однако уверяла, что ничего не знает, ничего подозрительного в доме и окрестностях не видела; а у нас не было ни одной улики, свидетельствующей о ее причастности к исчезновению.

Сэди перебрала возможные мотивы. Самый очевидный – зависть. Почти двенадцать лет девочка была в семье младшенькой, пока не появился брат – долгожданный сын у родителей! – и не занял ее место. Праздник в

Иванову ночь – идеальная возможность избавиться от препятствия: из-за шума и суматохи никто ничего не заметит.

Сэди вспомнила, что в отчете Пикеринга говорилось о привычке девочки забирать брата по утрам на прогулку. Клементина утверждала, что в тот день, когда пропал Тео, дверь в детскую была закрыта и она туда не заходила. А если девочка все-таки взяла брата, с ним произошло что-то ужасное, несчастный случай, и она никому не сказала? Была слишком напугана или мучилась угрызениями совести?

– В поместье работала бригада уборщиков, – произнес Клайв, будто прочитав ее мысли. – Начали, как только уехал последний гость, и наводили порядок, пока не взошло солнце. Никто ничего не видел.

А вдруг существовал еще один способ незаметно покинуть дом? Сэди написала в блокноте имя «Клементина» и обвела кружком.

– Какой она была, Клементина Эдевейн?

– Похожей на мальчишку-сорванца. В ней чувствовалось что-то необычное. Все Эдевейны отличались от простых людей. Очаровательные, харизматичные. Я восхищался ими. Благоговел. Понимаете, мне тогда было семнадцать, совсем еще зеленый юнец, и раньше я не встречал таких, как они. Думаю, меня покорила романтика – большой дом, сад, сами Эдевейны, их манера разговаривать, темы для бесед, утонченные манеры и ощущение, что вся семья следует негласным правилам. Эдевейны завораживали. – Клайв посмотрел на Сэди. – Хотите взглянуть на фотографию?

– У вас есть их фото?

Предложение прозвучало открыто, даже нетерпеливо, но теперь Клайв замялся.

– М-м... в общем, вопрос несколько щекотливый... а вы служите в полиции...

– Не уверена, – вырвалось у Сэди.

– Не уверены?

Сэди сокрушенно вздохнула.

– Было одно дело, – начала она.

И вскоре – то ли благодаря тишине уютной кухни вдали от Лондона и всего остального мира, то ли благодаря профессиональному родству, которое она ощущала с Клайвом, или благодаря нахлынувшему облегчению, что можно наконец поделиться с кем-то секретом, который она так тщательно скрывала от Берти, – Сэди коротко рассказала Клайву о деле Бейли. О том, как сильно оно ее зацепило, как она пыталась доказать, что там не все так просто, и что приехала в Корнуолл не отдыхать, а в вынужденный отпуск.

Клайв слушал не перебивая, а когда она закончила, не стал хмуриться и не попросил ее уйти.

– Я читал в газетах. Ужасный случай, – спокойно произнес он.

– И зачем я только разговаривала с этим журналистом!

– Вы думали, что поступаете правильно.

– Я вообще не думала, в этом-то и беда. – Ее голос дрогнул. – Видите ли, у меня было ощущение!

– Вам нечего стыдиться. Иногда ощущения не так оторваны от реальности, как кажется. Порой они всего лишь результат того, что мы замечаем, не отдавая себе отчета.

Сэди решила, что он просто с ней любезен. Она испытывала инстинктивную неприязнь к такого рода любезности. Может, полицейская служба несколько изменилась с тех пор, как Клайв вышел на пенсию, но Сэди полагала, что разглашение служебной информации никогда не считалось приемлемой практикой.

– Так вы говорите, у вас есть фотография?

Клайв понял намек и не стал дальше расспрашивать о деле Бейли. После недолгого размышления он кивнул.

– Сейчас вернусь.

Старик прошаркал по коридору, и Сэди услышала, как он, ворча, роется в комнате в задней части дома. Кошка внимательно следила за гостьей большими зелеными глазами, ее хвост осуждающе дергался. «Ну-ну», – как будто говорил хвост.

– Чего тебе от меня надо? – тихо пробормотала Сэди. – Я же сказала, что сама виновата.

Она рассеянно крутила ярлычок на скатерти, стараясь выбросить из головы Нэнси Бейли. «Ни в коем случае не общайся с бабушкой девочки, даже думать не смей!» Пыталась забыть теплую маленькую ручку в своих ладонях... Мелькнула мысль: а что, если Клайв сейчас звонит в лондонскую полицию?

Еще две таблички с цифрами щелкнули и перевернулись, и наконец, после целой вечности ожидания, пришел Клайв. Его лицо выражало необъяснимое оживление, и Сэди решила, что, судя по всему, он не разговаривал с Эшфордом, если, конечно, не был законченным садистом. Еще она заметила, что вместо фотографии Клайв держал под мышкой толстую, знакомую на вид папку.

– Ждал, пока пойму, что я о вас думаю, – признался он, усаживаясь за стол. – В общем, когда я уходил на пенсию, то решил, что никто не заметит, да и возражать не станет, ну, и взял...

– Папку! – воскликнула Сэди, широко распахнув глаза.

Короткий кивок.

– Вы взяли папку с материалами дела Эдевейнов.

– Позаимствовал. Верну назад, как только закрою дело.

– Да вы... – Лицо Сэди загорелось от восхищения, когда она бросила оценивающий взгляд на папку, которая лежала на столе между ними, набитая стенограммами допросов, рисунками и схемами, именами, цифрами и версиями. – Вы – дьявол! Замечательный дьявол!

Клайв выдвинул подбородок.

– В архиве от нее никакого толка, правда? Осталась одна молодежь, у большинства даже родители еще не появились на свет, когда все произошло. – Его нижняя губа слегка дрожала. – Это мое дело. Мое незаконченное дело.

Клайв достал из папки большую черно-белую фотографию, которая лежала сверху: красивая, обеспеченная семья, судя по прическам, одежде и шляпам, из тридцатых годов прошлого столетия. Фотографию сделали во время пикника; семейство расположилось на клетчатом пледе, уставленном тарелками и чайными чашками, сзади виднелась каменная стена, и Сэди сразу узнала стену нижнего сада возле ручья. Элеонор и ее муж Энтони сидят посредине. Сэди уже видела их на снимке из газеты, но здесь они выглядели намного счастливее и моложе. В плетеном кресле слева от Элеонор – пожилая женщина, должно быть, Констанс Дешиль, с другой стороны устроились три девочки-подростка: ноги вытянуты, лодыжки скрещены под солнцем. Дебора, старшая и самая красивая в привычном смысле этого слова, сидит ближе всех к отцу, ее волосы подвязаны шарфом; за ней – Элис, Сэди узнала проницательный взгляд с фотографии в книге. Последняя девочка, высокая и длинноногая, выглядит заметно младше остальных. Клементина. Волнистые светло-каштановые волосы разделены боковым пробором и подстрижены до плеч, лица почти не видно. Она не смотрит на фотографа, а улыбается маленькому мальчику, сидящему у ног матери. Малыш Тео – ручка протянута к сестре, в кулачке зажата мягкая игрушка.

Сэди невольно растрогалась, глядя на фото. Клочковатая трава, россыпь теней на давно прошедшем летнем дне, маленькие белые крапинки маргариток на переднем фоне. Один краткий миг из жизни счастливой семьи, пойманный перед тем, как все изменилось. Клайв сказал, что Эдевейны отличались от всех, кого он встречал раньше, но Сэди больше всего поразила именно обыденность этих людей, будничность сцены. Пиджак Энтони, небрежно брошенный сзади, кусок недоеденного

торта в руке Деборы, лоснящийся ретривер, который сидит смирно и ждет подачки.

Сэди нахмурилась и вгляделась в снимок.

– А это кто?

На фотографии была еще одна женщина; она сидела в пятнистом свете под каменной стеной, и Сэди ее сперва не заметила. Клайв уставился на изображение.

– Няня мальчика, Роуз Уотерс.

– Значит, няня, – задумчиво произнесла Сэди. Кое-что о нянях Сэди знала: смотрела фильм «Мэри Поппинс». – Они вроде спали в детской вместе с детьми?

– Верно, – кивнул Клайв. – К сожалению, няня покинула Дом у озера за пару недель до праздника. Мы довольно долго ее искали. В конце концов нашли, через сестру, в Йоркшире. И как раз вовремя: Роуз Уотерс жила в лондонском отеле и собиралась со дня на день отбыть к месту новой работы. – Он почесал голову. – По-моему, в Канаду. Ее допросили – безрезультатно.

– Выходит, в канун Иванова дня в Лоэннете не было няни?

– Отчего же, была. Хильда Бруен. Настоящая гримза, из тех древних нянек, которым нравится поить детей рыбьим жиром, утверждая, что это пойдет им на пользу. Она была моложе, чем я сейчас, но тогда казалась старше Мафусаила. Много лет назад она работала в «Доме на озере», нянчила Элеонор, а после ухода Роуз Уотерс ее снова позвали на службу.

– Она была там в ночь, когда пропал мальчик?

– В той самой комнате.

Вот это новости!

– И наверняка что-нибудь видела или слышала, да?

Клайв покачал головой.

– Спала сном младенца. Похоже, она глотнула виски, чтобы не мешал шум вечеринки. Насколько я могу судить, няня Бруен проделывала это довольно часто.

– Ничего себе!

– Вот именно.

– В книге Пикеринга о ней не упоминается.

– Конечно, нет, с чего бы? Он был дураком, и никто с ним толком не разговаривал, вот ему и пришлось довольствоваться тем, что нашлось в газетах.

– Не понимаю, как газетчики не узнали о таком важном обстоятельстве – что кто-то спал в одной комнате с мальчиком.

– Семья настояла. Элеонор Эдевейн пришла к моему начальнику и потребовала, чтобы все, что связано с Хильдой Бруен, держалось в тайне. Няня долгое время работала в семье, и они не хотели пятнать ее репутацию. Инспектору, конечно, это не понравилось. – Клайв пожал плечами и продолжил: – Но, как я уже говорил, времена были другие. Такие люди, как Эдевейны, аристократы, могли себе позволить некоторую свободу действий, не то что сейчас.

Сэди задалась вопросом, сколько других зацепок было потеряно из-за этой самой «свободы действий». Вздыхнув, она откинулась на спинку стула, покрутила в разные стороны ручку и бросила ее на блокнот.

– Маловато фактов.

Клайв улыбнулся печальной извиняющейся улыбкой и показал на пухлую папку.

– Знаете, во всей этой куче, среди сотен допросов, есть показания одной-единственной свидетельницы, которая видела кое-что интересное.

Сэди вопросительно подняла брови.

– Одна гостя сообщила, что в праздничную ночь видела в окне детской женский силуэт. Утверждала, что сразу после полуночи, когда запускали фейерверки. Сказала, что сперва она ничего не хотела нам говорить, так как в это время была с другим мужчиной, не со своим мужем.

Брови Сэди поползли еще выше.

– Призналась, что не смогла бы жить, если бы ребенка не нашли из-за того, что она промолчала.

– А ее словам можно верить?

– Она клялась, что заметила силуэт, но на следующий день после праздника от нее все еще пахло спиртным.

– Может, она видела старую няню?

Клайв покачал головой.

– Сомневаюсь. Свидетельница утверждала, что видела силуэт стройной женщины, а Хильда Бруен была дородной.

Сэди снова взяла фотографию. В семействе Эдевейн было много женщин, и все стройные. До нее только сейчас дошло, что Энтони Эдевейн был единственным мужчиной, конечно, если не считать малыша Тео. Энтони Эдевейн выглядел впечатляюще: слегка за сорок, с темно-русыми волосами, высоким умным лбом и потрясающей улыбкой, которую он наверняка щедро дарил своим близким.

Взгляд Сэди упал на женщину, которая сидела под каменной стеной, почти вся скрытая тенью, лишь стройная лодыжка высунулась на солнце.

– Почему она ушла? Я имею в виду Роуз Уотерс.

– Ее вынудили.
– Уволили? – Сэди быстро подняла взгляд.
– Из-за расхождения во взглядах, как сказала Элеонор Эдевейн.
– Каких еще взглядах?
– Что-то связанное с непозволительными вольностями. Она выражалась довольно расплывчато.

Сэди задумалась. Похоже на отговорку; обычно люди придумывают что-нибудь в этом роде, когда хотят скрыть неприятную правду. Сэди снова посмотрела на Элеонор. На первый взгляд казалось, что на фотографии изображено счастливое беззаботное семейство, наслаждающееся погожим летним днем. До Сэди вдруг дошло, что она тоже попала под действие чар, о которых говорил Клайв. Очарование семьи Эдевейн, их богатство и привлекательность ослепили ее. Сэди вгляделась в снимок. Неужели на прекрасном лице Элеонор отражается едва заметная тревога?

– А что сказала Роуз Уотерс? То же самое?
– Да. Она очень сильно переживала. Говорила, что ее уволили неожиданно и несправедливо. Причем после десяти лет службы. Она жила у Эдевейнов с восемнадцати лет, как только начала работать няней. Конечно, она была бессильна что-либо сделать, в те времена прислуга не могла жаловаться на хозяев. Впрочем, она получила хорошие рекомендации, так что ей еще повезло.

Время происшествия, обиды Роуз Уотерс, ее осведомленность о привычках семейства и распорядке дня... У Сэди появилось странное чувство.

– Должно быть, вы ее подозревали.
– Мы подозревали всех. Всех и никого. В том-то и беда: круг подозреваемых так и не сузился. На допросе Роуз Уотерс ужасно разволновалась и просто обезумела, когда узнала, что случилось. Очень беспокоилась за мальчика. Другие слуги подтвердили, что она любила малыша, как собственного сына.

Сердце Сэди забилось сильнее. Клайв, похоже, это заметил.

– Знаю, звучит немного странно, но все случилось очень давно, после первой войны. Целое поколение полегло на полях сражений во Франции, а вместе с ним погибли надежды тысяч девушек построить семью. Работа няней в семействе вроде Эдевейнов давала хоть какую-то возможность почувствовать радость материнства, у многих женщин не было и такой.

– Наверное, ей было тяжело пережить разлуку с ребенком, которого она любила.

Клайв понял.

– Любить чужого ребенка и похитить его – разные вещи. Мы не нашли ничего, что бы связывало Роуз Уотерс с преступлением.

– Только показания свидетельницы, которая видела силуэт в окне детской.

Он неохотно кивнул, явно считая, что, хотя всякое бывает, эта версия маловероятна.

– Роуз Уотерс не было в поместье на празднике, а служащий отеля в Лондоне сообщил, что двадцать четвертого июня подавал ей завтрак.

Алиби надо еще доказать. Мало ли причин, которые вынуждают одного человека давать показания в пользу другого? А если догадка о существовании туннеля верна, то неважно, видели Роуз в Лоэннете или нет.

Сэди чуяла, что напала на след, и ее охватило знакомое радостное возбуждение. Няня любила мальчика; ее уволили – неожиданно и, как она считала, несправедливо. Более того, Роуз Уотерс долго жила в доме. Вполне вероятно, что она узнала о туннеле. Интересно, от кого? Может, от одной из девочек? От Клементины? А что, если это и есть тот секрет, который она скрывала от полицейских?

Конечно, похищение ребенка – это уже чересчур, но ведь любое преступление является следствием неадекватной реакции... Сэди постучала пальцами по краю стола. Она не сомневалась, что увольнение Роуз Уотерс – очень важный факт.

– Честно говоря, плохо, что в ту ночь ее не было в Лоэннете, – заметил Клайв. – Многие из тех, кого мы допрашивали, упоминали, как внимательно Роуз Уотерс присматривала за мальчиком. Даже Элеонор Эдевейн сказала, что этого не случилось бы при няне Роуз. Очень сожалела.

– Что уволила няню?

Он кивнул.

– Конечно, родители всегда винят себя.

Клайв взял фотографию, внимательно посмотрел на нее, бережно смахнул пылинки.

– Во время Второй мировой войны Элеонор перестала приезжать в Лоэннет. Я полагал, что изменила все именно война, но когда она закончилась, Элеонор так и не вернулась. Иногда я вспоминал о ней, думал, не попала ли она под бомбежку. Как ни ужасно, тогда мы все привыкли к смерти. Вокруг разруха, шесть долгих, тяжелых лет... Когда все закончилось, мир стал совершенно другим. Прошло больше одиннадцати лет с тех пор, как пропал Тео. Наверное, что бы ни держало здесь Элеонор, в конце концов она смирилась, отпустила сына.

Сэди подумала, что Клайв прав и есть какая-то грань, за которой

человек, как бы он ни страдал, смиряется с потерей близких. Полдесятка лет войны и лишений вполне способны заглушить боль сравнительно маленького, личного горя. Возможно все, взять хотя бы Мэгги Бейли, – она просто бросила свою дочь. («Нет, она бы никогда так не поступила!» – настаивала Нэнси Бейли; Сэди отогнала ее голос.)

– В общем, вот вам в общих чертах дело Эдевейнов, – сказал Клайв с грустной улыбкой. – Тысячи часов работы, десятки лет личной одержимости и ничего конкретного. Ни одной зацепки, кроме тех, что были в самом начале расследования.

А ее невысказанная версия?.. Надо ему сказать. Он доверил ей папку с делом, и она, Сэди, должна оказать ответную услугу.

– По-моему, у меня что-то есть.

Клайв склонил голову, как будто Сэди вдруг заговорила на иностранном языке.

– Новая версия, – уточнила Сэди.

– Я понял.

Глаза Клайва заблестели и в то же время слегка сузились.

– Выкладывайте, – хрипло сказал он.

Сэди рассказала о старинной, давно забытой карте, которую нашел Аластер, потом перешла к поэтажному плану дома, где обнаружилась непонятная ниша в стене, и предположила, что, возможно, это вход в туннель.

Выслушав Сэди, Клайв энергично кивнул:

– О туннеле в той части дома никто из нас даже не подозревал. Очень старая карта?

– Очень. Лежала среди прочего хлама в сыром сундуке, пока ее не нашли во время недавнего ремонта. Карту отправили на реставрацию, потом – в архив графства, а уже оттуда она попала ко мне.

Клайв почесал переносицу под очками, закрыл глаза, подумал.

– Интересно, могла ли... Неужели никто из них не знал о туннеле?

– Мы тоже пока не знаем, – напомнила Сэди. – Во всяком случае, наверняка. Нужно попасть в дом и проверить. Я написала Элис Эдевейн...

Клайв фыркнул.

– Скорее выжмешь кровь из камня, чем дождешься от нее помощи.

– Я уже заметила. Но почему? Разве она не хочет узнать, что тогда произошло?

– Понятия не имею. Упрямство? Несговорчивость? Вы в курсе, что она известный писатель?

Сэди рассеянно кивнула. Может, поэтому Элис Эдевейн и не ответила?

Что, если письма Сэди затерялись среди сотен других посланий, которые наверняка получает такой автор, как Э. С. Эдевейн?

– Пишет детективы про офицера полиции Брента, – продолжал Клайв. – Я читал несколько книг, весьма неплохие. Поймал себя на том, что пытаюсь найти какой-нибудь намек, который помог бы раскрыть дело. А недавно видел Элис Эдевейн по телевизору. Точно такая же, как я ее запомнил.

– Что вы имеете в виду?

– Надменная, загадочная, очень самоуверенная. Когда пропал брат, ей исполнилось шестнадцать, всего на год меньше, чем мне, но совсем другой породы. Держалась очень хладнокровно, когда мы с ней беседовали.

– Слишком спокойно?

Кивок.

– Я тогда еще подумал, не притворяется ли она. Не верилось, что юная девушка может держаться с таким самообладанием. И действительно, позже я узнал ее с другой стороны. В то время моим главным профессиональным достоинством была незаметность. На меня никто не обращал внимания. Очень полезное качество. Как-то раз шеф послал меня за новой ручкой – в старой закончились чернила, – а когда я вернулся, то увидел, что Элис затаилась на лестнице, потом украдкой подошла к дверям библиотеки, где мы опрашивали свидетелей, но, видно, передумала, и опять спряталась в тень.

– Думаете, она набиралась храбрости, чтобы постучать в дверь и что-то рассказать?

– Или ей очень хотелось подслушать, о чем там говорят.

– Вы спросили?

– Она холодно посмотрела на меня голубыми глазищами и сказала, чтобы я перестал ее донимать, а лучше бы занялся поисками Тео. Говорила она властно, хотя сильно побледнела. – Клайв наклонился к Сэди. – Сужу по собственному опыту: те, кто слишком много знает о преступлении, или стараются держаться подальше, или, наоборот, тянутся к расследованию, как мотыльки на огонь.

Сэди ненадолго задумалась.

– Я должна попасть в тот дом.

– Понимаю. Мы должны. – Он посмотрел ей в глаза. – Даже не думайте, что пойдете туда без меня.

– Сегодня еще раз ей напишу.

– Хорошо.

Клайв явно что-то недоговаривал.

– В чем дело?

Он расправил с обеих сторон вязаную жилетку, старательно отводя глаза.

– Лучше, конечно, действовать с разрешения владельца...

– Да, – согласилась Сэди.

– ...но есть еще один вариант. Я знаю человека, которому платят, чтобы он время от времени заглядывал в Лозннет, проверял, не слишком ли разошлись вандалы и всякая живность.

– Похоже, он не слишком себя утруждает.

– Зато у него есть ключ.

– И что дальше?

– Хотите, я вас познакомлю?

Сэди глубоко вздохнула. Хорошо бы, но через несколько дней ей возвращаться в Лондон, и нужно следить за каждым своим шагом, иначе Дональд вряд ли ее поддержит...

– Я все-таки попытаюсь еще раз, – произнесла она. – Попробую получить разрешение Элис Эдевейн.

– А если не получится...

– То я знаю, как вас найти.

Глава 16

Корнуолл, 2003 г.

Когда Сэди вернулась, Берти дома не было. На столе лежала записка, в которой говорилось, что дед занят подготовкой к празднику, а рядом – подарок без обертки, обрамленный кусок ткани с неумело вышитым оранжевыми нитками высказыванием.

«Пусть твое прошлое будет приятным воспоминанием, будущее наполнят восторг и тайна, а настоящее станет прекрасным мгновением, которое подарит истинную радость».

Приложенная открытка сообщала, что это кельтское благословение для Берти «с любовью» от Луизы. Сэди поморщилась и шлепнула кусок сыра между двух ломтей хлеба. Луизой, конечно, двигали добрые побуждения, но что бы сказала Рут? Бабушка терпеть не могла подобную сентиментальщину, и, насколько Сэди знала, Берти тоже.

Взяв бутерброд, Сэди поднялась к себе в комнату и устроилась у окна, положив блокнот на колени. Клайв не разрешил взять папку с материалами домой, но предложил Сэди выписать все, что нужно, прямо у него за столом. Конечно, Сэди ухватилась за эту возможность и торопливо строчила у себя в блокноте, а потом в дверь постучали и вошла тучная женщина с парочкой лишних подбородков.

– Сэди, это моя дочь, Бесс! – крикнул Клайв из коридора вдогонку гостье. В его голосе звучали панические нотки. – Бесс, это Сэди, моя...

– Партнер по бриджу.

Торопливо сложив документы, Сэди спрятала папку, поднялась навстречу женщине и протянула ей руку. Они наскоро обменялись вежливыми приветствиями, Бесси сказала, что очень рада, наконец-то отец нашел приличное хобби, а потом Сэди попрощалась, пообещав заглянуть на следующих выходных и «сыграть еще партию».

Сэди планировала сдержать обещание. Она успела лишь вкратце ознакомиться с содержимым папки. Там лежали сотни различных документов; времени хватило только на хронику расследования.

Через два дня после того, как Тео Эдевейна объявили без вести пропавшим, полиция организовала самые масштабные поиски в истории Корнуолла. Каждый день сотни местных жителей приходили с рассветом,

горя желанием помочь, а вместе с ними в поисках участвовали сослуживцы Энтони Эдевейна по батальону. Прочесали все побережье, поля и лес. Полиция обошла все дома в округе, мимо которых мог бы пройти похититель с ребенком.

По всему графству разослали фотографии Тео, а через несколько дней родители обратились к общественности через газеты. Пропажа ребенка стала главной новостью, бередя воображение людей, и полицию завалили информацией, в том числе анонимной. Проверили все версии, даже самые бредовые и маловероятные. Двадцать шестого июня полиция обнаружила тело Дафида Ллевелина, но, как сказал Клайв, несмотря на возникшее было подозрение, установить связь между пропавшим ребенком и самоубийством писателя так и не удалось.

Расследование продолжалось; восьмого июля на помощь местной полиции приехали полицейские из Лондона. Почти сразу за лондонскими полицейскими объявился легендарный частный детектив, бывший инспектор полиции Кит Тирелл, которого наняла лондонская газета. Тирелл уехал через неделю, впустую потратив время; вскоре вернулись домой и лондонские полицейские. Осень сменилась зимой, поиски постепенно свернули, так как полиция больше не могла работать впустую. После трех месяцев скрупулезного расследования не нашли ни новых свидетелей, ни новых следов.

В течение нескольких лет полиция периодически получала кое-какие наводки, все тщательно проверяли... Безрезультатно. В тысяча девятьсот тридцать шестом году местная газета получила письмо якобы от похитителя Тео, но оно оказалось фальшивкой. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году медиум из Ноттингема заявил, что останки мальчика зарыты под цементным фундаментом сарая на местной ферме, однако там ничего не нашли. В тысяча девятьсот тридцать девятом году полицию вызвали в дом престарелых в Брайтоне, где доживала свои дни Констанс Дешиль. Новую сиделку встревожили горестные стенания пожилой женщины, что милого ее сердцу малыша убил близкий друг семьи. Сиделка, которая выросла в Корнуолле и знала об исчезновении ребенка, сопоставила факты и позвонила в полицию.

«Она сильно горюет, – сообщила сиделка полицейским. – Все твердит о потере ребенка, говорит о снотворном, которое дали, чтобы он замолчал». Многообещающая зацепка, особенно если вспомнить о пропавшем флакончике со снотворным, но и этот след никуда не привел. Констанс Дешиль не смогла снабдить полицию достоверной информацией, то и дело пускалась в сбивчивые рассказы о своей дочери Элеонор и

мертворожденном младенце. Когда вернулся из отпуска врач, много лет наблюдавший пожилую женщину, полицейские опросили его, и он подтвердил, что у пациентки поздняя стадия старческой деменции, а обвинение в убийстве всего лишь одна из тем, к которой постоянно возвращается ее пошатнувшийся разум. Врач сказал, что старуха вполне могла бы рассказать еще одну любимую историю – о приглашении в королевский дворец, где на самом деле никогда не была. В общем, все осталось на том же месте, что и в конце июня тысяча девятьсот тридцать третьего.

Сэди швырнула блокнот на дальний конец скамьи. Тупик.

* * *

Вечером она отправилась на пробежку. Было тепло, в воздухе пахло дождем. Сэди бежала по тропинке через лес, и ритмичный стук шагов помог немного упорядочить рой мыслей. Она изучала заметки по делу как одержимая («чокнутая», сказал бы Дональд), и теперь голова трещала.

Солнце почти село, когда Сэди достигла Лоэннета, высокая трава на лугу из зеленой стала лиловой. Собаки уже привыкли добегать до самого дома, и Эш неуверенно заскулил, когда Сэди остановилась. Рэмзи, как всегда, держался особняком и сновал неподалеку.

– Нет, ребята, не сегодня, – сказала Сэди. – Уже поздно, а я не хочу бродить по лесу в темноте.

Она подняла большую гладкую палку и швырнула на луг, утешительный приз для псов. Они бросились следом, отталкивая друг друга. Сэди улыбнулась, глядя, как они сражаются за вожака добычу, потом ее взгляд упал на тисовую рожицу. Свет постепенно мерк, сверчки на опушке леса завели вечернюю песнь, и сотни маленьких скворцов вились над темнеющим подлеском. Там вдали, за зелеными зарослями, дом готовился к очередной ночи. Сэди представила, как последний луч солнца соскальзывает с витражных окон, над озером раскидывается густо-синяя прохлада, одиноко горбится крыша.

Трава щекотала ноги, и Сэди рассеянно дергала былинку за былинкой. Бездумное действие успокаивало, и внезапно вспомнилась заметка из самодельной газеты сестер Эдевейн: как сплести лодочку из травы. Сэди решила попробовать и взяла две плоские травинки, чтобы сплести их наподобие косички. Пальцы не слушались, детская забава оказалась

чересчур сложной: Сэди давно не занималась кропотливой ручной работой.

Вдруг ее осенило, что один из персонажей книги, которую она сейчас читала, упоминал о том, как в детстве летом плел лодочки из длинных стебельков травы. Не такое уж и большое совпадение. Вполне естественно, что автор, наделяя своих героев мыслями и воспоминаниями, обращается к собственному жизненному опыту. Именно это имел в виду Клайв, когда говорил о том, как читал романы Элис Эдевейн между строк в поисках зацепок, которые помогли бы пролить свет на исчезновение Тео. Клайв, кстати, не сказал, что поиск увенчался успехом, наоборот, упомянул об этом с кривой, самоуничижительной усмешкой, словно предлагая посмеяться над его отчаянными попытками найти достоверную информацию. Сэди задумалась, впрочем, не столько о книгах Э. С. Эдевейн, сколько о том, могла ли Элис знать что-то важное и все годы хранить это в тайне.

Может, потому Элис и не отвечает на письма, что чувствует себя виноватой? Клайв прав, виновные делятся на две категории: тех, кто постоянно путается под ногами, стараясь «помочь» сыщикам, и тех, кто сторонится полиции как чумы. Относится ли Элис ко второму типу? Видела ли она что-нибудь той ночью и верна ли догадка Клайва, что Элис хотела рассказать об этом полиции, потому и подходила к дверям библиотеки? Может, именно Элис поведала Роуз Уотерс о туннеле, или она даже видела няню в канун Иванова дня?

Нет, всего этого мало. Предположим, Элис рассказала Роуз о туннеле – и что? Не такое уж страшное преступление, чтобы лгать, тем более когда пропал малыш. Разве только у Элис была еще какая-то причина не выдавать Роуз Уотерс... Сэди недовольно помотала головой. Нет, нужно отвлечься, прийти в себя и перестать генерировать версии.

Эш победил, подбежал к хозяйке и с гордым видом уронил к ее ногам палку. Умоляюще посопел и подтолкнул палку носом.

– Ну хорошо, хорошо, – сказала Сэди, потрепав его по ушам. – Еще разок.

Она швырнула палку, и собаки, залавав от удовольствия, припустили за ней по траве.

По правде говоря, выйдя из дома Клайва, Сэди несколько охладела к версии о том, что виновата няня Роуз. Как ни крути, похищение ребенка слишком экстремальный поступок для здравомыслящей в целом женщины. Судя по протоколам и отчетам, – а их в деле скопилось немало! – Роуз Уотерс была в здравом уме. Говорили, что она «исполнительная», «привлекательная» и «энергичная», с безупречной характеристикой. За все

десять лет службы у Эдевейнов она только раз брала месячный отпуск, и то потому, что ее вызвали по «семейным делам».

Даже если Уотерс несправедливо уволили и она жаждала мести, вряд ли нанесенная обида была столь сильна, чтобы пойти на преступление. К тому же просто так похищение не провернешь, существует множество препятствий. Могла ли женщина проделать все в одиночку? Если нет, то кто ей помогал – Дафид Ллевелин, кто-то неизвестный? И как его (или ее) втянули в сугубо личную вражду? Похоже, она, Сэди, хватается за соломинки, пытается отыскать связь там, где ее нет. Даже мотив преступления сейчас выглядит неубедительным. Выкупа за ребенка так и не потребовали, и это противоречит версии о том, что Роуз хотела получить денежную компенсацию.

Далекий раскат грома сотряс воздух, и Сэди взглянула на горизонт. Солнце садилось, освещая тяжелую грядку темно-серых туч над морем. Близился дождь. Сэди подозвала собак, желая поскорее двинуться к дому. У нее развязался шнурок, и, чтобы завязать его, она поставила ногу на камень. Вне зависимости от того, кто и зачем забрал Тео Эдевейна, остается вопрос, что с ним случилось. Предположим, мальчик пережил Иванов день тысяча девятьсот тридцать третьего года; куда он делся? Нельзя похитить ребенка и поместить его в новую среду, не привлекая внимания. Кто-то должен был заметить, заподозрить неладное – тем более при такой широкой огласке дела. За семьдесят с лишним лет полиция так и не получила достоверной информации, значит, можно предположить, что Тео очень хорошо спрятали, а лучший способ что-нибудь спрятать – оставить это на виду. Придумать настолько правдоподобное объяснение, что никому и в голову не пришло в нем усомниться.

Сэди затягивала второй шнурок, когда ее внимание привлекли вырезанные на камне буквы. Время почти стерло надпись, а пестрые пятна лишайника сделали ее незаметной, но Сэди легко разобрала слово, на которое натыкалась почти две недели. «ЭЛИС». Только эта надпись отличалась от других: ниже на камне были выцарапаны еще какие-то знаки. Сэди опустилась на колени и раздвинула траву, когда упали первые тяжелые капли дождя. Еще одно имя. Сэди улыбнулась. Надпись гласила: ЭЛИС + БЕН. НАВСЕГДА.

* * *

Коттедж по-прежнему стоял пустой и темный, когда Сэди с собаками,

мокрые, продрогшие и голодные, вернулась домой. Сэди отыскала сухое полотенце для Эша и Рэмзи, потом разогрела остатки рагу (чечевица и немного любви!). Поела, склонившись над разложенными на столе заметками; дождь монотонно барабанил по крыше, а собаки довольно сопели у ног. Едва ли не вылизав миску после добавки, Сэди написала третье письмо Элис Эдевейн: нельзя ли осмотреть дом изнутри? Она хотела спросить напрямую, есть ли в коридоре рядом с детской замаскированный туннель, но передумала. Не стала упоминать и о своем интересе к Роуз Уотерс, Клементине Эдевейн и информации, которую та могла скрывать от следствия; только сообщила, что хочет проверить новую теорию и будет очень благодарна, если Элис ответит. Сэди уже пропустила субботнюю выемку почты, но все равно взяла зонтик и выскочила в темноту, чтобы отправить письмо. Если повезет, Элис получит его во вторник.

На экране мобильного одна-единственная черточка показывала, что связь есть, и Сэди решила воспользоваться случаем. Она присела на корточки под навесом универсального магазина и проверила сообщения. От Дональда ничего не было. Сэди немного подумала, а потом решила: раз Дональд молчит, значит, согласен, чтобы она возобновила работу после того, как на следующей неделе они встретятся в Лондоне.

Поддавшись порыву, она позвонила Клайву и спросила о допросе Констанс Дешиль от тысяча девятьсот тридцать девятого года, когда та уже жила в доме престарелых. Что-то из прочитанного протокола не давало покоя, Сэди никак не могла понять, что именно и почему. Клайв обрадовался звонку, однако слегка приуныл, когда Сэди задала вопрос.

– А, вот почему вы звоните... Ничего интересного. К тому времени бедняжка сильно сдала. Ужасное существование – целые дни напролет разглагольствовать о прошлом, все путать, злиться. Нет, ключ к разгадке у Элис Эдевейн. Разговаривать надо с ней.

В коттедже горел свет. Бerti хлопотал на кухне, заваривал чай.

– Привет, детка, – сказал он. – У тебя сегодня насыщенный день.

– У тебя тоже.

– Двенадцать ящиков игрушек уже собраны и готовы к продаже.

– Ты не пришел к ужину. Проголодался?

– Нет, все в порядке. Я перекусил.

Наверняка с Луизой. Дед не стал вдаваться в подробности, а Сэди не стала спрашивать: не хотелось выглядеть назойливой и мелочной. Она улыбнулась – слегка натянуто, – а дед, передав ей дымящуюся чашку, сел напротив. Сэди заметила, что вышитый подарок Луизы висит на крючке у двери.

– Я что, пропустила твой день рождения?
Дед посмотрел, куда она смотрит, и улыбнулся.
– Нет, это подарок просто так.
– Очень мило!
– Луиза приятная женщина.
– И высказывание хорошее, правда, немного банальное.
– Сэди...
– Я знаю, куда бы его повесила Рут. Помнишь, «Пожелание вступающим в жизнь»^[20] в рамочке, которое висело на двери туалета?
– Сэди...
– Она говорила, что если человек не может среди суеты и шума сходить с миром в туалет, то эта жизнь безнадежна.^[21]
Берти потянулся через стол, взял Сэди за руку.
– Хорошая моя девочка...
Сэди прикусила нижнюю губу. Неожиданно от слов деда сжало горло и захотелось плакать.
– Ты мне как дочь. Даже ближе. Странно, твоя мать – мой ребенок, но у нас с ней нет ничего общего. Даже в детстве она вечно тревожилась, что подумают другие, переживала, что мы все делаем «неправильно», что Рут или я оконфузим ее, если не будем одеваться и разговаривать, как другие родители. – Он мягко улыбнулся и пригладил седую колючую бородку, которую отращивал с тех пор, как перебрался в Корнуолл. – Мы с тобой похожи. Я считаю тебя своей дочерью и знаю, что ты относишься ко мне как к отцу. Но, Сэди, я всего лишь человек.
– Ты здесь совсем другой, дедушка, – неожиданно выпалила Сэди.
Она не хотела этого говорить, даже не знала, что испытывает подобное чувство. Слова прозвучали совсем по-детски.
– Надеюсь. Этого я и хотел.
– Ты даже права получил.
– Правильно, я ведь живу в деревне и вряд ли могу рассчитывать на метро.
– А Луизины разговоры, что чудеса случаются и что вселенная сама все решит, изречение на стену... Это все не в твоём вкусе.
– Когда я был ребенком, мне это нравилось. Я забыл...
– Рут бы точно не понравилось.
– Рут умерла.
– И мы должны ее помнить.
Голос деда непривычно дрогнул.

– Я встретил твою бабушку, когда мне было двенадцать лет. После ее смерти я... Горе поглотило бы меня, если бы я поддался. – Берти осушил чашку. – Вышивка на стену – всего лишь подарок.

Он улыбнулся, но в его глазах стояла печаль. Сэди почувствовала укол совести. Хотелось извиниться, но они с дедом вроде и не ссорились. Она думала, что сказать, но Берти ее опередил:

– Не могу найти свой любимый дуршлаг. Пойду наверх, поищу.

* * *

Остаток вечера Сэди провела, сидя на полу своей комнаты. С трудом продравшись сквозь первые три страницы диссертации «Вымышленные побеги в детской литературе», Сэди поняла, что в главе, посвященной Дафиду Ллевелину, приведен анализ его книги и почти нет фактов из биографии, вдобавок сам текст читался исключительно тяжело. Сэди переключилась на выписки из дела и любительские газеты сестер Эдевейн. Сначала она думала об уверенности Клайва в том, что ключ к разгадке у Элис, потом о выцарапанной на камне надписи. В памяти смутно шевелилось чувство, что сегодня она уже сталкивалась с именем «Бен», но, хоть убей, не могла вспомнить, где.

Струи дождя стекали по оконному стеклу, сквозь щели в потолке просачивался сладкий запах трубочного табака, а Сэди обводила взглядом россыпь страниц, исписанных листочков и книг, раскиданных по всему полу. Где-то здесь, среди этого беспорядка, есть детали, которые только и ждут, чтобы их соединили.

Глубоко вздохнув, она оторвалась от исследований и легла в постель. Открыла книгу «Блюдо, которое подают холодным» и немного почитала, чтобы отвлечься. Убили ресторатора, и, похоже, это сделала его бывшая жена. Они были в разводе двадцать лет, за это время мужчина сделал карьеру и сколотил состояние, пока бывшая жена ухаживала за дочерью-инвалидом, пожертвовав собственными карьерными амбициями и свободой. Впрочем, она любила дочь, и этот расклад, казалось, ее вполне устраивал.

Толчком послужило – теперь Сэди переворачивала страницы быстрее – мимолетное упоминание о предстоящем двухнедельном отпуске в Южной Америке. Всю свою жизнь бывшая жена лелеяла надежду попасть в древний город инков Мачу-Пикчу; увы, дочь не могла поехать с ней, а оставить ее одну было нельзя. Чашу терпения женщины переполнило то,

что ее бывший муж, человек, который всегда считал себя слишком занятым, чтобы заботиться о ребенке, собрался воплотить в жизнь ее мечту. Многолетнее материнское горе, чувство изоляции, которое испытывают все, кому приходилось ухаживать за инвалидами, сублимация неисполненных желаний переплелись, выросли как снежный ком и вынудили спокойную и разумную в других отношениях женщину принять неизбежное решение: бывший муж никуда не поедет.

Станным образом воодушевленная, Сэди выключила свет и закрыла глаза, прислушиваясь к грозе и беспорядочным ударам волн. Собаки спали, похрапывая, в изножье кровати. У Э. С. Эдевейн оказался весьма занятный взгляд на вопросы морали. Герой книги, сыщик, узнал правду о вроде бы естественной смерти ресторатора, но предпочел не открывать ее полиции. Диггори Брент рассудил, что ему, как частному детективу, поручили выяснить, куда ведет денежный след, и он свое задание выполнил. Никто не просил его установить причину смерти ресторатора, собственно, ее даже не сочли подозрительной. Бывшая жена покойного много лет почти безвозмездно несла тяжкое бремя; если бы ее арестовали, дочери пришлось бы совсем плохо. Диггори решил, что ничего не скажет, пусть правосудие берет свое без его участия.

Сэди вспомнила рассказ Клайва о том, как юная Элис Эдевейн таилась у библиотеки, где полиция проводила расследование, об ощущении, что девушка знает больше, чем говорит, о более поздних попытках отыскать ключ к разгадке в ее книгах. Хотя роман «Блюдо, которое подают холодным» и не отражал обстоятельства похищения Тео Эдевейна, зато демонстрировал, что у Элис свой, особый взгляд на правосудие и способах его осуществления. В книге довольно много говорилось о сложных отношениях родителей и детей, о связи между ними, которая одновременно и тяжкий груз, и благо, и, что бы ни случилось, остается неразрывной. Элис Эдевейн явно недолго любила тех, кто уклоняется от ответственности.

Сэди попробовала заснуть, но она и в лучшие времена страдала бессонницей, а сейчас мешали мысли о Роуз Уотерс. Любовь няни к Тео, «как к своему собственному ребенку», долгая безупречная служба и внезапное «несправедливое» увольнение, которое Роуз Уотерс очень тяжело переживала, свидетельница, которая клялась, что после полуночи видела в окне детской силуэт стройной женщины...

Тяжело вздохнув, Сэди повернулась на другой бок и попыталась отогнать беспокойные мысли. Неожиданно в памяти всплыла фотография семейства Эдевейн на пикнике. Муж и жена посредине, любимый малыш на переднем плане, стройная лодыжка и нога в тени. Сэди словно

услышала голос Клайва, который говорил, каким желанным был мальчик, и вдруг вспомнила протокол допроса Констанс Дешиль, как та в тысяча девятьсот тридцать девятом году «пускалась в сбивчивые рассказы о своей дочери Элеонор и мертворожденном младенце». Вполне возможно, эти истории не были плодом больного воображения старухи. Что, если Элеонор вынашивала еще одного ребенка, между Клементиной и Тео? «Все знали, что они очень хотели сына, – говорилось в одном из протоколов из папки Клайва. – Мальчик явился подарком судьбы».

Сэди открыла глаза. Что-то еще не давало покоя. Она включила свет, перегнулась через край кровати, разворошила бумаги, ища среди листов самодельной газеты, которую сестры Эдевейн создавали с помощью печатного станка, нужную страницу.

Вот оно!

Сэди взяла старые страницы в кровать. Статья Элис о том, как наказали Клементину Эдевейн за то, что она обозвала няню Роуз толстой. Сэди проверила дату, быстренько посчитала в уме и спрыгнула с кровати, чтобы взять блокнот. Она перелистывала страницы, пока не нашла свои записи о службе няни у Эдевейнов. Больше всего Сэди интересовал месячный отпуск в июле тысяча девятьсот тридцать второго, когда Роуз уезжала «по семейным делам». Даты совпадали.

Сэди выглянула в окно – залитые лунным светом скалы, бурное темное море, молнии на горизонте – и попыталась привести мысли в порядок. Клайв сказал: «Зачем похищать собственного ребенка?» Он говорил об Энтони и Элеонор Эдевейн, и вопрос, конечно, был риторическим, шуткой, потому что родителям действительно нет необходимости красть своих детей. Дети и так принадлежат родителям.

А как насчет случаев, когда не принадлежат?

Похоже, есть новая версия. Сэди догадывалась, почему родитель мог решиться на похищение своего ребенка.

Разрозненные детали сложились в единое целое, как будто только и ждали, когда кто-то их соберет. Девушка в деликатном положении... Маленький мальчик, которому нужен дом... Хозяйка, которая не в состоянии завести собственного малыша...

Решение, которое до поры до времени устраивало всех. А потом вдруг перестало устраивать.

Глава 17

Лондон, 2003 г.

Записка была короткой даже по меркам Элис. Она ушла, вернется позже. Питер поразмышлял над клочком бумаги. Интересно, что все это значит? В последнее время Элис вела себя странно. Ершилась больше обычного и стала очень рассеянной. Питер подозревал, что у нее не все гладко с новой книгой, однако дело вовсе не в типичной для писателей неуверенности в себе. Творческие трудности, скорее, внешнее проявление беспокойства Элис, а не его причина.

Элис побледнела, когда он передал сообщение сестры, голос у нее слегка дрогнул, и Питер вспомнил, что чуть раньше на этой неделе Элис получила письмо, в котором говорилось о старом нераскрытом деле, и повела себя точно так же. Похоже, эти два факта связаны. Более того, Питер полагал, что они имеют отношение к реальному преступлению в прошлом семьи Элис, когда пропал маленький Тео. Письмо ошеломило Элис, хотя она и попыталась это скрыть: спрятала задрожавшие руки под стол. Странное поведение Элис, ее решительный отказ признать, что она понимает, что имел в виду автор письма, заинтересовали тогда Питера до такой степени, что вечером, сидя за компьютером, он вбил в поисковик слова «пропавший ребенок» и «Эдевейн». И выяснил, что младший брат Элис бесследно исчез в тысяча девятьсот тридцать третьем году.

Вот только с какой стати она солгала и почему эта история совершенно выбила ее из колеи? Как-то раз утром Питер пришел на работу и обнаружил Элис расprostертой на кресле в библиотеке. У Питера екнуло сердце, и на какую-то долю секунды он вообразил самое худшее. Юноша уже было решил на искусственное дыхание, хотя слабо представлял, как его делать, но тут Элис шумно всхрапнула, и Питер понял, что она спит. Элис Эдевейн никогда не спала днем. Питер меньше удивился бы, если бы открыл дверь и увидел, что Элис в расшитом монетками наряде из шелка исполняет танец живота. Внезапно она проснулась, Питер незаметно выскользнул в прихожую, и оба притворились, что он ничего не видел. Питер устроил целое представление, шумно снимая обувь, и на всякий случай потряс вешалку, прежде чем снова войти в библиотеку. Элис уже сидела с красной ручкой и правила набросок главы.

Неожиданный поворот событий озадачил Питера, зато у него появилась возможность закончить раздел «ЧаВо» на сайте Элис. Недавно

издатели снова звонили, с приближением даты публикации нового романа их терпение, похоже, иссякало, и Питер клятвенно пообещал, что к концу недели передаст им окончательный вариант. Почти все уже было готово, осталось только уточнить, написала ли Элис что-нибудь до книги «В мгновение ока». В интервью «Йоркшир пост», откуда Питер хотел взять ответ, говорилось, что она написала свой первый детективный роман в записной книжке, которую получила на пятидесятилетие. Питер решил, что это легко проверить. Элис обожала записные книжки, никуда не выходила без той, которой пользовалась именно сейчас, а все остальные хранила на полках у себя в кабинете. Оставалось только отыскать нужную.

Питер посмотрел на лестницу, поймал себя на том, что смущенно насвистывает, и замолчал. С какой стати он принимает невинный вид? Ничего плохого он не сделал. Ему не запрещено входить в кабинет Элис, по крайней мере, она ничего не говорила по этому поводу. Обычно Питер туда не заглядывал, так и нужды не было: все их встречи проходили в библиотеке, а сам Питер работал за большим кухонным столом или иногда в свободной комнате, отданной под архив.

Стоял жаркий день, и яркое солнце светило сквозь узкое окно наверху лестницы. Теплый воздух поднимался по лестничному проему и, не найдя выхода, расплывался на верхней площадке, так что Питер обрадовался, когда открыл полутемный прохладный кабинет и скользнул внутрь.

Как он и предполагал, записные книжки лежали на полке под книгами Элис, изданными в разных странах. Первая записная книжка была маленькая и тонкая, в коричневом кожаном переплете, поблекшем и истончившемся со временем. Питер открыл книжку и увидел на пожелтевшем фронтисписе надпись четким округлым почерком, аккуратно выведенную старательным ребенком: «*Элис Сесилия Эдевейн, восемь лет*». Питер улыбнулся. Рукописная строка позволяла увидеть в Элис – самоуверенной, грозной, неуступчивой Элис! – прилежную девочку, у которой впереди вся жизнь. Он поставил записную книжку на место и оценивающе взглянул на весь ряд. Похоже, нужную ему книжку Элис должна была получить в тысяча девятьсот тридцать втором и пользоваться ею весь следующий год. Питер достал с полки довольно большой том.

С самого начала стало ясно, что с книжкой что-то не так. Она была слишком легкой и тонкой для своего размера. Питер открыл ее и обнаружил, что половины страниц не хватает, а на их месте топорщатся неровные обрывки. Убедившись, что книга действительно относится к тридцать второму – тридцать третьему году, Питер задумчиво провел пальцем по остаткам вырванных страниц. Само по себе это ничего не

значит. Девочки-подростки часто вырывают страницы из своих дневников. Только никакой это не дневник, а записная книжка. И вырвано не несколько страничек, а больше половины листов. Достаточно для черновика книги?

Питер просмотрел сохранившееся страницы. От необычной находки ощущение неловкости усилилось, и он вдруг почувствовал себя воришкой. Питер напомнил себе, что просто делает свою работу, за которую получает деньги от Элис. «Я не желаю об этом слышать, – сказала она о веб-сайте. – Сами займитесь». Надо найти ответ, вернуть записную книжку на место и покончить со всем этим делом.

Первые страницы выглядели многообещающе. На них теснились наблюдения за семьей (Питер улыбнулся, узнав в описании бабушки Элис – «скелет в истлевшем богатом платье» – цитату из «Больших надежд») и наброски романа о каких-то Лауре и лорде Холлингтоне, вовлеченных в чрезвычайно запутанные любовные отношения. Еще там часто упоминался некто «мистер Ллевелин» – видимо, ее наставник, известный автор, о котором говорила в интервью Элис.

Внезапно развитие сюжета романа резко остановилось, вместо него возник пронумерованный список под названием «Десять заповедей детективного романа, с точки зрения мистера Рональда Нокса, адаптировано из предисловия к «Лучшим детективным историям».

Список правил, по нынешним меркам довольно старомодных и чересчур нравоучительных, похоже, предвещал новую эру в творчестве Элис, так как в записной книжке больше не упоминалось о Лауре и лорде Холлингтоне (и о мистере Ллевелине тоже), а описания их по-детски наивных отношений сменились более общими заметками о любви и жизни, серьезными и трогательно идеалистичными в своем простодушном оптимизме.

Питер наскоро пролистал подростковые высказывания о целях литературы, попытки воспроизвести вдохновенные образы природы из любимых романтических стихов, пылкие пожелания на будущее: «не стремиться к материальным благам и обрести большую любовь». Ему стало неловко подсматривать за чужой жизнью, и он едва не бросил поиски, как вдруг заметил нечто особенное. В записях Элис начали появляться инициалы Б. М. «Как считает Б. М.»... «Б. М. говорит»... «спрошу у Б. М.»... Другой человек, возможно, и не запомнил бы имя, которое Дебора попросила передать Элис, но Питер учился в школе с мальчиком по имени Бенджамин. Они вдвоем разносили газеты, в том числе и лавочнику, которого звали мистер Мунро, и потому названное Деборой имя накрепко застряло у Питера в памяти. Бенджамин Мунро.

Примерно в то же время, как на страницах записной книжки замелькали инициалы Б. М., Элис, похоже, начала обдумывать сюжет нового романа. «Настоящий детектив с тайной и оригинальным подходом, который никто не разгадает!» Следующие несколько страниц были посвящены планированию сюжета: стрелки, вопросы, торопливо начерченные схемы и диаграммы – техника, хорошо знакомая Питеру по недавним записным книжкам Элис, – а потом шла запись, сделанная в апреле тысяча девятьсот тридцать третьего года. *«Завтра начинаю СМЛ. Уже придумала первую и последнюю строки и представляю, что произойдет между ними (отчасти благодаря Б. М.). Эту книгу я точно закончу. Она отличается от всего, что я написала раньше».* Начала ли Элис СМЛ, закончила ли, Питер не знал. После программного заявления шла какая-то запись, нацарапанная с такой силой, что перо прорвало бумагу, а после ничего не было. Остальные страницы кто-то выдрал.

С чего бы Элис уничтожать черновик романа? Она бережно, почти суеверно хранила все, что имело отношение к созданию книги. «Писатель никогда не уничтожит свою работу! – сказала она Би-би-си. – Даже если она ему не нравится. Это все равно что отрицать существование неудачного ребенка». Питер встал, потянулся, посмотрел в окно, что выходило на пустошь. Подумаешь, в подростковом дневнике не хватает страниц, написанных семьдесят лет назад! Тем не менее он никак не мог избавиться от чувства неловкости. Поведение Элис в последнее время, то, с каким жаром она открепивалась от старого незакрытого полицейского дела, ее испуг, когда он, Питер, передал послание Деборы и произнес имя Бенджамина Мунро, даже маленькая, но необъяснимая загадка, почему Элис стала говорить журналистам, что никогда ничего не писала до первого опубликованного романа. Что-то происходило.

Питер с особой тщательностью засунул записную книжку на место, как будто хотел уничтожить сам факт, что брал ее и заглядывал внутрь. Лучше выкинуть вопрос о первом законченном художественном произведении из раздела «ЧаВо»; жаль, что эта мысль не пришла ему в голову раньше, до того как он поднялся сюда и открыл ящик Пандоры.

Возможно, если бы Питер не торопился поскорее уйти с чердака, он бы не споткнулся о торшер. Впрочем, вполне вероятно, что все произошло из-за его обычной неуклюжести. Так или иначе, Питер задел высокий торшер, тот качнулся и упал прямо на стол, опрокинув стакан, к счастью, пустой. Питер поспешил его поднять и вдруг заметил конверт, адресованный Элис. В принципе, ничего странного; тем не менее почтой занимался Питер, а этого письма он не видел. Значит, конверт вытащили из

стопки утренней почты, тайком.

Нельзя сказать, что Питер любил Элис, как родную бабушку, но он заботился о ней, а в свете последних событий еще и чувствовал за нее ответственность. Он чуть приоткрыл конверт, только чтобы увидеть, от кого письмо. Сэди Спэрроу. Питер хорошо запоминал имена и потому сразу вспомнил письмо, которое пришло ровно неделю назад. Сыщик из полиции расследует старое дело о пропавшем ребенке. Дело завели в тысяча девятьсот тридцать третьем году, в том самом, когда на страницах записной книжки Элис появился таинственный Б. М. и была уничтожена (предположительно) рукопись ее первого романа. Питер мрачно подумал, что вот пазл и сложился, еще бы понять, какая на нем картинка. Он постучал пальцами по губам, раздумывая, затем перевел взгляд на сложенный лист тонкой бумаги. А это уже подсматривание, и оно явно не входит в его должностные обязанности!.. Вот так, наверное, чувствует себя человек на краю скалы, который не может решить, прыгать или нет. Покачивая головой, Питер сел и начал читать.

* * *

Элис решила пройти пешком через парк, сказав себе с изрядной долей иронии, что полезно подышать свежим воздухом. Вышла на станции метро «Гайд-парк Корнер» и поднялась на эскалаторе вверх. В городе установилась жара – тяжелая, густая, пахнущая асфальтом и бетоном. Линии метро, где по туннелям с ревом проносились змеи, изрыгающие на каждой станции потных пассажиров, походили на картины из Данте. Элис зашагала по аллее Роттен-Роу, старательно подмечая розарии и слабый запах сирени, как будто вышла просто полюбоваться природой, а не откладывала неприятную задачу, которую предстояло выполнить.

На сегодняшней встрече настояла Дебора. Сама Элис, после того как в пятницу Питер передал ей сообщение (какой ужас она испытала, услышав имя Бенджамина Мунро из уст своего помощника!), решила вести себя так, словно ничего не случилось. В ближайшие месяцы она не собиралась видеться с Деборой. Годовщина смерти Элеонор прошла, следующее семейное собрание будет не раньше Рождества; в общем, времени вполне достаточно, чтобы все забылось. Однако Дебора была очень настойчива, применив ту особую ласковую силу, которую на правах старшей сестры использовала с самого детства и еще больше отточила за несколько десятков лет брака с политиком. «Необходимо кое-что обсудить».

Дебора явно слишком глубоко погрузилась в воспоминания, остановившись там, где Элис чувствовала себя весьма неудобно. Что именно ей известно? Сестра вспомнила Бена, но знает ли она, что натворила Элис? Очевидно, знает. Иначе с какой стати требует встретиться и поговорить о прошлом?

«Помнишь няню Роуз? – спросила Дебора перед тем, как повесить трубку. – Странно, что она так неожиданно ушла». Вокруг Элис будто смыкались стены, которые она так долго пыталась удержать. Удивительно, что все происходит одновременно. (Хотя, если честно, сама во всем виновата, полезла с расспросами в музей. Если бы у нее хватило ума держать язык за зубами!..) Только сегодня утром пришло третье письмо от детектива, на этот раз более резкое. Похоже, события принимают довольно неприятный оборот. Назойливая Спэрроу просит разрешения осмотреть дом изнутри, «чтобы проверить одну версию».

Заметив зависшую в воздухе стрекозу, Элис остановилась. Память услужливо подсказала название: желтокрылая стрекоза-метальщица. У ближайшей клумбы, где пестрели красные, лиловые и ярко-оранжевые летние цветы, гудели пчелы, и на Элис вдруг накатили воспоминания детства, что в последнее время случалось довольно часто. Представилось, как она проскальзывает в самую гущу деревьев, радуясь гибкому, не испытывающему боли телу, ложится на спину под прохладной листвой, смотрит сквозь ветви на ярко-голубые клочки неба и слушает хор насекомых.

Конечно, ничего этого она не сделала. Просто шла себе дальше, думая о версии Сэди Спэрроу. Наверняка той стало известно о втором туннеле. Элис ждала, что впадет в панику, но, похоже, в глубине души она смирилась с неизбежным. В конце концов это должно было произойти. Повезло еще, что никто (по крайней мере, до сих пор) не сказал о туннеле полиции. В тысяча девятьсот тридцать третьем году о нем знала не только Элис, но и еще несколько человек: сестры, родители, бабуля Дешиль и няня Роуз, которую пришлось посвятить в тайну той зимой, когда Клементина умудрилась закрыться в туннеле из-за хитроумной защелки.

За водной гладью пруда Серпентайн простирался парк. Глядя на него, Элис всегда вспоминала Вторую мировую войну, когда почти всю территорию парка отдали под огороды. Сейчас эта идея выглядит довольно странно и архаично, как будто голодающий, измученный бомбежками народ можно было накормить урожаем с грядки его королевского величества, но тогда она казалась в высшей степени разумной, даже жизненно важной. Британские парни гибнут в чужеземных краях, по ночам

на Лондон сыплются бомбы, немецкие подводные лодки топят суда снабжения, не давая им войти в порт, однако нация не погибнет от голода. Британия выиграет войну, грядка за грядкой.

Несколько лет назад в Имперском военном музее Элис увидела, как двое школьников хихикают над плакатом с изображением Потейто Пита,^[22] хвастающегося, что из него получается отличный суп. Они отстали от одноклассников, и когда учительница их отругала, мальчишка повыше ростом чуть не расплакался. Элис ощутила укол злорадства. Как же так вышло, что по оставшимся параферналиям война кажется вежливой и забавной, хотя на самом деле была безжалостной и несла смерть? Впрочем, люди тогда были другими, более стойкими. Намного меньше говорили о чувствах. Всех с детства учили не плакать, когда больно, уметь проигрывать, не признаваться в своих страхах. Считалось, что, когда настанет час, дети мужественно встретят судьбу. Очень полезные навыки для военного времени – да и для обычной жизни тоже.

Все женщины семейства Эдевейн участвовали в войне. Клемми служила во вспомогательной транспортной авиации, перегоняла для ВВС самолеты с одного аэродрома на другой; Элис водила переделанный из катафалка санитарный автомобиль по разбомбленным улицам; Дебора раздавала задания волонтерам из Женской добровольческой службы. Дебора и Элис уговаривали родителей уехать в деревню, но мать отказалась. «Мы останемся здесь и исполним свой долг, – сказала Элеонор. – По примеру короля и королевы. Правда, дорогой?» Она улыбнулась отцу, который уже болел плевритом (от него вскоре и умер), и папа сжал ее руку в знак солидарности. А потом мама записалась в Красный Крест и ездила на велосипеде по Ист-Энду, оказывая медицинскую помощь женщинам и детям, чьи дома разбомбили.

Иногда Элис представляла город в виде большой карты, исколотой булавками, которые отмечают все места, как-то связанные с ее жизнью. Булавки плотно покрывали карту, налезали одна на другую. Бесчисленные воспоминания откладываются в мозгу, придавая индивидуальность каждой точке на карте. В мироощущении Элис место всегда играло очень важную роль, и она порой задавалась вопросом, как отсчитывают течение времени кочевники. Как можно следить за ходом событий, если рядом нет постоянной величины, которая намного больше тебя и гораздо долговечнее? Возможно, кочевники ничего не отсчитывают и этим счастливы.

Больше всего Элис интриговала бродячая натура Бена. После Первой мировой войны множество людей остались без крыши над головой, и более

десяти лет улицы Британии омрачали угрюмые мужчины, которые держали таблички с просьбой о работе или подаянии. Элис и ее сестер учили давать милостыню, когда есть возможность, и не глазеть на несчастных; учили состраданию. Но Бен не походил на бездомных солдат, он сам выбрал такую жизнь – одна временная работа за другой, а из имущества только то, что можно унести в рюкзаке. «Я странник, перекасти-поле, – с улыбкой говорил он, пожимая плечами. – Наверное, в роду были цыгане». Для Элис, чья бабушка всегда находила, что сказать о цыганах и бродягах, навещающих в лес возле Лоэннета, подобное мировоззрение было совершенно чуждо. Отцовские предки, кровью и потом создававшие империю Эдвейнов, род матери, прочно укоренившийся на участке земли, который они до сих пор зовут своим домом... Элис выросла с ощущением прочности и незыблемости семейной истории. Даже знаменитая история любви Элеонор и Энтони сводилась к спасению и возрождению Лоэннета. Элис всегда считала, что папа поступил ужасно благородно, и полностью разделяла мамину привязанность к «Дому на озере».

Но Бен был другим, и он заставил Элис взглянуть на вещи иначе. Он не желал копить деньги или владеть имуществом. По его словам, ему хватало того, что он мог унести с собой, переходя с места на место. Родители Бена были археологами, работали на раскопках в Юго-Восточной Азии, и он еще в детстве понял, что богатствам, о которых люди мечтают в мимолетном настоящем, суждено исчезнуть, превратиться в прах или лежать погребенными под землей, ожидая, когда ими заинтересуются будущие поколения. Бен рассказывал, что его отец нашел много прекрасных предметов, из-за которых раньше устраивали сражения. «Все кончилось тем, что эти вещи потеряли или выбросили за ненадобностью, а их бывшие владельцы давно умерли... Нет, для меня важны только люди и впечатления. Связь – вот что главное. Электрическая вспышка между людьми, невидимые нити». Элис покраснела от его слов. Она прекрасно понимала, что он имел в виду, и чувствовала то же самое.

Только один раз Элис слышала, как он сокрушался в связи с отсутствием денег. Она тогда испытала неприятные чувства, потому и запомнила. Бен вырос вместе с девочкой, англичанкой пятью годами его старше, чьи родители работали на раскопках вместе с родителями Бена. В свои тринадцать она взяла его, восьмилетнего мальчугана, под опеку; два чужеземца в далекой стране крепко сдружились. «Конечно, я был в нее немного влюблен, – со смехом признал Бен. – Длинные косы, карие глаза... очень красивая». Флоренс (Фло, как звал ее Бен, и ласковая интимность этого имени больно ранила Элис) уехала с родителями в Англию, однако

часто писала Бену, и чем больше он вырослел, тем длиннее и задушевнее становились их письма. Семнадцатилетний Бен вернулся в Англию; к тому времени Флоренс вышла замуж, но настояла, чтобы Бен останавливался у нее всякий раз, когда бывал в Лондоне. «Она необычайно великодушный человек, – сказал Бен. – Очень преданная, добрая и всегда готова посмеяться». Правда, с недавних пор для нее с мужем наступили тяжелые времена. Они открыли свое дело, вложили туда все сбережения, работали не покладая рук – а теперь домовладелец угрожает выбросить их на улицу. «У них и без того немало трудностей, – продолжил Бен. – Личные неприятности. Такие хорошие люди, Элис, с очень скромными запросами». Он точил садовые ножницы, когда произнес: «Я бы на все пошел, лишь бы им помочь! В его голосе мелькнула непривычная нотка отчаяния. – Но им нужны только деньги, а у меня ничего нет».

Бедственное положение подруги печалило Бена, и Элис, уже отчаянно влюбленная, мечтала все уладить. В то же время ее терзала ревность к той, другой женщине (Фло – как же Элис ненавидела легкомысленную краткость этого имени!), которая играла такую важную роль в жизни Бена, что ее печали в Лондоне, за сотни миль от Лоэннета, портили ему настроение.

Впрочем, время обладает способностью успокаивать любые, даже самые бурные страсти. Бен больше не упоминал о своей подруге, и Элис, юная и потому эгоистичная, вскоре забыла о существовании Фло. Через три или четыре месяца слова Бена, что он готов на все, лишь бы помочь подруге детства найти деньги, вылетели у нее из головы.

* * *

На другом берегу пруда Серпентайн к воде бежал малыш. Элис замедлила шаг, потом остановилась, глядя, как маленькая девочка или мальчик, издавек не разберешь, остановился на самом берегу и стал крошить хлеб, рассыпая крошки из кулачка для стайки уток. С криком подплыл лебедь, с налета выхватил остатки лакомства. Испугавшись острого клюва, ребенок заплакал. К нему тут же подбежали родители, быстро успокоили, но происшествие напомнило Элис о криках в Лоэннете, жадных и наглых. Интересно, остались ли они в поместье? От этой мысли у нее перехватило горло. С Элис такое случалось. После того как она много лет ничего и слышать не хотела о Лоэннете, ей вдруг нестерпимо, до боли, захотелось узнать, как там дом, озеро и сад.

В детстве они все лето почти не вылезали из воды, от солнца кожа покрывалась коричневым загаром, волосы выгорали добела. Несмотря на слабую грудь, Клемми – длинноногая, как жеребенок, и непослушная – больше всех любила проводить время на свежем воздухе. Ей бы родиться позже, например сейчас, когда столько возможностей для девочек вроде Клемми! Они повсюду – пылкие, независимые, решительные и целеустремленные, не скованные ожиданиями общества. Элис радовалась за этих девушек с пирсингом в носу, короткой стрижкой и непримиримым отношением к миру. Иногда ей казалось, что она чувствует в них дух своей сестры.

После исчезновения Тео Клемми замкнулась, как моллюск в раковине. Когда ее допрашивали полицейские, она молчала и делала вид, что ничего не слышит. Насколько Элис помнила, Клемми всегда была немного странной, но тем летом тысяча девятьсот тридцать третьего девочка словно одичала. Она почти не приходила домой, рыскала вокруг аэродромов, сбивала заостренной палкой камыши у воды, часто даже ночевала на улице: устраивала бивак в лесу или на берегу ручья. Один Бог знает, что она ела. Наверное, птичьи яйца. У Клемми был талант разорять гнезда.

Мама ужасно сердилась. Мало ей было страданий из-за Тео, приходилось еще тревожиться за Клемми, которая в любую погоду где-то бродила. Впрочем, в итоге сестра неизменно возвращалась – грязная, со спутанными волосами и в разодранной одежде. Лето созрело, переспело и сошло на нет, настала туманная хмурая осень. С ее приходом в Лоэннете воцарилась безысходная тоска, как будто все надежды, что Тео найдется, умерли вместе с теплым временем года. Поиски официально прекратились, полицейские принесли извинения, и семейство Эдевейнов решило вернуться в Лондон. Свадьбу Деборы назначили на ноябрь, и имело смысл приехать на несколько недель раньше, чтобы обжиться. Даже мама, которая не любила город, была рада уехать из холодной, опустошающей печали «Дома на озере». Окна наглухо закрыли, двери заперли, вещи погрузили в машину.

В Лондоне Клемми заставили носить обувь. Вместо разодранных и ставших тесными платьев купили новые, а еще отдали Клементину в дневную школу для девочек с углубленным изучением математики и естественных наук. Клемми школа понравилась. После череды старомодных гувернанток, ни одна из которых не задержалась надолго, настоящая школа стала глотком свежего воздуха, наградой за уступку. Элис, конечно, радовалась, что Клемми вернули к обычной жизни, однако в глубине души молчаливо оплакивала потерю. Возвращение сестры в лоно

цивилизации странным образом усугубило несчастье, сделало его постоянным, ведь если даже Клемми потеряла надежду, значит, все кончено.

* * *

Грудь сдавила боль. Это всего лишь колика, успокоила себя Элис, никакой не сердечный приступ. Она нашла скамейку, опустилась на нее и решила немного посидеть, чтобы перевести дыхание. Кожу обдувал легкий теплый ветерок. Элис сидела лицом к дорожке для верховой езды, за которой виднелась детская площадка, – по разноцветным пластиковым сооружениям лазали и гонялись друг за другом дети, пока няни, девицы с забранными в хвосты волосами, одетые в джинсы и футболки, болтали под деревом. К площадке примыкал засыпанный песком открытый манеж, где тренировались конные офицеры из Найтсбриджских казарм. Элис вдруг поняла, что она находится рядом с тем местом, где они с Клемми сидели тем памятным днем в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. Правду говорят, что в старости (как незаметно она приходит, как коварно время!) внезапно всплывают яркие воспоминания из далекого прошлого. Важная маленькая девочка училась ездить верхом и кружила по манежу. Элис и Клемми устроились на пледе и обсуждали решение Клемми пойти в летнюю школу. Это было до начала войны, и жизнь девушек из состоятельных лондонских семей текла своим чередом, но повсюду ходили разговоры, если, конечно, уметь слушать. Элис всегда умела слушать. Как выяснилось, Клемми тоже.

Ей исполнилось семнадцать, и она наотрез отказалась участвовать в светском сезоне. Недавно ее буквально сняли с корабля в доках; продав кое-какие семейные ценности, она собиралась отплыть в Испанию, чтобы сражаться вместе с республиканцами. Мужество сестры впечатлило Элис, и все-таки она обрадовалась, когда Клемми привели домой. Но сейчас, видя, с каким воодушевлением Клемми размахивает газетным объявлением о наборе в летнюю школу, Элис пообещала замолвить за сестру словечко перед родителями. День стоял теплый, Элис и Клемми только перекусили и пребывали в приятной истоме, довольные, что договорились. Элис откинулась назад, опершись на локти, закрыла под солнечными очками глаза, и вдруг Клемми ни с того ни сего сказала: «Знаешь, а ведь он жив».

Она все-таки не потеряла надежду.

Элис поискала взглядом то место, где они тогда сидели. Она помнила клумбу и что они с Клемми устроились между двух огромных корней каштанового дерева. Детской площадки, конечно, не было, и няни в длинных платьях и матерчатых шляпках собирались у пруда, держа за руки своих маленьких подопечных, а самых младших возили в громоздких черных колясках. К Рождеству того года вся трава исчезла, уступив место траншеям, которые вырыли, готовясь к воздушным налетам. Впрочем, в тот день война со всеми ужасами и смертью еще только маячила перед ними. Мир пока не раскололся, и в небе ярко сияло солнце.

– Знаешь, а ведь он жив.

Прошло пять лет, но Элис сразу поняла, кого она имеет в виду. С того дня, как пропал Тео, Клемми ни разу о нем не заговаривала.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все. Чувствую.

Девочка на лошади перешла на рысь; лошадь гордо встряхнула блестящей гривой.

– Никто не попросил выкуп, – добавила Клемми.

– И что?

– Неужели ты не понимаешь? Если не прислали письмо с требованием выкупа, значит, Тео похитил тот, кому он понравился.

Элис не ответила. Как аккуратно сказать сестре страшную правду, но не выболтать лишнего?

Меж тем лицо Клемми оживилось. Она говорила быстро, как будто ждала пять лет и теперь, когда, наконец, нарушила молчание, больше не сомневалась.

– Думаю, это был мужчина, бездетный, он приехал в Корнуолл, случайно увидел Тео и сразу же полюбил, как сына. Видишь ли, его жена, милая и добрая женщина, не могла иметь детей, хотя очень хотела. Элис, я прямо вижу эту пару, мужа и его молодую жену. Обеспеченные, но не напыщенные зануды, любят друг друга и детей, которых хотели бы завести. Представляю, как грустнеют они год от года, а женщина все никак не беременеет, и постепенно до них доходит, что, возможно, они никогда не услышат топот маленьких ножек в прихожей или смех из детской. Дом погружается в печаль, музыка, свет и радость уходят из жизни, пока в один прекрасный день, когда мужчина уезжает из Лондона по делам или на встречу с партнером... – Клемми махнула рукой. – Неважно, почему он

попадает в Лоэннет... видит Тео и осознает, что именно этот ребенок вернет его жене счастье.

Элис вдруг представила Лоэннет в окружении ферм, лугов и соседских лошадей, для которых сестры воровали у кухарки яблоки. Конечно, в истории Клемми было полно неувязок, начать хотя бы с того, что случайно в их поместье никто бы не забрел. Кроме того, Клемми явно вдохновилась Дебориными печальями («Пять лет замужем, а ребеночка все нет», – шептались на светских сборищах). Элис вспомнила пение соловьев у озера перед рассветом и поежилась, хотя солнце палило вовсю.

– Он поступил неправильно, принес нашей семье горе, но его вполне можно понять. Кто бы устоял перед Тео? Помнишь, как он махал ручками, когда радовался, словно хотел взлететь? – Клемми улыбнулась. – Тео был желанным ребенком. И сейчас растет в любви, Элис, и очень счастлив. Его забрали, когда он был совсем маленьким, наверняка он не помнит, кто мы такие, но мы его никогда не забудем. Я могу смириться со своим горем, когда думаю, что он счастлив.

Элис не знала, что сказать. В их семье писательницей была она, однако Клемми обладала удивительным даром видеть мир по-другому. Если честно, Элис всегда восхищалась воображением сестры, как будто ее собственные творческие притязания, ее истории, плод невероятных усилий и ошибок, бледнели перед врожденной самобытностью Клемми. Ее бесхитростное простосердечие неизбежно отводило любому собеседнику роль жестокого реалиста. Элис не хотелось выступать в этой роли, да и какой смысл? Зачем уничтожать созданную сестрой чарующую сказку: новая жизнь Тео, любящая семья? Разве недостаточно, что она, Элис, знает правду?

Однако Элис жаждала услышать продолжение истории.

– Где они живут? – спросила она. – Каким стал Тео?

Клемми пустилась в рассказ, а Элис закрыла глаза и слушала, завидуя уверенности сестры и ее простодушию. Заманчивый ход мыслей, хотя и ошибочный. Тео не жил новой жизнью с любящей семьей в уютном доме. Клемми была права насчет письма с требованием выкупа, вот только неправильно истолковала его отсутствие. Зато Элис не сомневалась: если не потребовали выкуп, значит, что-то пошло не так и Тео погиб. Она это знала, потому что все произошло так, как она придумала.

Глава 18

День, когда у Элис возник план, начался как обычно. Весна в тысяча девятьсот тридцать третьем году выдалась ранняя, но холодная, и Элис все утро просидела в сушильном шкафу для одежды, поставив ноги на водонагреватель и читая вырезки из газет, которые хранила под замком в филигранной металлической шкатулке. Шкатулку прадедушка Хорас привез из Индии, а Элис позаимствовала ее на чердаке. Она наткнулась на статью о похищении маленького Линдберга в Америке и стала думать о письмах с требованием выкупа и о том, как преступник мог бы сбить с толку полицейских. Недавно она осознала (осознание пришло вместе с увлечением Агатой Кристи), что ее предыдущему опусу не хватает головоломки, сложного и неожиданного поворота событий, призванного обмануть и озадачить читателя. Упершись пальцами в шерстяных носках в теплый кожух обогревателя, Элис торопливо писала и делала наброски, обдумывая, кто, зачем и, самое главное, как.

После обеда она все еще обдумывала эти вопросы, когда, накинув старую соболью шубу матери, разыскала в саду Бена. Бен работал у пруда с рыбками: обустривал потайной сад, скрытый за круговой зеленой изгородью. Элис села на холодный мраморный край пруда, уперлась каблуками резиновых сапог в мшистую землю и с радостью заметила, что из сумки с инструментами выглядывает книга «Загадочное происшествие в Стайлзе», которую она дала ему почитать.

Какое-то время она сидела одна. Бен работал, закатав рукава; кожа предплечий уже покрылась бисеринками пота, и к ней кое-где прилипла грязь. Он откинул с лица длинные пряди темных волос, и Элис не выдержала.

– У меня возникла блестящая идея, – объявила она.

Бен вздрогнул от неожиданности и быстро повернулся.

– Элис! – Удивление быстро сменилось радостью. – Что еще за идея?

– Не хочу хвастаться, но это будет лучшим из того, что я до сих пор написала.

– Неужели?

– Да. – А потом она произнесла те слова, которые теперь взяла бы обратно; что угодно отдала бы, чтобы взять их обратно. – Похищение, Бен! Я напишу книгу о похищении.

– Значит, похищение. – Он почесал в затылке. – Ребенка?

Элис закивала головой.

– Зачем кому-то красть чужого ребенка?

– Затем, что у него богатые родители!

Бен недоуменно посмотрел на Элис, словно не понимал, как это связано.

– Конечно же, из-за денег! – Элис игриво закатила глаза. – Чтобы потребовать выкуп.

Пока она в общих чертах излагала замысел, ее не покидало чувство восторга; она упивалась своей искушенностью.

– Похититель в моей книге переживает тяжелые времена. Я пока не знаю, что с ним случилось, еще не прорабатывала детали. Возможно, его вычеркнули из завещания и лишили наследства, или он ученый и сделал грандиозное открытие, но партнер по бизнесу, отец ребенка, украл у него идею и разбогател, а сам ученый остался ни с чем и теперь страшно зол. Неважно, почему, но он...

– ...беден.

– Да, и в отчаянии. Ему очень нужны деньги: возможно, он залез в долги или хочет жениться на девушке из другого круга. – Элис вспыхнула, внезапно осознав, что чуть было не описала их с Беном щекотливую ситуацию. – В общем, ему нужно много денег, и как можно скорее. Вот он и придумывает, как их достать.

– Не самый приятный тип, – заметил Бен, стряхивая комья земли с корней большого сорняка.

– Злодею не нужно быть приятным. На то он и злодей.

– Тем не менее люди не бывают только хорошими или только плохими, разве не так?

– Он не человек, а литературный персонаж. Это разные вещи.

– Ну, ты у нас писатель. – Бен пожал плечами. – Тебе виднее.

Элис сморщила нос. Только она вошла в раж, как замечание Бена сбilo ее с мысли; пришлось вернуться к записям, пытаясь найти нужное место.

– Да, кстати, – сказал Бен, втыкая вилы в землю. – Я понял, что мне не нравится в этих твоих детективах.

– И что же?

– Слишком крупные мазки, отсутствие нюансов, мысль о том, что мораль однозначна. Не похоже на реальную жизнь. Чересчур все банально, как в детской книжке.

Элис словно ножом ударили. Даже сейчас, в восемьдесят шесть лет, шагая по Роттен-Роу мимо футбольных полей, она вздрогнула, вспомнив

слова Бена. Конечно, он был прав. И намного опережал свое время. Сейчас «почему» всякий раз легко побивает «как», но в то время Элис не увидела правды в его словах, не поняла, что увлекательная тема, почему простые люди становятся преступниками, тоже достойна внимания, ее интересовали только хитрые уловки и загадки. Элис стало обидно, как будто Бен назвал банальной ее, а не детективный жанр в целом. Пропустив критику мимо ушей, она решительно продолжила пересказывать сюжет будущей книги.

– Конечно, похищенный ребенок должен умереть.

– И почему же она должна умереть?

– Он. Лучше, если это будет мальчик.

– Да?

Бен явно посмеивался, и Элис разозлилась. Она не ответила на его улыбку и продолжила с высокомерным терпением в голосе, словно объясняя очевидные вещи. Еще хуже, она вела себя так, будто учила его чему-то, что человек его положения вряд ли поймет. Ужасно.

– Видишь ли, мальчики представляют большую ценность для рода. Наследуют земли, титул и все такое.

– Ладно, пусть будет мальчик, – покладисто сказал Бен.

От его веселого голоса Элис разозлилась еще больше.

– И все-таки, почему бедняга должен умереть?

– Потому что в детективе с убийством должно быть убийство!

– Еще одно из твоих правил?

Похоже, Бен понял, что она обиделась, и попытался загладить вину, однако задобрить Элис было не так-то просто.

– Правила не мои, – холодно сказала она. – Их придумал мистер Нокс и опубликовал в предисловии к «Лучшим детективным историям».

– А, понятно. Ну, тогда совсем другое дело! – Бен снял перчатки и достал бутерброд, завернутый в вощеную бумагу. – И какие же еще у мистера Нокса правила?

– Детективу не должен помогать счастливый случай или безотчетная интуиция.

– Справедливо.

– Никаких близнецов и вообще двойников, если читатель заранее к этому не подготовлен.

– Да, смахивает на жульничество.

– Не допускается использование более чем одного потайного помещения или тайного хода. Это правило очень важно для моей книги.

– Почему?

– Со временем объясню. – Элис продолжила перечислять правила,

загибая пальцы. – Преступником должен быть кто-то, упомянутый в начале романа, но читатель не должен следить за его ходом мыслей. И еще одно, не менее важное правило: детектива должен сопровождать глуповатый друг, Ватсон, который по своим умственным способностям немного уступает – но только совсем чуть-чуть! – среднему читателю.

Бен замер с куском бутерброда во рту, показал на себя и на Элис.

– Кажется, я понимаю, кому отведена роль Ватсона в нашей команде.

Уголки губ Элис поползли вверх, и она не устояла. Бен такой красивый, так ласково улыбается, еще и день прояснился, и солнце выглянуло из-за туч. На Бена просто невозможно сердиться!.. И тут он переменился в лице.

Обернувшись, Элис проследила за его взглядом сквозь просвет в зеленой изгороди. На какой-то ужасный миг показалось, что сзади няня Роуз. На днях Элис видела в окно, как эти двое, няня и Бен, дружески беседовали, и Элис это совсем не понравилось. К счастью, там была не няня Роуз, а всего лишь мама, которая вышла из задней двери дома и теперь сидела на железной скамье, скрестив руки, и от зажатой между пальцами сигареты поднималась едва заметная струйка дыма.

– Не волнуйся, – успокоила Элис Бена, закатывая глаза и слегка нагнувшись, чтобы ее не заметили. – Она нам не помешает, во всяком случае сегодня. Мы не должны знать, что она курит.

Элис старалась говорить небрежно, однако настроение испортилось. Оба понимали, что нужно держать свою дружбу в секрете, особенно от мамы. Элеонор не одобряла их отношения. За последние несколько месяцев она несколько раз вскользь замечала, что знакомых следует выбирать тщательно, а недавно произошла очень неприятная сцена. После ужина мать позвала Элис в библиотеку. Элеонор старалась держаться спокойно, но на ее лице застыло напряженное выражение, и Элис поняла, о чем пойдет разговор. «Элис, такой девушке, как ты, неприлично проводить много времени в компании прислуги. Я знаю, ты не хотела ничего плохого, но люди тебя неправильно поймут. И отец не одобрит. Ты только представь, что он выглянет из окна кабинета и увидит, как его дочь строит глазки какому-то, прости господи, садовнику!»

Элис ни на секунду не поверила, что папа настолько косный, – отцу было наплевать на классовые различия, – однако ничего не сказала. Не посмела. Если бы мать решила, что от Бена одни неприятности, тут же его уволила бы.

– Иди-ка ты домой, – подмигнул Бен. – Мне нужно работать, а тебе – создавать шедевр.

Элис тронула его невысказанная забота.

– Я не боюсь неприятностей.

– Нисколько не сомневаюсь, – кивнул Бен и отдал ей книгу Агаты Кристи.

Элис вздрогнула, когда их пальцы встретились.

– Дай мне знать, когда придумаешь продолжение. – Он с притворным ужасом покачал головой. – Убийство маленьких мальчиков. Кошмар!

* * *

Пока Элис ждала, чтобы перейти Кенсингтон-роуд, мимо проехал автобус номер девять – старый двухэтажный «Рутмастер» с рекламой «Лебединого озера» в исполнении труппы Мариинского театра. Элис подумала, что хорошо бы посмотреть спектакль, но билетов, наверное, уже не достать. Она не ходила на балет, если не могла сидеть достаточно близко и слышать, как пуанты балерин стучат о пол сцены. Не бывает совершенства без тяжелой работы, и не надо убеждать ее в обратном. Конечно, Элис понимала, что иллюзия – часть зрелища и артисты из всех сил создают впечатление необыкновенной легкости. Да, для многих зрителей важна романтика непринужденной грации, однако Элис не относилась к их числу. Она восхищалась дисциплиной и упорством, как умственным, так и физическим трудом, и была уверена, что представление выигрывает от блеска пота на плечах ведущего танцовщика и сдавленного вдоха балерины в конце сольного номера. Точно так же Элис радовалась, когда замечала связующие элементы в книгах других авторов. Понимание структуры только усиливает удовольствие.

В характере Элис не было ничего романтического. Когда-то она целенаправленно не хотела быть похожей на свою мать; со временем детское стремление стало привычкой. Мамина любимая история, связанная с балетом, относилась к тому времени, когда она встретила папу. «Шел тысяча девятьсот одиннадцатый год, война еще не началась, и весь мир был полон волшебства, – часто рассказывала Элеонор. – Я гостила у тети в Мэйфейр, мы познакомились с вашим отцом, и уже через несколько дней он пригласил меня на русский балет. Конечно, я сразу согласилась, даже не спросила разрешения у своей матери. Представляете, бабушка Дешиль чуть было не отреклась от меня! Но представление того стоило. Какой был чудесный вечер! Изумительный, и мы были так молоды, невероятно молоды!» Здесь мама всегда слегка улыбалась, давая понять, что дети,

конечно, не представляют родителей юными, и она это прекрасно знает. «Нижинский в «*Le spectre de la rose*»^[23] был великолепен. Я никогда не видела ничего подобного! Он танцевал пятнадцатиминутное соло, и время пронеслось как сон. На Нижинском было шелковое телесное трико с десятками нашитых шелковых лепестков, розовых, красных и пурпурных, творение Бакста. Сам танцовщик казался прекрасным экзотическим созданием, ярким грациозным насекомым, которое вот-вот взлетит. Он прыгал без малейших усилий, словно парил в воздухе и едва касался сцены. В тот вечер я поверила, что человек способен летать и возможно все».

Элис нахмурилась. Нет, она несправедлива. Может, Элеонор и говорила на детском языке сказок, где тесно переплелись суеверия и предназначения судьбы, но в ее романтической натуре нашлось место не только неземной любви и вере в «они жили долго и счастливо». У нее был свой взгляд на мир, своя моральная система. Элеонор обладала природным чувством справедливости, сложной системой сдержек и противовесов, которая и определяла степень так называемой «правильности».

Врожденная склонность к моральному равновесию дала о себе знать во время последнего разговора Элис с матерью. Та вернулась домой из Нового театра, где давали пьесу Джона Бойнтона Пристли «Инспектор пришел», и сразу же позвонила Элис, чтобы назвать вечер «жизнеутверждающим». Элис, которая уже посмотрела спектакль, помолчала и спросила, что именно было жизнеутверждающим: «та часть, где с беззащитной девушкой скверно обращаются и доводят до самоубийства, или описание отвратительных Берлингов, которым наплевать на страдания бедняжки?»

Не обращая внимания на иронию, Элеонор продолжила рассказ: «Концовка просто поразительная, такая правильная! Все члены семьи в какой-то мере виноваты, и после спектакля понимаешь с чувством удовлетворения, что правда выйдет наружу». Еще она довольно предсказуемо восхитилась неопределенностью инспектора Гула. «Ох, Элис, – разочарованно сказала Элеонор, когда дочь предположила, что появление инспектора можно было бы обосновать получше. – Не в этом дело. Он – архетип, символ, воплощение справедливости. Какая разница, откуда он узнал о несчастной девушке, кто или что он на самом деле. Главное – восстановить правильный порядок вещей».

Элис пробормотала что-то о словесном образе и достоверности, однако уставшая Элеонор завершила разговор. «Давай обсудим эту тему завтра, постараюсь тебя убедить». Увы, никакого завтра не получилось.

Элеонор направлялась к ней, на квартирку в Шордиче, когда шагнула на Мэрилебон-роуд перед автобусом, водитель которого отвлекся от дороги. В это самое время ее дочь сидела на своей мрачной кухне с бутылкой свежего молока в холодильнике и старенькой скатертью на столе, даже не подозревая, что, пока она ждет, весь мир перевернулся.

Элис обожгло острое чувство утраты, и она зажмурилась. У людей есть ужасная привычка меняться. Или уходить. Или умирать. В этом отношении места гораздо надежнее. Если с местом что-то случится, его можно восстановить, даже улучшить. От людей не ждешь, что они всегда будут рядом. «Кроме семьи. – Голос Элеонор прозвучал в мозгу Элис. – Потому-то я и завела столько детей – чтобы у тебя всегда была компания. Я знаю, что такое одиночество».

* * *

Кругом толпились люди, в основном подростки. На Элис вдруг накатила жалость к этим юнцам, застрявшим в горячечном пылу молодости, когда все кажется таким важным, многозначительным и необходимым. Интересно, куда они направляются? В Музей науки, в Музей Виктории и Альберта или, может, в Музей естественной истории, где пройдут гуськом мимо насекомых, которые когда-то порхали под солнцем Лоэннета? «Жаль, что ты их убиваешь, – как-то раз сказала мама. Она никогда не критиковала отца, и это был самый большой упрек в его адрес, который когда-либо слышала от нее Элис. – Они очень красивые». Элис, в белых перчатках помогавшая отцу, тут же встала на его защиту, хотя, если честно, сама терпеть не могла булавки для насекомых: «Природа вообще жестокая, правда, папа? Любое живое существо должно умереть. А эти бабочки по-прежнему красивые и останутся такими навсегда».

Компания девушек обогнала Элис. Они со смехом обернулись и бросили шутку в адрес симпатичного темноволосого парня, а тот прокричал в ответ что-то неразборчивое. Элис почти видела, как от молодых людей исходит аура юности и задора, и вдруг вспомнила себя в этом возрасте. Вспомнила первую любовь, от которой все вокруг стало необычайно реальным. Элис безудержно тянуло к Бену; не обращая внимания на просьбы матери, она продолжала с ним встречаться, только стала осторожнее и хитрее.

За следующие несколько недель Элис доработала и развила свою идею, пока Бен слушал и иногда вставлял замечания. Однажды теплым

весенним утром, когда воздух был чист и прозрачен после ночного дождя, а в ручье резвилась форель, Элис расстелила под ивой одеяло. Бен копал ямы под столбы для новой изгороди, а Элис лежала на животе, скрестив лодыжки, и рассеянно покачивала ногами, хмуро глядя в свои записи. Внезапно она воскликнула:

– Поняла, нужен сообщник! Никто не поверит, что преступник действовал в одиночку.

– Думаешь?

– Знаешь, непросто похитить ребенка, одному человеку тут не справиться.

– Значит, сообщник.

– Такой, чтобы умел обращаться с детьми. Лучше тот, кто знает именно этого ребенка. Какой-нибудь близкий знакомый, который смог бы успокоить малыша.

Бен бросил на нее короткий взгляд.

– А я и не подозревал, что ты такая коварная!

Элис слегка пожала плечами, принимая комплимент, и задумчиво сунула в рот прядь волос. По голубому небу плыла стайка плотных облаков. Бен оторвался от работы и стал сворачивать сигарету.

– Немного неправдоподобно, не считаешь?

Элис посмотрела на него, повернув голову так, чтобы плечо Бена заслоняло солнце и лучи не слепили глаза.

– Неправдоподобно?

– Ну, одно дело, похищение планирует преступник; он – преступник, и ему нужны деньги. Но каковы шансы, что найдется человек, которому он сможет без опаски доверить свой зверский план, и что этот человек согласится стать соучастником?

– Все очень просто. У него есть друг с преступным прошлым. Они встретились в тюрьме.

Бен заклеил самокрутку.

– Притянуто за уши.

– А друг, с которым он обещал поделиться деньгами?

– Тогда денег должно быть очень много. Дело-то рискованное.

Элис, постукивая кончиком ручки по губам, размышляла вслух:

– По какой причине человек решился бы соучаствовать в серьезном преступлении? Должно быть что-то такое, чтобы привлечь женщину.

– Женщину?

Элис хитро улыбнулась.

– Люди обычно не подозревают женщин, особенно если те имеют

отношение к детям. Женщина будет идеальным сообщником.

– Ну, тогда... – Бен присел на край одеяла, – у них роман. Ради любви люди часто делают то, что не следовало бы.

Сердце Элис ударило так, словно хотело выскочить из грудной клетки. Слова Бена были проникнуты тайным смыслом. Намеками, обещанием. В последнее время он часто говорил что-нибудь в этом роде, переводя разговор на тему любви, жизни и самопожертвования.

– Любовь, да. – Элис едва сдержала дрожь в голосе.

Она подумала о том, что могла бы сделать ради любви, и почувствовала, как вспыхнула шея. Испугавшись, что Бен заметит, Элис заставила себя сосредоточиться на сюжете.

– По крайней мере, он считает, что у них любовь.

– А это не так?

– К несчастью для него, нет. У нее свои причины участвовать в похищении.

– Она торгует живым товаром?

– Нет, она жаждет мести.

– Мести?

– Да, хочет отомстить семье мальчика.

– Почему?

Так далеко Элис еще не углубилась. Она нетерпеливо махнула рукой.

– Важно то, что она хочет обмануть своего любовника. Соглашается ему помочь, они придумывают план действий, выкрадывают ребенка из детской и прячут. Пишут письмо с требованием выкупа, но так и не отправляют.

– Почему?

– Потому что... потому что... – Элис внезапно осенило. Она торопливо села. – Ты прав, женщине не нужны деньги. Ей нужен ребенок.

– Да?

– Она не хочет его возвращать. Хочет оставить себе, она его полюбила.

– Что-то быстро.

– Ну, это очаровательный малыш. Или она уже любила его, может, была как-то с ним связана. Неважно почему, просто она любит мальчика, и все. Возможно, она с самого начала не собиралась его возвращать.

– Нашему преступнику это не понравится.

– Конечно. Ему очень нужны деньги, а ведь еще пришлось потратить уйму сил и средств, чтобы организовать похищение.

– И что дальше?

– Они ссорятся. Женщина пытается забрать ребенка, мужчина ей

угрожает, они борются... – Элис вдруг поняла, что будет дальше. Улыбка осветила ее лицо, и она довольно вздохнула. – Ребенок погибает!

– Во время драки?

– Почему бы и нет?

– Слишком мрачно.

– Ну, тогда во сне... Какая разница? Может, ему уже нездоровилось, он заснул и не проснулся. Или... – Элис выпрямилась. – Малышу дали снотворное. Они хотели, чтобы похищение прошло гладко, но не рассчитали. Снотворное предназначено для взрослых, вот похитители и ошиблись с дозой. Провалили свой собственный план. Не отправили письмо с требованием выкупа, остались и без денег, и без ребенка. Ох, Бен... – Элис импульсивно сжала его руку. – Идеально!

* * *

Переходя дорогу у светофора рядом со станцией метро «Южный Кенсингтон», Элис заметила на островке безопасности цветочный киоск, выкрашенный зеленой краской. На витрине стояло ведро с розами, и взгляд Элис упал на один букет: сочетание цветов напомнило мамино описание балетного костюма из «*Le spectre de la rose*». Повинуясь порыву, Элис решила купить цветы Деборе, которая, наверное, уже ждет, поглядывая на часы в маленькой столовой, – элегантные черные каминные часы, свадебный подарок, – и думает, когда же появится Элис. Дебора, конечно, не будет ждать в праздном безделье, это не в ее стиле. Она воспользуется временем разумно: станет отвечать на письма или полировать фамильное серебро, в общем, займется делом, подобающим для дамы определенного возраста и сословия.

Вышел невысокий черноволосый человек в фартуке флориста, и Элис показала на розы.

– Они пахнут?

– Конечно.

– А запах естественный?

Она наклонилась и принялась.

– Как дождь с неба.

Элис терпеть не могла, когда цветы опрыскивали ароматическими маслами, поэтому с некоторыми сомнениями, но все-таки купила букет. Приближался час расплаты, и она ощущала странную беспечность. Деборе розы понравятся, и Элис заранее радовалась. Правда, радость слегка

омрачала тревога, что сестра сочтет подарок попыткой ее смягчить.

Странное чувство – идти на встречу с человеком, который знает тебя почти так же хорошо, как ты сам, чтобы рассказать ужасный секрет. Элис хранила его всю жизнь, никому не призналась. Сразу после похищения Тео она чуть было не рассказала все полиции. «Это Бен! – мысленно повторяла она, спускалась на цыпочках по лестнице и томила у двери в библиотеку. – Бен Мунро забрал Тео. Я сказала ему о туннеле, но я не хотела, чтобы это случилось!» Она представляла недоверчивые взгляды полицейских и слышала собственные слова: «Той ночью я видела Бена на опушке леса. Я сбежала с праздника и пошла гулять. Хотя было темно, в свете запускаемых фейерверков я увидела, что Бен стоит у откидной двери в туннель. Я узнала его».

И каждый раз ей не хватало смелости, срабатывал инстинкт самосохранения. Элис была напугана и потому убедила себя молчать. Вскоре придет письмо с требованием выкупа, у родителей есть деньги, они заплатят нужную сумму, и Тео вернется домой. Бен поможет своим друзьям, и никто никогда не узнает, какую роль сыграла Элис.

Дни тянулись, Элис одним глазом наблюдала за расследованием, а другим следила за почтой. Услышав, как одна из горничных сказала полицейским о пропавшем пузырьке со снотворным, Элис не придавала этому значения; полицейские, впрочем, тоже. Только на третий день, когда сообщили о самоубийстве мистера Ллевелина и мать была вне себя от горя, до Элис дошло, что дела обстоят гораздо хуже, чем она думала. Она подслушала доктора Гиббонса, который говорил матери, что снотворное, которое он ей прописал, очень сильное – «Чуть превысите дозу и не проснетесь» – и вспомнила тот день с Беном, как она додумалась до сообщника, объяснила, зачем нужно усыплять ребенка и что произойдет, если превысить дозу.

Внезапно Элис поняла, почему не потребовали выкуп, но было поздно поднимать тревогу. Если раньше ее признание помогло бы полиции найти Тео, то теперь оно потеряло всякий смысл. А еще пришлось бы объяснять, почему она три дня молчала. Все узнают, что виновата Элис, и не только в похищении, но и в смерти Тео. Ее никогда не простят. Как такое можно простить?.. И потому Элис молчала. Семьдесят лет она хранила секрет. До сегодняшнего дня.

Ладно, если уж и рассказывать кому-то, то Деборе. Они были очень близки, и близость выражалась не в потребности проводить бесчисленные часы в компании друг дружки, а шла откуда-то изнутри. Они с Деборой были из одного теста. И, как Дебора не уставала напоминать, она

присутствовала, когда Элис появилась на свет. «Совсем не такая, как я ждала. Вся красная, сердитая и голая! Вот это был сюрприз! Я смотрела, как ты крутишь красной шейкой и морщишь личико. Мама не знала, что я тайком зашла в комнату, и очень удивилась, когда я подошла к кровати и потребовала своего малыша. Потребовалась пара минут, чтобы прояснить недоразумение. Во время беременности она столько раз говорила, что скоро у нас появится малыш, я стану старшей сестрой и должна буду всю жизнь заботиться о братике или сестренке! Боюсь, я приняла ее слова слишком буквально. Представляешь мое разочарование, когда она рассмеялась и сказала, что ты не только моя и я не могу забрать тебя себе!»

Добрая, милая, ответственная Дебора! Что она скажет, когда все узнает? Сама Элис уже давно смирилась со своей виной. В ее поступке не было злого умысла, она и не представляла, что так сложится. Конечно, она виновата, ведь это была ее задумка, однако теперь нет смысла признаваться полиции: слишком поздно. Да и за что ее могут привлечь к ответственности? За придуманный сюжет? Кроме того, она уже наказана. И до сих пор расплачивается. Элеонор была права, вселенная способна сохранять равновесие. Может, виновным и удастся избежать ответственности по закону, но справедливость восторжествует и они понесут наказание.

Элис пыталась отмежеваться от Элеонор, но только когда она поняла, что мать была права насчет вселенской справедливости, ее литературный талант проявился во всей красе. Элис отказалась от слепого подражания рационализму золотого века детективного жанра, и в ее жизнь шагнул Диггори Брент, заняв место самодовольных педантичных сыщиков, о которых она писала раньше. Элис рассказывала журналистам и читателям, что увидела его во сне, и отчасти не лукавила. Она нашла его на доньшке бутылки виски в последние месяцы войны. Элис думала о Клемми, об их несостоявшемся разговоре о том, что Клемми видела через окно лодочного сарая. Элис до сих пор передергивало при мысли о том, что ее младшая сестра была там в тот день, когда она, Элис, предложила себя Бену. Чрезвычайно довольная собой, она постучала в дверь, держа машинописный экземпляр своего романа. Из всех известных ей детективных авторов кроме нее только Агата Кристи решилась на убийство ребенка, и теперь Элис хотела, чтобы Бен прочитал ее книгу и понял, какая она умная и как ловко развила их совместный сюжет.

До сих пор, спустя несколько десятков лет, Элис слышала голос себя шестнадцатилетней в тот день, когда ее осенило:

– Туннель, Бен, секретный туннель!

– Ты имеешь в виду подземный ход?

– Знаю, ты сейчас скажешь – нереально, неправдоподобно, примитивно, но можешь не утруждаться. Это вполне реально.

Она улыбнулась, как кошка, которая добралась до сливок, и рассказала об их собственном подземном ходе. О потайной дверце рядом с детской на третьем этаже дома, о защелке со старинным механизмом, который срабатывает, только если нажать особым способом, о последних ступеньках, вырубленных в каменной стене, что вели в лес и на свободу. В общем, она практически объяснила, как тайком вынести из Лоэннета ребенка.

* * *

Элис дошла до Челси. Люди с пакетами из бутиков, теснящихся вдоль Кингс-роуд, спешили мимо в обоих направлениях, и впереди уже виднелась лестница, что вела к дому Деборы. На белой колонне у входа виднелся нарисованный черной блестящей краской номер пятьдесят шесть, по бокам нижней ступеньки стояли два горшка с красной геранью.

Посреди площади раскинулся пышный сад для жителей района, черные железные ворота преграждали вход посторонним, и Элис задержалась под густыми ветвями ивы. Здесь было тише, гомон оживленной дороги приглушали высокие викторианские здания, окружавшие площадь со всех четырех сторон. В кронах деревьев щебетали ласточки, и на фоне обычного городского шума их щебетание звучало еще пленительнее, как будто из другого мира. За рифленным оконным стеклом маленькой гостиной виднелась высокая стройная фигура. Элис Эдевейн не привыкла нарушать обещания, тем более когда ее ждали, но сейчас ей захотелось пройти мимо дома сестры. Можно сделать вид, что она забыла о встрече, рассмеяться, когда Дебора позвонит, чтобы выяснить, в чем дело, сослаться на старость. В конце концов, Элис и есть старуха. Не в годах и не пожилая – к ней неприменимо ни одно из тех слов, которые люди используют, потому что считают их более вежливыми и благозвучными. Элис именно старуха, а старым людям простительны кое-какие слабости... Увы, сбежать не получится, отсрочка будет недолгой. Да и время пришло.

Элис постучала и очень удивилась, когда дверь почти сразу открыли. Еще удивительнее было то, что открыла сама Дебора, как всегда изысканно одетая в шелковое платье, плотно облегающее тонкую талию. Волосы сестра собрала в элегантный серебристый шиньон.

Они молча кивнули друг дружке, и Дебора с легкой улыбкой шагнула в сторону, жестом пригласив входить.

Дом сиял чистотой, повсюду стояли роскошные букеты. Элис вспомнила, что уже много лет раз в три дня сестре привозят свежие цветы из дорогого магазина на Слоун-сквер, и посмотрела на свой букетик роз. Внезапно они показались ей жалкими и неуместными. Все же она отдала их сестре.

– Вот, тебе.

– Ох, Элис, спасибо! Какие красивые!

– Не за что. Глупо, конечно. Просто они напомнили мне о маме. Нижинский...

– Костюм Бакста.

Дебора улыбнулась и понюхала цветы. Похоже, она не только хотела насладиться их запахом, но и тянула время. Конечно, тоже, как и Элис, страшилась этой встречи. Бедная добросердечная Дебора, предстоящий разговор ей наверняка не понравится!

Элис последовала за сестрой в маленькую гостиную, где Мария – скорее личная помощница, чем экономка – расставляла на журнальном столике чайную посуду. Держа под мышкой поднос, Мария выпрямилась и спросила, не нужно ли еще чего-нибудь.

– Принесите, пожалуйста, вазу. Правда, красивые розы?

– Очаровательные цвета, – согласилась Мария. – Где их поставить, здесь?

– Думаю, в моей спальне.

Мария забрала у Деборы цветы и деловито вышла. Элис едва сдержалась, чтобы не спросить, как дела у ее мамы и многочисленных братьев и сестер, хоть ненадолго задержать экономку.

Сестры сели напротив друг друга на обтянутые льняной тканью козетки. Элис вдруг заметила на столе книжку с кожаной закладкой, отмечающей страницу почти в самом конце, и сразу, на подсознательном уровне, узнала томик стихов Китса. Папа почти не расставался с этой книгой, долгие годы находил в ней утешение и, даже умирая, сжимал ее в руках. У Элис вспыхнули щеки, словно мама с папой тоже были здесь, ждали, когда она скажет, что наделала.

– Чаю?

– Да, пожалуйста.

Отчетливое бульканье льющегося из носика чая мучительно отдалось в ушах. Все чувства Элис как будто обострились. Она видела, как над краем подноса вьется муха, слышала шаги Марии наверху, ощущала

слабый запах лимонной полироли для мебели. В комнате было душно, и Элис оттянула пальцем воротник. Бремя неминуемого признания тяжело давило на плечи.

– Дебора, я должна...

– Нет.

– Прости?

– Пожалуйста.

Дебора поставила чайник на стол и крепко сжала кончики пальцев, стиснула руки и положила их на колени. Лицо сестры было бледное, изможденное, и до Элис вдруг дошло, что она все неправильно поняла. Она здесь не для того, чтобы говорить о Бене. Ее сестра очень больна, возможно, умирает, а она, Элис, слишком поглощенная собой, ничего не заметила.

– Дебора?..

Сестра сжала губы.

– Ох, Элис, мне так тяжело. – Ее голос звучал едва слышно.

– Ты о чем?

– Я давно должна была все рассказать. Я и собиралась, честно. За эти годы столько раз бывало, что я почти... Даже на днях, в музее, когда ты вспомнила Лозннет и садовника...

Значит, не болезнь. Ну конечно, нет! Элис чуть не рассмеялась над своим безграничным инстинктом самосохранения. Надо же, она сидит в исповедальне и по-прежнему ищет предлог, чтобы увильнуть от исповеди!.. По улице снаружи тяжело покатило вверх такси; Элис заметила черный бок сквозь маркизетовые шторы. Как же ей хотелось оказаться внутри этой машины, ехать куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

– Тео, – произнесла Дебора, и Элис закрыла глаза, ожидая неизбежного. – Я знаю, что с ним случилось.

Все кончено. Долгие годы Элис хранила тайну, мучилась, снедаемая чувством вины, и вот все кончено. Она вдруг почувствовала необыкновенную легкость. Даже не нужно ничего говорить, Дебора сама все знает.

– Дебора, я...

– Да, Элис. Я знаю, что случилось с Тео, и это сводит меня с ума. Понимаешь, во всем виновата я.

Глава 19

Оксфорд, 2003 г.

Выяснилось, что у Роуз Уотерс есть внучатая племянница в Оксфорде. Марго Синклэр возглавляла престижную частную школу и была «очень занятым человеком». Тем не менее секретарь выкроила в расписании полчаса и назначила Сэди встречу во вторник, ровно в час дня.

Ничего особенного от предстоящего разговора ждать не приходилось – большинство людей не поддерживают близкие отношения с двоюродными бабушками, – но Сэди сделала стойку, как гончая, которой не терпится рвануть по следу, пусть и слабому. Подготовка, вот что принципиально важно. Потребуется немало деликатности, чтобы выпытать у Марго Синклэр, не участвовала ли ее двоюродная бабушка в похищении собственного незаконнорожденного ребенка, мальчика, которого втайне родила и отдала на усыновление своим хозяевам.

– Ты точно не пишешь книгу? – спросил Берти, когда Сэди озвучила эту версию.

Сэди закатила глаза. Дело было за завтраком, на следующий день после того, как они с дедом едва не поссорились, и теперь оба старались вести себя легко и непринужденно.

– Ладно, ладно. Напомни мне, зачем Эдевейнам вообще понадобился этот ребенок?

– После третьей дочери Элеонор никак не могла зачать, а они очень хотели сына. Через десять лет, в тридцать первом году, она наконец забеременела, но ребенок родился мертвым, – вот о чем пыталась рассказать Констанс Дешиль. Только представь, как им было тяжело, какой несправедливостью казалось происшедшее, тем более что Роуз Уотерс, их незамужняя няня, тоже забеременела, и ребенок наверняка стал бы для нее обузой. Легко догадаться, что произошло дальше. Эдевейны сделали все, чтобы забрать у нее малыша...

Берти поскреб заросший подбородок и кивнул.

– Согласен, желание завести ребенка – сильная штука. Моя мать шутила, что, если бы я не появился, она бы стала присматриваться к младенцам в колясках в парке.

– Элеонор Эдевейн не пришлось красть ребенка из коляски. Маленький, нуждающийся в доме мальчик, образно говоря, свалился к ней с неба. И все было прекрасно, пока Элеонор не уволила Роуз. Тогда та

решила, что хочет вернуть своего сына.

– Довольно рискованно увольнять родную мать ребенка.

– Возможно, стало рискованно держать ее в доме.

Берти задумчиво вздохнул.

– Думаю, это не самая безумная из твоих теорий.

– Спасибо, дед.

– Теперь осталось только поделиться ею с кем-то, кто знал Роуз Уотерс.

* * *

Марго Синклэр нашел Аластер. Тем же утром Сэди отправилась в библиотеку и мерила шагами тротуар перед входом, когда подошел библиотекарь, чтобы отпереть дверь.

– Кофе? – предложила Сэди, вручая ему пластиковую чашку.

Аластер поднял белоснежные брови и молча провел Сэди в зал, пока она торопливо излагала ему свои мысли. Очевидно, Аластер уловил суть ее сбивчивой речи, потому что, когда Сэди закончила и перевела дыхание, сказал:

– Вам нужно найти кого-нибудь, кто знает, что случилось с Роуз Уотерс после того, как она покинула Лоэннет.

– Совершенно верно.

Библиотекарь тут же принялся за работу: доставал с полок пыльные папки, вбивал в поисковики на компьютере запросы, просматривал картотеку, пока наконец не воскликнул:

– Есть!

Он торопливо заговорил о старых регистрационных записях работников по найму, о переписи населения и ближайших родственниках, а затем подвел итог: у Эдит, сестры Роуз Уотерс, есть внучка, которую можно найти в Оксфорде. Остальное доделал приятель Сэди из дорожной полиции

– Сэди решила, что обязательно купит ему бутылку хорошего спиртного, когда вернется в Лондон, – оставил адрес школы в сообщении на телефоне.

– Надеюсь, это все в рамках закона, Спэрроу, – сказал приятель, прежде чем повесить трубку.

– Конечно, Дейв, – пробормотала она, собирая свои заметки и затапливая их в сумку.

Сэди закрыла машину, прошла между двух колонн, увенчанных фигурами грифонов, и по широкой дорожке направилась к зданию, которое

выглядело бы вполне уместно даже рядом с Букингемским дворцом. Наступило время обеда, и подростки в соломенных шляпах и форменных пиджаках рассыпались небольшими группами на широкой ухоженной лужайке. Сэди вдруг показалось, что ее джинсы и футболка здесь неуместны. Эти дети с зубными брекетами, густыми блестящими волосами и беспечным смехом буквально светились, и впереди их ждало безоблачное будущее.

Сэди нашла приемную директора и назвала свое имя серьезной молодой женщине за темным деревянным столом.

– Садитесь, пожалуйста, – вежливо предложила секретарь. – Доктор Синклэр скоро освободится.

В приемной не было слышно людских голосов, зато отовсюду доносились звуки бурной деятельности. Пальцы секретаря яростно барабанили по клавиатуре, часы громко тикали, напоминая цокот копыт скачущей галопом лошади, важно гудел кондиционер. Сэди вдруг поймала себя на том, что грызет ноготь, и мысленно велела себе успокоиться.

Во внешнем мире, реальном мире, Сэди гордилась тем, что у нее нет формального образования. «Нас с тобой, Спэрроу, учила улица, – частенько говорил Дональд, бросая через плечо презрительный взгляд на очередного «специалиста», которого они только что допросили. – А этого не заменит и сотня бумажек, свидетельствующая, какой ты умный». Очень удобное мировоззрение, приравнивающее образование к богатству, богатство – к заносчивости, а заносчивость – к моральному банкротству. Сэди не раз видела, что люди вроде Нэнси Бейли робеют и замыкаются, когда с ними заговаривал инспектор Парр-Уилсон со своим аристократическим произношением. Только в местах вроде этой школы Сэди мельком думала, как могла бы сложиться ее жизнь.

Сэди поправила воротник, когда минутная стрелка часов встала вертикально. Дверь кабинета открылась, и вышла статная женщина в кремовом костюме. Гладкие каштановые волосы коснулись ее плеча, когда она склонила голову набок и широко распахнутыми голубовато-зелеными глазами посмотрела на посетительницу.

– Детектив Спэрроу? Я – Марго Синклэр. Заходите, пожалуйста.

Сэди послушалась, мысленно ругая себя за торопливые шаги.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, миссис Синклэр.

– Доктор Синклэр. Я не замужем, – со сдержанной улыбкой сказала директриса, усаживаясь за стол и жестом предлагая сесть напротив.

– Доктор Синклэр, – поправилась Сэди. Не самое удачное начало, подумала она. – Я не знаю, что именно сказала вам секретарь.

– Дженни сообщила, что вас интересует моя двоюродная бабушка по матери, в девичестве Роуз Уотерс. – Доктор Синклэр обладала способностью смотреть на собеседника поверх очков и чуть свысока, с интересом, но без подозрительности. – Вы из полиции. Работаете над делом?

– Да, – ответила Сэди. – Правда, неофициально. Дело старое и нераскрытое.

– Вот как? – Директриса откинулась на спинку стула. – Звучит интригующе.

– В тридцатых годах прошлого столетия пропал ребенок, мальчик, его так и не нашли.

– Полагаю, моя двоюродная бабушка не входит в число подозреваемых?

Марго Синклэр явно позабавило это предположение. Сэди улыбнулась в ответ, надеясь, что ее улыбка выражает согласие.

– Это случилось очень давно, и я сейчас хватаюсь за соломинки, но мне хочется узнать побольше о ее жизни до того, как она вышла замуж. Возможно, вы не знаете, что в молодости она работала няней.

– Напротив, профессиональная жизнь Роуз мне очень хорошо знакома. Я ссылалась на нее в своей второй диссертации, посвященной женскому образованию. Роуз была гувернанткой, учила детей аристократов.

– Гувернанткой? Не няней?

– В юности она начинала няней, потом доросла до гувернантки, а позже стала довольно известным учителем. Роуз была необыкновенно умной и целеустремленной. В те времена было очень трудно получить надлежащую подготовку, чтобы достичь положения в обществе.

В наши дни тоже нелегко, подумала Сэди.

– У меня здесь есть копия диссертации. – Марго быстро подошла к стене книжных полок, достала том в кожаном переплете, смахнула несуществующую пыль. – Сейчас я ее нечасто вытаскиваю, но я страстно увлекалась этой темой, когда училась. Как ни странно, Роуз была и до сих пор остается источником моего вдохновения. Всю свою жизнь я смотрю на нее и вижу, чего можно достичь, если приложить чуточку усилий.

Вернувшись на место, Марго принялась увлеченно рассказывать об основных тезисах своей диссертации, а взгляд Сэди упал на многочисленные сертификаты и свидетельства в рамочках, аккуратно развешанные на стене за письменным столом. Докторская степень в области биологии, вторая степень в области образования, другие достижения. Сэди вдруг стало интересно, каково это идти по жизни,

вооружившись тисненными золотом доказательствами в рамочках из черного дерева, что ты чего-то стоишь. Доказательствами твоего ума.

Сэди было пятнадцать, когда директор школы уговорил ее сдать экзамены на стипендию в престижной школе в соседнем городке. Она до сих пор помнила, как пришло письмо, где говорилось, что ее приняли в шестой класс, но воспоминание стало расплывчатым и нереальным, словно сон. Зато поездка за школьной формой навсегда врезалась в душу. Сэди поехала вместе с матерью. Мать нарядилась, по ее мнению, со стильной небрежностью и, как всегда, была исполнена решимости сделать все идеально, хотя и очень волновалась. Все шло хорошо, пока они не заблудились среди одинаковых внутренних дворов. Встреча должна была состояться ровно в полдень; часы на каменной башне безжалостно отсчитывали минуту за минутой, а у матери начался один из ее приступов паники, которые семья по молчаливому согласию называла «астмой». Мать Сэди была перфекционисткой и снобом; ее выбило из колеи великолепное окружение вкупе с мыслью о том, что опоздание «все испортит». Сэди нашла скамейку, усадила мать, чтобы та пришла в себя, потом остановила смотрителя и выяснила, как пройти к магазину школьной формы. Они пришли туда, когда до назначенного времени оставалось двадцать минут; продавщица обмеряла Сэди и болтала с почтительной фамильярностью о «твидовом пиджаке», «нашем маленьком бархатном берете» и других предметах одежды, в которых Сэди не могла себя представить.

В конце концов форма ей так и не понадобилась. Летом Сэди встретила симпатичного парня с машиной и обходительными манерами, а к осени забеременела. Она решила, что пойдет учиться в следующем году, но к тому времени, как все закончилось, стала совсем другим человеком.

Впрочем, даже если бы Сэди нашла в себе силы пойти в школу в новом учебном году, родители не взяли бы ее домой – они сказали всем знакомым, что Сэди уехала учиться по обмену в США, – а в стипендию не входила плата за пансион. Рут и Берти уверяли внучку, что все устроят, но она знала: дед с бабушкой не потянут расходы, придется влезть в долги. Сэди поблагодарила и отказалась. Конечно, Рут и Берти огорчились, и тогда Сэди пообещала им и самой себе, что добьется успеха и без престижной школы. Она сдала экзамены на аттестат о полном среднем образовании в вечерней школе и поступила на службу в полицию, что приятно удивило деда с бабушкой, – те боялись, что внучка будет не в ладах с законом, потому что после рождения ребенка Сэди пошла вразнос.

– Вот, держите. – Марго Синклэр протянула диссертацию. – Полагаю, вы лучше поймете, какой была Роуз. Может, прямо сейчас все и обсудим?

Боюсь, через пятнадцать минут у меня другая встреча.

Марго держалась суховато, но доброжелательно, что вполне устраивало Сэди. Она долго думала, как доктор Синклэр отнесется к вопросам о личной жизни Роуз и насколько деликатно нужно спрашивать, однако время поджимало, и потому Сэди не стала ходить вокруг да около.

– Доктор Синклэр, я думаю, что у вашей двоюродной бабушки в молодости был незаконнорожденный ребенок. В Корнуолле, когда она работала няней у Эдевейнов.

Пару секунд Марго Синклэр ошеломленно молчала. Сэди ожидала, что женщина опровергнет ее слова или станет все отрицать, но та сидела неподвижно, только на лице слегка подрагивала жилка. Утверждение тяжело повисло в воздухе, похоже, надо было подойти к этому вопросу поделикатнее. Сэди уже думала, как лучше сгладить неловкость, когда Марго Синклэр сделала глубокий вдох. Вдруг Сэди осенило.

– Вы знали о ребенке, – изумленно произнесла она.

Марго Синклэр встала, держась очень прямо, как подобает выпускнице швейцарской школы-пансиона, и подошла проверить, плотно ли закрыта дверь кабинета. Удовлетворенная, повернулась и тихо произнесла:

– Это всегда считалось семейной тайной.

Сэди постаралась не выдать свою радость. Все правильно!

– Вы знаете, когда Роуз забеременела?

– В конце тридцать первого года. – Марго вновь села, аккуратно переплела пальцы. – Ребенок родился в июне тридцать второго.

Практически одновременно с Тео Эдевейном. Голос Сэди слегка дрогнул, когда она спросила:

– И уже через месяц она возобновила работу в Лоэннете?

– Верно.

– Что она сделала с ребенком?

Сэди знала, какой получит ответ.

Марго Синклэр сняла очки и, держа их в руке, посмотрела на Сэди.

– Детектив Спэрроу, думаю, не надо объяснять, что времена тогда были другие. Молодым женщинам, которые забеременели вне брака, приходилось очень нелегко. Кроме того, у Роуз не было средств, чтобы содержать ребенка.

– Она отказалась от младенца?

– У нее не было другого выхода.

Сэди едва сдерживала волнение. Еще немного, и после всех долгих лет она найдет Тео Эдевейна!

– Вы знаете, кому она отдала мальчика?

– Конечно. У нее была сестра на севере, которая охотно взяла ребенка и воспитала как своего собственного. Только это был не мальчик, а девочка. Между прочим, моя мать.

– Что?

– Вот почему Роуз так сильно огорчилась, когда Эдевейны ее уволили. Она бросила своего ребенка и отдала всю любовь их сыну – а ее выгнали из-за какого-то пустяка.

– Но... – Сэди помолчала. – Если ребенка Роуз отправили на север, кто тогда мать Тео Эдевейна?

– Вообще-то, сыщик здесь вы, детектив Спэрроу, но я полагала, что его мать – миссис Эдевейн.

Сэди оторопела. Какая-то бессмыслица. А ведь отлично складывалось. Элеонор долго не могла зачать ребенка, потом родила мертвого мальчика; тайная беременность Роуз, идеально совпавшая по времени с беременностью Элеонор; Элеонор уволила Роуз, та забрала своего сына... Вот только у нее была дочь. Мать Марго Синклэр, выросшая в Озерном краю в семье сестры Роуз Уотерс. Да и доказательств того, что Элеонор потеряла младенца, не существовало, разве только невнятное бормотание Констанс Дешиль. Вся версия рухнула как карточный домик.

– Констебль Спэрроу, вам нехорошо? Вы побледнели. – Марго нажала у себя на столе на кнопку внутренней связи. – Дженни? Принесите, пожалуйста, воды.

Секретарь занесла в кабинет круглый поднос с графином и двумя стаканами. Сэди отпила из стакана, радуясь, что есть время собраться с мыслями. Постепенно к ней вернулось самообладание, и сразу же возникло множество новых вопросов. Может, Роуз и не мать Тео, но почему ее неожиданно уволили, к тому же незадолго до его похищения? Подозрительно. Если дело не в том, что Элеонор не нравилось присутствие настоящей матери, то чем могла Роуз вызвать недовольство Эдевейнов? От хороших работников, у которых сложились добрые отношения с хозяевами, обычно не избавляются. В чем же причина?.. Она спросила у Марго.

– Она так и не поняла, почему ее уволили. Ее это очень ранило. Роуз говорила мне, что любила работу в Лоэннете. Когда я была маленькая, она приезжала в гости и рассказывала разные истории об этом доме на озере. Помню, я всегда немножко завидовала девочкам, которые там росли, и чувствовала с ними какое-то родство. Роуз так рассказывала, что я почти верила: в том саду живут феи. И еще ей нравились ее работодатели, она очень хорошо о них отзывалась, особенно об Энтони Эдевейне.

– Да?

Это уже интересно. Сэди вспомнила рассказ Клайва о допросе Констанс Дешиль, как она намекала на интрижку, которая, возможно, была связана с пропажей ребенка.

– Полагаете, у них могли быть близкие отношения? У Роуз с Энтони Эдевейном?

– Вы имеете в виду любовную связь?

От прямолинейности Марго Синклэр Сэди стало стыдно за свой жеманный эвфемизм. Она кивнула.

– Роуз упоминала о нем в своих письмах. Она восхищалась Энтони Эдевейном, считала его очень умным человеком и сочувствовала ему. И все. Правда, она всегда отдавала ему должное: ведь именно он предположил, что из нее выйдет замечательный педагог, и посоветовал учиться.

– Но романа у них не было?

– Вообще-то, у меня создалось впечатление, что после беременности Роуз сознательно избегала романов. Она вышла замуж почти в сорок лет и до того ни с кем не встречалась.

Еще один тупик. Сэди вздохнула и спросила с отчаянием в голосе:

– Может быть, вы еще что-нибудь вспомните? Какую-нибудь мелочь, которая могла бы иметь отношение к увольнению Роуз?

– Да, есть одна деталь, правда, не знаю, насколько она важна...

Сэди одобряюще кивнула.

– Эдевейны ее уволили, однако дали превосходные рекомендации и щедрый прощальный подарок.

– Какой подарок?

– Деньги. Достаточно, чтобы уехать в Канаду и получить образование.

Сэди задумалась. Действительно, зачем при увольнении вознаграждать? Ей пришло в голову, что, вероятно, деньги были платой за молчание, но какой смысл подкупать человека, который не знает, о чем должен молчать?

Раздался стук, секретарь заглянула в кабинет и напомнила Марго Синклэр, что через пять минут собрание Совета попечителей.

– Что ж, – извинилась директриса, – боюсь, я вынуждена попрощаться. Не знаю, смогла ли я вам помочь.

Сэди тоже не знала, однако пожала руку Марго Синклэр и поблагодарила за потраченное время. Она уже подходила к двери, как вдруг в голове мелькнула мысль. Сэди повернулась и спросила:

– Один вопрос, доктор Синклэр, если вы не против.

– Конечно, нет.

– Вы сказали, что Роуз сочувствовала Энтони Эдевейну. Что вы имели в виду?

– У ее отца было похожее состояние, и она понимала, как мучается Энтони Эдевейн.

– Какое состояние?

– Мой прадед очень тяжело перенес войну. Впрочем, думаю, она для всех была ужасной. Он попал под отравляющие газы на Ипре, потом его снова отправили в окопы. Бабушка говорила, что он вернулся совсем другим человеком. Страдал от ночных кошмаров и жутких помутнений рассудка, часто все в доме не спали из-за его бреда. Сейчас это называют посттравматическим стрессовым расстройством, а тогда считали просто боевой психической травмой.

– Боевая психическая травма? – повторила Сэди. – У Энтони Эдевейна?

– Совершенно верно. Роуз неоднократно упоминала об этом в своем дневнике. Она пыталась ему помочь, и именно благодаря их общению она впоследствии выдвинула теорию о том, что изучение поэзии, особенно творчества поэтов-романтиков, положительно влияет на сирот-подростков.

Боевая психическая травма... Сэди прокручивала в памяти разговор с Марго Синклэр, пока шла к машине. Конечно, нет ничего удивительного в том, что Энтони Эдевейн перенес психическую травму, в конце концов, он несколько лет воевал во Франции. Странно, что до сих пор об этом нигде не упоминалось. Скрывали? Тогда почему посвятили в тайну Роуз Уотерс? Впрочем, как сказала Марго, может, все было проще: юная няня узнала знакомые симптомы, на которые другие не обратили внимания. Сэди не знала, имеет ли это значение, или она хватается за соломинку. Хотелось кому-нибудь позвонить – Клайву, Аластеру, Берти – и посоветоваться, но, как выяснилось, мобильник разрядился. В коттедже Берти связи практически не было, и Сэди перестала заряжать телефон.

Прозвенел звонок, школьники снова отправились на занятия; Сэди наблюдала за ними в окно машины. Шарлотта Сазерленд тоже ходит в школу вроде этой. На фотографии, которая лежала в конверте, Шарлотта была в красивой школьной форме с изящной вышитой эмблемой, символизирующей достижения школы. Достижений было много. Конечно, в форму входило и твидовое пальто, и стильный берет для холодных месяцев. Сэди выругала себя за эгоизм. Приятно думать, что Шарлотта учится в престижной школе. Разве Сэди мучилась не для того, чтобы дочь получила все, чего сама Сэди никогда не смогла бы ей дать?

Лучше не думать о Шарлотте. Письмо вернулось отправителю, адресат выбыл; надо вести себя так, будто ничего не получала. Сэди отогнала мысли о дочери и стала искать выезд из Оксфорда, а когда выехала на трассу М40, ведущую к Лондону, еще раз прокрутила в памяти встречу с Марго Синклэр, обдумывая новые факты – отличные рекомендации Роуз, денежное вознаграждение, – прикидывая, что они могут означать. Еще ее немного беспокоил вопрос, изменила ли положение вещей психическая травма Энтони Эдевейна, и если да, то как.

Глава 20

Лондон, 1931 г.

Элеонор позволила себе выпить чаю в кафе универмага «Либерти». Прием у врача закончился раньше, чем она ожидала; до поезда, отходящего с вокзала Паддингтон, оставалось два часа. Элеонор стояла на углу, где Харли-стрит встречается с Мэрилебон-роуд, и глядела, как серые облака рассыпаются на серые здания, пока не решила, что надо бы поднять настроение. Она остановила такси и вот теперь сидит здесь, в кафе. Элеонор размешала изящной ложечкой молоко, задумчиво постучала по краю чашки из тонкого фарфора. Встретилась глазами с хорошо одетым мужчиной за соседним столиком, но не ответила на его вежливую улыбку.

Глупо было надеяться. Нет хуже дурака, чем старый дурак. Энтони оказался прав: доктор не смог предложить ничего нового, все та же пустая болтовня. Иногда Элеонор задавалась вопросом, умирает ли когда-нибудь надежда или, что еще лучше, можно ли ее убить? Насколько было бы легче, если бы от нее можно было отделаться так же легко, как щелкнуть выключателем! Увы, похоже, проблеск надежды всегда маячит вдали, однако, как ни старайся, его не догнать.

Еще не успев додумать эту мысль, Элеонор поняла, что ошибается. Надежду Энтони потерял. И не на полях сражений во Франции, а скорее всего, в какой-то момент послевоенного десятилетия. Это еще одна причина, почему нельзя опускать руки. Она сама виновата – недоглядела, мало уделяла ему внимания.

За окном пошел дождь, и Лондон окрасился в аспидный цвет. На улицах блестели темные лужи, река черных зонтов колыхалась над спешащими людьми. В дождь они двигаются быстрее, на их лицах решительное выражение, глаза устремлены к цели. Снаружи было так много торопливой целеустремленности, что Элеонор вдруг охватило изнеможение. В тепле кафе, вялая и бездеятельная, она чувствовала себя обломком кораблекрушения в море решимости, которое грозило ее поглотить. Элеонор никогда не умела убивать время. Надо было взять с собой книгу. Надо было взять с собой мужа.

Элеонор ожидала, что Энтони откажется ехать в Лондон, однако его ярость застала ее врасплох.

– Прекрати, – сказал он, когда она впервые подняла эту тему. – Пожалуйста, замолчи.

Но Элеонор не замолчала. С тех пор как она прочитала статью в журнале «Ланцет», ее переполняла решимость отвезти Энтони к доктору Хаймеру. Очевидно, о встрече с доктором мечтала не она одна, так как прошло несколько недель, прежде чем ей назначили время. Элеонор скрывала волнение и надежду, пока ждала нужной даты, понимая, что еще рано тревожить Энтони.

– Перестань. – Он не поднял голос, наоборот, почти шептал.

– Энтони, а вдруг получится? – не отставала Элеонор. – Доктор Хаймер давно работает над этой проблемой, изучает людей с такими же поражениями и добился успеха: здесь пишут, что он знает, как вылечить...

– Пожалуйста!

Слово полоснуло как ножом. Энтони не смотрел на нее, сидел, склонив голову над микроскопом, и Элеонор не сразу поняла, что глаза у мужа закрыты.

– Просто прекрати.

Она подошла ближе и почувствовала слабый запах его пота, смешанный со странной лабораторной вонью комнаты.

– Я не отступлюсь, Энтони, как бы ты меня ни отталкивал. И уж точно не сейчас, когда, похоже, мы нашли того, кто сумеет помочь.

Энтони поднял голову. Она несчетное количество раз видела мужа удрученным; днем его преследовали кошмары, по ночам пробирал холодный пот, а иногда Энтони сотрясала сильнейшая дрожь, которую Элеонор не могла остановить, даже прижавшись к нему всем телом. Но сейчас все было иначе. Неподвижность. Тишина. Выражение лица, от которого Элеонор дернулась, словно ее ударили.

– Больше никаких врачей, – произнес он низким, ровным голосом, не терпящим возражений. – Хватит.

Элеонор вышла из его кабинета, торопливо спустилась по лестнице. Лицо пылало, мысли путались. Позже, когда она осталась одна, в памяти всплыло его лицо. Всю вторую половину дня Элеонор не могла отделаться от этого воспоминания, оно преследовало ее, пока она машинально занималась хозяйственными делами. Только глубокой ночью, когда Энтони беспокойно дремал, а Элеонор лежала без сна, слушая ночных птиц на озере и думая о давнем вечере, когда они с Энтони катались на велосипедах по залитым лунным светом камням, до нее дошло, что выражало лицо Энтони. Отвращение. Милые черты, которые она так давно любила, исказила гримаса омерзения и гадливости, обычно приберегаемая для злейших врагов. Элеонор вынесла бы, если бы отвращение относилось к ней, но нет, она знала, что Энтони презирает себя, и от этого хотелось

рыдать, выть и проклинять судьбу.

Впрочем, наутро Энтони снова был в хорошем настроении, даже предложил устроить пикник у озера. Надежда воскресла, и хотя Энтони все-таки отказался ехать в Лондон, сделал он это с улыбкой, объяснив, что у него много работы. Элеонор отправилась в путь, ведомая надеждой, и всю дорогу от станции надежда обреталась на пустом сиденье, там, где должен был сидеть ее муж.

Элеонор повернула чашку, глядя на остатки остывшего чая. Она сказала девочкам, что едет в Лондон к дамскому портному на Мэйфэйр, и они поверили. Дочери считали, что это вполне в ее духе. Как же, строгая мать семейства! Они не помнили ранние годы своего детства, когда Энтони воевал и она была с ними в Лоэннете одна. Время, когда они облазили все поместье, истории, что она им рассказывала, укромные уголки, которые показывала... Сколько же у Элеонор качеств, о которых ее дочери даже не подозревают! Иногда она вытаскивала их на свет, любовалась со всех сторон, как бесценными жемчужинами, а затем снова бережно заворачивала и убирала подальше. Элеонор знала, что больше никогда не покажет эти качества, иначе ей придется объяснять, почему она так изменилась.

Элеонор не обсуждала проблемы Энтони с другими. Это означало бы нарушить слово, данное молодому человеку, в которого она влюбилась тем летом в Лондоне двадцать лет назад, или, еще хуже, предать глубоко запрятанную надежду, что в один прекрасный день все закончится. Когда это произойдет, когда Элеонор найдет способ вернуть Энтони легкость духа и все остальное, когда он выздоровеет, то будет рад, что никто не знает, как глубоко он упал, никто, кроме Элеонор. Его гордость и достоинство этого заслуживают.

Разумеется, Элеонор не допустит, чтобы обо всем узнали девочки. Энтони любит своих дочерей. Несмотря ни на что, он – хороший отец, и девочки его обожают. Они никогда не знали того молодого человека с его незаурядными мечтами, для них он был просто «папочка», а из-за своих чудачеств становился еще ближе и роднее. Длинные прогулки по лесу, дни, когда он надолго исчезал, а потом возвращался с рюкзаком, где лежали то побеги папоротника, то бабочки, в общем, сокровища, которые девочки изучали и помогали подготовить к хранению. В отличие от Элеонор, они не видели Энтони со старой медицинской книгой на коленях, когда он, закрыв глаза, пытался вспомнить названия костей в человеческой руке, а его собственная рука, в свое время элегантная, уверенная и умелая, дрожала на раскрытой странице. Тогда он почувствовал присутствие Элеонор, открыл

глаза и сказал с печальной натянутой улыбкой:

– Вот и я стал одним из тех, кто сидит сложа руки и думает, как убить время.

– Неправда, – возразила Элеонор. – Ты работаешь над книгой по естественной истории. Ты ненадолго отошел от медицины, но обязательно вернешься. Пройдешь клиническую подготовку, и все будет замечательно.

– Пора, наконец, признать, что уже поздно, что я стал другим. Тот человек, каким я был раньше, умер во Франции. Ты не представляешь, Элеонор, всего, что там произошло, ужасный выбор, который приходилось делать, чудовищные решения...

– Так расскажи. Пожалуйста, расскажи мне, я пойму.

Энтони лишь посмотрел на нее молча, покачал головой и вернулся к своим книгам.

Внимание Элеонор привлекла красивая женщина у входа. Она держала за руку маленького мальчика, с виду лет трех, одетого на выход в нарядный матросский костюмчик. У ребенка было ангельское личико, большие голубые глаза, круглые румяные щечки и губки бантиком, которые он приоткрыл от удивления, разглядывая из-под материнской руки оживленный, ярко освещенный зал.

Элеонор ощутила знакомый приступ тоски: она все еще надеялась родить ребенка. Больше чем надеялась – мечтала. Ее одолевало желание снова взять в руки малыша, щекотать, целовать и тискать маленькое пухлое тельце. Иногда Элеонор казалась себе королевой из сказки мистера Ллевелина, которая потеряла ребенка и так хотела другого, что была готова пойти на сделку с дьяволом. Однако Элеонор двигали не только эгоистичные побуждения. Какая-то часть ее задавалась вопросом: а вдруг еще один ребенок, маленький мальчик, и есть то, чего не хватает Энтони? Конечно, он любит дочерей, но разве мужчина не мечтает о сыне, который вырастет точной его копией? Элеонор рассеянно положила руку на плоский живот. У них с Энтони еще бывали редкие минуты нежности, когда у него получалось, и Элеонор вполне могла бы забеременеть... Увы, как она ни хотела, как ни старалась, за десять лет ничего не вышло.

Элеонор с сожалением отвела взгляд от женщины и ребенка. Те уже сели за стол; малыш старался вести себя прилично, как учили, но большие круглые глаза, деловито осматривающие незнакомое место, выдавали в нем шалуна. Элеонор отвернулась к окну. Темно-серые тучи опустились над Лондоном, и город помрачнел. В чайной горел свет, и когда Элеонор взглянула на отражение яркого, теплого зала в окне, за которым спешили призрачные прохожие, то случайно увидела саму себя.

Всегда испытываешь потрясение, когда неожиданно видишь себя со стороны. Женщина, которая взглянула на Элеонор, казалась образцом сдержанной респектабельности. Прямая спина, модная, но не бросакая одежда, аккуратная прическа под шляпкой. На лице – маска любезности, за которой ничего не видно; взгляды людей скользят по такому лицу, не задерживаясь. Женщина в стекле выглядела воплощением всего, что Элеонор презирала. Кто бы подумал, что Искательница Приключений вырастет такой скучной особой? Элеонор иногда вспоминала себя в детстве – маленькую девочку с широко распахнутыми озорными глазами, спутанными волосами и неутолимой жаждой деятельности. Ей нравилось думать, что та девочка по-прежнему где-то рядом, не исчезла, а превратилась в жемчужину, просто спряталась и теперь ждет, когда ее найдут феи, а лес вернет к жизни.

Элеонор стало грустно, и она сделала то, что всегда делала под гнетом печальных мыслей: начала действовать. Жестом подозвала официанта, расплатилась, взяла сумочку и пакет с платьем, которое купила для прикрытия, даже толком не разглядев, рывком открыла зонт и шагнула в дождь.

* * *

В вокзальной кассе было полно народу и сильно пахло мокрой одеждой. Элеонор встала в хвост недовольной очереди и постепенно продвинулась до самого начала.

– У меня заказаны билеты на имя Эдевейн, – сказала она кассиру за стойкой.

Тот начал рыться в ящике с документами; Элеонор оглянулась на теснящуюся толпу и заметила:

– Поезд, наверное, переполнен.

– Предыдущий сломался, – ответил кассир, не поднимая головы. – Меня весь день осаждают желающие поменять билеты. Как вы сказали, Эдевейн?

– Да.

– Вот, держите. – Клерк просунул под решетку кассы два билета. – Третья платформа.

Элеонор повернулась, чтобы уйти, взглянула на два билета в обтянутой перчаткой руке и снова протолкалась к стойке.

– Мой муж не поедет. Ему неожиданно пришлось задержаться.

Очередная отговорка. Теперь Элеонор сочиняла их, не думая.

– Деньги за билеты не возвращаем, – сообщил кассир, который уже занялся следующим пассажиром.

– Не надо денег, я просто хочу вернуть билет. – Элеонор пододвинула билет кассиру. – Мне он не нужен, а кому-то пригодится.

Она сидела в вагоне и ждала, когда поезд отправится. По платформе туда-сюда сновали люди в костюмах, носильщики толкали сквозь толпу тележки с кренящимися башнями из чемоданов, небольшие группки людей увлеченно, с объятиями и поцелуями, выполняли ритуал прощания. Элеонор смотрела на них и думала, что самые яркие минуты ее жизни проходили на станциях и вокзалах. День, когда она впервые встретила Энтони, лимонад на станции метро «Бейкер-стрит», и еще одно утро в четырнадцатом году, когда провожала мужа на войну. В военной форме Энтони выглядел настоящим щеголем; рядом был Говард, два молодых человека в самом расцвете молодости.

Когда Энтони сказал, что собирается поступить на военную службу, они лежали бок о бок на одеяле у озера в Лоэннете. В мозгу Элеонор пронеслись сотни причин, почему он должен остаться дома.

– Мы ведь так счастливы! – вырвалось у нее.

– Мы снова будем счастливы, когда я вернусь домой.

– Если вернешься.

Она брякнула, не подумав, хуже и не скажешь. Слова прозвучали резко, эгоистично и по-детски жестоко, но в них была правда. После Элеонор бранила себя за несдержанность. Предстоящие четыре года научат Элеонор терпению, однако тогда от панического ужаса и бессилия она разозлилась.

– Знаешь, это война, там мало не покажется.

Энтони отодвинул упрямый локон, упавший ей на глаза. От прикосновения пальцев к виску Элеонор вздрогнула.

– У меня медицинская подготовка, Элеонор. Я могу принести пользу.

– Ты нужен мне. Есть другие врачи, с клинической практикой.

Он мягко улыбнулся.

– Знаешь, больше всего на свете я хотел бы остаться здесь, с тобой... Но кем я буду, если не поеду со всеми? Как ты будешь смотреть на меня, если я не выполню свой долг? Если человек не может принести пользу своей стране, ему лучше умереть!

Элеонор знала, что, как бы она ни уговаривала, Энтони не отступится, и это осознание жгло огнем. Чувствовалось во рту вкусом пепла.

– Обещай, что вернешься, – сказала она, обнимая мужа и прижимаясь

к его груди, словно он был скалой в бушующем море.

– Конечно, вернусь. – Ни тени сомнения. – Меня ничто не остановит.

В день, когда Энтони уезжал, они дошли до вокзала и сидели вместе в вагоне, пока поезд заполнялся юными солдатами в новенькой военной форме. Энтони целовал Элеонор, и она подумала, что никуда его не отпустит, а потом раздался гудок паровоза и она оказалась на платформе, одна, а поезд уезжал все дальше и дальше. Элеонор вернулась домой. Там было тепло и тихо. В камине в библиотеке тлел огонь, совсем как когда они уходили.

Тишина оглушала.

На столе под окном стояла их фотография, и Элеонор попыталась убедить себя, что Энтони наверху или пошел к озеру и вот-вот вернется и окликнет ее... Вдруг стало ясно, какими невыносимо долгими будут предстоящие дни, недели, месяцы.

Слава богу, у нее есть Дебора, которая требовала внимания. Не так-то легко погрузиться в парализующий страх, когда на тебя смотрят большие доверчивые глаза, когда крошечный человечек хочет улыбаться и старается понять по маминому лицу, можно это делать или нет. Однако за веселым выражением лица, за всеми песенками, стишками и сказками Элеонор едва дышала. От каждого стука в дверь у нее замирало сердце. Узнав в деревне о смерти очередного солдата, она испытывала щемящую боль, а потом втайне радовалась, что это не Энтони. Облегчение при виде письма, а не телеграммы с черной каймой сразу улетучивалось, когда Элеонор смотрела на дату и понимала, что письмо отправили довольно давно, с тех пор всякое могло случиться.

Вначале по его письмам было невозможно понять, как обстоят дела на самом деле. Конечно, Энтони упоминал про обстрелы, про сбитые дирижабли... Так, мелкие происшествия, легкие неудобства. Впервые попав под немецкую газовую атаку, он писал, что это «произошло при самых идеальных обстоятельствах», ибо «предупредительные меры очень эффективны». Элеонор знала, что муж темнит, это успокаивало и злило одновременно.

Ему дали недельный отпуск, и Элеонор встретила его в Лондоне, вне себя от волнения. У нее все валилось из рук, она даже не открыла книгу, которую взяла почитать в поезд. Элеонор принарядилась, но потом ей стало стыдно: ведь это же Энтони, ее любимый, и озабоченность мелочами вроде того, какое платье лучше сидит, показывала, что она, Элеонор, не верит в их любовь.

Элеонор и Энтони встретились и заговорили одновременно: «Может,

мы...», «Я думаю...», а потом, после мучительной заминки, когда на миг показалось, что все их чувства превратились в прах, они одновременно рассмеялись и не могли остановиться, и продолжали хохотать в привокзальном кафе, куда зашли выпить чаю. После этого они вновь стали теми, кем были раньше, Энтони-и-Элеонор, и она потребовала, чтобы он все рассказал.

– Абсолютно все, без утайки, – подчеркнула она, отчаянно желая узнать, что скрывается за его вежливыми, но малосодержательными письмами.

И Энтони рассказал. О топкой грязи, о том, как люди ломают кости, пытаюсь выбраться, о тех, кого поглотило целиком. Он назвал Сомму мясорубкой и добавил, что война невыносима. Говорил, как тяжело терять товарищей, которые погибают один за другим.

После отпуска его письма изменились. Цензор вымарывал самые страшные абзацы, однако по оставшимся Элеонор понимала, что все очень плохо, война толкает на ужасные поступки и проделывает с людьми ужасные вещи.

Когда погиб Говард, тон писем снова переменился. Энтони больше не писал о «своих людях» и ни разу не упомянул ни одного друга по имени. Страшнее всего было то, что если раньше он расспрашивал о доме, жадно требовал мельчайших подробностей из жизни Деборы и новорожденной малышки – «Как бы я хотел быть рядом! Мне больно, что вы так далеко. Держись, любимая, и пришли, пожалуйста, прядь волос нашей крохи», – то теперь его письма походили на холодный, сухой отчет о военных действиях. Кто угодно мог бы написать эти письма и кому угодно. Теперь Элеонор пришлось сражаться с двойным горем: со смертью Говарда и последующей потерей мужа, который ушел в себя, скрылся за непробиваемой стеной холодной вежливости.

Он вернулся двенадцатого декабря восемнадцатого года, и Элеонор взяла встречать его в Лондон обеих малышей. На перроне расположился оркестр, скрипки играли рождественские гимны.

– А как мы узнаем, что это папа? – спросила Дебора.

Ее чрезвычайно интересовал человек, которого она видела лишь на студийной фотографии в рамочке у маминой кровати.

– Узнаем, – успокоила ее Элеонор.

Подождал поезд, вокзал окутало дымом, а когда он рассеялся, солдаты уже вылезали на платформу. Элеонор заметила мужа и на какую-то долю секунды, пока их глаза не встретились, остро почувствовала бремя лет. Тревоги закружились, как мотыльки у огня. Будет ли все по-прежнему?

Или слишком много чего произошло за это время?

– Мама, ты зажала мне руку, – сказала Элис.

Ей еще не было и двух лет, но она уже отличалась исключительной прямолинейностью.

– Прости, детка.

В этот миг Энтони посмотрел ей в глаза, и в его взгляде промелькнула тень Говарда и всех других погибших, а потом тень исчезла, он улыбнулся и стал прежним – ее Энтони, который наконец вернулся домой.

* * *

Раздался свисток. Поезд отправлялся точно по расписанию. Элеонор глядела в окно на пути, черные от сажи и копоти. Как было чудесно, что Энтони вернулся домой! Девочки его обожали. Лоэннет стал ярче, все вокруг осветилось, словно кто-то подкрутил фокус камеры. Прошло больше четырех лет, но война закончилась, и пора наверстывать упущенное. Ничего страшного, что у Энтони порой дрожат руки, что иногда он замолкает на полуслове и собирается с мыслями, прежде чем продолжить, что просыпается от кошмаров и наотрез отказывается говорить о Говарде. Вполне объяснимо, думала Элеонор, скоро все образуется.

Как бы не так.

В первый раз это случилось, когда они были в саду. Девочки гонялись за утками, а потом няня повела детей ужинать. Стоял великолепный вечер, солнце, похоже, передумало садиться, не желая заканчивать столь прекрасный день, и висело над горизонтом, разбрасывая по небу розовые и лиловые ленты, воздух пах жасмином. Они вынесли из дома белые плетеные стулья, и Энтони, который весь день развлекал дочерей, открыл, наконец, газету и задремал.

Элеонор играла с Эдвиной, недавно приобретенным щенком, – кидала мячик, который нашли для щенка девочки, и ласково улыбалась, глядя, как Эдвина мчится вдогонку, спотыкаясь о собственные уши. Элеонор дразнила собачку, поднимала мячик, чтобы увидеть, как та встает на задние лапы, размахивает передними и пытается схватить игрушку, щелкая зубами. А зубки у нее были острые: у Элеонор почти не осталось целых чулок, Эдвина ухитрилась их продырявить. Милая маленькая вредительница безошибочно угадывала, какие вещи ей нельзя трогать, и безжалостно с ними расправлялась. Впрочем, на нее было невозможно сердиться. Элеонор

таяла, стоило Эдвине, чуть склонив голову набок, поднять большие карие глаза. В детстве Элеонор очень хотела щенка; увы, мать называла собак «грязными животными», и мечта осталась мечтой.

Элеонор потянула мяч к себе, и Эдвина, которая обожала шуточную борьбу, еще крепче сжала челюсти. Все было замечательно. Элеонор смеялась, Эдвина восторженно рычала с мячом в зубах, а потом вступила в азартную перепалку с уткой. Солнце сияло в небесах оранжевым шаром, как вдруг Энтони с громким криком бросился на них, схватил песика за шею и прижал к земле.

– Тише! – прошипел он. – Замолчи!

Эдвина визжала и скулила, утка улетела, а ошеломленная Элеонор вскочила на ноги.

– Энтони, перестань!

Она не понимала, что происходит, и страшно испугалась.

– Энтони, пожалуйста...

Муж словно не слышал. Только когда Элеонор подбежала к нему, упала на колени и обхватила его за плечи, он посмотрел в ее сторону. Затем высвободился из объятий Элеонор, и на какую-то долю секунды ей показалось, что сейчас он ее ударит. В широко распахнутых глазах мужа Элеонор снова увидела тень, ту, что заметила в его взгляде, когда вместе с дочерьми встречала его на вокзале.

– Энтони, пожалуйста, отпусти ее.

Он тяжело дышал, его грудь поднималась и опускалась... Злость на лице сменилась страхом, потом смущением. Энтони ослабил хватку, щенок вывернулся, жалобно взвизгнул и спрятался зализывать раны под стул Элеоноры.

Никто из них не шелохнулся. Позже Элеонор казалось, что они оба застыли, объединенные одним чувством, негласным соглашением: если не шевелиться, трещина не пойдет дальше. Внезапно Элеонор поняла, что Энтони дрожит, инстинктивно обняла его и крепко прижала к себе. Его знобило.

– Ну все, все, – повторяла она, как говорила бы, если бы одна из девочек разбила коленку или увидела дурной сон.

Позже они сидели при свете луны и молчали, потрясенные случившимся.

– Прости, – произнес Энтони. – Мне показалось... Клянусь, я подумал...

Он так и не сказал, что ему привиделось. В дальнейшем Элеонор читала доклады, разговаривала с врачами и поняла, что к нему, должно

быть, вернулось травматическое воспоминание, связанное с войной, но он никогда не говорил о тенях, которые двигались во мраке.

Порой призраки возвращались. Бывало, Элеонор обращалась к нему и замечала, что он, стиснув зубы, слепо смотрит вдаль сперва с решимостью, а потом со страхом. Со временем она поняла, что это как-то связано со смертью Говарда, однако Энтони молчал, и Элеонор так ничего и не узнала.

Она говорила себе, что все пройдет, Энтони обязательно успокоится. Война у многих отняла близких, но время – лучший доктор. Когда у Энтони перестанут дрожать руки, он вернется к медицине, станет врачом, хирургом, как и собирался. У него призвание.

Руки Энтони не перестали дрожать, и положение дел со временем не улучшилось. Наоборот, стало хуже, просто Элеонор и Энтони научились лучше скрывать правду. Его преследовали ночные кошмары, от которых он просыпался с криком или дрожа всем телом. Хотя и редко, порой он бывал буйным. Элеонор понимала, что это не его вина; больше всего на свете Энтони хотел помогать людям, лечить их, он никогда не причинил бы вреда другому человеку. Энтони терзал страх, что это может произойти помимо его воли.

– А если вдруг одна из девочек... – начал он однажды.

– Ш-ш-ш. – Элеонор не дала ему высказать эту нелепую мысль вслух. – Этого не случится.

– Могло бы.

– Нет. Я не допущу. Обещаю.

– Как ты можешь это обещать?

– Могу. И даю слово.

С искаженным от страха лицом Энтони трясущимися руками сжал руки Элеонор.

– Пообещай, что, если придется делать выбор, ты спасешь их от меня. Спасешь меня от самого себя. Я не смогу жить, если...

Элеонор прижала пальцы к губам мужа, не давая произнести ужасные слова. Поцеловала, крепко прижала к себе. Его била дрожь. Элеонор понимала, о чем он просит, и знала, что сделает все, чтобы сдержать обещание.

Глава 21

Лондон, 2003 г.

Квартира выглядела и пахла, как очередное место происхождения, куда Сэди выезжала на вызов. «Можно многое сказать о человеке, если взглянуть на его жилье», – однажды заявил Дональд с важным видом. Сильно сказано для грубоватого ворчливого полицейского, у которого уборкой занимается жена. Сэди подобрала с коврика разбросанную в несколько слоев рекламную почту и счета, ногой закрыла дверь. Из-за плохой погоды рано стемнело, и она включила свет, но зажглась только одна лампочка из трех.

Надо же, ее не было всего две недели, а все уже покрыто толстым слоем пыли. В комнате кисло пахло затхлостью, мебель, никогда не отличавшаяся изяществом, смотрела на хозяйку угрюмо и недовольно и выглядела еще обшарпаннее, чем раньше. Атмосферу неряшливости, запустения и нелюбви усиливало засохшее комнатное растение у раковины.

– Ох, ничего себе! – воскликнула Сэди, бросив сумку и почту на диван, и подошла к жалкому высохшему кустику. – Что с тобой стало?

Пару месяцев назад в приступе хозяйственности она принесла этот цветок с пасхального утренника в местном детском саду. Нечто вроде ответа на упрек своего бывшего, который, уходя, крикнул на весь подъезд:

– Ты настолько привыкла жить одна, что даже за цветком не сможешь ухаживать!

Сэди с шорохом стряхнула сухие, свернувшиеся листья в раковину из нержавеющей стали.

Что ж, она ему доказала.

Шум дорожного движения и голоса остались на улице, в комнате было неестественно тихо. Сэди нашла пульт от телевизора, включила. Шла передача со Стивеном Фраем, который говорил что-то умное и смешное. Сэди убавила громкость до еле слышного бормотания и полезла в холодильник. Еще одна зона бедствия: ничего, кроме пары проросших морковок и картонки с апельсиновым соком. Сэди проверила срок годности на упаковке и решила, что из-за шести дней сверх указанного срока волноваться не стоит, люди вечно осторожничают. Налила себе полный стакан и подошла к письменному столу.

Пока компьютер загружался, поставила заряжаться мобильник и достала из сумки папку с делом Эдевейнов. Глотнула кисловатого сока,

поморщилась и села ждать, когда тревожно попискивающий телефонный модем установит связь с Интернетом. Всю дорогу домой Сэди прокручивала в памяти разговор с Марго Синклэр. Она была так уверена, что между Роуз Уотерс и Энтони Эдевейном существовала любовная связь и именно Роуз, а не Элеонор родила Тео, что новая информация никак не укладывалась. Кусочки головоломки прекрасно подошли друг к другу, и теперь требовалась недюжинная сила воли, чтобы растащить их в стороны и начать все сначала. Открыв домашнюю страницу поисковика, Сэди впечатала слово «боевая психическая травма».

На экране появился длинный список, и Сэди просматривала предложенные варианты, пока не наткнулась на ссылку на сайт «firstworldwar.com», который показался заслуживающим доверия. Сэди кликнула мышкой и стала читать определение. «Термин, который используется для описания психологической травмы... интенсивность артиллерийских сражений... невротические расстройства у психически устойчивых в других отношениях солдат». Там же была черно-белая фотография человека в военной форме, который с грустной полуулыбкой смотрит в камеру, тело изогнуто так, что правую половину лица скрывает тень. «Солдаты научились распознавать симптомы, но военные власти не сразу признали это состояние... панические атаки, ступор, ужасные головные боли, кошмары... многие испытывали последствия через несколько лет... лечение в лучшем случае было примитивным, в худшем – опасным...»

Внизу страницы была ссылка на статью доктора У. Г. Р. Риверса,^[24] в которой он излагал свои теории, основанные на наблюдении за ранеными в Крейглокхартском военном госпитале в период с тысяча девятьсот пятнадцатого по тысяча девятьсот семнадцатый год. Большую часть статьи доктор Риверс объяснял, как действует механизм подавления, и высказывал предположение, что у демобилизованных солдат, которые целый день пытались забыть свои тревоги и страхи, психическая травма чаще проявлялась по ночам, – во время сна самоконтроль слабел и солдаты становились более восприимчивыми к ужасным мыслям.

Вполне разумно. Сэди по личному опыту знала, что ночью все чувствуется острее. Во всяком случае, так было, когда ее собственные мрачные мысли вырывались из-под контроля и становились кошмарами... Доктор Риверс утверждал, что благодаря подавлению негативные мысли усиливаются и становятся причиной ярких и даже болезненных видений и кошмарных образов, на которые буйно реагирует мозг. Сэди выписала эту строку в блокнот, подумала и обвела слово «буйно». Доктор имел в виду

мысли солдат, но от самого слова, особенно в контексте таинственного исчезновения Тео Эдевейна, Сэди становилось не по себе. Она с самого начала знала, что есть третий вариант развития событий: мальчика не похитили, он не заблудился, а умер насильственной смертью. Когда Сэди разговаривала с Клайвом, то задавалась вопросом: если Тео погиб по неосторожности или злему умыслу, причастна ли к его смерти Клементина Эдевейн? А если виноват Энтони? Вдруг Тео погиб от рук отца?

Сэди перелистала блокнот до того места, где записала разговор с Клайвом. Энтони и Элеонор подтвердили алиби друг друга. Во время допросов Элеонор Эдевейн была вне себя от горя, и всю неделю ей давали успокоительное. Клайв заметил, что Энтони вел себя необычайно внимательно и заботливо, яростно вставал на защиту жены. «Он обращался с ней очень ласково, – сказал Клайв, – оберегал ее, следил, чтобы она отдыхала, не дал ей броситься на поиски со всеми остальными. Буквально не отходил от нее».

Сэди встала и потянулась. Поначалу она решила, что наблюдение Клайва свидетельствует о тесной связи Эдевейнов и их взаимной любви. Тогда Сэди не подозревала ничего плохого. Сейчас, в свете новой теории (а она пока не более чем интуитивная догадка, напомнила себе Сэди), поведение родителей Тео приобрело мрачный оттенок. Неужели Элеонор знала, что совершил ее муж, и покрывала его? Могла бы так поступить мать? А жена? Может, Энтони ее как-то успокоил и следил, чтобы она ничего не рассказала полиции?

Сэди бросила взгляд на часы в углу экрана. По дороге из Оксфорда она решила, что сегодняшний вечер вполне подходит для встречи с Дональдом. Ей бы подумать, как убедить напарника, что она готова приступить к работе, а не гоняться за призраками по Интернету. Нужно выключить компьютер и вернуться на сайт позже. Отложить записную книжку и принять душ. Лучше всего о готовности к работе скажет аккуратный внешний вид. Тут взгляд Сэди упал на следующую запись: рассказ Клайва о том, что Элеонор каждый год приезжала в Лоэннет. Сэди стала читать дальше. Клайв предполагал, что Элеонор надеялась на возвращение сына, думала, что он найдет дорогу домой. Но это всего лишь предположение, Элеонор ничего не говорила Клайву, он сам так решил. Возможно, она не ждала возвращения Тео потому, что знала: его нет в живых. Вдруг она ездила туда в память о Тео, как люди ездят на могилы близких?

Сэди постучала ручкой по блокноту. Что-то она расфантазировалась. Ни в одном из протоколов допросов не упоминалось слово «буйный» по отношению к Энтони Эдевейну. Да и доктор Риверс сообщал о

расщеплении личности, депрессии, затемнении сознания, об ощущении, что мир утратил свет и краски, но не упоминал о склонности к насилию или буйству. Сэди села за компьютер и просмотрела еще несколько веб-страниц, кликая мышкой до тех пор, пока не натолкнулась на слова военного корреспондента Филиппа Гиббса, который писал о возвращении солдат к жизни после войны:

«Что-то было неладно. Они снова надели гражданскую одежду и казались своим матерям и женам все теми же парнями, что ходили на работу в мирные дни до августа тысяча девятьсот четырнадцатого. Но они вернулись другими людьми. Что-то в них изменилось. Они были подвержены перепадам настроения, одержимы странными желаниями, периоды глубокой депрессии сменялись неустанными поисками удовольствий. Многие легко впадали в ярость, теряя над собой контроль, многие озлобились и ожесточились. Они пугали».

Сэди сосредоточенно втянула губы и перечитала абзац. «Перепады настроения... странные желания... теряя над собой контроль... ожесточились... пугали». Что ж, в подобном состоянии человек вполне способен совершить чудовищный поступок, на который никогда бы не пошел в здравом уме.

Дальше следовала статья об условиях жизни в окопах на Западном фронте, где царили антисанитария, крысы и грязь, ноги гнили от сырости и холода, а на разлагающейся плоти копошились вши. Сэди целиком погрузилась в чтение; когда она сняла трубку домашнего телефона, перед глазами таяли образы утопающих в грязи солдат и людской бойни.

– Алло?

Звонил Берти, его теплый родной голос был как бальзам на душу.

– Хотел убедиться, что ты добралась до Лондона. Твой мобильный не отвечает. Ты обещала позвонить, когда приедешь.

– Ох, дедушка, прости!

«Я – безнадёжное, жалкое подобие внучки и не заслуживаю такого деда, как ты».

– Мобильник разрядился. По дороге я несколько раз останавливалась, а движение на трассе М40 просто кошмарное. Я только что вошла. – Сэди представила деда на кухне в Корнуолле, собак, которые мирно спят под столом, и сердце сдавила тоска. – Как прошел день? Как мои мальчишки?

– Скучают. Я пошел надевать башмаки, так псы сразу уселись у моих ног, готовые к пробежке.

– Ну и побегал бы с ними. Дорогу они знают.

Дед фыркнул.

– Представляю, что это был бы за бег! Скорее, хромая трусца. Им бы не понравилось.

Сэди накрыло волной раскаяния.

– Слушай, дед, насчет вчерашнего вечера...

– Да я уже забыл.

– Я вела себя бестактно.

– Ты скучаешь по Рут.

– Я ехидничала.

– Только потому, что тебе не все равно.

– Мне нравится Луиза, похоже, она добрая.

– Она – хороший друг, а мне нужны друзья. Я не пытаюсь заменить кем-то твою бабушку. А теперь скажи, как прошла встреча с внучатой племянницей Роуз?

– Похоже, тупик.

– Ребенок был не нянин?

– Нет.

Сэди вкратце рассказала о встрече с Марго Синклэр, о том, что теория не подтвердилась, и закончила неожиданной новостью о боевой психической травме Энтони Эдевейна.

– Сейчас читаю кое-какие материалы на эту тему. Честно говоря, не представляю, как то, что пережили эти люди, могло не отразиться на их послевоенной жизни.

Разговаривая, Сэди подошла к окну и посмотрела на улицу, где женщина уговаривала ребенка сесть в прогулочную коляску.

– Дедушка, а из наших родственников кто-нибудь участвовал в Первой мировой войне?

– Мамин двоюродный брат воевал при Сомме, но он жил на севере, я никогда его не видел. А мой любимый дядя сражался во Второй мировой.

– Он сильно изменился, когда вернулся?

– Он не вернулся, погиб во Франции. Ужасная потеря, моя мать так и не оправилась от удара. Да, наш сосед, мистер Роджерс, пришел с Первой мировой войны в ужасном состоянии.

– Что с ним случилось?

– После взрыва его засыпало землей, и он пролежал так восемнадцать часов. Представь только, восемнадцать! Он лежал на нейтральной полосе, и товарищи не могли его вытащить из-за обстрела. Когда его все-таки откопали, он был в кататоническом ступоре. Роджерса отправили домой в Англию, он долго лечился в одном из госпиталей, которые тогда устраивали в загородных поместьях, но, как говорили мои родители, так и

не стал прежним.

– Каким он был?

– На его лице застыло выражение ужаса, по ночам его мучили кошмары. Снилось, что ему нечем дышать, и он просыпался, хватая ртом воздух. Иногда ночью нас будил дикий вой за стеной. Бедняга! Соседские дети его боялись, а бывало, спорили, кто осмелится постучать в его дверь и убежать.

– Но только не ты.

– Мать бы с меня шкуру спустила, если бы заподозрила, что я способен на такую жестокость. Кроме того, мистер Роджерс был нам как родной. Мама взяла его под свою опеку, каждый день готовила на ужин лишнюю порцию, стирала его белье, следила, чтобы у него дома было всегда чисто. Добрейшая душа, всегда радовалась, когда могла помочь какому-то несчастному.

– Жаль, что я ее не застала.

– Мне тоже.

– Думаю, она была похожа на Рут.

Сэди помнила, с какой радостью бабушка приютила ее, когда ей было некуда идти.

– Очень похожа. Когда мама умерла и магазин перешел к нам, Рут стала заботиться о мистере Роджерсе. Считала, что мы не можем бросить его в беде.

– Я буквально слышу, как она это говорит.

Берти рассмеялся, потом вздохнул. Когда они закончат, дед наверняка поднимется на чердак и будет перебирать коробки. Он больше не упоминал о бабушке, а перевел разговор на более насущный вопрос.

– Ты поужинала?

Сэди охватила волна эмоций. Ведь это и есть любовь, правда? Когда кого-то в твоей жизни беспокоит, поел ты или нет. Она открыла холодильник и сморщила нос.

– Скоро поем. Иду на встречу с приятелем.

* * *

По вторникам вечером дела в «Лисе и гончих» шли бойко, не в последнюю очередь из-за того, что паб удобно расположился через дорогу от туристического хостела и предлагал четырехчасовой «счастливый час». Были и другие заведения, куда ближе к полицейскому управлению, и в них

всегда толпились полицейские, но Дональд считал, что ему хватает общения с коллегами в рабочее время и можно немного прогуляться ради удовольствия не говорить о служебных делах. Сэди долго верила его словам, пока не поняла, что Дональд совсем не против, если она увязывается за ним и они все время говорят о работе, как правило, с его подачи. Правда состояла в том, что в «Лисе и гончих» подавали самое дешевое пиво на этой стороне Темзы, а Дональд был скрягой. Симпатичным, но все же скрягой. Кроме того, по вторникам все его четыре дочери приходили домой на семейный ужин, и Дональд однажды признался Сэди, что ему нужно подкрепиться, иначе у него заболит голова, как только он ступит на порог. «Вечные ссоры, Спэрроу, подковырки и союзы друг против друга! Никогда этого не понимал. Женщины! – Он покачал головой. – Загадочные создания, правда?»

В общем, Дональд был человеком привычки, и когда Сэди с урчащим от голода и волнения животом отправилась в «Лису и гончих», она знала, что найдет напарника на скамье под картинкой с забавной лягушкой. И точно, когда Сэди вошла в паб, над кабинкой поднималась завеса табачного дыма. Сэди купила пару пинт пива и аккуратно понесла через зал, радуясь, что сейчас скользнет на пустую скамью напротив Дональда. Только вот скамья не пустовала. В углу кабинки развалился Гарри Салливан, который раскатисто хохотал над словами Дональда. Сэди со стуком поставила стаканы на стол.

– Извини, Гарри, не знала, что ты здесь.

Как все старые полицейские, Дональд немало повидал и уже ничему не удивлялся. Он лишь слегка шевельнул бровью.

– Спэрроу, – сказал он и кивнул, как будто Сэди не провела две недели в глуши по его настоянию.

– А я думал, ты в отпуске, – весело заметил Гарри. – Уже устала от солнца и моря?

– Вроде того, Салли.

Дональд осушил остатки пива, вытер усы тыльной стороной ладони и отодвинул пустой стакан на край стола.

– Говорят, ты ездила в Корнуолл? – продолжил Салливан. – Моя тетка когда-то жила в Труро, и каждое лето мы с братом и сестрой...

– Может, повторим, Салли? – спросил Дональд.

Молодой сыщик взглянул на пиво, которое принесла Сэди, открыл было рот и хотел сказать, что Дональда уже обслужили, но судя по тому, как он наморщил широкий лоб, до него дошло. Махнув рукой с пустым стаканом в сторону бара, он сказал:

- Пойду принесу себе еще пива.
- Давай, – вежливо произнес Дональд.

Сэди шагнула в сторону, пропуская Гарри, а потом села на его место. Нагретое кожаное сиденье будто подтверждало, что ей нашли замену.

- Значит, вы теперь с Салли напарники?
- Да.
- Над чем работаете?
- Взлом и проникновение, ничего особенного.

Сэди безумно хотелось узнать подробности, но у нее хватило ума не задавать вопросов. Она взяла меню, посмотрела.

- Умираю с голоду. Ты не против, если я поем?
- Конечно, ешь.

Новомодные веяния миновали «Лису и гончих», и с тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года меню неизменно предлагало четыре горячих блюда (все подаются с жареным картофелем). Владельцы паба так гордились своим нежеланием меняться, что увековечили этот факт в надписи большими буквами на карте меню сверху. Дональд всецело их одобрял. «Чертовы тапас, – говорил он, когда работа забрасывала их с Сэди куда-нибудь подальше. – Что не так со старым добрым пирогом? С каких это пор люди стали привередничать?»

Подошла официантка, и Сэди заказала жареную рыбу с картофелем.

- А ты что-нибудь будешь?

Дональд покачал головой.

- Семейный ужин, – мрачно сказал он.

Официантка отошла. Сэди отхлебнула пиво.

- Как семья?
- Отлично.
- Много работы?
- Хватает. Послушай, Спэрроу...

– Я тоже не сию сложа руки, работаю над одним нераскрытым делом...

Еще не договорив, Сэди выругала себя за опрометчивость. Она не собиралась упоминать Эдевейнов. Разыскивать ребенка, который пропал семьдесят лет назад, копаться в старых картах и полицейских протоколах, беседовать с потомками тех, кто имел отношение к этому делу, – вряд ли это все похоже на отдых и восстановление сил, но, когда Сэди увидела на своем месте Салли, у нее сорвало тормоза. Вот идиотка!

Однако слово не воробей, и Сэди решила сменить тему, авось Дональд не заметит. Не успела она это подумать, как поняла, что уже поздно.

Дональд насторожил уши, как овчарка, почуявшая запах кролика.

– Что за висяк? Для кого работаешь?

– Да так, ничего серьезного. Помогаю одному старому полицейскому из Корнуолла, который соскучился по слушателям. – Она глотнула пива, оттягивая время, чтобы придумать убедительную ложь. – Приятель моего деда, вот я и не смогла отказать.

Она начала вкратце пересказывать историю исчезновения Тео Эдевейна, прежде чем Дональд успел спросить, как это дело попало к ней в руки. Пусть думает, что Сэди помогает по доброте душевной. Он слушал, время от времени кивая, и гонял по поверхности стола табачные крошки.

– Чувствую, что психическая травма Энтони Эдевейна имеет какое-то отношение к пропаже ребенка, – сказала Сэди, когда официантка поставила перед ней тарелку пережаренной рыбы с картошкой.

– Ох уж это твое чутье!

Сэди выругала себя за то, что неправильно выразилась, но не стала спорить.

– Знаешь что-нибудь о боевых психических травмах?

– О посттравматическом стрессовом расстройстве? Кое-что знаю.

Сэди вспомнила, что племянник Дональда участвовал в военных действиях в Персидском заливе. Напарник не отличался разговорчивостью, но по завуалированным намекам Сэди поняла, что Джереми на войне, мягко говоря, пришлось несладко.

– Дерьмовая штука. Только решим, что ему стало лучше, как все начинается сначала. Ужасная депрессия. – Дональд потряс головой, словно ему не хватало слов, чтобы выразить глубину страданий племянника. – И не обычное плохое настроение, а намного хуже. Бездна, тоска... в общем, ужасно.

– Тревога?

– И тревога. Учащенное сердцебиение, страх, ночные кошмары.

– Приступы буйства?

– Еще какие! Однажды невестка застала его, когда он целился из отцовского охотничьего ружья в дверь комнаты младшего брата. Ему привиделось, что там боевики.

– Господи, Дон, мне так жаль!

Губы Дональда сжались в тонкую ниточку.

– Ужасная штука. Он был хорошим мальчиком, добрым, и я это говорю не потому, что он сын моего брата. Я всегда знал, что если мои девочки с Джереми, можно не беспокоиться. – Дональд одним сердитым движением смахнул со стола табачные крошки. – Чего только не насмотрелись эти

мальчишки! Как после всего этого можно остаться нормальным человеком? Как можно заставить человека убивать – и ждать, что он не изменится?

– Не знаю. – Сэди покачала головой.

Дональд взял свое пиво, выпил залпом. Осушив стакан, вытер тыльной стороной ладони щетинистые усы. Его глаза налились кровью.

– Что ты здесь делаешь, Спэрроу?

– Я звонила, оставила тебе сообщение. Ты не получил?

– Думал, что ты шутишь. Пятница, тринадцатое и все такое.

– Я не шутила. Я готова вернуться. Если бы ты только мне поверил...

– Поздно, Спэрроу. – Дональд понизил голос почти до шепота, придвинулся к Сэди, бросил взгляд через плечо на Салли, который стоял, облокотившись на барную стойку, и смеялся с белокурой туристкой. – Эшфорд начал служебное расследование, хочет выяснить, как произошла утечка по делу Бейли. Мне сказал Парр-Уилсон, а он всегда все узнает раньше остальных. Сверху давят, намерены устроить показательную порку. Внутренняя политика. Ну, в общем, ты поняла.

– Вот дерьмо!

– Лучше не скажешь.

Они посидели молча, каждый размышлял, насколько все плохо. Дон возил донышком пустого стакана по столу.

– Господи, Спэрроу, ты же знаешь, как я к тебе отношусь, но в конце года я ухожу на пенсию, и мне не нужны неприятности.

Сэди кивнула, постепенно осознавая, что произошло.

– Для тебя сейчас лучше всего вернуться в Корнуолл. Если правда выйдет наружу – точно не от меня! – сможешь сослаться на переутомление, пусть видят, что ты понимаешь, как накосячила, и потому уехала.

Сэди потерла лоб. Во рту горчило от разочарования, шум в пабе, казалось, стал еще громче.

– Спэрроу, ты меня слышишь?

Она неохотно кивнула.

– Умница. Запомни, тебя здесь сегодня не было. Ты в Корнуолле, отдыхаешь.

– А как же Салли?

– Не волнуйся, с той блондиночкой, что смеется над его шутками, он и не вспомнит, как тебя зовут.

– Ха, точно. Спасибо.

– Ты должна радоваться.

– Знаю.

– А теперь иди.

Сэди взяла сумочку.

– Да, еще, Спэрроу... Держи меня в курсе, как там у тебя с нераскрытым делом, ладно?

Глава 22

Дождь шпарил вовсю, когда Сэди добралась до дома, тонкие серебристые дробинки косо падали в свете уличных фонарей. Вдоль дороги разлились лужи, и каждая проезжающая машина поднимала фонтаны брызг. Сэди думала, что пробежка от «Лисы и гончих» до дома пойдет ей на пользу, но мысли по-прежнему путались, только зря вымокла. Она сказала себе, что хуже не будет, и вообще, нет ничего, чему бы не помог горячий душ, но, подойдя поближе к дому, заметила, что в тени под козырьком подъезда кто-то стоит. Люди обычно не болтаются без дела под дождем, а этот человек, судя по виду, явно кого-то ждал: ссутуленные плечи, скрещенные на груди руки, настороженная поза. Она или он (издалека Сэди не разглядела) жался к стене. Сэди перешла с бега на шаг и посмотрела наверх. В окнах соседских квартир горел свет, темнели только окна Сэди, и это означало, что человек в тени ждет именно ее. Решительно вздохнув, она достала из сумочки связку ключей и зажала в кулаке самый острый. Сэди уже заставляли врасплох – разозленный подозреваемый по делу о наркотиках, – и она поклялась, что такое больше не повторится.

Сэди велела себе сохранять спокойствие и идти размеренным шагом, хотя уровень адреналина в крови зашкаливал. В мозгу пронеслись все старые дела, по которым она работала, и список сомнительных знакомых, любой из которых мог решить, что сегодняшняя вечер идеально подходит для мести. Она исподтишка оглядела припаркованные машины, гадая, в какой может находиться сообщник, если таковой имелся, и вдруг с замиранием сердца вспомнила, что оставила мобильный телефон в квартире, заряжаться.

Подойдя ближе, Сэди почувствовала, что инстинктивный страх сменился злостью. Сэди не собиралась играть по чужим правилам, особенно после сегодняшнего вечера. Она стиснула зубы и окликнула незнакомца.

– Не меня ли ждете?

Человек торопливо повернулся.

– Я думала, вы уехали.

Голос принадлежал женщине. Свет уличного фонаря упал на ее лицо, окрасив его в оранжевый цвет, и Сэди, которая не была такой пожилой и умудренной опытом, как Дональд, и не потеряла способности удивляться, громко ойкнула.

– Я действительно уезжала, – пролепетала она. – Только сегодня вернулась.

Нэнси Бейли слегка улыбнулась.

– Как я вовремя, да? Не возражаете, если я зайду?

Сэди замялась. Конечно, она возражала, еще как! Сейчас только матери Мэгги Бейли не хватало для полного счастья! Сэди представила, как может аукнуться эта встреча.

– Вы сказали, чтобы я связалась с вами, если вдруг что-нибудь вспомню.

Вот дура-то! Сэди ляпнула это, когда они с Дональдом в последний раз зашли к Нэнси, чтобы сообщить, что дело закрыто и полицейские больше не ищут ее дочь. «Думаю, вы понимаете, миссис Бейли, что мы не можем разыскивать всех, кто решил устроить себе небольшой отпуск, никого не предупредив». Дональд говорил, а Сэди стояла рядом и согласно кивала. Только когда они вышли на улицу, Сэди объявила, что оставила в квартире записную книжку, рванула наверх и постучала в дверь Мэгги. Идиотка!

– Заходите, – сказала она, открыв дверь,пустила мать Мэгги в подъезд и бросила взгляд через плечо, почти ожидая увидеть, как шпион Эшфорда делает заметки.

В квартире по-прежнему бормотал телевизор, засохший цветок не ожил. Сэди торопливо убрала с дивана сумку, из которой вываливалась одежда, и переложила рекламную почту и письма на край журнального столика.

– Устраивайтесь. А я пока пойду вытрусь. Сейчас вернусь.

Снимая в спальне мокрую рубашку и доставая из шкафа новую, Сэди тихо ругалась. Черт, черт, черт! Она вытерла полотенцем волосы, промокнула лицо и глубоко вздохнула. Плохо, конечно, что Нэнси заявила к ней домой, но нет худа без добра; следует воспользоваться случаем и навсегда покончить с их общением. Решительно вздохнув, Сэди вернулась в гостиную.

Нэнси сидела на диване, ждала, легонько барабанила пальцами по ногам, обтянутым потертыми джинсами, и Сэди с удивлением заметила, как молодо и незащитно она выглядит. Ей было всего сорок пять, пепельные прямые волосы с длинной прямой челкой спадали на плечи.

– Хотите чаю, Нэнси?

– Не откажусь.

На кухне после недолгих поисков выяснилось, что чайные пакетики закончились.

– А как насчет виски?

– Еще лучше.

Нэнси ей нравилась, при других обстоятельствах они могли бы дружить. В том-то и загвоздка. Сэди взяла два стакана, бутылку «Джонни Уокера» и отнесла на журнальный столик. Она знала, что делать: не вступать в разговор об «исчезновении» Мэгги и вести себя так, словно дочь Нэнси просто ненадолго уехала и вот-вот вернется, может, в ближайшие две недели. Или вообще непринужденно спросить: «Ну, как там Мэгги, еще не звонила?» Сэди даже открыла рот, но тут же его закрыла. Эти слова прозвучали бы до невозможности фальшиво, ведь она так горячо отстаивала версию, что с Мэгги случилось несчастье. Нет, пусть Нэнси заговорит первой.

– Знаете, – начала Нэнси, – я ходила посмотреть на людей, что переехали в квартиру Мэгги. Вернее, это теперь их квартира – хозяин решил по-быстрому ее продать.

– Вы ходили к новым владельцам?

– Хотела выяснить, знают ли они, что там произошло, на всякий случай.

Она не стала продолжать, а Сэди не стала спрашивать. Она и так знала. «На случай, если Мэгги вернется». Сэди представила весь разговор. Большинству людей не нравится жить там, где произошло преступление, хотя, наверное, брошенный в опасности ребенок все же не убийство.

– И что они сказали?

– Были очень милы. Молодая пара, недавно поженились, это их первый общий дом. Они еще распаковывали вещи, но предложили мне зайти и выпить чаю.

– Вы согласились?

– Конечно.

Кто бы сомневался. Нэнси отчаянно верила в Мэгги и пошла бы на что угодно, лишь бы доказать, что дочь не могла бросить собственного ребенка.

– Мне хотелось еще раз взглянуть на жилье Мэгги. Но там уже ничего не напоминало о моей девочке. Без ее вещей это было совсем другое место.

Сэди знала, что вещи Мэгги лежат в коробках, которые сложены одна поверх другой у Нэнси в свободной комнате, той, что она приготовила для Кэйтлин. Казалось, Нэнси вот-вот расплачется, а у Сэди не было даже коробки бумажных салфеток, чтобы многозначительно положить на журнальный столик.

– Зря я так сделала. Они были очень добры, расспрашивали про нее, но по их лицам я видела, что они меня жалеют, считают сумасшедшей. Жалкой сумасшедшей старухой. Глупо с моей стороны.

Конечно, глупо. Будь молодожены не такие отзывчивые, могли бы и полицию вызвать. Обвинили бы Нэнси в преднамеренном причинении беспокойства или, еще хуже, в незаконном вторжении. Тем не менее Сэди ее понимала. Она подумала о Лоэннете, доме, который так и стоит со всей мебелью семьдесят лет после исчезновения Тео, вспомнила, как Клайв рассказывал об Элеонор Эдевейн, которая много лет приезжала туда, где в последний раз видела своего сына. Почти одно и то же, только Нэнси не может сделать святилище из квартиры, где жила ее пропавшая дочь.

– Как Кэйтлин? – поинтересовалась Сэди, меняя тему разговора.

Нэнси улыбнулась.

– Мое маленькое сокровище. Скучает по маме. Жаль, что я вижу ее реже, чем хотелось бы.

– Мне тоже жаль.

Сэди говорила правду. Когда она впервые пришла к Нэнси, ее удивило, как много в квартире фотографий девочки. Они стояли на телевизоре и среди других фотографий на книжной полке, висели на стенах. Бабушка и внучка явно проводили много времени вместе, пока Мэгги не сбежала. Нэнси присматривала за Кэйтлин, когда Мэгги работала.

– Я чувствую, что потеряла их обеих. – Нэнси теребила уголок диванной подушки.

– Нет, сейчас вы нужны Кэйтлин еще больше, чем раньше.

– Не знаю, как я впишусь в новую жизнь Кэйтлин. Стив с женой специально для нее отремонтировали комнату, там полно игрушек, новая кровать, покрывало с изображением Доры-исследовательницы. Любимый мультфильм Кэйтлин.

– Да, – тихо сказала Сэди, вспомнив маленькую девочку в розовой ночной рубашке с Дорой.

Воспоминание болью отдалось в груди. Нэнси тяжело было видеть, что место ее дочери в жизни малышки так легко заняли другие люди и другие увлечения.

– Она еще ребенок. Дети любят игрушки и мультяшных героев.

Нэнси вздохнула и откинула челку.

– Вы хороший человек. Не знаю, зачем я сюда пришла. Еще попадете в неприятности, и все из-за меня.

Сэди не стала говорить, что гром уже грянул, а молча долила в стаканы виски.

– Наверное, уже работаете над другим делом?

– Да, дурная голова ногам покоя не дает.

Сэди хотела было рассказать о деле Эдевейнов, сменить тему

разговора, но подумала, что некоторая похожесть двух дел – пропавший без вести человек – не сулит ничего хорошего. Да и Нэнси не стала бы слушать, она сейчас думает только о Мэгги.

– Знаете, что никак не сходится? – спросила Нэнси, поставив стакан и переплетая пальцы. – Почему Мэгги бросила Кэйтлин после всего, через что прошла. Малышка далась ей очень нелегко.

– Вы имеете в виду, что Мэгги не могла забеременеть?

Сэди слегка удивилась. Она впервые слышала, что у Мэгги были трудности с зачатием.

– Господи, нет, конечно. Они со Стивом только посмотрели друг на друга, и все; даже свадьбу перенесли на более раннюю дату, если понимаете, о чем я. Нет, я говорю о том, что было после развода, о праве опеки над ребенком. Мэгги пришлось постараться, чтобы доказать, какая она хорошая мать. Собрать показания свидетелей, терпеть социальные службы, когда они все осматривали и делали записи. Потребовалось убедить суд, что она, несмотря на молодость, в состоянии позаботиться о ребенке... Мэгги была как камень. Сказала мне: «Мам, Кэти – моя дочь, и я ее никому не отдам».

Нэнси уставилась на Сэди умоляющим взглядом. «Как же вы не понимаете? Зачем преодолевать все эти трудности, чтобы потом взять и уйти?»

У Сэди не хватило духу ответить, что битва в суде еще ничего не значит. Очень мало разводов, когда родители не сражаются до последнего за опеку над ребенком, и очень часто это упорство связано не столько с родительской любовью, сколько с желанием одержать верх над бывшим партнером. Она сама видела, как в суде по семейным делам вроде бы спокойные и разумные люди ожесточенно бьются за морских свинок, наборы столовых приборов и портрет терьера Бильбо, нарисованный двоюродной бабушкой Милдред.

– Ей пришлось очень трудно. Материальное положение у Стива лучше, и он женат. Суд вполне мог прийти к выводу, что двое взрослых, папа и мама, для ребенка предпочтительнее, чем одна мама. Однако судья все правильно решила. Она поняла, что Мэгги – хорошая мать. А Мэгги была очень хорошей матерью. Я знаю, Стив рассказывал, что она забывала забрать Кэйтлин из садика, но это было недоразумение. Она поменяла работу, потому и опаздывала, а как только поняла, что не будет успевать, попросила меня помочь. Она была превосходной матерью! Когда Кэти исполнилось два года, она мечтала поехать на море, вот мы и решили съездить на ее день рождения. Пообещали ей и несколько недель только и

говорили о море, а за день до отъезда Кэти заболела. Свалилась с высокой температурой, была вся такая вялая, куксилась. Знаете, что сделала Мэгги? Она устроила море дома. Принесла с работы списанные расходники и всю ночь делала из целлофана и картона волны, рыбок, чаек и ракушки, даже показала ей кукольное представление Панча и Джуди.

Голубые глаза Нэнси заблестели от воспоминаний. Сэди сочувственно улыбнулась. Она понимала, зачем пришла Нэнси, и это ее печалило. Нэнси не узнала ничего нового, ей просто хотелось поговорить о Мэгги, вот она и выбрала Сэди вместо того, чтобы обратиться к родным или друзьям. Неудивительно, случаи, когда родственники жертвы испытывают нездоровое чувство привязанности к ведущим расследование полицейским, не так уж и редки. Видимо, те, чья жизнь перевернулась из-за неожиданного жестокого преступления, тянутся к человеку, который, по их мнению, олицетворяет безопасность и ответственность, а главное, может все исправить.

Но Сэди уже не отвечала за поиски Мэгги и уж точно не могла ничего исправить. Ни для Нэнси Бейли, ни для себя самой.

Она бросила взгляд на электронные часы и вдруг почувствовала, что ужасно устала. День выдался долгий и тяжелый, а утро в Корнуолле, казалось, было очень давно и не с ней. Как Сэди ни сочувствовала Нэнси, они вернулись к тому, от чего ушли, и это не сулило ничего хорошего.

– Простите, Нэнси, не хочу показаться невежливой, но я очень устала.

Женщина торопливо кивнула.

– Да-да, конечно, просто я все время думаю об этом, понимаете?

– Понимаю.

– Я вот из-за чего пришла. – Нэнси вытащила из кармана маленькую записную книжку в кожаном переплете. – Я снова перебрала вещи Мэгги, думала, может, наткнусь на какой-нибудь след, и увидела в ежедневнике, что она собиралась пойти на ужин с мужчиной, которого звала М. Т. Раньше я не обращала внимания, а теперь вспомнила. Это ее коллега по работе.

Она показала на инициалы обгрызенным до крови ногтем.

– Думаете, этот человек, М. Т., имеет отношение к исчезновению Мэгги?

Нэнси посмотрела на Сэди как на сумасшедшую.

– Нет, конечно! Это просто доказывает, что она никуда не уезжала, во всяком случае, добровольно. С тех пор как Мэгги разошлась со Стивом, она ни с кем не встречалась. Считала, что неправильно сбивать Кэти с толку, приводя одного мужчину за другим. Однако с этим М. Т. все было по-

другому. Она часто про него рассказывала. «Мама, он такой красивый, и добрый, и веселый!» Мэгги даже думала, что, может, он и есть любовь всей ее жизни.

– Нэнси...

– Разве вы не видите? Зачем ей было сбегать, когда у нее только все наладилось?

Сэди могла бы назвать тысячу причин, но сейчас они не имели значения. Дональд всегда говорил, что мысли о мотиве только отвлекают. Мешают людям видеть то, что лежит прямо под носом. Важно, что Мэгги сбежала и полиция нашла неопровержимые доказательства, а остальное уже мелочи.

– Нэнси, она оставила записку.

– Ну да. – Нэнси разочарованно махнула рукой. – Вы знаете, что я думаю об этой записке.

Сэди знала. Ничего хорошего. Нэнси, вполне предсказуемо, считала записку подделкой, хотя графологи изучили записку и подтвердили, что с высокой долей вероятности ее написала Мэгги.

– И все равно что-то не вяжется, – сказала Нэнси. – Если бы вы знали Мэгги, то согласились бы.

Сэди не знала Мэгги, зато знала много чего другого. Она знала о записке, знала, что Кэйтлин была голодна и напугана, когда они ее нашли, и что сейчас девочка счастлива и в безопасности. А Нэнси с несчастным лицом сидит на другом конце дивана и придумывает бесчисленные версии того, что могло случиться с Мэгги. Похоже, человеческий мозг весьма изобретателен, если хочет чего-нибудь достаточно сильно.

Сэди вновь подумала об Элеонор Эдевейн, у которой тоже пропал ребенок. Судя по запискам Клайва, она ни разу не высказала предположения, куда бы мог деться ее сын. Клайв сказал, что она держалась с достоинством, тихо позволила полицейским делать свою работу, и что ее муж не дал ей участвовать в поисках. А еще она отказалась объявлять вознаграждение, но пожертвовала крупную сумму полиции в благодарность за потраченные усилия.

Довольно странное поведение, решила Сэди. Разительно отличается от непоколебимой веры Нэнси Бейли в полицейскую ошибку, ее бесчисленных попыток найти новые ниточки. Бездеятельность Элеонор Эдевейн почти свидетельствует о том, что она знала, где ее ребенок. Наверняка Клайв об этом не подумал. Он считал, что Элеонор огромным усилием воли держала себя в руках и сломалась, только когда узнала о самоубийстве своего друга, Ллевелина.

Впрочем, понятно, что полицейские не всегда могут выйти за рамки личных отношений с пострадавшей семьей, особенно если речь идет о молодом человеке, едва приступившем к службе. Сэди замерла, мозг яростно работал, перебирая версии. А если пожертвование было своего рода извинением перед полицейскими, которые впустую потратили время и ресурсы на заранее обреченные поиски? Поиски ребенка, которого уже не было в живых? Возможно, его даже успели похоронить на территории Лоэннета. Где-нибудь в лесу, чтобы ничего не связывало эту смерть с домом.

– Извините. Вы устали. Мне пора.

Сэди мигнула. Задумавшись, она совсем забыла про гостью. Нэнси взяла за ремешки свою сумочку, перекинула через плечо, встала.

– Спасибо, что согласились поговорить.

– Нэнси...

Сэди замолчала, не зная, что сказать. «Мне жаль, что все так вышло. Простите, я вас подвела». Сэди не любила обниматься, но в этот миг почувствовала непреодолимое желание обнять Нэнси, что и сделала.

* * *

После того как Нэнси ушла, Сэди какое-то время сидела на диване. Хотя она очень устала, взбудораженный мозг не желал успокаиваться. Жаль, что перед отъездом из Корнуолла она вернула в библиотеку диссертацию про вымышленные побеги в литературе, сейчас бы использовала вместо снотворного. В квартире эхом отдавались печаль и одиночество Нэнси, мучительное ощущение, что своим побегом дочь ее предала. Прискорбно, конечно, что Нэнси редко видится с Кэйтлин, зато у девочки есть любящий отец и его вторая жена, которая готова взять чужого ребенка. Не перевелись на свете добрые люди, похожие на Берти и Рут.

Тем летом, после того как Сэди узнала о своей беременности, родители были вне себя от злости и закатывали ужасные скандалы. Отец с матерью считали, что «никто не должен ничего узнать», и требовали, чтобы Сэди как можно быстрее «приняла меры». Сэди была растеряна и напугана, но категорически отказалась; отец бушевал и угрожал, и в конце концов – сейчас Сэди уже не помнила, кто выдвинул ультиматум, она или отец, – Сэди пришлось уйти из дома. В дело вмешались социальные службы, стали выяснять, у кого она может пожить, пока все не успокоится. Вначале Сэди не могла назвать ни друзей, ни родственников, но после долгих расспросов

вспомнила, что у нее есть дедушка с бабушкой, у которых она гостила, когда была совсем маленькой. Она смутно помнила поездку на машине в Лондон, воскресные обеды, крошечный, огороженный стенами садик. Потом случилась ссора – родители, люди ограниченные и неуступчивые, часто со всеми ссорились, – и мать Сэди навсегда порвала с собственными отцом и матерью, когда Сэди было четыре года.

Сэди очень волновалась, после долгих лет вновь увидев Берти и Рут. Ей было стыдно, что они встретились при таких обстоятельствах, и потому она злилась. Стояла, прислонившись к стене магазина, пряча стыд за маской угрюмости, пока мистер и миссис Гардинер по-соседски обменивались любезностями с бабушкой и дедом, на которых Сэди не осмеливалась поднять глаза. Рут разговаривала, а Берти стоял рядом, хмурил мудрый лоб, пока Сэди разглядывала свои туфли, ногти, открытку в рамочке у кассы, что угодно, лишь бы не смотреть на доброжелательных взрослых, которые отныне обрели контроль над ее маленьким миром.

Именно в ту минуту, когда Сэди стояла, рассматривая открытку – старую фотографию в коричневых тонах с изображением каких-то садовых ворот, – малыш впервые шевельнулся. «Как будто у меня и этого крошечного, спрятанного ото всех человечка есть чудесная тайна», – писала Элеонор Энтони на бумаге с орнаментом из листьев плюща, и Сэди чувствовала то же самое. Лишь они, вдвоем, против неприветливого мира. Тогда-то у Сэди закралась мысль, что, может, удастся оставить ребенка и все наладится, если они будут вместе. Совершенно нерациональная мысль – шестнадцатилетняя девчонка, ни денег, ни перспектив, ничего не знает о воспитании детей, – но желание было таким сильным, что она на время перестала соображать. Гормоны, как сказали ей потом медсестры.

Сэди со вздохом взяла со стола стопку почты и стала просматривать, отделяя счета от рекламных писем. Она уже почти закончила, когда наткнулась на подписанный от руки конверт. Сэди сразу узнала почерк и на какую-то долю секунды подумала, что это то самое письмо, которое она вернула на прошлой неделе. Почтальон должен был доставить его отправителю, но ошибся и принес сюда. Потом до нее дошло: конечно, это совсем другое письмо, Шарлотта Сазерленд написала еще раз.

Сэди налила себе подкрепляющую порцию виски.

Первая половина письма ничем не отличалась от предыдущего послания. Формальное и вежливое объяснение, кто пишет, короткий рассказ о себе, своих увлечениях, хобби и достижениях, но когда Сэди дошла до последнего абзаца, то заметила, что почерк изменился: из красивого и уверенного стал неровным. Особенно выделялись две строчки:

«Пожалуйста, ответьте, мне ничего от вас не нужно, я только хочу понять, кто я. Я не узнаю себя, смотрю в зеркало и уже не знаю, кто я такая. Пожалуйста!»

Словно обжегшись, Сэди отбросила письмо. Слова звенели правдой. Пятнадцать лет назад Сэди сама могла бы так сказать. Она отчетливо помнила, как ей было больно от того, что она не узнает себя. Помнила, как в доме Берти и Рут смотрела в зеркало на свой когда-то плоский, а теперь округлившийся живот и чувствовала внутри движение новой жизни. Правда, потом было еще хуже, на коже остались растяжки, следы пережитого опыта. Сэди думала, что будет такой, как прежде, и слишком поздно поняла: назад возврата нет.

В родильном отделении советовали не давать имена своим детям. Так было легче для всех, и, конечно, никто не хотел лишних трудностей. Например, некрасивых сцен. А они случались довольно часто, как-то призналась медсестра, хотя персонал старался, чтобы все проходило спокойно. «Никуда не денешься, – продолжила она с тихой мудростью, – как бы ни была отработана система, бывают сбои». Сэди до сих пор слышала крики темноволосой, похожей на итальянку девушки с безумным взглядом, которая в распахнутом халате бежала по коридору. «Я хочу своего ребенка, отдайте мне ребенка!»

Сэди не кричала, напротив, почти все время молчала, а когда все закончилось и за ней приехали бабушка с дедушкой, спокойно вышла в коридор. Она вошла в свою старую одежду и шагала, устремив взгляд на дверь, как будто ничего не произошло, и целый кусок жизни удалось оставить в бледно-зеленой комнате, где трещина на стене напоминала реку Нил.

Позже, уже работая в полиции, Сэди приходилось сталкиваться с несовершеннолетними матерями, и она узнала, что сейчас агентства договариваются с мамами о передаче детей для усыновления. После родов мать может сама назвать малыша и провести с ним какое-то время. В некоторых случаях разрешается узнавать, как у ребенка дела, и даже навещать его.

Но тогда все было по-другому. Сэди помнила, как лежала в кровати, от руки еще тянулся провод к монитору на столе, медсестры – как обычно, когда рождался малыш, – суетливо бегали туда-сюда, а сама Сэди держала странный, теплый сверток с тонкими ножками, круглым животиком и бархатистыми щечками.

Девяносто минут.

Она держала свою дочь девяносто минут, а потом ее унесли, и Сэди в

последний раз увидела маленькую ручку, выглядывающую из-под желто-белого одеяльца. Ту самую крошечную ручонку, которую Сэди полтора часа держала и гладила и которая цеплялась за палец Сэди, словно не хотела отпускать. На миг в комнате словно разверзлась брешь, в которую утекло все, что Сэди хотела сказать своей малышке: о любви и жизни, о прошлом и будущем. Но у медсестер была отлаженная система, и не успела Сэди опомниться, как маленький сверток исчез. Сэди до сих пор вздрагивала от призрачного плача своей малышки. Просыпалась в холодном поту от прикосновения крошечной теплой ладошки. Даже сейчас, в теплой гостиной, Сэди знобило. Она нарушила только одно больничное правило. Она дала дочери имя.

* * *

От пива с Дональдом, виски с Нэнси и душной тоски горьких мыслей Сэди разморило, и она задремала, хотя было еще только половина десятого. Ее разбудил звонок мобильного. Сэди вскочила, щурясь от тусклого света и пытаясь вспомнить, куда положила чертов телефон.

Ах да, зарядка. Сэди потрясла головой, чтобы прояснить мозги. В мыслях теснились дети. Потерянные дети, усыновленные дети, брошенные дети. Возможно, даже убитые. Сэди добрела до мобильного, взглянула на экран и увидела несколько непринятых вызовов с незнакомого номера.

– Алло.

– Детектив-констебль Спэрроу?

– Слушаю.

– Меня зовут Питер Обел, я работаю личным помощником у писательницы Э. С. Эдевейн.

Элис. Сэди ощутила прилив адреналина. Спать совершенно расхотелось.

– Дальше.

– Извините, что звоню так поздно, вопрос достаточно деликатный, и я не хотел оставлять сообщение.

Ясно. Сейчас он скажет, что обратится в полицию, если Сэди не оставит в покое его работодательницу.

– Мисс Эдевейн получила ваши письма, касающиеся исчезновения ее брата Тео, и попросила позвонить вам.

– Хорошо.

– Она хотела бы с вами встретиться. В пятницу в полдень вас устроит?

Глава 23

Первое отчетливое воспоминание об отце у Элис было связано с днем, когда они ходили в цирк. Через несколько недель после того, как ей исполнилось четыре, красно-желтые шатры, словно волшебные поганки, выросли на пустом поле возле деревни. Элис с мамой проходили мимо ярмарочной площади, и Элис, распахнув от восторга глаза, спросила:

– Откуда они узнали про мой день рождения?

Следующие несколько дней волнение нарастало, на стенах и в витринах магазинов появились афиши с изображениями клоунов, львов и (любимая картинка Элис) девушки, которая летела высоко над землей на сверкающих качелях, а за ней тянулись красные ленты.

Маленькая Клементина заболела бронхитом, и потому, когда великий день наконец настал, мама осталась дома, а Элис с отцом, взявшись за руки, пошли через поля в деревню. Элис шла вприпрыжку рядом с отцом, новая юбка красиво плескалась на ветру, а она сама пыталась придумать, что бы ему сказать. Элис стеснялась, но ее переполняло чувство собственной важности. Наверняка тогда с ними была и Дебора, однако мозг Элис услужливо стер из памяти присутствие сестры. Они пришли на ярмарку, где их сразу ошеломили запахи опилок и навоза, громкая веселая музыка, детские возгласы и ржание лошадей. На площади возвышался огромный шатер с широко раскрытой черной пастью, остроконечная крыша пронзала небо, и Элис застыла с открытым ртом, глядя на трепещущий на ветру зубчатый желтый флаг, водруженный на макушку шатра, и маленьких скворцов, которые парили над ним, ловя воздушные потоки.

– Грандиозно, – сказала Элис, довольная новым словом, которое подслушала у миссис Стивенсон на кухне и с тех пор мечтала использовать.

У входа теснилась очередь, дети и взрослые восторженно болтали, ныряя под огромный полог и занимая места на покатых скамьях. Солнце палило вовсю, и запах разогретых полотнищ смешивался с запахом предвкушения. Наконец по шатру раскатилась барабанная дробь, голоса стихли, зрители нетерпеливо замерли на краю сидений. Шпрыхшталмейстер важно выхаживал по арене, львы рычали, слоны носили танцующих девушек по кругу. Элис завороченно смотрела, лишь изредка отвлекаясь на то, чтобы взглянуть на отца, впитать его сосредоточенный взгляд, впалые щеки, чисто выбритый подбородок. Его

присутствие до сих пор не утратило новизну, он был завершающим элементом головоломки, тем человеком, по кому они сгущали все военные годы, даже не сознавая того. Запах мыла для бритья, пара больших ботинок в прихожей, теплота глубокого хриповатого смеха.

После представления отец купил пакетик арахиса, и они ходили от клетки к клетке, просовывали сквозь прутья руки и раскрывали ладони, чтобы их лизнул шершавый язык. Торговец с веселой разноцветной тележкой продавал сладости, и Элис канючила, пока отец не уступил. С карамельными яблоками в руках, довольные и усталые, они направились к выходу, где натолкнулись на человека с деревянными обрубками вместо ног и куском металла, закрывающим половину лица. Элис уставилась на него, решив, что это очередной ярмарочный аттракцион, вроде бородатой женщины или клоуна-карлика в цилиндре и с печальным намалеванным лицом, но отец ее удивил. Он опустился на колени перед калекой и тихо заговорил с ним. Время шло, и Элис, доев яблоко до липкой палочки, заскучала, нетерпеливо переминаясь в пыли.

Домой возвращались по скалам; внизу грохотало море, на полях под паром цвели маргаритки, а отец объяснял, что человек в металлической маске тоже был солдатом, как и он сам, но не всем повезло вернуться в прекрасный дом к красавице жене и детям, многие оставили часть себя на полях сражений во Франции.

– Только не ты! – смело заявила Элис, гордая, что отец вернулся целым и невредимым, сохранил обе стороны красивого лица.

Что ответил Энтони, осталось тайной: Элис, которая шла, балансируя, по краю каменного выступа, поскользнулась, упала и сильно разбила коленку. Боль была ужасной, словно металлической, и Элис, заливаясь горячими злыми слезами, гневно закричала, что этот противный камень выскочил навстречу и споткнул ее. Отец перевязал разбитую коленку своим носовым платком, говоря что-то ласковое, от чего сразу перестало болеть, а потом посадил Элис на спину и отнес домой.

– Твой папа умеет лечить, – сказала ей позже мама, уже после того, как довольных, разрумянившихся на солнце девочек искупали, причесали и накормили в детской яйцами вкрутую. – Когда тебя еще не было, он ходил в большой университет, куда могут попасть только самые умные люди в Англии. Там он научился делать людей лучше. Там он стал врачом.

Элис нахмурилась, усваивая новую информацию, потом покачала головой.

– Мой папа не врач! Он совсем не похож на доктора Гиббонса! – (У доктора Гиббонса были холодные пальцы и пахло изо рта.) – Мой папа

волшебник!

Элеонор улыбнулась, посадила девочку к себе на колени и прошептала:

– Я рассказывала тебе, что папа спас мне жизнь?

Элис устроилась поудобнее, чтобы услышать историю, которая вскоре станет у нее одной из самых любимых. Мама рассказывала так красочно, что Элис словно чувствовала запах выхлопных газов и навоза, видела запруженную автобусами, машинами и трамваями Мэрилебон-стрит, ощущала страх матери, когда та увидела, что на нее несется реклама чая «Липтон».

– Элис?

Она мигнула. Питер, ее помощник, переминался с ноги на ногу.

– Уже скоро, – сказал он.

Элис взглянула на часы.

– Возможно, хотя пунктуальных людей очень мало, Питер. Мы с тобой исключение.

Она старалась говорить беззаботно, но, судя по сочувственной улыбке Питера, ей это не удалось.

– Что я должен делать, когда она придет? – спросил Питер. – Записывать или, может, подать чай?

«Просто будь рядом, – хотела сказать Элис, – чтобы нас было двое, а она одна. Тогда бы я чувствовала себя увереннее».

– Понятия не имею. Если через пятнадцать минут детектив все еще будет здесь, можешь предложить чай. Четверти часа вполне хватит, чтобы определить, стоит ли тратить на нее время. А пока займись чем хочешь.

Он поймал ее на слове и ушел на кухню, где и так все утро проработал над этим чертовым сайтом. После его ухода комната вновь наполнилась упрямыми воспоминаниями. Элис вздохнула. Все семьи представляют собой сплав историй, но, похоже, в ее семье гораздо больше слоев из рассказов и пересказов, чем в остальных. Во-первых, сама семья была не маленькой и все любили разговаривать, записывать и задавать вопросы. К тому же они жили в Лозэннете, месте, щедро наделенном собственной историей, потому неудивительно, что их жизнь походила на книгу, сборник увлекательных рассказов. Хотя одна ключевая глава так и осталась нерассказанной. Содержащаяся в ней правда была настолько важной и ошеломляющей, что родители не пожалели сил, чтобы всю жизнь ее скрывать. Элис ошиблась в тот день, когда, пожалев калеку с обрубками вместо ног и жестяным лицом, она шла вприпрыжку рядом с отцом и радовалась, что он вернулся с войны невредимым. Как оказалось, отец тоже

оставил часть себя во Франции.

– Мама рассказала мне почти сразу после того, как объявили, что война закончилась, – сказала Дебора во вторник, когда они сидели у нее в гостиной и пили чай. Сестра выглядела необъяснимо виноватой, ее молчаливое «*mea culpa*» словно висело в воздухе. – Мы готовились к празднованию, а папа отдыхал наверху. Жить ему оставалось недолго, и мама была в задумчивом настроении. Помню, я сказала какую-то банальность, мол, как хорошо, что война закончилась, наши парни вернутся домой, к своей прежней жизни. Мама не ответила. Она стояла на стремянке спиной ко мне, вывешивала в окне британский флаг. Я подумала, что она, наверное, не услышала, и повторила свои слова и вдруг заметила, что у нее трясутся плечи. Она плакала. Тогда-то она и рассказала мне о папе, как он страдал. Как они оба страдали после первой войны.

Элис, которая сидела на козетке и держала чайную чашку из тонкого костяного фарфора, была совершенно сбита с толку. Новостью об отцовской психической травме, а еще больше тем, что Дебора решила рассказать о ней именно сегодня, когда они встретились поговорить о Тео.

– Ну, не знаю, не похоже, что у него была психическая травма, – сказала Элис. – Господи, они с мамой жили в Лондоне во время налетов! Я ни разу не видела, чтобы он пугался грохота.

– Мама сказала, что его травма проявлялась в другом. У папы сильно ухудшилась память и тряслись руки – последствия газовой атаки, из-за этого он так и не смог стать хирургом. Но основная проблема была более специфичной: там что-то произошло, и папа винил во всем себя.

– В чем именно?

– Мама не сказала. Я даже не уверена, что она сама знала, а папа отказывался говорить об этом с врачами. Неважно, что он сделал или увидел, но из-за этого его всю жизнь мучили кошмары, и во время приступов папа переставал быть собой.

– Не верю. Я никогда ничего не замечала.

– У них была договоренность. Мама сказала, что они это тщательно скрывали. Папа настоял. Он говорил, что многим пожертвовал и не вынесет, если не состоится как отец. Мне стало очень жалко маму, я вдруг поняла, какой она была одинокой. Я всегда считала, что им с отцом никто не нужен, что они сознательно выбрали уединенную жизнь, однако внезапно поняла, что она отстранилась от людей из-за папиного состояния. Ухаживать за кем-то вообще трудно, но если хочешь, чтобы о болезни никто не узнал, придется разорвать связи с друзьями и родственниками и всех сторониться. Все это время мама почти ни с кем не говорила по

душам. С тысяча девятьсот девятнадцатого года я была чуть ли не первой, кому она рассказала. Молчала больше четверти века!

Элис бросила взгляд на полочку над Дебориным камином, где стояла свадебная фотография родителей, до невозможности молодых и счастливых. Сколько Элис себя помнила, незыблемость брачных уз Энтони и Элеонор считалась чем-то самым собой разумеющимся в семейной мифологии Эдевейнов. Узнать, что все это время родители хранили какую-то тайну, было то же самое, что взглянуть на краеугольный камень и увидеть вместо него подделку. Еще Элис возмутило то, что Дебора знала эту тайну почти шестьдесят лет, тогда как сама Элис пребывала в неведении. Это противоречило заведенному порядку вещей: именно Элис была семейным сыщиком, именно она знала то, что ей знать не полагалось. Элис упрямо выпятила подбородок.

— К чему вся эта секретность? Папа был героем войны, здесь нечего стыдиться. Мы бы поняли, возможно, даже помогли.

— Видимо, мама дала папе слово вскоре после того, как он вернулся, а ты знаешь, как она относилась к обещаниям. Думаю, что-то произошло, и тогда она пообещала папе, что никто ничего не узнает. Он мог не беспокоиться, что причинит нам вред, она бы этого не допустила. Они научились распознавать симптомы надвигающегося приступа, и пока он не заканчивался, мама не подпускала нас к отцу.

— Обещание обещанием, но мы бы наверняка заметили.

— Вначале я тоже сомневалась, а потом кое-что вспомнила. Сотни маленьких, незначительных страхов, мыслей и наблюдений всплыли в памяти, и я поняла, что в некотором смысле тоже знала. Всегда знала.

— Я даже не подозревала, а я обычно настороже.

— Это точно. Ты у нас прирожденный сыщик, сразу чувствуешь, откуда ветер дует... Ты была младше.

— Всего-то на пару лет.

— Весьма существенную пару лет, Кроме того, ты часто погружалась в свой собственный мир, тогда как я наблюдала за взрослыми, мечтала поскорее попасть на ту высоту, где они обитают. — Дебора безрадостно улыбнулась. — Я многое видела.

— Например?

— Двери, которые торопливо закрывались, когда я подходила ближе, громкие голоса, которые внезапно замолкали, смешанное выражение любви и тревоги на мамином лице, пока она ждала, когда папа вернется из леса. Все долгие часы, которые он проводил у себя в кабинете, и мамина настоятельная просьба не беспокоить папу, постоянные поездки в город за

посылками. Как-то раз я тайком поднялась наверх и увидела, что дверь в кабинет заперта.

Элис пренебрежительно махнула рукой.

– Подумаешь, ему просто хотелось тишины и покоя. Если бы у меня были дети, я бы тоже запиралась в кабинете.

– Элис, дверь была заперта снаружи! Когда мама призналась, что у отца была психическая травма, я упомянула закрытую снаружи дверь. Так вот, ее запирали по его просьбе: когда он ждал приближения припадка и особенно когда чувствовал, что будет буйствовать, то делал все, чтобы не причинить нам вреда.

– Вот еще! – насмешливо фыркнула Элис. – Папа никогда бы нас не обидел!

Само предположение было смехотворным, но Элис никак не могла понять, зачем Дебора вообще вытащила на свет эту историю. Предполагалось, что они будут говорить о Тео, о том, что с ним случилось. Какое отношение имеет отцовская психическая травма к Бенджамину Мунро и похищению, которое Элис для него придумала?

– Папа никогда бы нас не обидел, – повторила она.

– Намеренно – не обидел бы, – согласилась Дебора. – Мама ясно дала понять, что его агрессия всегда была направлена на себя. Но порой он себя не контролировал.

Элис бросило в холод, как будто из окна потянуло сквозняком. Она поняла, что они все-таки говорят о Тео.

– Думаешь, папа причинил Тео вред?

– Хуже.

У Элис отвисла челюсть. Теперь ясно. Дебора думает, что отец убил Тео. Папа. Из-за давней боевой психической травмы у него случился припадок ярости, и отец случайно убил их младшего брата.

Нет-нет, не может быть. Тео забрал Бен. Он действовал по плану, который Элис изложила в своей рукописи, – хотел потребовать выкуп, так как ему нужны были деньги, чтобы помочь Фло, подруге из Лондона, которая переживала тяжелые времена. Есть доказательство. Той ночью она видела Бена в лесу у Лоэннета.

Версия Деборы совершенно нелепа. Папа всегда был самым добрым и мягким человеком. Он никогда так не поступил бы, даже в припадке буйства. Ужасное предположение.

– Не верю, – сказала Элис. – И ни за что в мире не поверю. Но даже если допустить, что ты права, что случилось с Тео? Я имею в виду, с его телом?

– Думаю, он похоронен в Лоэннете. Возможно, тело прятали, пока не ушли полицейские, а потом закопали.

Дебора держалась неестественно спокойно, несмотря на ужасный сценарий, который она описывала.

– Нет, – покачала головой Элис. – Бог с ней, с яростью, отец просто был не способен на такой изощренный обман. Они с мамой любили друг друга по-настоящему, люди видели, как они близки. Нет. Я не только не представляю папу в роли убийцы, я не верю, что он смог бы утаить такой чудовищный поступок от мамы. Надо же, похоронить тайком Тео, когда мама вне себя от горя потому, что не знает, куда он подевался!

– Я этого не говорила.

– Тогда что?

– Я много думала об этом, чуть с ума не сошла. Элис, ты помнишь, как они держались после пропажи Тео? Сперва были очень близки, не отходили друг от друга, а когда мы уехали из Лоэннета в Лондон, между ними словно кошка пробежала. Нет, те, кто их не знал, ничего бы не заметили. Так, легонькое отчуждение. Родители словно разыгрывали пьесу, были подчеркнуто предупредительны. Внешне и на словах все было по-прежнему, но они словно заставляли себя делать то, что раньше выходило естественно. И я замечала, как мама на него смотрит: с любовью, тревогой и еще как-то... мрачно. Думаю, она знала, что сделал отец, и покрывала его.

– Но зачем?!

– Она его любила. К тому же была ему обязана.

Элис ломала голову, пытаясь ухватить мысль Деборы. Незнакомое ощущение, и Элис оно не нравилось. Впервые за несколько десятков лет она вновь почувствовала себя младшей сестрой.

– Из-за того, как они познакомились? Мама всегда считала, что он ее спас в тот день, когда она пошла смотреть на тигров. А потом он спас Лоэннет.

– Было еще кое-что. Элис, я как раз пытаюсь тебе рассказать. Это связано с тем, что Клементина увидела через окно в лодочном сарае.

Элис обдало жаром. Она встала, обмахиваясь.

Значит, они все-таки будут говорить о Бенджамине Мунро. На Элис нахлынули воспоминания, как в тот день в лодочном сарае она предложила Бену себя, а он ее отверг, отверг так мягко и ласково, что ей захотелось заползти в укромное место и лежать там до самой смерти, превратиться в землю, лишь бы не чувствовать мучительный стыд и боль. Какой же она была глупой и недостойной любви, каким ребенком! «Ты потрясающая

девочка, Элис, – сказал Бен. – Я никогда не встречал такого умного человека. Ты вырастешь, будешь путешествовать, встретишь интересных людей и даже не вспомнишь про меня».

– Элис, тебе плохо? – встревоженно спросила Дебора.

– Нет, все нормально. Извини, просто...

«У тебя кто-то есть?» – бросила она ему, как полагается романтическим героиням, когда их предают. Она сама этому не верила, просто нужно было что-то сказать. Однако Бен замялся, и Элис поняла, что угадала.

– Неожиданно...

– Да, тут есть над чем подумать, – заметила Дебора.

Элис кивнула, вновь села на козетку и вдруг вспомнила подслушанную в метро фразу, которую записала, чтобы использовать в книге: «Я велела себе надеть трусы большой девочки и сделать то, что должна». Элис устала темнить. Пора надеть трусы большой девочки и встретиться лицом к лицу с прошлым.

– Ты говорила о Клемми, – произнесла она. – Полагаю, она рассказала тебе, что увидела через окно лодочного сарая.

– Да. А потом случилось то, что я себе никогда не прощу. Видишь ли, я все сказала папе. Это я виновата, что он впал в ярость.

Элис нахмурилась.

– Не понимаю, как это связано.

– Ты знаешь, что увидела Клемми?

– Конечно.

– Тогда ты понимаешь, как она смутилась и испугалась. Клемми прибежала ко мне, и я сказала ей, что все улажу. Меньше всего я хотела говорить об этом папе, но в конце концов мне стало его жалко, а на нее я страшно разозлилась. Глупая, наивная идиотка! Лучше бы я промолчала!

Элис была совершенно сбита с толку. Он... она... разозлилась на кого? На Клемми?.. Как, скажите, могло то, что случилось между ней и Беном в лодочном сарае, вызвать припадок буйства у отца, да еще такой сильный, что папа убил Тео? Сердито вздохнув, Элис сложила ладони.

– Дебора, прошу, остановись. День сегодня был долгий, и у меня кружится голова.

– Да, конечно, бедная ты моя сестричка! Хочешь еще чаю?

– Нет, я не хочу чаю. Я хочу, чтобы ты толком рассказала, что увидела Клементина.

Дебора начала рассказывать, а когда закончила, Элис захотелось встать и уйти из этой красивой гостиной, побыть одной там, где никто ее не потревожит и можно сосредоточиться. Воссоздать в памяти каждую встречу с Беном, каждый разговор, каждую улыбку. Она должна понять, почему ничего не замечала. Как выяснилось, Клемми видела через окно не Элис, а Дебора ничего не знала о влюбленности Элис. Ей и в голову не пришло обвинять Элис в том, что она помогла Бену похитить Тео. У Деборы были свои причины помнить имя садовника.

Элис не стала задерживаться. Сослалась на усталость, пообещала Деборе, что они скоро встретятся, и ушла. В метро сидела неподвижно, переваривала новую информацию, пока эмоции сменяли одна другую.

Господи, какой же она была маленькой, заиклившей на себе дурочкой! Доведенный до отчаяния, тоскующий ребенок, настолько погруженный в свой собственный мир, что не видит ничего вокруг. А Клемми знала, она пыталась рассказать об этом Элис той темной ночью во время бомбежек, но даже тогда, почти десять лет спустя, когда они обе стали взрослыми, а война показала им, почему фунт лиха, Элис была слишком глупой, чтобы выслушать сестру. Боялась, что Клемми увидела ее с Беном и связала это с похищением Тео. Но Клемми не видела Элис и Бена вместе. Элис ошибалась. А что, если она ошибалась насчет судьбы Тео?

Всю вторую половину дня Элис каталась в метро, почти не замечая других пассажиров. Она долго верила в свою версию событий; теперь откровения Деборы заронили крохи сомнения в ее душу. Элис была уверена: выкуп не потребовали потому, что похищение прошло не так, как планировалось. Однако, выбравшись из душного кокона вины, Элис вдруг поняла, что вся ее версия не выдерживает критики, это всего лишь предположение, не подкрепленное доказательствами и больше похожее на сюжет романа, причем довольно плохого.

Даже уверенность Элис в том, что ночью она видела в лесу Бена – на чем, собственно, она и построила свою теорию, – теперь казалась выдумкой восторженной девицы, которая очень хотела взглянуть на предмет своей страсти еще раз, вот и приняла желаемое за действительное. Было темно, Элис стояла довольно далеко, а в тот вечер в Лоэннете собралось триста человек, чтобы отметить канун Иванова дня. Это мог бы быть кто угодно... или вообще никого. Лес порой обманчив и любит подшутить над человеком, отбрасывая причудливые тени. Лучше бы Элис

туда не ходила. Может, все сложилось бы иначе, если бы она дождалась мистера Ллевелина, как обещала. Вполне вероятно, что ее старый добрый друг остался бы в живых. (Об этом Элис обычно старалась не думать. О том, что не дождалась его, о «важных вещах», которые он хотел с ней обсудить, о том, как несчастный старик умирал на берегу ручья... А вдруг она бы его спасла, если бы сразу отправилась на поиски?)

Элис увидела свою версию в новом свете. Полная бессмыслица: садовник, чьи друзья нуждаются в деньгах, похищает сына работодателей в ночь, когда те устраивают большой прием, и хочет потребовать выкуп. Он использует потайной туннель и пузырек со снотворными таблетками, в точности следуя плану, который придумала шестнадцатилетняя девица... Смех, да и только! Никакой Бен не похититель. Элис позволила чувству вины себя ослепить. Подростковая убежденность застывает как цемент, и никакими взрослыми рассуждениями ее не поколебать. Впрочем, Элис и не пыталась. Из кожи вон лезла, чтобы вообще об этом не думать.

Версия Деборы, хотя и неприглядная, отличалась ясностью. В ней была логика, простота, выраженная в последовательности событий и даже неизбежность. Тео никогда не покидал пределы Лоэннета. Именно поэтому полиция не нашла никаких следов. Он погиб дома, от рук человека, которого любил и кому доверял. Еще одна жертва Первой мировой и ее бесконечных ужасов.

Элис почувствовала, как оживает горе, вызванное той давней смертью, глаза под темными стеклами очков наполнились слезами. Она оплакивала своего маленького брата, а еще отца, хорошего человека, совершившего чудовищное преступление. В эту минуту жизнь показалась Элис невыносимо жестокой и холодной, и она вдруг поняла, что очень устала. Хотя Элис не верила в Бога, сейчас она благодарила его за то, что Клемми погибла, так ничего и не узнав. Умерла, веря в свою сказку о бездетной паре и о новой счастливой жизни Тео.

Замешательство и угрызения совести, ужас и скорбь переплелись в душе Элис, когда она в конце концов отправилась домой. И все же вечером, выйдя на станции метро «Хэмпстед», Элис почувствовала и облегчение. Все это время она винила себя за то, что рассказала Бену про туннель, – а через семьдесят лет признание Деборы, предполагавшее совсем другую версию, в некотором роде сняло камень с души Элис.

Впрочем, не облегчение подвигло Элис попросить Питера позвонить Сэди Спэрроу, а любопытство. Когда-то Элис рассмеялась бы в лицо тому, кто предположил бы, что она доверит самые интимные подробности своей семейной истории постороннему человеку. Не позволили бы гордость и

скрытность. Но Элис состарилась. Время истекало. Услышав рассказ Деборы, она так и эдак вертела имеющиеся факты, переставляла их в различной последовательности. Картина жизни изменилась, и Элис, лежа без сна в постели, вдруг поняла, что должна узнать правду.

Долгие годы писательства приучили мозг тщательно сортировать информацию и превращать ее в повествование, и потому ей потребовалось совсем немного времени, чтобы выстроить факты по порядку. Однако доказательств не хватало, тут и там зияли прорехи; хотелось их заполнить. Элис сама провела бы расследование, но всему свое время и место, а в восемьдесят шесть лет уже чувствуешь некоторые физические ограничения. Появление профессионального детектива, рвущегося докопаться до правды, казалось мистически предопределенным, как сказала бы мама. Кроме того, после тщательного изучения личности Сэди Спэрроу, которое Элис проводила со вторника, задействовав свои знакомства в Департаменте уголовного розыска, Сэди уже не была посторонней.

Элис достала досье и тщательно прочитала заметки, задержавшись на описании недавних расследований Сэди. Судя по всему, она была отличным сыщиком, о ней отзывались по-разному: называли влюбленной в свою работу, настойчивой и просто упертой. В ее послужном списке не нашлось ни одного темного пятна, и даже Дерек Мэйтленд не хотел говорить о ней ничего компрометирующего, а это уже что-то. Однако Элис умела быть убедительной, и он сдался. Элис следила за делом Бейли в прессе – ее всегда интересовали дела о людях, пропавших без вести. Вскоре полиция заявила, что мать бросила девочку, и расследование прекратили, а после Элис прочитала статью, где утверждалось, что дело замяли. Она догадалась, что проболтался кто-то из своих, а теперь точно знала, кто именно. Никогда не лишне подстраховаться, и хотя сама мысль об этом была неприятна (как ни крути, шантаж есть шантаж), Элис не сомневалась, что с информацией, полученной от Дерека Мэйтленда, она сумеет убедить детектива Спэрроу не распространяться о наследии семьи Эдевейн.

Элис закрыла папку и взглянула на часы. Минутная стрелка почти дошла до цифры двенадцать, и это означало, что через несколько секунд Сэди Спэрроу опоздает и Элис получит небольшое, но приятное преимущество. Станет хозяйкой положения, и все будет в порядке. Она вдруг поняла, что сдерживает дыхание, и покачала головой, удивляясь приступу суеверности. Вот ведь дурочка! Как будто если гостя опоздает, то встреча пройдет успешно!.. Элис собралась, взяла газету с кроссвордом,

который пыталась закончить еще с завтрака, и бросила бесстрастный взгляд на секундную стрелку, приближающуюся к двенадцати. Минутная стрелка дернулась, когда в дверь постучали, и, как Элис ни успокаивала себя, ее сердце тоже подпрыгнуло.

Глава 24

Стоя на парадном крыльце, Сэди переводила дыхание. Всю дорогу от автобусной остановки она бежала, что весьма нелегко в туфлях, в последнюю минуту извлеченных из шкафа. Пыльные, они пахивали плесенью, и, как оказалось, один каблук держался только на полоске клея. Наклонившись, Сэди вытерла пятно, которое не заметила раньше. Ноги выглядели чужими, словно принадлежали другой женщине, и Сэди сомневалась, что эта особа ей нравится, но Э. С. Эдевейн славилась элегантностью, нельзя шокировать пожилую даму своим растрепанным видом. Опаздывать она тоже не хотела, хотя пробежка на неустойчивых каблуках далась нелегко. Элис Эдевейн ценила пунктуальность. Однажды она отказалась дать интервью опоздавшему журналисту, а в другой раз вынудила ведущего шоу на Би-би-си работать в прямом эфире без подготовки, и только потому, что он заставил себя ждать. Последние два с половиной дня Сэди провела в лихорадочных поисках информации об Элис Эдевейн, пересмотрела множество старых интервью и прочитала все, что только смогла найти, оттого и знала такие подробности. (Как ни странно, узнавать Элис Эдевейн оказалось делом приятным, было в ней что-то притягивающее, к тому же это занятие отвлекло Сэди от мыслей о втором письме Шарлотты Сазерленд.) Еще Сэди выяснила, что писательница предпочитает кустарниковые растения цветам, и удовлетворенно кивнула, заметив на подоконниках горшки с самшитом. Пока все идет хорошо. С вновь обретенной уверенностью Сэди поправила манжеты. Она возьмет разговор в свои руки и не уйдет, пока не получит нужные сведения.

Едва она собралась постучать второй раз, как вдруг дверь распахнулась, но за ней стояла не Элис Эдевейн, а молодой человек лет тридцати, с длинными ногами и клочковатой бородкой. Он выглядел как статист из фильма о группе «Роллинг Стоунз». Сэди почему-то сразу почувствовала к нему расположение.

– Питер? – спросила она.

– Детектив-инспектор Спэрроу! – улыбнулся молодой человек. – Заходите, Элис вас ждет.

Под ногами скрипели половицы, откуда-то доносилось тиканье часов. Питер привел Сэди в гостиную, тесно обставленную, элегантную и по ощущению больше подходящую для мужчины.

Сэди сразу узнала Элис Эдевейн, которая сидела в кресле у пустого

камина. Как часто бывает, когда встречаешь известную личность, вдруг возникло чувство, что они знакомы. Не легкое дуновение дежа-вю, а искреннее убеждение, что хорошо знаешь этого человека. То, как Элис скрестила ноги в брюках, как держала газету, даже упрямо выдвинутый подбородок казались до боли знакомыми. Глупо, конечно, подумала Сэди, она знает Элис только по многочисленным интервью. В памяти всплыла строка: «Нет ничего более утомительного, чем человек, который принимает узнавание за дружбу», и Сэди покраснела, поняв, что это из книги про Диггори Брента, которую она прочитала неделю назад.

– Элис, детектив-инспектор Спэрроу хочет с вами поговорить, – сказал Питер, повернулся к Сэди и указал на зеленое кожаное кресло с пуговицами. – Ну, не буду вам мешать. Если понадобится, я на кухне.

С его уходом тиканье часов стало как будто громче, и Сэди захотелось что-нибудь сказать, но она сдержалась, вспомнив презрительное замечание Элис в одном из интервью: мол, в наше время люди не способны выносить молчание.

Элис смотрела на гостью изучающим взглядом. Маленькие внимательные глаза словно светились на поблекшем лице. Сэди показалось, что эти глаза видят ее насквозь. Через несколько секунд пожилая женщина заговорила. У нее был хорошо поставленный голос театральной актрисы и дикция из другой эпохи.

– Вот мы и встретились, детектив Спэрроу.

– Пожалуйста, зовите меня Сэди. Я здесь не по долгу службы.

– Да, я знаю.

Сэди замерла. Не от слов Элис, а от того, как Элис их произнесла. А ее глаза... Она точно видит всех насквозь.

– Я наводила о вас справки, детектив Спэрроу. Думаю, вы согласитесь, что это оправданно. Вы попросили разрешения осмотреть дом моей семьи, ознакомиться с нашими архивами и выразили особое желание обсудить исчезновение моего младшего брата. Несмотря на свою профессию, я, как вы, наверное, уже догадались, человек достаточно скрытный и не согласилась бы обсуждать семейные дела с кем попало. Я должна была убедиться, что могу вам доверять, и для этого провела кое-какое расследование, чтобы получить более полную картину.

Пряча страх за спокойной улыбкой, Сэди представила, как выглядит эта картина.

– Я знаю о деле Бейли, – продолжила Элис. – А еще я знаю о вашем неофициальном разговоре с Дерекком Мэйтлендом.

Сэди почувствовала, как кровь отхлынула от головы, прилила к

кончикам пальцев и пульсировала там, как будто ища выход. Элис знает, что она, Сэди, слила информацию!.. Слова пылали яркой неоновой надписью, их тревожное сияние не давало собраться с мыслями. Постепенно рассудок вернулся. Элис знала, что она проболталась, и все равно пригласила ее к себе.

– Детектив-инспектор Спэрроу, я бы очень хотела узнать, почему вы были так уверены, что пропавшая женщина, Мэгги Бейли, стала жертвой преступления. Насколько мне известно, полиция не нашла ничего, что предполагало бы подобный сценарий.

Сэди не ожидала, что сегодня придется говорить о деле Бейли, однако наверняка Элис затронула эту тему неспроста. Она могла бы пожаловаться начальству Сэди и отказаться от встречи, но вместо этого позвала Сэди к себе домой. Хочет выпытать у нее всю подноготную? Сэди знала эту игру и любила. Внезапно она почувствовала коллегиальное уважение к пожилой даме.

– Трудно объяснить.

На лице Элис отразилось разочарование. Дурацкий ответ, Сэди знала, что могла бы придумать что-нибудь получше. Она торопливо продолжила:

– Для начала, внешний вид квартиры. Во внутреннем убранстве, пусть небогатом, было много деталей, свидетельствующих о том, что о ребенке заботятся: пианино солнечного ярко-желтого цвета, стена, на которой висели рисунки, все гордо подписанные ее именем. Женщина, которая так проявляет любовь, не может бросить своего ребенка. У меня это в голове не укладывалось, и когда мы стали опрашивать родственников и знакомых, они выразили то же мнение.

– Кто именно?

– Например, ее мать.

Элис подняла брови.

– Детектив Спэрроу, мать в такой ситуации всегда будет на стороне своего ребенка! С кем вы еще разговаривали? Бывший муж подтвердил слова матери Мэгги?

– Его отзыв был не столь однозначным.

– Неужели?

– Вряд ли стоит ожидать от мужчины, что он будет рассыпаться в похвалах бывшей супруге.

Легкая, слегка заинтересованная улыбка пробежала по губам Элис. Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на Сэди над пальцами, сложенными «домиком».

– Порой показания людей не заслуживают доверия. Даже самый

добросовестный свидетель, который охотно сотрудничает с полицией и не получает от лжи никакой выгоды, может наделать ошибок, неправильно что-то вспомнить или полагаться не на факты, а на собственное мнение и домыслы.

Сэди вспомнила, как Клайв отзывался об Элис. Тогда, в тысяча девятьсот тридцать третьем году, она неохотно давала показания и все время крутилась у дверей в библиотеку, как будто что-то скрывала и боялась признаться или хотела подслушать, что говорят другие.

– Мы все жертвы человеческого опыта, – продолжила Элис, – и смотрим на настоящее через линзу нашего прошлого.

У Сэди возникло ощущение, что они говорят о чем-то личном. Элис снова уставилась на нее внимательным птичьим взглядом.

– Вы правы, – согласилась Сэди.

– Детектив Спэрроу, давайте пока оставим свидетелей. Скажите, были ли какие-то фактические доказательства, подтверждающие ваше ощущение, что с молодой женщиной произошло несчастье?

– Нет, – призналась Сэди. – Собственно, там нашлось подписанное Мэгги письмо, которое говорило в пользу версии, что она сбежала.

– Да, помню, в газетах писали. Полиция обнаружила письмо через неделю после того, как нашли ребенка.

– К тому времени мы рассмотрели и другие версии. Письмо завалилось за холодильник.

– И даже тогда вы не согласились с тем, что Мэгги Бейли просто уехала.

– Я не могла отказаться от своей версии.

– Причем были настолько в ней уверены, что тайком обратились в прессу.

Сэди встретила взгляд Элис. Отрицать бессмысленно, Элис далеко не дура. Кроме того, Сэди не хотелось ничего отрицать. У Элис достаточно информации, чтобы навсегда разрушить ее карьеру, и от этого факта у Сэди вдруг стало легче на душе. С тех пор как Сэди вынудили уйти в отпуск, ей было не с кем обсудить дело Бейли. Дональд категорически отказывался, перед Клайвом нужно было держать профессиональный авторитет, Берти не хотелось разочаровывать правдой. А сейчас можно говорить откровенно. Терять нечего, худшее Элис уже знает.

– Я не видела другого способа привлечь внимание общественности к судьбе Мэгги. Управление закрыло дело – там не любят полицейских, готовых тратить деньги налогоплательщиков на дела, где нет фактических доказательств, – но мне было тяжело от одной мысли, что, если Мэгги

действительно стала жертвой преступления, ее не будут искать.

– Вы потеряете работу, если выяснится, что утечка информации произошла по вашей вине.

– Знаю.

– Вы любите свою работу?

– Всей душой.

– И все же обратились в прессу.

– Я должна была так поступить.

– Детектив Спэрроу, вы безответственный человек?

Сэди ненадолго задумалась.

– Надеюсь, что нет. Я не стала бы обращаться к Дереку Мэйтленду сгоряча. И мне хотелось бы думать, что я чувствовала ответственность перед Мэгги, а не пренебрегла служебным долгом. – Она решительно выдохнула. – Нет, я не безответственный человек. Я – добросовестная и, возможно, слегка упертая.

Пока Сэди описывала свой психологический портрет, в гостиную вернулся Питер. Сэди бросила на него выжидающий взгляд, подозревая, что молодой человек пришел, чтобы проводить ее к выходу. Однако Питер лишь вопросительно посмотрел на Элис. Она деловито кивнула и сказала:

– Думаю, мы бы выпили чаю, Питер. Спасибо.

Похоже, он обрадовался.

– Замечательно!

Он улыбнулся Сэди теплой улыбкой и ушел. Сэди была тронута, но не понимала, чем заслужила подобное отношение. Питер ей определенно нравился, хотя обычно ее привлекали мужчины совсем другого типа. Питер вызывал интерес длинными лохматыми волосами и старомодными манерами. Немного старше Сэди, он был очарователен в книжном стиле. «Интересно, как так вышло, что он работает здесь современным Ларчем?»^[25] – подумала она.

– Питер – доктор, правда, не медицины, а литературы, – сказала Элис Эдвейн, прочитав мысли Сэди. – И лучший из всех помощников, которые когда-либо у меня были.

Сэди поняла, что устала на то место, где стоял Питер, торопливо опустила взгляд на колени и смахнула невидимую соринку.

– Вы читали мои книги, детектив Спэрроу?

Сэди в последний раз отряхнула брюки.

– Одну.

– Значит, вы уже встретились с Диггори Брентом.

– Да.

– Наверное, вы не в курсе, что он стал частным сыщиком после того, как его выгнали из полиции за служебный проступок, очень похожий на ваш собственный.

– Я не знала.

– Ну, когда-то от авторов циклов книг требовали включать в каждую книгу краткую предысторию, но потом издатели отказались от подобной практики, и я была счастлива. Существует не так уж много способов повторять одно и то же разными словами, и, боюсь, мне это несколько надоело.

– Представляю.

– Диггори не вписывался в систему Департамента уголовного розыска. Очень целеустремленный человек, он потерял жену и маленького ребенка, и эта потеря придала ему упорство и настойчивость, качества, которые не всегда ценились его коллегами, не говоря уже о начальстве. Я замечала, что потеря ребенка создает в душе человека терзающую пустоту.

Не в первый раз Элис почувствовала, что пожилая женщина знает о ее прошлом больше, чем хотелось бы самой Сэди. Она уклончиво улыбнулась, а Элис Эдевейн продолжила:

– Диггори намного лучше приспособлен к детективной работе вне рамок закона. И не потому, что он не уважает закон; напротив, он человек чести и очень добросовестный. Добросовестный и – как вы это сказали? – слегка упертый.

Питер вернулся с чайным подносом, поставил его перед гостьей.

– Вы как пьете? – спросил он и вежливо подал чашку чая с молоком и одним кусочком сахара, как Сэди и просила.

– Спасибо, Питер, – поблагодарила Элис, принимая чашку черного чая без сахара. Пригубила чай, немного помедлила, поставила чашку с блюдцем на стол, повернув ручку чашки, как положено по этикету.

– А теперь давайте к делу, – сказала она. – В моем письме вы упомянули некую версию и хотите попасть в Дом у озера, чтобы ее проверить. Как я понимаю, вы обнаружили в Лозннете второй туннель?

Вот так просто они оставили позади Мэгги Бейли и Диггори Брента, и Элис начала разговор об исчезнувшем брате. Сэди обрадовалась, хотя ее несколько ошеломило, с какой скоростью они сменили тему.

– Да, – ответила она, выпрямляясь в кресле. – Но с тех пор моя версия поменялась. Если вы не возражаете, я хотела бы спросить о вашем отце.

Элис и глазом не повела, как будто ждала этой просьбы.

– Спрашивайте, детектив Спэрроу. Только, увы, я уже стара и мое время на вес золота. Меня бы больше устроило, и вас наверняка тоже, если

бы вы не ходили вокруг да около, а сразу изложили свою версию. Как вы думаете, что произошло с Тео?

За десять лет работы в полиции Сэди никогда не сталкивалась с человеком вроде Элис Эдевейн.

– Думаю, что той ночью в Лоэннете ваш брат погиб, – сказала она, пытаясь скрыть замешательство.

– Я тоже так считаю. – Элис выглядела почти довольной, как будто проводила экзамен и получила правильный ответ. – Долгое время я была уверена, что его похитили, и лишь недавно поняла, что ошибалась.

Сэди собралась с духом и продолжила:

– После войны ваш отец страдал от последствий боевой психической травмы.

Элис сохраняла спокойствие.

– Да, хотя мне об этом сказали тоже недавно. Родители держали это в тайне. Мне рассказала моя сестра Дебора, а сама она узнала только в тысяча девятьсот сорок пятом году. – Длинные пальцы Элис поглаживали бархатную окантовку подлокотника. – Итак, детектив Спэрроу, мы установили, что мой отец перенес боевую психическую травму, и согласились, что мой брат, скорее всего, погиб в Лоэннете. Какая, по-вашему, связь между этими двумя фактами?

Вот оно. Сэди выдержала взгляд Элис.

– Я подозреваю, что ваш отец случайно убил вашего брата.

– Да, – кивнула Элис. – С недавних пор я тоже так думаю.

– Еще я считаю, что ваш брат похоронен в Лоэннете.

– Разумное предположение.

Сэди облегченно вздохнула. Из собственного опыта она знала, что люди, как правило, не слишком благосклонно относятся к предположению, что их самый близкий человек совершил тяжкое преступление. Сэди думала, что ей придется убеждать Элис, всячески обхаживать и изо всех сил стараться не задеть ее чувства. Прямой и честный разговор нравился Сэди куда больше.

– Загвоздка в том, – сказала она, – что у меня нет доказательств.

– Думаю, детектив Спэрроу, я смогу вам помочь.

В душе Сэди шевельнулась осторожная радость.

– Как?

– Вряд ли после стольких лет там остались физические улики, но можно обратиться к другим источникам. В моей семье всегда все записывали. А вы любите вести записи?

Сэди покачала головой.

– Ничего страшного, мы ведь не ваши секреты хотим раскрыть. Отец постоянно вел дневник, а мать предпочитала писать письма. Еще в детстве она писала записки феям, ужасно милые, а потом отец ушел на фронт, почти сразу после того, как они поженились, и привычка писать письма осталась у мамы на всю жизнь.

Сэди вспомнила любовное письмо на бумаге с орнаментом из листьев плюща, которое нашла в лодочном сарае. Письмо от Элеонор к Энтони, написанное, когда он воевал, а она вынашивала Элис. Сэди хотела было рассказать о письме, но потом подумала, что их дочь может счесть любопытство Сэди вуайеризмом. Кроме того, Элис уже продолжала:

– В Лоэннете в мансарде есть кабинет, где хранятся семейные архивы нескольких поколений, там обычно работал отец. Еще есть бюро с откидной крышкой в комнате матери. Я бы начала оттуда. Мама очень трепетно относилась к переписке. Писала все письма в трех экземплярах и хранила заполненные книги на полочках в бюро, а полученные письма держала в ящичках с обеих сторон бюро. Ящички заперты, ключ найдете на маленьком крючке под сиденьем стула. Я с детства подмечала и запоминала подобные вещи. К сожалению, тогда мне и в голову не приходило, что в маминых бумагах есть что-нибудь интересное, и я бы никогда не осмелилась проникнуть в кабинет отца. Возможно, я бы избавила всех нас от многих хлопот, если бы решилась подсмотреть. Ну да ладно, бог с ним. Лучше поздно, чем никогда. Я слышала о ваших следовательских способностях только хорошее.

Сэди улыбнулась, надеясь, что улыбка вышла обнадеживающей и уверенной.

– Во время поисков вы наверняка найдете много чего разного. Я полагаюсь на вашу сдержанность. У нас у всех есть секреты, которыми мы не хотим делиться, не так ли?

Сэди поняла, что ее вежливо шантажируют.

– Можете мне доверять.

– Я очень хорошо разбираюсь в людях, детектив Спэрроу, и уверена, что могу. Вы готовы отстаивать свои убеждения и не идете на компромиссы. Мне всегда нравилась в людях эта черта. Я хочу знать, что произошло той ночью. Я не люблю выражение «подвести черту», закрытый финал хорош в литературе, но довольно глупо ждать его в нашем обширном мире. И все же, думаю, не надо объяснять, как много для меня значат ответы.

Элис взяла связку ключей с маленького столика, повертела и протянула Сэди.

– Вот, ключи от Лоэннета. Разрешаю искать везде, где вы сочтете нужным.

Сэди торжественно приняла ключи.

– Если там есть что искать...

– Вы обязательно найдете. А теперь, если у вас больше нет вопросов, думаю, мы закончили.

Сэди поняла, что ее вежливо просят уйти. Впрочем, пока Элис рассказывала об отцовском дневнике и привычке матери писать письма, ей в голову пришла одна мысль. Похоже, Элис уверена, что Сэди найдет необходимые доказательства того, что отец причастен к смерти Тео, в этих бумагах, но тогда и Элеонор Эдевейн, которая знала о психической травме мужа, должна была их увидеть.

– Как вы думаете... ваша мать знала?

Элис и глазом не повела.

– Думаю, да.

– Но... почему она не рассказала полиции? После того, что он наделал?..

– Отец болел. Умышленно он бы никогда так не поступил.

– А ребенок!..

– У мамы был своеобразный взгляд на мораль и справедливость. Полагаю, она считала, что получила по заслугам и сама виновата в своем горе.

– Почему вы так решили?

Элис сидела прямо и неподвижно, как статуя.

– Был один человек, который какое-то время работал в Лоэннете. Его звали Мунро.

– Бенджамин Мунро, да, я знаю. Вы были в него влюблены.

Похоже, самообладание Элис чуть дрогнуло.

– Надо же! Вы неплохо подготовились!

– Просто делаю свою работу.

– Что ж, в данном случае вы ошиблись. – Элис подняла плечо, и острая кость выступила под шелковой блузкой цвета слоновой кости. – Возможно, я и испытывала подростковую влюбленность, но не больше. Вы же знаете, как быстро влюбляешься в юности.

Элис произнесла это таким тоном, что Сэди задумалась: а не известно ли ей о ее подростковом увлечении? О компанейском парне с блестящей машиной, от улыбки которого у Сэди подгибались колени?

– Бенджамин Мунро ушел из Лоэннета как раз перед тем, как пропал Тео.

- Да, у него закончился контракт.
- К пропаже Тео Мунро не имел никакого отношения.
- В бытовом смысле – нет.

Сэди устала от загадок.

- Тогда я не понимаю, зачем мы вообще о нем говорим.

Элис выпятила подбородок.

– Вы спрашивали, почему мама чувствовала себя виноватой в том, что случилось с Тео. За неделю до Иванова дня моя старшая сестра Дебора рассказала отцу нечто такое, от чего он впал в ужасное состояние. Я выяснила это только недавно. По-видимому, у моей матери был роман с Бенджамином Мунро.

Глава 25

Корнуолл, 1931 г.

Второй раз Элеонор влюбилась в тридцать шесть лет. Нет, речь не шла о любви с первого взгляда, как когда-то с Энтони; в тысяча девятьсот тридцать первом году она сильно отличалась от той девочки, которой была двадцать лет назад. Но у любви много цветов, и это произошло так: дождливый Лондон, врач на Харли-стрит, чай в «Либерти», море черных зонтов, многолюдный вокзал, тускло-желтое сиденье в холодном вагоне.

Раздался свисток. Поезд отправлялся точно по расписанию. Элеонор глядела в окно на пути, черные от сажи и копоти, и даже толком не заметила, как молодой человек запрыгнул в вагон и занял место напротив. Она увидела его отражение в стекле – молодой, лет на десять моложе самой Элеонор. Он сказал своему соседу, что ему повезло: в последнюю минуту успел купить билет, который кто-то сдал. Элис отметила, что у незнакомца приятный голос, и больше не обращала на него внимания.

Поезд в клубах дыма отъехал от станции. Дождь усилился, ручьями бежал по стеклу, и все снаружи словно растворилось. Пока Лондон сменялся пригородами, Элеонор прокручивала в памяти встречу с доктором Хаймером и думала, не слишком ли много она рассказала. Чопорная маленькая машинистка в углу, которая усердно печатала на своей машинке все, что говорила Элеонор, уже тогда вызывала неприятные чувства, сейчас же от мысли о ней Элеонор замутило. Она знала, как важно быть честной с врачами, дословно передавать слова Энтони и рассказывать о всех его поступках, тем не менее, когда Элеонор мысленно строила фразы, когда слышала собственные слова, ее не покидало тяжелое, болезненное ощущение, что она предала своего мужа, которого поклялась защищать.

Энтони ведь гораздо больше, чем симптомы, которые его мучают! Элеонор хотелось донести до доктора, как добр Энтони с девочками, каким веселым, красивым и целеустремленным он был, когда они познакомились, и как несправедливо, что войне позволено опустошить человека, разодрать полотно его жизни, не оставив ничего, кроме обрывков мечты. Но что бы Элеонор ни говорила, доктор не понимал, что она любит своего мужа и хочет его спасти, как когда-то он спас ее. Ей хотелось, чтобы доктор освободил ее, исправил ее ошибки... А он сидел, солидный, в сером костюме и очках в проволочной оправе, важно кивал, прижимая к губам ручку, и время от времени что-то черкал на полях блокнота. Слова Элеонор

превращались в бусины и скатывались с напояженных волос врача, как капли воды с утиной спинки, и все это время в сдержанной больничной тишине кабинета раздавался укоризненный цокот клавиш печатной машинки.

Элеонор не осознавала, что плачет, пока молодой человек напротив не протянул ей свой носовой платок. Она удивленно подняла голову и увидела, что вагон опустел, кроме них осталась только пожилая женщина, которая сидела на краю скамьи у самого выхода. Элеонор так задумалась, что не заметила, как во время пути поезд останавливался на станциях.

Она взяла платок и вытерла глаза. Элеонор смутилась, более того, рассердилась на себя: надо же, опустила до того, что рыдает в поезде и ее жалеют незнакомые люди! Она заметила с неприятным чувством, что пожилая дама у двери бросает на них любопытные взгляды поверх вязания, видимо, решив, что принятый платок свидетельствует о некоей близости.

– Нет, – сказал молодой человек, когда Элеонор попыталась вернуть платок. – Пусть будет у вас.

Он не стал расспрашивать Элеонор о ее горестях, а сама она ничего не стала рассказывать. Молодой человек вежливо улыбнулся и занялся своим делом.

Элеонор заметила, что он возится с листком бумаги, быстро и аккуратно сгибает его и складывает то треугольником, то четырехугольником, переворачивает лист и проделывает то же самое. Элеонор отвела глаза, однако продолжала наблюдать за его действиями, глядя на отражение в вагонном окне. Молодой человек согнул листок в последний раз, положил на ладонь и оглядел со всех сторон. С неожиданно приятным удивлением Элеонор увидела, что это птица: похожая на лебедя фигурка с заостренными крыльями и длинной шеей.

Поезд, гроыхая, тащился на запад, за окном сгустилась тьма, такая же непроницаемая, как темнота кинозала после того, как фильм закончился. Должно быть, Элеонор заснула и спала довольно долго, потому что пробудилась только на конечной остановке. Начальник станции дул в свисток, давая сигнал к высадке из поезда, мимо окна спешили пассажиры.

Элеонор попыталась достать с багажной полки сумки, но не смогла, и молодой человек ей помог. Вот так запросто. Оказалось, сумка с покупками зацепилась за какую-то железку. Элеонор еще не пришла в себя после сна и чувствовала, что очень устала после долгого дня.

– Спасибо, – смущенно сказала она. – И за платок тоже. Боюсь, я его испортила.

– Ничего страшного, – улыбнулся молодой человек, и на его щеке

появилась ямочка. – Оставьте себе.

Их руки соприкоснулись, когда Элеонор взяла у него сумки, глаза встретились. Это было как удар током, вспышка вселенского узнавания, как будто на какой-то миг ткань времен разошлась и они увидели альтернативную вселенную, где между ними существовало нечто большее, чем мимолетная встреча в поезде.

Элеонор с трудом привела мысли в порядок. В окно она увидела, что на хорошо освещенной платформе ждет Мартин. Он внимательно вглядывался в других пассажиров, искал Элеонор взглядом, готовый отвезти ее домой.

– Что ж, – произнесла она деловитым холодным тоном, как будто отпускала новую горничную. – Еще раз большое спасибо за помощь.

Коротко кивнув, она подняла подбородок и ушла, оставив молодого человека в вагоне.

* * *

Если бы Элеонор не увидела его еще раз, то наверняка бы и не вспомнила. Случайная встреча в поезде, симпатичный незнакомец, добрый поступок. Пустяк, который затерялся бы в закоулках памяти среди таких же мелочей жизни.

Но Элеонор снова увидела его облачным августовским днем через несколько месяцев после той встречи. Утро выдалось необычно теплым, воздух загустел, и Энтони проснулся в помутненном сознании. Элеонор слышала, как он ворочается перед рассветом, сражается со страшными видениями, которые одолевали его по ночам, и поняла, что нужно ждать худшего. Еще она понимала, что нападение – лучшая защита; поэтому, заставив принять две таблетки снотворного, сразу после завтрака отправила мужа наверх, а прислуге сказала, что он работает над важным проектом, и запретила его беспокоить. У няни Роуз был выходной, поэтому Элеонор позвала девочек и велела обуться: сегодня они проведут утро в городе.

– Ой, нет! Ну почему? – воскликнула Элис, которая всегда возмущалась первой и громче всех. Предложи Элеонор провести неделю в шахтах, наверное, даже тогда в голосе средней дочери не звучало бы столько ужаса.

– Потому что мне нужно забрать на почте посылки и я хочу, чтобы вы помогли их нести.

– Что, еще посылки? Нет, правда, мама, ты уже весь Лондон скупила.

Опять ворчание. Бу-бу-бу.

– Хватит, Элис. Когда-нибудь, бог даст, тебе тоже придется вести хозяйство, и вот тогда будешь решать, покупать необходимые вещи или нет.

На лице Элис было написано: «Ни за что!», и Элеонор вдруг с удивлением узнала в упрямых чертах четырнадцатилетней дочери саму себя, только намного моложе.

– Элис, я не буду повторять, – произнесла она резче, чем хотела. – Мы едем в город. Мартин уже пошел за машиной, так что немедленно найди туфли и обуйся.

Элис надменно поджала губы, ее глаза презрительно блеснули.

– Да, мама, – сказала она, выделив слово «мама».

Мама. Мать семейства. Все ее недолюбливают. Даже сама Элеонор порой морщилась от неустанной педантичности этой женщины. С ней всегда было скучно, и она не упускала возможности испортить шумное веселье лекцией об ответственности или благоразумии. Элеонор сломалась бы от невыносимого бремени, которое свалилось на нее из-за болезни Энтони, но мать семейства успешно справлялась с трудностями. Она следила, чтобы девочки не путались у отца под ногами, когда его состояние ухудшалось, и в любой момент была готова броситься на помощь. Мать семейства не тревожится, если дети считают ее занудой. С чего бы? Она действует в их интересах, хочет, чтобы они стали лучше.

Элеонор, напротив, очень расстраивалась и оплакивала те далекие дни войны, когда девочки сворачивались у нее на коленях и слушали сказки, когда она бегала вместе с ними по Лозннету и показывала укромные и волшебные уголки своего детства. Впрочем, она давным-давно перестала себя жалеть. Элеонор видела, как существуют другие семьи, жизнь которых вращается вокруг нужд и потребностей инвалида, и пришла к выводу, что сопутствующий ущерб слишком велик. Она не желала, чтобы тень боли и разочарования мужа накрыла жизнь их растущих дочерей. Если она, Элеонор, примет на себя его печали, тогда девочки не пострадают, а в один прекрасный день она найдет нужного врача и сможет вылечить Энтони, и никто ничего не узнает.

А пока Элеонор, как и обещала, была полна решимости скрывать болезнь мужа. Именно поэтому она все время делала множество заказов в лондонских магазинах. В половине вещей она не нуждалась, просто из всех способов, которые она придумала, чтобы вовремя увести дочерей, этот был самый простой и правдоподобный. Между вылазками на пляж или походами в поля Элеонор увозила дочерей в город, чтобы забрать с почты посылки. Со своей стороны, девочки охотно верили (правда, с недовольным

ворчанием), что их мать одержима походами по магазинам и не успокоится, пока не купит в Лондоне модную вещицу. Так было и этим утром.

– Дебора, Клементина, Элис, быстрее! Мартин ждет!

Возникла привычная суматоха – дочери носились по всему дому в поисках неуловимых туфель. Значит, позже им придется выслушать лекцию о юных леди, ответственности, долге перед собой и так далее. Мать умела читать нотации. А почему, собственно, и нет, ведь у нее перед глазами был пример Констанс. Порой Элеонор сама удивлялась, откуда в ее собственном голосе столько сварливости, как холодно и недовольно она разговаривает. Лица девочек были живым воплощением скуки и нелюбви, когда Элеонор сурово призывала их вести себя как следует. И, что еще хуже, они нисколько не удивлялись, разве только на лице Деборы изредка мелькали обида и смтение, как будто она почти помнила время, когда все было по-другому. Наверное, это и есть самое ужасное. Дочери понятия не имеют, как она завидует их свободе и радуется тому, что они не связаны светскими условностями, не знают, что когда-то и она была такой же и что, сложись все иначе, они могли бы быть друзьями.

Наконец девочки собрались у подножия лестницы, чуть более растрепанные, чем надеялась Элеонор, зато обутые. Элеонор вывела их во двор, где Мартин прогревал машину, и они все забрались на заднее сиденье. Пока дочери выясняли, кто будет сидеть у окна и чье платье застряло под чьим задом, Элеонор смотрела через окно на мансарду, где спал Энтони. Если удастся держать девочек подальше от дома все утро, глядишь, после обеда Энтони станет лучше и часть дня будет спасена. Состояние мужа напоминало нажимно-отжимной механизм, в котором глубокому отчаянию соответствовала не менее глубокая радость. Эти редкие минуты напоминали, каким Энтони был. Какой он есть, поправила себя Элеонор.

К тому времени, когда они приехали в город, облака развеялись. Рыбачьи лодки возвращались в гавань, чайки с криком носились над неподвижным, темно-серым морем. Мартин притормозил на Хай-стрит.

– Вас высадить здесь, мэм?

– Да, мы выйдем, спасибо.

Мартин остановил машину, открыл дверь и выпустил их всех.

– Хотите, чтобы я подождал, пока вы делаете покупки?

– Не стоит. – Элеонор разгладила юбку на бедрах, соленый морской ветер ласково обдувал затылок. – Думаю, миссис Стивенсон надавала вам поручений, а мы задержимся на пару часов.

Девочки предсказуемо возмутились:

– Целых два часа, мама!
– Чтобы забрать несколько посылок?
– Я умру от скуки!
– Скука – удел глупцов, – услышала Элеонор свой голос. – Скучающих людей можно только пожалеть. – Не обращая внимания на громкие протесты, она добавила: – Раз уж мы здесь, давайте зайдем куда-нибудь и выпьем чаю. А вы расскажете мне, что выучили на уроках.

Элеонор подозревала, что не слишком много. Судя по количеству самодельных газет и хихиканью горничных, которым, вообще-то, следовало заниматься делом, дочери больше времени уделяли старому печатному прессу, чем урокам. Впрочем, в детстве Элеонор вела себя точно так же...

Девочки слегка развеселились в предвкушении торта (но не разговора об уроках) и последовали за Элеонор в кафе, где все вчетвером довольно мило провели время. Все прошло замечательно, если не считать того, что Клементина опрокинула молочник.

К сожалению, удовольствие можно растянуть только до определенного момента. Оживленная беседа и чай в чайнике закончились, а когда Элеонор украдкой взглянула на отцовские часы, то увидела, что впереди еще целый час. Оплатив счет, она приступила к плану «Б». Сказала, что им нужно зайти в галантерею, к модистке и в ювелирную мастерскую (причины она придумала заблаговременно), и повела свой выводок по Хай-стрит. Когда Элеонор обсудила, как лучше починить застежку на золотом браслете, девочки уже изнывали от скуки.

– Пожалуйста, мама, можно мы пойдем к морю, пока ты ходишь по своим делам? – взмолилась Элис.

– Да, мама, пожалуйста! – подхватила Клементина, которая едва не сломала трое часов за три минуты.

– Позволь, я их отведу, – сказала Дебора, которая в свои шестнадцать только-только начала осваиваться с ролью старшей дочери и на правах взрослой присматривала за сестрами. – Я прослежу, чтобы они хорошо себя вели, а к приезду Мартина мы вернемся и поможем тебе с вещами.

Элеонор посмотрела, как они уходят, и облегченно вздохнула. Если честно, она радовалась не меньше дочерей. Гораздо легче убить время, когда не надо никого развлекать и призывать к порядку. Она поблагодарила ювелира, согласилась на предложенный способ починить застежку и вышла из мастерской.

На площади нашлась деревянная скамейка, и Элеонор обрадовалась, увидев, что там никого нет. Ребенком она не понимала, сколько

удовольствия доставляет взрослым простая возможность спокойно посидеть. Никаких тебе требований и ожиданий, очередей и разговоров – замечательно!.. Элеонор с некоторым сожалением увидела, что через пятнадцать минут должен вернуться Мартин и нужно идти на почту.

Почтмейстерша Марджори Кемплинг была сплетницей и настоящим кладезем информации, которой щедро делилась с окружающими. Элис часто приходила на почту за посылками; возможно, именно поэтому мисс Кемплинг решила, что они с ней одного поля ягоды, и записала Элеонор в сообщницы, хотя та никогда ее не поощряла.

Элеонор замешкалась на верхней ступеньке перед каменным зданием почты. На другой стороне двери висел маленький колокольчик; на мисс Кемплинг он действовал как зов боевой трубы, а Элеонор воспринимала его как сигнал к началу атаки. Сосредоточившись, Элеонор приготовилась зайти внутрь, вежливо, но твердо потребовать свои посылки и поскорее убраться прочь. Она взялась за ручку и, наверное, толкнула сильнее, чем следовало, потому что дверь распахнулась настежь, и, к своему ужасу, Элеонор налетела на молодого человека, который выходил на улицу.

– Извините, пожалуйста, – пробормотала она, отступая в сторону.

– Ничего страшного, я сам виноват, слишком спешил. Внезапно почувствовал, что мне не хватает свежего воздуха и тишины.

Элеонор невольно рассмеялась. Их взгляды встретились, и только мгновение спустя Элеонор вспомнила, что они уже встречались. Его черные волосы отросли и вились кудрями, кожа потемнела. Он совсем не походил на того опрятного молодого человека, который помог ей в поезде по дороге домой.

Его улыбка завораживала.

– Мы с вами встречались?

– Нет, – торопливо ответила она, вспомнив поездку, носовой платок, искру, которая проскочила между ними, когда их пальцы соприкоснулись. – Вряд ли.

– Может, в Лондоне?

– Нет, никогда.

Молодой человек слегка нахмурился, потом весело и беззаботно улыбнулся.

– Значит, я ошибся. Примите мои извинения. До свидания.

– До свидания.

Элеонор выдохнула. Эта встреча ее ошеломила, и потому она немного постояла и только через несколько секунд вошла внутрь. Колокольчик зазвенел, и Элис едва сдержалась, чтобы не выдернуть его с корнем и

заставить замолчать.

Глаза почтмейстерши загорелись.

– Ах, миссис Эдевейн, как хорошо, что вы зашли! У меня для вас несколько посылок... Но что с вами? Вы такая бледная!

– Здравствуйте, мисс Кемпинг. Боюсь, я только что налетела в дверях на джентльмена. Я такая невнимательная! Мне немного не по себе.

– Ох, должно быть, это мистер Мунро! Присядьте, моя дорогая, я сейчас принесу холодной воды.

Мистер Мунро. Следовало бы догадаться, что мисс Кемплинг его знает. Элеонор ненавидела себя за то, что ей интересно. Еще сильнее она себя ненавидела за укол легкой иррациональной зависти от того, что почтмейстерша с легкостью называет его имя.

– Правда, красавчик? – Мисс Кемплинг торопливо выбежала из-за стойки, держа в лапке стакан воды. – Ему бы в кино сниматься! Совсем не похож на местных молодых людей. И мастер на все руки, я слышала, он колесит по стране и берется за любую работу. Летом он работал в яблоневом саду у мистера Николсона. – Почтмейстерша пододвинулась ближе, и Элеонор почувствовала жирный запах ее дневного крема. – Живет в старой кибитке на ручье, совсем как цыган. Судя по виду, в нем есть капелька цыганской крови, правда? Такая кожа! А глаза!

Элеонор сухо улыбнулась. Она презирала любовь мисс Кемплинг к сплетням, но вместе с тем подсознательно хотела услышать еще что-нибудь. Выходит, она сама настоящая лицемерка!

– Вообще-то, он не совсем джентльмен, – продолжала почтмейстерша, – хотя у него хорошие манеры, и он такая душка! Мне будет его не хватать.

Не хватать?

– Да?

– Он приходил сказать, что больше не будет забирать почту. Его контракт с мистером Николсоном заканчивается, и на следующей неделе мистер Мунро уезжает. Даже адреса для пересылки не оставил, такая жалость! Очень загадочный молодой человек. Я спросила: «А вдруг вам придет почта, а я не знаю, куда ее отправить?» Знаете, что он ответил?

– Понятия не имею.

– Сказал, что все близкие ему люди знают, куда писать, а без остальных он обойдется.

После той встречи Элеонор не могла его забыть. Мисс Кемплинг сообщила достаточно, чтобы подогреть ее интерес, и следующие несколько недель она часто думала о случайном знакомом. Мистер Мунро. Это имя незаметно проникло в голову и приходило на ум при самых странных обстоятельствах: когда она поднималась в кабинет к Энтони, когда смотрела на девочек на лужайке, когда ложилась спать, а с озера доносились крики ночных птиц. Так порой не избавишься от навязчивой мелодии. Элеонор вспоминала его теплый голос, взгляд, которым они обменялись, ощущение, которое охватило ее, когда в поезде их руки соприкоснулись: это судьба, им предопределено встречаться еще и еще.

Элеонор прекрасно понимала, что эти мысли опасные и грешные, – хотя бы по сопровождавшему их трепету. Она никогда не думала, что будет испытывать влечение к другому мужчине, не Энтони, и казалась себе грязной. Она уверяла себя, что все это временно, просто короткое помутнение, что вскоре она забудет об этом человеке, а пока ее мысли принадлежат только ей, а другим знать необязательно. Сам Мунро уехал несколько недель назад, не оставив адреса. Так что никакого риска. Почему бы ей не порадоваться приятному воспоминанию, кому от этого плохо?.. И Элеонор продолжала вспоминать, иногда додумывать. Мистер Мунро. Его легкая улыбка, возникшее странное притяжение. Интересно, что произошло бы, скажи она: «Да, конечно, я вас помню, мы раньше встречались»?

Однако риск есть всегда, особенно если сердце дрогнуло и дало слаbinу. В следующий раз Элеонор потребовалось увести девочек из дома чудесным ясным утром, первым за несколько недель морозящего дождя, и ей совсем не хотелось затягиваться в строгое платье и ехать в город. Лучше пойти на пикник.

Миссис Стивенсон собрала для них ленч, и они отправились по тропе между кустов сирени, потом шли вокруг озера, пока не достигли речушки, что текла вдоль нижней границы сада. Эдвина, которая очень неохотно оставалась дома, бежала за ними, тяжело дыша. Замечательная собака, она любила всех, а Элеонор просто обожала. Они привязались друг к другу после происшествия с Энтони, когда Эдвина была еще щенком. Сейчас старушку мучил артрит, но даже он не мог помешать Эдвине повсюду следовать за любимой хозяйкой.

Стояла великолепная погода, и они зашли дальше, чем обычно, возможно, из-за того, что слишком долго сидели взаперти. Позже Элеонор клялась себе, что привела дочерей к саду мистера Николсона совершенно случайно. Вообще-то, они шли за Клементиной, которая бежала впереди,

раскинув руки. Потом Дебора показала на плоский, заросший травой клочок земли под ивой у кромки воды и воскликнула: «Ой, давайте сядем здесь, идеальное место!» Элеонор, конечно, знала, куда они зашли, и слегка смутилась, когда на нее нахлынули фантазии, которыми она наслаждалась последний месяц. Однако не успела она предложить другое место, скажем, чуть выше по ручью или на другой поляне, как две старшие дочери расстелили одеяло и устроились на нем. Элис, хмурясь, смотрела в записную книжку и покусывала губу, как будто хотела, чтобы ее перо успевало за скачущими мыслями. Элеонор вздохнула и решила остаться. И действительно, зачем куда-то идти? Этот человек, мистер Мунро – у Элеонор вспыхнули щеки, когда она мысленно произнесла его имя, – уехал несколько недель назад, и только ее нечистая совесть не хочет, чтобы они устроились именно здесь.

Элеонор распаковала корзинку для пикника и разложила вкусности, заботливо приготовленные миссис Стивенсон. Солнце поднималось все выше и выше, девочки вместе с мамой ели сэндвичи с ветчиной, румяные сладкие яблоки и огромные куски кекса, запивая все это великолепие имбирным лимонадом. Эдви́на следила за ними умоляющими глазами и жадно хватала перепавшие ей лакомые кусочки.

Стояла удивительно теплая для октября погода. Элеонор расстегнула перламутровые пуговицы на манжетах и дважды аккуратно подвернула рукава. После ленча ее разморило. Закрыв глаза, Элеонор слушала ленивый спор девочек из-за последнего куса кекса, но вскоре ее внимание переключилось на плеск воды в ручье, где резвилась сверкающая на солнце форель, стрекотание невидимых сверчков у опушки леса, теплый шелест листьев в саду. Каждый звук казался громче обычного, словно кто-то зачаровал этот клочок земли, как в одной из сказок мистера Ллевелина. Элеонор вздохнула. Старик уже месяц как уехал; в конце лета он всегда перебирался в Италию, где теплый климат успокаивал его больные ноги и мятущуюся душу. Элеонор ужасно по нему скучала: зимние месяцы в Лоэннете казались длиннее и холоднее, а она сама становилась строже и сдержаннее. Только мистер Ллевелин видел в Элеонор ускользающую тень девочки с непокорными спутанными волосами и таким же непокорным характером.

Элеонор заснула и во сне вернулась в детство. Она плыла на своей лодочке, ветер раздувал белый парус, а папа и мистер Ллевелин махали с берега. На сердце было легко и радостно, она не чувствовала ни сомнений, ни страха. Солнечные блики дрожали на воде, листья блестели... Но когда Элеонор оглянулась, чтобы помахать еще раз, то поняла, что заплыла

слишком далеко, а озеро вдруг поменяло форму, разлилось вширь, и течение все дальше уносит Элеонор от дома и родных. Волны раскачивали лодку, и...

Она проснулась от того, что ее трясли за плечо.

– Мама, проснись! Мама!

– Что случилось?

День помрачнел. На западе собирались плотные темные тучи, поднялся ветер. Элеонор торопливо села, огляделась, пересчитывая детей.

– Клементина?

– Здесь она. Мы волнуемся за Эдвину. Полчаса назад побежала за кроликом и до сих пор не вернулась, а сейчас польет дождь.

– Полчаса назад... сколько времени я проспала? – Элеонор посмотрела на часы. Почти три. – Куда она побежала?

Дебора показала на рощицу вдаль, и Элеонор взгляделась туда, словно надеялась, что если смотреть достаточно пристально, то можно усилием воли вытащить собаку из кустов.

Небо стало цвета спелого тутовника. Пахло надвигающейся грозой, в воздухе ощущалась влажная духота. Скоро польет дождь, однако не бросить ведь Эдвину, тем более так далеко от дома. Она стара и подслеповата и со своими больными суставами вряд ли выберется отсюда сама.

– Я ее найду, – решительно произнесла Элеонор, складывая в корзинку принадлежности для пикника. – Вряд ли она далеко ушла.

– Нам подождать?

Элеонор на миг задумалась, потом покачала головой.

– Ни к чему нам всем мокнуть. Отведи сестер домой.

Она проводила девочек, строго-настрого велев им не мешкать, и пошла к рощице. Элеонор окликала собаку, но сильные порывы ветра уносили слова прочь. Она шла торопливым шагом, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на горизонт, звала собаку и прислушивалась, однако Эдвина не отзывалась.

Быстро темнело, и с каждой минутой Элеонор тревожилась все больше. Эдвина наверняка испугается. Дома в грозу старая собака всегда забиралась на свою лежанку за шторой в библиотеке, поджимала хвост, закрывала глаза лапами и ждала худшего.

Над долиной прогремел оглушительный раскат грома, и последний клочок ясного неба затянула беспокойная мгла. Элеонор, не медля, перелезла через калитку-вертушку и пошла через соседнее поле. Яркая молния разорвала небо, закружил порывистый ветер. Когда упали первые

тяжелые капли, Элеонор сложила ладони рупором и позвала еще раз: «Эдвина!», но ее голос унесло грозой.

В считанные минуты Элеонор вымокла до нитки. Мокрое платье липло к ногам, и пришлось щуриться, чтобы хоть что-то разглядеть сквозь густую пелену дождя. Неподалеку с громким треском ударила молния, и Элеонор вдруг охватил необычайный восторг, хотя она и беспокоилась за Эдвина. Гроза, чувство опасности, проливной дождь – все переплелось и смыло маску добропорядочной матери семейства. Она снова стала Элеонор Искательницей Приключений. Стала свободной.

Элеонор добралась до вершины холма и увидела, что внизу у ручья стоит маленькая цыганская кибитка темно-красного цвета с поблекшими желтыми колесами. Элеонор сразу поняла, чья это кибитка, и с дрожью узнавания пошла вниз. Кибитка стояла пустая, окна зарывали выцветшие занавески. Выглядела она довольно ветхой, но под слоем старой облупившейся краски Элеонор обнаружила следы цветочного орнамента. Ей вдруг стало интересно, где сейчас ее мимолетный знакомый. Каково это – жить кочевой жизнью? Путешествовать, исследовать, исчезать? Элеонор завидовала его свободе и почему-то злилась. Глупо, конечно, ведь он ей ничего не должен. А если она чувствует, будто ее предали, так это все из-за того, что она себе навывдумывала.

Элеонор уже почти дошла до ручья и думала, стоит ли идти по нему прямо до Лоэннета или лучше перебраться на ту сторону, как вдруг взглянула на кибитку и замерла. К двери вело несколько маленьких ступенек, и на самой верхней сидела совершенно сухая Эдвина. Элеонор рассмеялась.

– Ах ты ж моя умница! Сидишь здесь сухая, а я промокла насквозь!

У Элеонор словно камень с души свалился. Она поднялась по ступенькам, села на корточки и обхватила морду старого ретривера ладонями.

– Как же ты меня напугала! А я думала, что ты где-то застряла. Ты не поранилась?

Она осмотрела лапы собаки и только потом сообразила, что приступок довольно высокий и непонятно, как на нем оказалась Эдвина.

– Как ты сюда залезла?

Элеонор не заметила, как дверь кибитки открылась.

– Я ей помог, – произнес Мунро. – Услышал, как она залезла под кибитку, и решил, что здесь ей будет удобнее. – Спутанные темные волосы молодого человека намокли, а из одежды на нем были лишь штаны да нижняя рубаха. – Войти отказалась – наверное, ждала вас.

От потрясения Элеонор не знала, что сказать. Он должен был уехать, работать где-нибудь в другом месте. И почта – письма от близких ему людей – должна приходить на новый адрес. Однако кроме потрясения было еще кое-что, похожее на дежавю, только гораздо сильнее. Необъяснимое чувство, возможно, вызванное грозой и сегодняшним странным днем. Он здесь потому, что она его околдовала. Все их встречи были предопределены и вели сюда, к этой минуте. Элеонор не знала, что делать. Слов тоже не было. Она посмотрела через плечо. Настоящая буря. Элеонор казалось, что она сейчас на ничейной территории, ни здесь, ни там, застряла на узеньком мостике между двумя мирами.

– Я как раз собирался развести огонь, – сказал Мунро, и мостик обвалился. – Может, зайдете и переждете грозу?

Глава 26

Лондон, 2003 г.

Сэди Спэрроу ушла с ключами от Лоэннета в сумочке, а Элис вышла в сад за домом. День клонился к вечеру, и вместе с сумерками в саду воцарилась меланхолическая тишина. Элис прошлась по заросшей кирпичной дорожке, подмечая, что нужно сделать в ближайшие несколько недель. Как оказалось, довольно много. Элис предпочитала сад с ярко выраженным характером, но индивидуальность и хаос – разные вещи. Беда в том, что она редко выходит в сад, подумала Элис, а ведь когда-то давно любила бывать на свежем воздухе.

У дорожки буйно разросся звездчатый жасмин. Элис опустилась на корточки, сорвала веточку, вдохнула запах плененного солнечного света, неожиданно для себя расшнуровала туфли. В укромном уголке за камелией стояло изящное железное кресло, и она села, разулась, сняла носки и пошевелила пальцами, наслаждаясь благоухающим воздухом. Припозднившаяся бабочка порхала над кустом роз, и Элис, как всегда, подумала об отце. Сколько она помнила, он всегда был увлеченным ученым-любителем, и ей бы и в голову не пришло, что он мечтает о чем-то другом. Конечно, она знала, что когда-то давно отец изучал медицину и хотел посвятить ей жизнь, однако прошлые мечты и чаяния родителей обретаются в мире, далеком от яркого и рельефного настоящего детей. Только сейчас Элис начала понимать, что отняла у него война. Вспомнились обрывки разговоров, как ворчал и ругался отец на трясущиеся руки, как порой не мог сосредоточиться, как тренировал память, пытаясь привести мысли в порядок.

Элис поелозила пятками по теплым кирпичам, чувствуя каждый камешек, каждый примятый цветок. Сейчас у нее чувствительная кожа, не то что в детстве, когда пятки грубели от беготни босиком. Долгими летними месяцами в Лоэннете она и сестры неделями не надевали туфли, которые приходилось искать всякий раз, когда мама объявляла о поездке в город. Как они все трое носились по дому, заглядывали под кровати, искали за дверями, пока, наконец, не находили свою обувь!.. Воспоминание было таким ярким, что Элис могла бы его потрогать.

Она тяжело вздохнула. Вдруг накатила давно подавляемая печаль. Когда мама умерла, оставив ей Дом у озера, Элис спрятала ключи и пообещала себе, что никогда туда не вернется. Впрочем, какая-то ее часть

знала, что она передумает и не сдержит обещание. Лоэннет был и будет ее домом. Любимым домом.

Но она так и не передумала, а сейчас, наверное, уже поздно. Она отдала ключи и поручила раскрыть семейную тайну Эдевейнов постороннему человеку, молодой сыщице, целеустремленной, но беспристрастной, с чисто академическим интересом к давнему преступлению. Похоже, уже окончательно Элис признала, что больше не вернется в Лоэннет.

– Хотите джина с тоником?

Питер подошел с хрустальным графином и двумя стаканами. Кубики льда позвякивали как реквизит из пьесы Ноэла Кауарда.^[26]

Элис улыбнулась с неожиданным для себя самой облегчением.

– Очень.

Они сели за стол из кованого железа, и Питер разлил джин по стаканам. Лимонно-терпкий, ледяной, как раз то, что нужно. Они с Питером поговорили о саде, и Элис с удовольствием отвлеклась от недавних раздумий. Возможно, Питер заметил ее босые ноги и счел это вопиющим нарушением протокола, но вежливо промолчал. Допив джин с тоником, он встал и придвинул стул к столу.

– Думаю, мне пора домой. Вам еще что-нибудь нужно?

– Пока нет.

Он кивнул, но не ушел, и Элис пришло в голову, что надо бы его поблагодарить.

– Спасибо за сегодняшний день, Питер. Вы прекрасно организовали встречу с детективом Спэрроу и очень мне помогли.

– Не стоит благодарности. Это моя работа. – Он сорвал листок с отросшего в сторону побега плюща, стал крутить в пальцах. – Встреча прошла успешно?

– Думаю, да.

– Замечательно! Отличная новость! – сказал он, не трогаясь с места.

– Питер?

– Да, Элис.

– Вы все еще здесь.

Он решительно вздохнул.

– Я как раз собирался сказать...

– Пожалуйста.

– Теперь, когда сайт закончен, я с удовольствием взял бы небольшой отпуск, если, конечно, вы сможете какое-то время обойтись без меня.

Просьба застала Элис врасплох. Питер никогда не брал отпуск, и

первым побуждением Элис было сказать «нет». Она не хочет его отпускать. Привыкла к нему, и ей нравится, когда он рядом.

– Понятно.

– Я очень хочу заняться одним важным делом.

Элис взглянула на его лицо и вдруг увидела себя со стороны. Бедный мальчик никогда ни о чем не просил, выполнял все ее требования, даже варил яйца точно по ее вкусу, а она вставляет ему палки в колеса. Какой же злобой она стала! Как это произошло? Ведь когда-то она безгранично радовалась жизни и считала, что мир полон возможностей!

– Сколько времени вам понадобится?

Он слегка виновато улыбнулся.

– Думаю, трех-четырех дней будет достаточно, включая выходные.

У Элис едва было не сорвалось с языка: «Достаточно для чего?» Выдавив самую приятную улыбку, она спросила:

– Значит, четыре дня. Жду вас в среду.

– Вообще-то...

– Питер?

– Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной.

Глаза Элис округлились.

– Отдыхать?

– Не совсем, – рассмеялся Питер. – Я считаю, что мы должны поехать в Корнуолл, в Лоэннет. Конечно, не для того, чтобы путаться под ногами у детектива Спэрроу, просто побудем там. Вы могли бы наблюдать, как движется расследование, а я бы помог с бумагами и дневниками. Читать между строк, анализировать текст – это то, что я действительно умею.

Он внимательно смотрел на Элис, ждал ответа. Час назад она бы наотрез отказалась, но сейчас язык не поворачивался. Пока они с Питером пили джин и болтали, вечерний ветерок принес запах сырой земли и грибов, и Элис вдруг ужасно захотелось в Лоэннет – в место, символизирующее ту девочку, которой когда-то она была, вину и стыд, которые чувствовала все эти годы. Наверное, если и удастся оставить прошлое позади, то вначале придется посмотреть ему в глаза.

И все же вернуться в Лоэннет... Она обещала себе, что больше никогда туда не поедет.

Элис никак не могла принять решение, и это ее тревожило. Чем-чем, а нерешительностью она никогда не страдала. Элис невольно почувствовала, что ее мир выходит из-под контроля, она теряет власть над происходящим и, возможно, это не так уж и плохо.

Питер все еще стоял рядом.

– Даже не знаю, – сказала Элис.

* * *

Питер ушел, а Элис провела в саду еще целый час. Выпила второй стакан джина с тоником, потом третий и слушала, как соседи занимаются своими обычными вечерними делами. Поток машин сперва усилился, потом сошел на нет, последние дневные птицы попрятались на ночь. Один из тех летних вечеров, когда все достигает зенита. Переломный момент природы. Воздух пьянил ароматом, небо постепенно из розового становилось лиловым, потом темно-синим, и, несмотря на все что Элис узнала за последние дни, ее охватило чувство безмерного умиротворения.

Зайдя в дом, она обнаружила, что Питер оставил на кухонной плите ужин. Выставил на стол ее любимую посуду и прикрепил над плитой записку, сколько времени нужно греть суп. Похоже, я создала очень убедительное впечатление собственной беспомощности, подумала Элис. Ужинать пока не хотелось, и она решила почитать. Устроилась в гостиной и вдруг поймала себя на том, что держит фотографию, где ее семья наслаждается тем давним пикником в Лоэннете. Перед тем, как все рухнуло. Хотя, конечно, это случилось гораздо раньше...

Она взгляделась в мамино лицо. В тысяча девятьсот тридцать третьем году Элеонор было тридцать восемь лет, старуха по меркам шестнадцатилетней девчонки, но с точки зрения нынешней Элис – совсем ребенок. Мама была очень красивой, с выразительными чертами лица; странно, что она не замечала, какой у нее печальный вид, а заметила только сейчас, когда оглянулась на прошлое, зная о тяжком бремени, которое тащила на себе мама, пока заботилась об отце, скрывала его болезнь, переживала его разочарования как свои. Печаль сделала маму еще красивее. В ее позе была сдержанность, пронизательный взгляд западал в душу, на слегка озабоченном лице читались вызов и терпение. Хрупкая, сильная, обворожительная мама. Неудивительно, что Бен в нее влюбился.

Элис поставила фотографию на место. Клемми была в смятении, когда рассказала Деборе о том, что видела.

– Ей было двенадцать, – заметила Дебора, – для своего возраста она казалась совсем ребенком. Никак не хотела взрослеть. Ну и, конечно, увидеть маму...

Элис представила, как младшая сестра поднимается на деревянное крыльцо лодочного сарая, прижимает руку к стеклу и смотрит из-под

ладони внутрь. Бедная девочка, она, должно быть, очень смутилась, застав маму и Бена в таком виде. И каково было отцу, когда он обо всем узнал. Наверняка Дебора тоже ужасно переживала и была вне себя от ярости.

– Я думала, что возненавижу маму после того, что мне сказала Клемми, – подтвердила она.

– И все же не возненавидела.

– Не смогла, после того, что случилось с Тео. По сравнению с его исчезновением супружеская неверность выглядела такой мелочью! Думаю, я решила, что она уже достаточно наказана, и сочувствие перевесило злость. Кроме того, они с папой снова сблизились. Я подумала, что если он смог ее простить, то я и подавно.

– Как насчет Клемми?

Дебора покачала головой.

– Клемми всегда было трудно понять. Мы больше не возвращались к этой теме. Я пыталась пару раз, но она посмотрела на меня так, будто я несу какую-то чушь. Вся в небе, вся в полетах... Иногда казалось, что она поднялась над обычными человеческими дрызгами, в которых запутались все остальные.

А если нет? Неожиданно отчуждение между Клемми и мамой предстало в другом свете. Элис всегда считала его очередным проявлением бунтарского духа Клемми и даже не предполагала, что за ним прячется на самом деле.

Элис чуть было не спросила: «А как насчет меня?»

– И все-таки я поражена, что ты не сказала об этом раньше. Не о мамин романе, а обо всем: об отце, о его психической травме, о Тео.

У Деборы задрожали губы.

– Мы все любили папу, но ты, Элис, его боготворила. Я не хотела тебя разочаровывать. – Она попыталась засмеяться, однако смех прозвучал неестественно. – Господи, можно подумать, я действовала из благородных побуждений. Ничего подобного. – Она тяжело вздохнула. – Элис, я ничего тебе не сказала потому, что ты обвинила бы меня. Решила бы, что именно из-за меня папа пришел в ярость. И ты была бы права. Я бы этого не вынесла.

Дебора заплакала от горя и чувства собственной вины и призналась, что порой спрашивала себя, не потому ли она не беременеет, что это наказание за ее проступок? Элис успокоила сестру. Во-первых, мироздание не действует так прямолинейно, а во-вторых, Дебору вполне можно понять. Она очень любила отца и рассердилась на маму. Откуда ей было знать, во что это выльется?

В этой головоломке так много кусочков, и у всех разные. Только Элеонор знала правду, но она уже ничего не скажет. Сэди Спэрроу не могла понять, как у Элеонор хватило сил простить мужа за то, что он сделал. Пока Сэди разговаривала с Элис, между ними висел невысказанный вопрос: «Неужели она не любила своего ребенка?» Мама обожала Тео, никто из тех, кто ее знал, в этом бы не усомнился. Она горевала всю свою жизнь, каждый год ездила в Лоэннет, однако ни разу не сорвалась на отца. «Любовь не мыслит зла», – сказала Элеонор Деборе перед свадьбой, и в мамином случае это правда. Была еще одна причина, почему мама поддерживала отца. Наверное, винила во всем себя, считала это наказанием за то, что дала отцу обещание – и не сдержала.

Элис снова посмотрела на фотографию. Интересно, как долго длился мамин роман с Беном? Было ли это коротким увлечением или они любили друг друга? Вначале, когда Дебора только сказала об их отношениях, Элис пришла в замешательство. Ее мысли сразу вернулись к тому дню, когда Бен ее отверг. Она спросила, есть ли у него другая, и по промелькнувшей на его лице нежности поняла, что да. Вот только кто она, Элис тогда не знала.

Она представляла, как Бен со своей пассивностью смеется за ее спиной, и чувствовала себя невероятно глупой. Сейчас сильные в прошлом эмоции поблекли. Элис было пятнадцать, когда она встретила Бена. Развита не по годам, но наивная, она влюбилась в первого взрослого мужчину, который проявил к ней интерес, ошибочно приняв доброжелательность за ответное чувство. Теперь понятно, почему мама тревожилась, почему настойчиво предостерегала Элис от увлечения «неподходящими» молодыми людьми.

Элис не испытывала ревности из-за того, что Бен предпочел маму. Разве можно завидовать женщине, которая столько вынесла? Которая тогда была намного моложе, чем Элис сейчас, и уже почти шестьдесят лет покоится в могиле? Это все равно что ревновать к собственному ребенку или к персонажу давно прочитанной книги. Нет, Элис не ревновала, ей было грустно. Она не ностальгировала, в ее чувстве не было ничего необъяснимого. Она грустила потому, что мать несла свое бремя в одиночку. Рассматривая мамино лицо, Элис вдруг подумала, что знает, почему мама выбрала Бена. Он был обаятельным, добрым, заботливым, и его не связывали узы ответственности.

Отец сидел позади всех на краю одеяла. За ним виднелась каменная стена, и Элис пришлось в голову, что папа всегда казался ей крепким и непоколебимым, как эти древние стены, пересекавшие поля Лоэннета. Дебора сказала, что Элис его боготворила. Конечно, она любила его больше всех и хотела, чтобы папа так же любил ее. Они все любили отца и

боролись за его внимание.

Сейчас Элис вглядывалась в родное лицо, пыталась разглядеть за любимыми чертами отцовскую тайну. Она знала о боевых психических травмах – совсем немного, так, общеизвестные сведения: тремор, кошмары, боязнь громких и резких звуков. Дебора сказала, что у папы были другие симптомы. Он не мог сосредоточиться, у него дрожали руки, поэтому он не смог стать хирургом, и все же больше его мучило что-то из военной жизни, какое-то ужасное событие, отголоски которого, в свою очередь, оказались губительными для их семьи.

Тео сидел на коленях у мамы, очаровательно улыбался и протягивал руку к Клемми. Малыш держал игрушечного щенка, и непосвященный человек решил бы, что ребенок протягивает игрушку сестре. Но Тео никогда бы не отдал Щена добровольно. Что случилось с игрушкой? Конечно, по сравнению с остальным судьба Щена не имела особого значения, однако Элис все равно задавалась этим вопросом. Наверное, в ней говорил писатель, которому нужно, чтобы все, даже самые мелкие детали, было на своем месте. Серьезные вопросы тоже оставались. Как это произошло? Когда папа понял, что натворил? Как об этом узнала мама? И самый важный: что произошло с ее отцом, почему он это сделал? Элис дорого бы дала, чтобы поговорить с отцом и матерью, спросить напрямую... Теперь оставалось лишь надеяться, что ответы есть в архивах Лоэннета.

Элис поручила Сэди Спэрроу отыскать эти ответы и поняла, что не сможет сидеть сложа руки. Да, когда-то она дала себе обещание не возвращаться в Лоэннет, но сейчас ей больше всего на свете хотелось туда. Резко поднявшись, Элис ходила туда-сюда по библиотеке, обмахивая разгоряченное лицо. Вернуться в Лоэннет... Питер сказал, что ей достаточно только позвонить и сказать. Неужели она на самом деле собирается сдержать опрометчивое обещание, данное себе в юности, в разгар неуверенности и страха?

Элис посмотрела на телефон, и ее рука дрогнула.

Глава 27

Корнуолл, 1932 г.

Ему повезло, и от этого становилось только хуже. У него есть любимая жена, три дочери, такие милые и невинные, свет его жизни, а скоро появится еще один ребенок. Он живет в прекрасном доме с разросшимся садом на опушке густого леса. На деревьях поют птицы, белки делают запасы, в ручье нагуливает жир форель. Он такого не заслуживает. У миллионов мужчин отняли возможность жить нормальной жизнью, они погибли в грязи и безумии. Эти люди отдали бы все за то, что есть у него. Но они давно мертвы и забыты, а он продолжает наслаждаться счастьем.

Энтони обошел озеро и остановился, увидев лодочный сарай. Это место всегда будет особенным. Вспомнились простые, скромные дни перед войной, когда дом ремонтировали и они с Элеонорой жили в лодочном сарае. Самые чудесные дни его жизни. Все шло своим чередом. У него была цель, способности и уверенность, которые сопутствуют молодым и здоровым, тем, кого судьба еще не потрепала. Тогда он был хорошим человеком. Жизнь казалась прямой, ровной дорогой и звала в путь.

Вернувшись после войны домой, Энтони много времени проводил в лодочном сарае: иногда сидел и смотрел на воду, иногда перечитывал старые письма, а бывали дни, когда просто спал. Порой он думал, что больше никогда не проснется, зачастую мечтал об этом, однако просыпался снова и снова. Элеонор помогла ему устроить кабинет в мансарде, и сарай перешел к девочкам, стал местом для детских игр и приключений, а сейчас там временами ночевала прислуга. Эта мысль позабавила Энтони, он представил свои времена, как вчерашние призраки уступают место сегодняшним играм. Здания намного переживают человека, и хорошо. Энтони любил леса и поля Лоэннета еще и потому, что по ним ходили поколения людей, работали здесь, и хоронили их тоже в этой земле. Постоянство природы успокаивает. Даже леса возле Менена, того городка в Западной Фландрии, выросли снова... Растут ли цветы на могиле Говарда?

Иногда Энтони вспоминал о людях, которых они встречали во Франции. Он пытался не думать, но они возникали перед его мысленным взором: крестьяне и фермеры, дома которых оказались посреди войны. Живы ли еще месье Дюран, мадам Фурнье и многие другие, у кого они квартировали за долгие годы войны? Когда заключили перемирие и пушки замолчали, начали ли люди, чьи дома и фермы они разрушили, долгий,

медленный процесс возвращения к жизни? Наверное, да. Что им еще оставалось?

Энтони обошел изгородь и направился к лесу. Сегодня Элис хотела пойти с ним, но Элеонор не разрешила, нашла ей какое-то дело. За долгие годы жена научилась определять его состояние с полувзгляда; порой Энтони казалось, что она знает его лучше, чем он сам. Хотя с тех пор, как Элеонор сказала, что у нее будет ребенок, стало хуже. Она хотела порадовать Энтони, да он и радовался, но все чаще и чаще его мысли возвращались к тому амбару на ферме мадам Фурнье. Энтони слышал по ночам призрачный плач ребенка, а когда лаяла собака, всякий раз замирал и говорил себе, что все хорошо, лай ему только мерещится.

По небу пролетела стая птиц, и Энтони вздрогнул. На миг почудилось, что он снова лежит за доильной площадкой на ферме во Франции, плечо ноет от удара Говарда. Энтони крепко зажмурился, медленно досчитал до пяти, потом приоткрыл глаза. Сосредоточился на том, чтобы видеть только широкие поля Лозннета, качели Элис, последние ворота, за которыми начинался лес. Медленно, целеустремленно он зашагал в ту сторону.

Как хорошо, что сегодня он пошел один! Элеонор права, он становится непредсказуемым. Энтони тревожило, что какие-то его неадекватные поступки могут увидеть девочки. Они не должны знать, кем он стал, одна мысль об этом была невыносима. Еще хуже, если дочери когда-нибудь узнают, что он чуть не сделал, о той ужасной черте, которую чуть не переступил.

Позапрошлой ночью он проснулся от шума во мраке спальни, которую делил с Элеонор. Сел в кровати и понял, что кто-то прячется в темном углу возле штор. Сердце бешено заколотилось.

– Кто ты? – прошипел он. – Что тебе нужно?

Человек медленно пошел к кровати, и когда он ступил в лужицу лунного света, Энтони увидел, что это Говард.

– Я буду отцом, – произнес он. – Совсем как ты.

Энтони зажмурился, поспешно заткнул уши. Только когда Элеонор проснулась и, включив ночную лампу, обняла его, он пришел в себя. Говарда уже не было. Но он обязательно вернется. Говард всегда возвращался. А теперь, когда Элеонор беременна, Энтони не сможет его отогнать.

Они воевали уже два с половиной года. Шли выматывающие бои, и одни солдаты сменяли других в нескончаемой перетасовке: после нескольких дней в окопах на передовой их отправляли отдохнуть на квартиры. Солдаты уже хорошо знали городок Варлуа-Байон и его жителей и даже почти освоились в чистилище позиционной войны. Впрочем, ходили слухи, что готовится большое наступление, и Энтони радовался: чем быстрее они выиграют эту чертову войну, тем быстрее вернутся домой.

Шел последний день перед отправкой в окопы, и Энтони сидел за дубовым столом на кухне их вынужденной хозяйки, мадам Дюран, наслаждался чаем – из фарфоровой чашки, а не жестяной кружки – и перечитывал недавнее письмо Элеонор. Она прислала фотографию Деборы и младшей дочери, Элис, толстенькой девчушки с удивительно упрямым и решительным выражением лица. Взглянув на снимок еще раз, Энтони аккуратно спрятал его в карман мундира.

В письме, написанном на бумаге с орнаментом из листьев плюща, которую Энтони подарил Элеонор, было то, чего он так ждал: рассказ о счастливой жизни. Энтони уже начинало казаться, что эта жизнь существует только в книжках. И в самом деле, неужели где-то есть поместье Лоэннет, озеро с утками и островком посередине, речушкой, которая вьется среди садов? Неужели две маленькие английские девочки, Дебора и Элис, проводят утро в огороде, который посадили их родители, и обедаются клубникой?

«У обеих расстроились животики, – писала Элеонор, – но что я могу сделать? За этой парочкой невозможно уследить, когда дело касается набегов на огород. Дебора прячет ягоды в карман и кормит Элис, когда я не смотрю. Даже не знаю, гордиться или сердиться! А если я вижу, как они это проделывают, у меня не хватает духа их остановить. Что может быть лучше, чем срывать спелые клубничины с грядки? Набивать ими рот и чувствовать, что таешь от сладости? Но, Энтони, ты бы видел детскую! Повсюду отпечатки маленьких липких пальчиков, и пахнет теплым вареньем!»

Энтони поднял голову и увидел, что в дверях кухни стоит Говард. Слегка смутившись, что его застали врасплох в минуту слабости, Энтони торопливо сложил письмо и сунул в карман к фотографии.

– Я готов, жду только тебя, – произнес он, надевая фуражку.

Говард сел на грубо сколоченный стул в другом конце стола.

– А ты, похоже, нет, – сказал Энтони.

– Я туда не пойду.

– Куда не пойдешь?

– Обратно на передовую.

Энтони ошеломленно нахмурился.

– Ты шутишь? Или заболел?

– Ни то, ни другое. Я ухожу, дезертирую, называй как хочешь. Я ухожу с Софи.

Энтони не часто терял дар речи, но сейчас не знал, что сказать. Он знал, что Говарду нравится экономка месье Дюрана. Бедняжка потеряла мужа в первые недели войны и осталась с маленьким сыном, Луи, на руках. Ей исполнилось всего восемнадцать, в деревне у нее не было ни родственников, ни друзей. Энтони и не догадывался, что дела зашли так далеко.

– У нас любовь, – сказал Говард. – Знаю, нелепо говорить о любви, когда идет война, но это так.

Канонада здесь никогда не стихала, грохотала на заднем фоне. Все уже привыкли, что земля трясется, а чашки и блюда ездят по столу. Научились не думать, что каждый раскат означает смерть еще нескольких человек.

Энтони подвинул свою чашку, посмотрел, как качнулись на доньшке остатки чая.

– Любовь, – повторил он. Странно было слышать это слово, они больше привыкли говорить о крысах, грязи и оторванных конечностях.

– Я не боец, Энтони.

– Сейчас мы все бойцы.

– Только не я. Пока мне везло, но у везенья есть предел.

– Нам нужно закончить начатое. Если человек не может принести пользу родине, ему лучше умереть.

– Чушь. Какая Англии от меня польза? Я гораздо нужнее Софи и Луи.

Он показал на окно, и Энтони увидел, что Софи и малыш сидят на скамейке в другом конце внутреннего двора. Софи что-то нежно говорила мальчику – очаровательному ребенку с большими карими глазами и ямочками на обеих щеках, – а он весело смеялся и тянулся к лицу матери маленькой пухлой ручонкой.

Энтони понизил голос:

– Послушай, я постараюсь устроить тебе отпуск. Съездишь на несколько недель в Англию, придешь в себя.

Говард покачал головой.

– Я не вернусь.

– У тебя нет выбора.

– Выбор всегда есть. Сегодня ночью я ухожу. Мы уходим.

– Ты сейчас же идешь со мной. Это приказ.

– Я хочу быть с Софи. Хочу нормальной человеческой жизни. Хочу стать отцом и мужем.

– Послушай, все это у тебя будет, однако надо действовать правильно. Нельзя просто взять и уйти.

– Я бы ничего тебе не сказал, но ты мне больше чем друг. Ты мой брат.

– Я не позволю тебе сбежать.

– Придется.

– Мы оба знаем, что случается с дезертирами.

– Пусть сперва поймают.

– Обязательно поймают.

Говард печально улыбнулся.

– Энтони, мой старый добрый друг, я уже мертв. Моя душа мертва, и тело тоже скоро умрет.

Он встал, аккуратно отодвинул стул и вышел из кухни фермерского дома, насвистывая песенку, которую Энтони не слышал много лет, – танцевальный мотивчик времен их студенческой юности.

Свист, веселая песенка, небрежный вид, с которым друг подписал свой смертный приговор... Те жуткие вещи, что они видели и делали вместе, беспощадность происходящего, все, о чем Энтони запрещал себе думать, чтобы продержаться, – беспомощная тоска по Элеонор и дочерям, одну из которых, Элис, он никогда не видел, – теперь это угрожало поглотить его целиком.

Энтони резко поднялся, торопливо выбежал из кухни, рванул через лужайку и по тропинке между надворных построек. Он догнал Говарда на узкой улочке за соседской доильной площадкой. Друг был в самом конце улицы.

– Стой! Немедленно остановись!

Говард не послушался, лишь посмотрел назад и крикнул:

– Ты больше не мой командир!

Энтони почувствовал, как страх, беспомощность и злость понимаются черной волной и он не в силах их удержать. Он не может отпустить Говарда, он должен что-то сделать! Энтони побежал. Он никогда не питал тяги к насилию – наоборот, готовился стать доктором, хотел исцелять людей, – но сейчас сердце яростно колотилось, кровь кипела, и весь гнев, жалость и отчаяние, которые он испытал за последние несколько лет, пульсировали под кожей. Энтони прыгнул на Говарда и повалил на землю.

Двое мужчин сцепились и покатались по траве, каждый старался нанести решающий удар. Первым достал соперника Говард, который отклонился для замаха и врезал Энтони левым хуком. Острая боль

пронзила грудь и плечо.

Говард оказался прав, он не был бойцом, Энтони тоже, драка оставила их без сил. Они отпустили друг друга, упали навзничь и лежали, тяжело дыша. Мимолетное помрачение прошло.

– О господи, – наконец произнес Говард. – Энтони, прости! Тебе больно?

Энтони покачал головой. В глазах рябило, в ушах шумело от нехватки воздуха.

– Черт тебя подери, Говард!

– Я же извинился.

– У тебя нет ни еды, ни предметов первой необходимости... о чем ты думаешь?

– Мы с Софи... мы есть друг у друга, и этого достаточно.

Энтони закрыл глаза и положил руку на грудь. Солнце приятно грело лицо, изнанка век стала оранжевой.

– Ты знаешь, что я должен тебя остановить.

– Тогда пристрели меня.

Энтони открыл глаза, прищурился от яркого света. Высоко в лазурном небе плыл птичий клин. Теплый день, солнце, птицы – все это было за пределами войны, словно открылась дверь в другую реальность. Подняться бы высоко-высоко и сбежать из этого мира!

Говард сидел, прислонившись спиной к стене, и разглядывал ободранную руку. Энтони сел рядом.

– Значит, ты все решил.

– Мы все решили.

– А какой у тебя план? Никогда не поверю, что ты потащишь женщину с ребенком через всю страну, не имея четкого плана.

Говард принялся рассказывать, Энтони слушал. Он старался не думать об армии, законах военного времени и о том, что произойдет, если его друга поймают. Просто слушал, кивал и пытался убедить себя, что, возможно, все получится.

– Эта тетка Софи... Она живет на юге?

– Почти на испанской границе.

– И примет тебя?

– Она для Софи как мать.

– А чем вы будете питаться? У вас есть еда в дорогу?

– Я припрятал несколько пайков и посылку, которую прислала Элеонор, а Софи достала немного хлеба и воды.

– С кухни месье Дюрана?

Говард кивнул.

– Я оставляю ему деньги. Я не вор.

– Где ты прячешь припасы?

– На краю фермы месье Дюпона стоит амбар. Сейчас им не пользуются: после обстрела крыша у него дырявая, как решето.

– Несколько пайков, кекс, буханка хлеба... Этого мало. Несколько дней надо будет прятаться, и еще неизвестно, что вас ждет по дороге на юг.

– Все будет хорошо.

Энтони вспомнил про армейский склад. Банки с тушенкой и сгущенным молоком, мука, сыр, варенье.

– Вам понадобится еда, – сказал он. – Подождите до темноты. Все будут готовиться к наступлению. Встретимся в амбаре.

– Нет. Не хочу тебя впутывать.

– Я уже впутался. Ты мой брат.

* * *

Тем вечером Энтони взял рюкзак, который набил всем, что смог достать. Убедился, что за ним не следят. Как офицер, он пользовался определенными привилегиями, но нельзя было, чтобы его поймали в неподобающем месте с полной сумкой украденного провианта.

Добравшись до амбара, Энтони толкнул дверь, потом постучал один раз, как и договаривались. Говард сразу открыл – должно быть, ждал за дверью. Друзья обнялись. Потом Энтони часто думал, не было ли у них обоих предчувствия того, что случилось дальше. Он отдал рюкзак Говарду.

Сквозь дыру в крыше лился лунный свет. София сидела в углу на тюке прессованного сена, на груди у нее спал малыш, привязанный холщовой тряпкой. Его розовые губки выпятились, маленькое личико сосредоточенно хмурилось. Энтони позавидовал покою ребенка: в ту минуту он уже знал, что никогда не будет спать таким мирным сном. Софи застенчиво ему улыбнулась – теперь она была не экономкой месье Дюрана, а возлюбленной лучшего друга. Это все меняло.

Говард подошел к ней, что-то тихо сказал. Софи внимательно слушала, иногда кивала. В какой-то миг она положила узкую, изящную ладонь на грудь Говарда. Говард накрыл ее руку своей. Энтони почувствовал себя незванным гостем, но не мог отвести глаз, пораженный выражением лица друга. Он выглядел старше, но не потому, что устал. Исчезла маска напускного веселья, которую он носил, сколько Энтони его помнил,

оборонительная улыбка, показывающая, что скорее он смеется над миром, чем мир над ним.

Влюбленные закончили разговор, и Говард торопливо подошел к Энтони, чтобы попрощаться. Настал миг разлуки. До самого вечера Энтони думал, что сказать, когда придет время, однако сейчас слова испарились. Как мало осталось времени, разве все выразишь!

– Береги себя.

– Ты тоже, – ответил Говард.

– А когда все закончится...

– Да, когда все закончится.

Снаружи донесся шум, и они оба застыли.

Вдалеке лаяла собака.

– Говард! – испуганным шепотом позвала Софи. – *Dépêche-toi! Allons-y.*^[27]

– Да, – кивнул Говард, все еще глядя на Энтони. – Нам пора.

Он подошел к Софи, взял сумку, которая стояла у ее ног, закинул через плечо рюкзак.

Собака продолжала лаять.

– Заткнись, – прошептал Энтони. – Пожалуйста, замолчи!

Собака не замолкала. Она рычала, таякала и, похоже, приближалась к амбару. Теперь снаружи доносились и людские голоса.

Энтони огляделся. Оконный проем слишком высоко, ребенка не вытащишь. Взгляд упал на открытую дверь, которая вела в небольшой чулан, куда не проникал лунный свет. Они забились внутрь и стояли, затаив дыхание и прислушиваясь. Постепенно глаза привыкли к темноте, и Энтони увидел страх на лице Софи. Говард с непроницаемым выражением обнимал ее за плечи.

Петли амбарной двери затряслись, и она со стуком распахнулась.

Ребенок проснулся, тихо залепетал. В их положении не было ничего веселого, но малыш этого не знал и весело смеялся. Его переполняла радость жизни.

Энтони прижал палец к губам, отчаянно показывая, что малыша нужно успокоить.

Софи что-то зашептала в ухо сына, однако от щекотки он рассмеялся еще радостнее. «Какая забавная игра, – словно говорили темные блестящие глаза. – Так весело!»

Шаги приближались, приглушенные голоса звучали громче и отчетливее. Энтони снова прижал палец к губам, Софи прижала малыша к себе, в ее шепоте слышались панические нотки.

Но малютке Луи надоело играть, возможно, он проголодался, и теперь хотел слезть с материнских рук, не понимая, почему она его не отпускает. Лепет перешел в плач, который становился все громче. В мгновение ока Энтони подскочил к Софи, схватил ребенка, отрывая от матери, пытаясь закрыть его маленький ротик ладонью, чтобы малыш замолчал.

Собака уже подбежала ко второй двери, скребла лапами дерево, а Говард обхватил Энтони сзади и оттащил с нечеловеческой силой. Ребенок заливался плачем, собака лаяла, а Говард обнял всхлипывающую Софи... И тут дверная ручка дернулась.

Энтони вытащил пистолет и затаил дыхание.

Дверь распахнулась, и Энтони ослепили лучи фонариков. Он заморгал, инстинктивно подняв руку к лицу. Во мраке стояли двое плотных мужчин. Один из них заговорил по-французски, и Энтони понял, что это месье Дюпон; второй мужчина был в британской военной форме.

– Положите рюкзак и отойдите в сторону.

Говард последовал приказу.

Малыш Луи уже не плакал, он трогал ручками бледное лицо матери. Энтони не отрываясь смотрел на ребенка, зачарованный его невинностью. Он вдруг с ужасом осознал, что чуть было не совершил, увидел всю мерзость своего невольного поступка.

Чудовищно! Невозможно поверить, что он, Энтони, который всегда доверял себе, своему самоконтролю, точности и желанию помочь другим, чуть не убил ребенка!

В смятении он отогнал от себя эту мысль и снова посмотрел на малыша Луи. Ему вдруг пришло в голову, что в мире, который лишили доброты, все должны смотреть на этого драгоценного ребенка, восхищаясь его чистотой и невинностью. «Хватит разговоров, – чуть было не сказал Энтони. – Лучше посмотрите на малютку».

Он решил, что, похоже, теряет рассудок. Так вот что происходит, когда встречаешься со смертью лицом к лицу. Конечно, они все погибнут. Помогать дезертиру – все равно что дезертировать самому. Как ни странно, Энтони почти не испытывал страха. Наконец-то все закончится.

Он так устал... теперь можно не стараться выжить и вернуться домой. Элеонор будет горевать, но потом привыкнет, и ей будет приятно знать, что он умер, пытаясь помочь Говарду начать новую жизнь... Энтони чуть не рассмеялся. Начать новую жизнь! Сейчас, во время войны, когда все вокруг рушится на глазах!

Раздался грохот, Энтони моргнул и с удивлением обнаружил, что по-прежнему стоит в амбаре на французской земле. Офицер открыл рюкзак и

вытряхивал украденный армейский провиант. Банки говяжьей тушенки, тушеного мяса с овощами и сгущенного молока горкой высились на полу амбара – Энтони взял достаточно еды, чтобы Говарду и Софи хватило на несколько недель.

Офицер присвистнул.

– Ого, похоже, кто-то собирался устроить себе отпуск!

– Вы бы меня не поймали, если бы не Эдевейн, – неожиданно произнес Говард.

Энтони ошарашенно уставился на друга. Говард отвел взгляд.

– Этот ублюдок меня выследил, хотел помешать.

«Перестань, – подумал Энтони, – ничего не говори. Уже поздно».

Офицер взглянул на пистолет в руке Энтони.

– Это правда? – Он посмотрел на Говарда, потом снова на Энтони. – Вы пытались его задержать?

Предложения не складывались, слова походили на кружочки конфетти в ветреный день, и Энтони никак не мог собрать их в одно целое.

– Я ему сказал, пусть лучше меня пристрелит, – торопливо добавил Говард.

– Эдевейн?

Голос офицера доносился словно издалека. Энтони больше не стоял в заброшенном амбаре во Франции, он снова оказался в Лоэннете и смотрел, как играют его дети. Ухаживал за садом, который посадил вместе с Элеонор, чувствовал запах согретой солнцем клубники, ощущал тепло солнца на коже, слышал пение дочерей. «Ты только вернись домой», – сказала Элеонор в тот день у ручья, и Энтони ей обещал. Значит, он вернется домой, во что бы то ни стало. Он дал слово, но дело было не только в этом. Энтони Эдевейн собирался вернуться домой, потому что очень хотел.

– Я пытался его остановить, – услышал он свой голос. – Уговаривал не сбегать.

Говарда повели в лагерь, и, пока Софи сбивчиво причитала по-французски, Энтони твердил себе, что выиграл для друга время. Ничего не закончилось; пока есть жизнь, есть и надежда. Он придумает объяснение и спасет Говарда, и все будет как прежде. Фронт в нескольких милях отсюда, хватит времени, чтобы выпутаться из этой передраги.

До лагеря оставалось не более полумили, а он так ничего и не придумал. Энтони вдруг понял, что больше не чувствует запаха клубники; на его губах только вонь гнили, грязи, испражнений и едкий вкус пороха. Где-то залаяла собака, в ночи плакал ребенок. Холодная, отстраненная

мысль пришла ему в голову, и он уже не мог ее отогнать: если бы он закончил начатое, заставил бы ребенка, этого милого кроху, замолчать, Говард спасся бы. Малыш только начал жить, он бы ничего не понял, а Энтони сделал бы все милосердно быстро. У него был один-единственный шанс спасти своего брата, и он его упустил.

Глава 28

Корнуолл, 2003 г.

Поговорив с Элис Эдевейн, Сэди решила, что в Лондоне ей больше делать нечего. Ключи от Лоэннета прожигали дыру в кармане, и к тому времени, как Сэди зашла домой, она уже твердо знала, что выедет прямо сейчас. Вылив стакан воды на высохшее растение, она собрала бумаги и перекинула через плечо сумку, которую так толком и не разобрала после приезда из Корнуолла. Потом заперла дверь и не оглядываясь побежала вниз, прыгая через две ступеньки.

Пятичасовая поездка прошла на удивление легко. Графства проносились одно за другим в зеленоватой дымке, а Сэди думала об уликах, которые, как пообещала Элис, обязательно найдутся в архивах Лоэннета. Было почти половина десятого, и уже темнело, когда она свернула с трассы А38 и направилась к побережью. Притормозила машину у покосившегося дорожного указателя, показывавшего в сторону леса и хорошо скрытого входа в Лоэннет. Сэди вдруг очень захотела свернуть с дороги. Ее раздирали противоречивые чувства: болезненный зуд поскорее начать работу – и желание избежать щекотливого разговора с Берти на тему, почему она так быстро вернулась. Сэди живо представила, как дед подозрительно на нее смотрит и спрашивает: «Еще один отпуск?» К сожалению, в Доме на озере не было электричества, а Сэди не взяла с собой фонарь. Да и вообще, если она не хочет всю жизнь избегать жителей деревни и собственного деда, придется рассказать ему правду. Впрочем, сперва лучше покончить с вопросом.

Сэди решительно вздохнула и поехала деревню, где всюю готовились к празднику солнцестояния. Вдоль улиц развесили гирлянды разноцветных лампочек, на площади через равные промежутки лежали груды досок и брезента – будущие киоски. Сэди медленно ехала по узким улочкам, потом дорога пошла в гору. Последний поворот, и перед ней во всей красе предстал коттедж Берти. Он стоял на вершине скалы, из окон кухни лился теплый свет... кадр из рождественского фильма, только без снега. Сэди почувствовала себя незваной родственницей, которая явилась из ниоткуда, чтобы испортить все веселье. Припарковав машину в конце улицы, она взяла с заднего сиденья сумку и поднялась на крыльцо.

В доме залаяли собаки, и передняя дверь распахнулась. На пороге стоял Берти в фартуке и с половником в руке.

– Сэди! – воскликнул дед с радостной улыбкой. – Ты приехала на праздник солнцестояния! Какой замечательный сюрприз!

Конечно, на праздник, подумала Сэди. Чудесное спасение.

Рэмзи и Эш выскочили из-за деда, радостно обнюхали Сэди. Она рассмеялась и присела на корточки, чтобы приласкать псов.

– Есть хочешь? – спросил Берти, загоняя собак в дом. – Я как раз собирался ужинать. Иди, намажь хлеб маслом, а я пока накрою на стол.

* * *

Все плоские поверхности на кухне были заставлены банками консервированных фруктов и решетками, на которых остывали кексы, и потому Сэди с дедом ужинали за длинным деревянным столом во внутреннем дворе. Берти зажег свечи в высоких стеклянных фонарях «летучая мышь», и, пока маленькие огоньки мерцали, а воск таял, Сэди выслушала свежие деревенские новости. Как и ожидалось, последние дни перед праздником не обошлись без интриг и споров.

– Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – вздохнул Берти, вытирая опустевшую тарелку корочкой хлеба. – А завтра в это время все уже будет позади.

– До следующего года, – заметила Сэди.

Берти поднял глаза к небу.

– Только не говори, что тебе это не нравится. Посмотри, сколько ты всего наготовил. На кухне как будто дожило кексами и вареньем!

Берти пришел в ужас.

– О боже, постучи по дереву, пока не накликала! Даже не произноси это слово, только дождя нам завтра не хватало!

Сэди рассмеялась.

– А ты, как всегда, суеверный. – Она посмотрела на сад, на залитое лунным светом море, на звездное небо. – Думаю, все будет в порядке.

– Завтра нужно встать пораньше, если хотим все успеть. Рад, что ты приехала. Пара лишних рук как раз кстати.

– Знаешь, дед, – сказала Сэди, – боюсь, я была не совсем честна, когда сказала, почему сюда приехала.

Берти поднял бровь.

– У меня наметился перелом в деле Эдевейнов.

– Ах, вот оно что! – Он отодвинул миску. – Давай, выкладывай.

Сэди рассказала о встрече с Элис и о возможной причастности Энтони

Эдевейна – версии, с которой они обе согласились.

– Как видишь, боевая психическая травма все-таки имеет отношение к делу.

– Надо же! – Берти покачал головой. – Какая трагедия! Бедная семья.

– Насколько я поняла, смерть Тео стала началом конца. Семейство больше не возвращалось в Лоэннет, потом началась война, а к тому времени, как она закончилась, или чуть позже, Энтони, Элеонор и их младшая дочь Клемми уже умерли.

Над ними пролетела сова, бесшумно взмахивая крыльями в теплом воздухе. Берти вздохнул.

– Странно раскрывать секреты давно ушедших людей. Совсем не похоже на одно из твоих обычных дел, когда главное – арестовать и наказать виновного. А здесь наказывать некого.

– Ты прав, – согласилась Сэди. – Но и в этом случае важно выяснить правду. Подумай о тех, кто еще жив. Они тоже страдали и имеют право знать, что произошло на самом деле. Если бы ты видел Элис... Ей было ужасно тяжело ничего не знать о судьбе брата! Думаю, вся ее жизнь прошла в тени страшных событий той ночи, но теперь Элис дала мне ключи и разрешила искать везде, где я сочту нужным. И я не уйду оттуда, пока не найду доказательства причастности Энтони к смерти Тео.

– Я считаю, ты молодец, что взялась за это дело, помогаешь Элис поставить точку. Надо же, какая удача! Раскрыть преступление, которое семьдесят лет оставалось нераскрытым! Должно быть, потрясающее чувство!

Сэди улыбнулась. Да, это удача. И чувство тоже потрясающее.

– Твое начальство очень хорошо поступило, дав тебе время все закончить.

Щеки Сэди побагровели, а Берти, наоборот, выглядел олицетворением невинности. Он нагнулся почесать Рэмзи шею. Сэди не знала, действительно ли дед так считает или прячет за безобидной фразой невысказанный вопрос. В другое время она, может, и солгала бы, но сейчас у нее не хватило духу. Она устала притворяться, особенно перед Берти, самым близким человеком, единственным в мире, с кем Сэди могла быть сама собой.

– Вообще-то, дед, у меня на работе сейчас не все гладко.

Он и глазом не повел.

– Правда, детка? Хочешь рассказать?

И Сэди принялась рассказывать о деле Бейли. Об ощущении, что Мэгги стала жертвой преступления, об отказе последовать совету старших

по званию и о своем единоличном решении обратиться к Дереку Мэйтленду.

– Правило номер один: не говори с журналистами.

– Ты отличный детектив, Сэди. Наверняка ты считала, что у тебя есть веская причина нарушить правила.

Вера деда в ее правоту растрогала Сэди.

– Да. Я не сомневалась, что это единственный способ оставить дело в центре внимания.

– Значит, ты действовала из лучших побуждений, даже если выбрала неправильный путь. Разве это не считается?

– Если бы! У меня были бы неприятности, даже если бы я оказалась права, но я ошиблась. Теперь началось служебное расследование.

– Ох, милая. – Берти сочувственно улыбнулся. – Если уж на то пошло, лично я всегда поставлю на твое чутье.

– Спасибо, дед.

– А что Дональд? Он знает? Что он говорит?

– Он и предложил мне уехать. Так сказать, упреждающий удар. Если узнают, что информацию слила я, скажу, что все поняла, потому и уехала.

– Думаешь, поможет?

– Боюсь, Эшфорд не отличается снисходительностью. В лучшем случае меня временно отстранят от работы. А если он встанет не с той ноги, то выгонят.

Берти покачал головой.

– Не очень-то справедливо. Ты можешь что-нибудь сделать?

– Разве что скрестить пальцы, ну и, конечно, залечь на дно и не встречаться с Нэнси Бейли.

Дед вытянул руку с переплетенными пальцами.

– Тогда и я скрещу, на всякий случай. А покамест ты можешь заняться тайной Дома на озере.

– Точно.

Сэди с удовольствием подумала о завтрашнем дне. Она уже поздравляла себя с тем, что наконец сказала Берти правду, когда он поскреб затылок и произнес:

– Мне все-таки интересно, что ты нашла в деле Бейли?

– Ты о чем?

– Почему именно это дело ты приняла близко к сердцу?

– Матери, дети, – пожала плечами Сэди. – Мне всегда тяжело работать с подобными делами.

– Да, но ты сталкивалась с ними и раньше. Почему именно это дело?

Почему сейчас?

Сэди уже хотела было сказать, что не знает, просто необъяснимая случайность, когда вспомнила о первом письме от Шарлотты Сазерленд. В душе вдруг поднялась волна чего-то очень похожего на горе, которое она сдерживала четырнадцать лет.

– Я получила письмо. Несколько месяцев назад. Девочка, моя малышка... ей уже пятнадцать. Она мне написала.

Глаза Берти округлились за стеклами очков.

– Эстер? – тихо спросил он.

Произнесенное вслух имя ударило, как стрела. Одно правило нарушила Сэди, когда увидела маленькую, похожую на звездочку руку, которая высунулась из-под желто-белого одеяльца: дала своей дочери имя.

– Эстер тебе написала?

Дважды, подумала Сэди.

– Через пару недель после того, как я начала работать над делом Бейли. Не знаю, откуда она взяла мой адрес. Думаю, в больнице есть соответствующие записи с именами, и не так уж трудно найти адрес человека, если знаешь где искать.

– Что она написала?

– Рассказала немного о себе. О своей хорошей семье, престижной школе, о своих интересах. И еще написала, что хочет со мной встретиться.

– Эстер хочет тебя видеть?

– Ее имя не Эстер. Ее зовут Шарлотта. Шарлотта Сазерленд.

Берти откинулся на спинку стула, на лице деда блуждала ошеломленная улыбка.

– Ее зовут Шарлотта, и ты собираешься с ней встретиться.

– Нет. – Сэди помотала головой. – Не собираюсь.

– Детка...

– Не могу. Я решила.

– Но...

– Я от нее отказалась. Что она обо мне подумает?

– Ты сама еще была почти ребенком.

Сэди все еще трясла головой, не отдавая себе отчета. Ее знобило, хотя ночь стояла теплая.

– Она подумает, что я ее бросила.

– Ты сильно мучилась, но хотела, чтобы ей было лучше.

– Вряд ли девочка с этим согласится. Она меня возненавидит.

– А если нет?

– Дед, взгляни на меня...

Мужа нет, друзей мало, даже домашнее растение зачахло от плохого ухода. Она пожертвовала всем ради работы, а теперь и там все пошло прахом. Она – неудачница, и от этого никуда не денешься.

– Вряд ли она ждет от тебя чего-то особенного. Судя по твоему рассказу, у нее все хорошо. Девочка просто хочет увидеть свою биологическую мать.

– Нам-то с тобой известно, что никакая биология не гарантирует родственных чувств. Иногда самая большая удача в жизни человека – найти других родителей. Посмотри, как мне повезло с тобой и Рут.

Теперь Берти помотал головой, но не от грусти. Он разочаровался в ней, поняла Сэди. А что она может сделать? Решение принимать ей, и, к добру ли, к худу ли, решение принято.

К добру. Сэди решительно выдохнула.

– Рут говорила, что если ты поступил правильно и поступил бы так еще раз, нужно идти вперед.

Глаза Берти за стеклами очков увлажнились.

– Обычно она была права. Вот я и последовала ее совету. Пятнадцать лет не оглядываясь шла вперед, и все было хорошо. Неприятности начались из-за письма. Оно вернуло в мою жизнь прошлое.

– Сэди, детка, Рут не это имела в виду. Она хотела, чтобы ты двигалась вперед без сожалений, а не отреклась от прошлого.

– А я и не отрекаюсь. Я просто о нем не думаю. Я сделала свой выбор и не вижу смысла ворошить былое.

– А как же семья Эдевейн? Разве ты не ворошишь их прошлое?

– Это совсем другое.

– Разве?

– Конечно.

Сэди злилась на Берти, но не хотела с ним ссориться. Смягчив голос, она сказала:

– Послушай, мне нужно в дом: сделать пару звонков, пока еще не слишком поздно. Может, чайник поставить? Чайку попьем.

* * *

Сэди так и не уснула, несмотря на убаюкивающий рокот моря. В конце концов ей удалось отогнать мысли о Шарлотте Сазерленд, Эстер, зато мозг переключился на Эдевейнов и Лоэннет. Она ворочалась с боку на бок, а перед ее мысленным взором представляли картины Ивановой ночи тысяча

девятьсот тридцать третьего. Элеонор, которая зашла взглянуть на Тео перед тем, как снова выйти к гостям, лодки и гондолы, скользящие по воде к лодочному сараю, огромный костер, полыхающий на острове посреди озера...

Еще не рассвело, когда Сэди бросила попытки заснуть, натянула форму для бега и прошла через кухню. Собаки радостно поспешили следом. Для пробежки по лесу было слишком темно, поэтому Сэди направилась к мысу, по пути обдумывая, что надо сделать, когда приедет в Лоэннет. Она уже вернулась и поджаривала третий ломоть хлеба, когда первый луч рассвета пополз через столешницу. Сэди оставила Берти записку под чайником, загрузила в машину папки, фонарь, термос чая и грозным шепотом велела собакам остаться дома.

Горизонт стал золотистым. Море блестело, словно кто-то посыпал его железными опилками, и Сэди опустила стекло, чтобы почувствовать на лице свежий, солоноватый ветерок. День праздника солнцестояния обещал быть теплым и ясным, и Сэди радовалась за Берти. Еще она радовалась, что успела уехать до того, как он проснулся, избежав повторения вчерашнего разговора. Сэди не жалела, что рассказала деду о письме, просто не хотела говорить на эту тему. Берти, конечно, разочаровало ее решение не встречаться с Шарлоттой Сазерленд, и наверняка он считает, что она намеренно истолковала совет Рут по-своему. Когда-нибудь она, Сэди, найдет слова, чтобы объяснить, каково это было – отказаться от ребенка, как отчаянно она старалась забыть о том, что где-то живет ее кровиночка, но сейчас слишком много всего навалилось.

Доехав до покосившегося указателя, на котором белая краска за долгие годы облупилась от порывов колючего ветра, Сэди повернула налево. Дорога от побережья была узкой и извилистой, длинные стебли клочковатой травы постепенно захватывали потускневший термакадам, который становился тем тоньше, чем дальше в лес уходила дорога. Рассвет еще не разлился по небу, и пришлось включить фары. Сэди ехала медленно, внимательно разглядывая разросшиеся на обочине кусты: искала въезд в Лоэннет. Элис сказала, что ворота из кованого железа находятся в стороне от дороги и почти незаметны из-за причудливого узора, – даже в лучшие годы семейства Эдевейн их почти полностью оплетал свисающий с деревьев плющ.

Конечно, Сэди чуть не проехала мимо. Только заметив в свете фар край потускневшего столбика, она догадалась, что это и есть ворота. Тогда она сдала назад, съехала с дороги, выскочила из машины и нашла в связке ключей Элис тот, на котором было написано «Ворота». От волнения пальцы

не слушались, и Сэди попала ключом в замок только после нескольких попыток. Ржавые створки никак не открывались, но Сэди всегда становилась неожиданно сильной, если того требовали обстоятельства. Она распахнула ворота ровно настолько, чтобы проехать.

Сэди впервые приближалась к дому с этой стороны, и, наконец, выехав из густого леса, она поразилась, как хорошо поместье спряталось в собственной долине, отгородившись от всего мира густым ильмовником. По подъездной аллее Сэди переехала через каменный мост и поставила машину под ветвями огромного дерева на гравийной площадке, на которой кое-где торчали пучки травы. Солнце еще не встало, когда Сэди закрыла калитку и вошла в сад.

– Да вы рано, – сказала она, заметив Клайва, сидевшего на краешке большого вазона.

Старик помахал рукой:

– Я ждал этого семьдесят лет, не могу больше ждать ни одной лишней минуты.

Прошлой ночью Сэди позвонила ему и рассказала о встрече с Элис. Он выслушал, и его потрясла новая версия, что Тео Эдевейна убил отец.

– Я был уверен, что мальчика похитили, – сказал он. – Все это время надеялся, что когда-нибудь его найду.

Голос старика дрожал, и Сэди поняла, как близко к сердцу он принял это дело.

– Мы еще не закончили. Ради этого малыша мы должны выяснить, что произошло той ночью.

Сэди рассказала о ключах и о том, что Элис разрешила обыскать дом.

– Я говорила с ней перед тем, как позвонить вам, упомянула, что вас до сих пор интересует это дело и что вы мне очень помогли.

Сейчас Сэди и Клайв стояли под портиком и Сэди пыталась открыть переднюю дверь. На какой-то ужасный миг показалось, что замок заело и ключ не повернется, затем раздался долгожданный щелчок, и дверь открылась. Сэди и Клайв перешагнули порог Дома на озере.

Внутри пахло плесенью. Они не закрыли за собой дверь, и когда Сэди оглянулась, то увидела, что пробуждающийся мир стал словно ярче. Хорошо просматривались заросшая травой дорожка и озеро, которое поблескивало под первыми лучами утреннего солнца.

– Как будто время остановилось, – тихо произнес Клайв. – С тех пор как мы здесь работали, ничего не изменилось.

Он повертел головой, осматривая углы.

– Кроме пауков. Пауки определенно новые, – заметил он и спросил,

встретившись взглядом с Сэди: – Откуда вы хотите начать?

Сэди ответила таким же слегка благоговейным тоном. Что-то в этом давно заброшенном доме взывало к некоторой театральности.

– Элис считает, что мы найдем доказательства в кабинете Энтони или в письменном бюро Элеонор.

– А что именно мы ищем?

– Все о состоянии Энтони в тысяча девятьсот тридцать третьем году, за несколько недель до Иванова дня. Письма, дневники... В идеале, конечно, – подписанное им признание.

Клайв улыбнулся, а Сэди продолжила:

– Мы больше успеем, если разделимся. Может, осмотрите кабинет, а я пока займусь бюро? Через пару часов встретимся и сравним записи.

Сэди остро чувствовала молчание Клайва, пока они бок о бок поднимались по лестнице, видела, как он осматривается, слышала его глубокий вздох, когда они остановились на площадке второго этажа. Можно только представить, каково старику вернуться в дом через несколько десятков лет. Семьдесят лет дело Эдевейнов не давало ему покоя, семьдесят лет он надеялся его раскрыть. Сэди вдруг стало интересно, вспоминал ли Клайв ночью подробности начального расследования, встали ли на свои места кусочки головоломки, которые раньше, казалось, никуда не подходили?

– Я больше ни о чем не мог думать, – признался Клайв, когда Сэди его спросила. – Я как раз собирался лечь спать, когда вы позвонили, и после этого не сомкнул глаз. Буквально видел, как Энтони Эдевейн не отходил от своей жены, когда их опрашивали. Тогда я решил, что он ее поддерживает, чтобы она не сломалась после пропажи ребенка; теперь мне кажется, что их сплоченность была какой-то неестественной. Как будто он следил, чтобы она не проговорила.

Сэди хотела ответить, но в кармане джинсов зазвенел телефон. Клайв махнул рукой, показывая, что идет наверх в кабинет Энтони, и Сэди кивнула, вытаскивая мобильник. Сердце ухнуло, когда на экране высветился номер Нэнси Бейли. Сэди считала себя экспертом по расставаниям и думала, что вежливого «до свидания и всего наилучшего» вполне достаточно: сдержанный, даже мягкий способ отделаться от человека. Увы, здесь, похоже, нужен более откровенный подход. Только не сейчас. Сэди выключила звонок и сунула телефон в карман, решив разобраться с Нэнси Бейли в другой раз.

Комната Элеонор находилась через две двери дальше по коридору, но Сэди застыла, не сводя глаз с потертой, кое-где покрытой пятнами плесени

ковровой дорожки, которая застилала следующий пролет лестницы. Нужно было кое-что сделать, а потом уже идти в комнату Элеонор. Сэди поднялась этажом выше и прошла до конца коридора. На стенах висели многочисленные портреты нескольких поколений рода Дешиль, а за каждой приоткрытой дверью скрывались обставленные комнаты, где сохранилось все до мелочей: лампы на прикроватных столиках, книги, гребни и зеркальца. Жутковатое зрелище; казалось, здесь надо двигаться бесшумно, чтобы не нарушить царящую в доме тишину. Рассудок воспротивился совершенно иррациональному чувству, и Сэди кашлянула.

Дверь в детскую была закрыта. Дойдя до нее, Сэди остановилась. Последние две недели этот миг не раз возникал в ее воображении, однако сейчас, на пороге детской Тео, все ощущалось намного реальнее, чем она себе представляла. Хотя Сэди обычно не придерживалась ритуалов и суеверий, она нарисовала в мыслях образ Тео Эдевейна, большеглазого, круглощечного малыша с газетных фотографий, и напомнила себе, что его комната священна.

Сэди тихо открыла дверь и шагнула внутрь. В комнате стояла духота, когда-то белые, а теперь посеревшие занавески побила моль, и солнечный свет беспрепятственно проникал в детскую. Старинная чугунная кровать напоминала, каким маленьким и беззащитным был Тео Эдевейн в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Кровать стояла на круглом коврике, а за ней, у самого окна, виднелось кресло, обтянутое ситцем, в свое время ярким и веселым, но теперь вылинявшим до невыразительного бежевого цвета. И неудивительно – за несколько десятилетий пыль, насекомые и солнечные лучи сделали свое дело. Полка со старыми деревянными игрушками, лошадка-качалка под окном, древняя детская ванночка в углу – все это было знакомо по фотографиям из газет, и Сэди испытала слегка неприятное чувство, что смутно узнает комнату, как будто видела ее во сне или помнит с детства.

Она подошла к кровати. Матрас по-прежнему застелен простыней, вязаное одеяльце разглажено и с одной стороны подоткнуто. Все пыльное и печальное. Сэди провела рукой по металлическим перильцам, раздалось слабое позвякивание. Одна из четырех медных шишечек на столбиках кровати держалась неплотно. Именно в эту кроватку положили Тео Эдевейна в праздничную ночь. Няня Бруен спала на узкой кровати у дальней стены под скошенной крышей, а снаружи, на лужайке у озера, сотни людей встречали Иванов день.

Вот и боковое окошко, то самое, в котором свидетельница, по ее словам, видела стройную женщину. Гостья утверждала, что это произошло

около полуночи, однако наверняка ошибалась. Либо ей померещилось – Клайв говорил, что наутро после праздника женщина все еще была пьяна, – либо она смотрела на окно другой комнаты. Впрочем, возможно, она и видела Элеонор в окне детской, та часто заходила к Тео, но тогда ошиблась насчет времени. Элеонор вышла из комнаты в одиннадцать часов, остановилась на лестнице, чтобы дать указания горничной, а уже около полуночи свидетели видели Элеонор у лодочного сарая, где стояли гондолы.

Круглые настенные часы со строгим белым циферблатом сурово взирали с высоты; стрелки застыли на давно минувших пятнадцати минутах четвертого. На стене висели в ряд пять эстампов с иллюстрациями из книги про Винни-Пуха. Эти стены видели все, но комната не хотела раскрывать свою тайну. Перед мысленным взором Сэди возникли призрачные отпечатки событий той ночи. В какой-то момент после полуночи Энтони Эдевейн пробрался по коридору, зашел в детскую и встал над кроваткой, вот так, как сейчас стоит сама Сэди. Что было потом? Вынес ли он ребенка из детской, или все произошло прямо здесь? Проснулся ли Тео? Улыбался ли он, узнав отца, или как-то почувствовал, что тот пришел с ужасной целью? Может, малыш вырывался и плакал? Что случилось потом? Когда Элеонор узнала, что сотворил ее муж?

Под кроватью на коврик что-то блеснуло в лучах утреннего солнца. Сэди наклонилась и подняла маленькую круглую серебряную пуговицу с пухлым купидоном. Повертела ее в пальцах, рассматривая со всех сторон, и вдруг почувствовала, как что-то ползет по ноге. Сэди испуганно вздрогнула, растеряв от неожиданности все мысли, и не сразу поняла, что это мобильник вибрирует в кармане джинсов. Облегчение сменилось злостью, как только она увидела, что снова звонит Нэнси Бейли. Нахмурившись, Сэди отключила функцию вибрации, а потом сунула мобильник вместе с пуговицей в карман.

Чары развеялись. Сэди больше не видела, как Энтони крадется к кровати, не слышала шума веселья за окном. Перед ней была заброшенная старая комната, и нет смысла тратить время на оторванные пуговицы и мрачные фантазии.

* * *

В спальне Элеонор Эдевейн стоял полумрак, в затхлом воздухе пахло горем и запустением. Плотные бархатные шторы на всех четырех окнах

были задернуты, и первым делом Сэди их раздвинула, кашляя от поднявшейся пыли. Подняла заедающие створки подъемных окон как можно выше и на миг замерла, заглядевшись на озеро. Ярко светило солнце, деловито суетились утки. Услышав негромкий щебет, Сэди подняла голову. Под стрехой пряталось птичье гнездо. В открытое окно лился прохладный, чистый воздух.

Бюро Элеонор стояло у дальней стены. Помня указания Элис, Сэди пошарила под стулом у бюро, погладила потертую обивочную ткань на обратной стороне мягкого сиденья, пробежала пальцами по деревянным краям и, наконец, нащупала два маленьких ключика, которые висели там, где правая задняя ножка стула соединялась с сиденьем. Есть!

Щелкнул замок, и деревянная крышка бюро с легкостью откинулась назад, открыв взору аккуратный письменный стол, на котором лежал блокнот в кожаном переплете и подставка для ручек. Сзади на полочках теснились толстые тетради, и, заглянув в первую, Сэди поняла, что это и есть те самые книги для третьих экземпляров писем, о которых говорила Элис. Сэди жадно пробежала взглядом по корешкам. Ничего не указывало на то, что они располагались в хронологическом порядке, однако, судя по аккуратному столу, скорее всего, так и было. Семейство уехало из Лоэннета в конце тысяча девятьсот тридцать третьего года, значит, в последней книге хранятся письма за месяцы, что предшествовали Иванову дню. Сэди достала книгу с полки, и, действительно, первой страницей служило письмо, датированное январем тысяча девятьсот тридцать третьего года. Оно было написано изящным почерком и адресовано какому-то доктору Штейнбаху. Сэди уселась на пол, прислонившись спиной к кровати, и начала читать.

Письмо оказалось первым из множества писем множеству врачей, и в каждом письме Элеонор рассказывала о симптомах недуга Энтони, просила помочь, и сквозь вежливые предложения прорывалось отчаяние. Она с горечью описывала бедственное состояние мужа, чьи жизненные ожидания отняла война, когда он служил своей стране, упоминала о том, что он много лет пытается выздороветь и вернуть былые способности. Сэди очень тронули письма, но у нее не было времени сожалеть об ужасах войны. Сегодня она хотела найти подтверждение одному-единственному ужасу и потому стала искать в письмах места, где говорилось о склонности Энтони к насилию и о его состоянии перед двадцать третьим июня.

Если письма к врачам в Лондоне Элеонор писала сдержанно, то переписка с Дафидом Ллевелином оказалась гораздо откровеннее. Элеонор по-прежнему упоминала о недуге мужа – Сэди забыла, что до того, как

заняться литературой, Ллевелин был врачом, – но теперь, когда не нужно было подбирать слова, чтобы сохранить достоинство мужа в глазах далекого медицинского светила, она писала о состоянии Энтони предельно честно. *«Боюсь, он никогда не поправится и все мои поиски не увенчаются успехом... Я бы все отдала, лишь бы ему стало лучше, но как я могу ему помочь, когда он потерял надежду?»* Дальше шли строчки, которые убедили Сэди, что она на верном пути: *«Сегодня ночью это снова случилось. Он проснулся с ужасным воплем, кричал про собаку и ребенка, требовал, чтобы от них немедленно избавились, и мне пришлось силой удерживать его в постели, чтобы он не выбежал из комнаты. Господи, когда он в таком состоянии, мечется и размахивает руками, то даже не понимает, что это я... Утром он само раскаяние. Я поймала себя на том, что иногда обманываю его, притворяюсь, что сама ударилась, когда куда-то спешила. Я знаю ваше отношение к подобным вещам и, в принципе, согласна, что лучший подход – честность и деликатность, однако правда его убьет. Он бы и мухи умышленно не обидел. Я не вынесу, если он будет мучиться от стыда... Прошу, не тревожьтесь! Я никогда бы с вами не поделилась, если бы знала, что вы примете это так близко к сердцу. Поверьте, у меня все хорошо. Физические раны исцеляются: намного хуже, если ранена душа... Я дала Энтони обещание, а обещания нужно выполнять. Вы сами меня этому учили...»*

Вскоре Сэди стало ясно, что Ллевелин знал о романе Элеонор с Бенджаминном Мунро. *«Мой друг, как вы его жеманно называете, жив и здоров... Конечно, меня мучают угрызения совести. Вы очень добры, что подчеркнули разницу между мной и моей матерью, однако, несмотря на ваши великодушные слова, я понимаю: наши поступки похожи... В свою защиту могу сказать только одно: я его люблю. Конечно, не так, как Энтони, но теперь я знаю, что человеческое сердце может любить двоих одновременно...»* И в последнем письме: *«Вы совершенно правы, Энтони не должен ничего знать, это окончательно его уничтожит...»*

Последнее письмо было написано в апреле тысяча девятьсот тридцать третьего года. Сэди вспомнила, что летом Дафид Ллевелин обычно жил в Лоэннете, вот почему они с Элеонор больше не писали друг другу. Сэди снова посмотрела на строчку: *«Вы совершенно правы, Энтони не должен ничего знать...»* Интересно. Судя по ответу Элеонор, Ллевелина тревожило, как поведет себя Энтони, если проведает о романе жены. Может, депрессия Ллевелина усилилась из-за переживаний, что и привело к самоубийству?

Элис сказала, что мать хранила все полученные письма в ящиках по

обеим сторонам стола. Если повезет, то письма от Дафида Ллевелина тоже там. Тогда можно узнать, чего именно он боялся, в его собственном изложении. Сэди отомкнула оба ящика. Сотни конвертов с неровными краями там, где их вскрыли, лежали в пачках, перевязанных разноцветными лентами. Все адресованы миссис Э. Эдевейн, некоторые отпечатаны на машинке, другие написаны от руки. Сэди перебирала пачку за пачкой, ища послания от Дафида Ллевелина.

И наткнулась на не совсем обычную стопку: на верхнем конверте не было ни адреса, ни марки. Озадаченная Сэди просмотрела остальные конверты. Одно или два пришли по почте, но остальные были такие же чистые, как первый. Внезапно до Сэди дошло. Мягкая красная лента, едва уловимый намек на аромат духов... Любовные письма!

Не совсем то, что Сэди искала, но ее обуряло любопытство. Кроме того, Элеонор вполне могла поделиться своими тревогами с возлюбленным. Сэди торопливо дернула за красную ленточку, и письма разлетелись по полу. Сэди мысленно выругала себя за неловкость – когда их теперь разложишь по порядку! – как вдруг заметила что-то необычное, как будто не из этой пачки.

Сэди сразу узнала бумагу – затейливый орнамент из темно-зеленых побегов плюща по краю листка, – почерк и чернила. Да, это первая половина письма, которое она нашла, исследуя лодочный сарай, письма, которое Элеонор написала Энтони, когда тот воевал. Сердце Сэди колотилось как бешеное, когда она разгладила листок и принялась читать. Позже ей покажется, что это было предчувствие. С первых строк она поняла, что нашла недостающий кусок головоломки, ключ к разгадке, который как с неба свалился.

– Сэди?

Она вздрогнула и подняла голову. Клайв с довольным лицом стоял в дверях, держа тетрадь в кожаном переплете.

– А, вот вы где!

– Да, вот она я, – рассеянно ответила она, все еще думая, чем обернется ее находка.

– Похоже, мы нашли, что искали, – взволнованно произнес Клайв, со всей скоростью, которую позволяли старые ноги, подошел к кровати и сел на край рядом с Сэди. – В дневнике Энтони за тысяча девятьсот тридцать третий год. Элис была права, ее отец все подробно записывал. Отдельная тетрадь на каждый год – в основном наблюдения за природой и упражнения для развития памяти. В те годы я сам ими увлекался, когда учился запоминать все подробности с места преступления. А еще там

заметки в виде писем какому-то Говарду. Думаю, это его друг, которого убили в первую войну. Вот что я нашел. В июне тысяча девятьсот тридцать третьего года у Энтони похоже, началась новая черная полоса. Он пишет другу, что за прошлый год ему стало хуже, что-то изменилось, но он не знает, что именно, и рождение сына не принесло облегчения. Вообще-то, в ранних записях Энтони несколько раз упоминал, что плач малыша всколыхнул воспоминания о чем-то, что случилось во время войны, о некоем «инциденте». В последней записи незадолго до Иванова дня он пишет, что старшая дочь Дебора рассказала ему нечто ужасное и это «разрушило иллюзию» его идеальной жизни.

– Роман Элеонор, – сказала Элис, думая о тревогах Дафида Ллевелина.

– Видимо, да.

Энтони узнал о любовной связи жены за неделю до Иванова дня. Похоже, это известие стало последней каплей, и он сорвался. Наверняка Дафид Ллевелин опасался, что когда-нибудь это произойдет. Сэди вспомнила прочитанную половину письма и подумала, а не узнал ли Энтони еще кое о чем?

– А вы обнаружили что-нибудь интересное?

Клайв кивнул на разбросанные по коврику конверты.

– Не то слово!

– Выкладывайте!

Сэди наскоро рассказала ему о найденной в лодочном сарае половинке письма, которое Элеонор написала Энтони, когда он воевал, а она, беременная второй дочерью, тосковала в разлуке.

– И что дальше?

– Я только что нашла вторую, то есть первую часть письма. Вот здесь, среди остальной корреспонденции Элис.

– Можно? – Клайв кивнул на листок бумаги в руке Сэди.

Она отдала письмо Клайву, тот торопливо пробежал глазами по строчкам и поднял брови.

– Боже правый!

– Вот именно.

– Весьма откровенно.

– Да.

– Однако письмо адресовано не Энтони. Там написано: «Мой дорогой Бен».

– Правильно, – кивнула Сэди. – И датировано оно маем тысяча девятьсот тридцать второго года. Значит, ребенок, о котором она пишет, не Элис. Это Тео.

- Выходит...
- Совершенно верно. Отец Тео Эдевейна – Бен.

Глава 29

Корнуолл, 1932 г.

Элеонор не хотела беременеть от Бена, но, когда это случилось, ни секунды не жалела. Она почувствовала беременность почти сразу. После Клементины прошло десять лет, однако Элеонор не забыла это ощущение и сразу же полюбила маленького человечка внутри себя. Иногда Энтони давал ей посмотреть в микроскоп, и она знала о клетках, основных строительных «кирпичиках» жизни. Элеонор любила малыша на клеточном уровне. Они были единым целым, и Элеонор уже не могла представить свою жизнь без этого крошечного создания.

Она любила его безгранично и так не хотела делиться этой любовью, что пока ребенок, совсем еще маленький, был надежно спрятан, Элеонор совсем забыла, что у него есть отец и что она не вызвала дитя к жизни усилием воли. Он стал ее секретом (она не сомневалась, что ждет мальчика), а Элеонор умела хранить секреты, причем, так уж вышло, опыта ей хватало. Много лет она хранила секрет Энтони, после же встречи с Беном у нее появилась своя тайна.

Бен. В самом начале Элеонор сказала себе, что это всего лишь влечение. Однажды в детстве отец подарил ей воздушного змея из самого Китая и научил запускать. Элеонор обожала змея, длинные разукрашенные хвосты, силу, туго натянутый, подрагивающий в руке леер, странные волшебные письмена на боку игрушки.

Элеонор с отцом прочесали все поля в Лоэннете, чтобы найти для запуска лучшее место, где бы дул самый подходящий ветер. Элеонор была одержима этим змеем. Записывала наблюдения за полетами в записную книжку, рисовала многочисленные диаграммы и придумывала, как бы лучше его украсить. Она поймала себя на том, что по ночам просыпается и садится в постели, крутя невидимую катушку призрачного змея, словно до сих пор запускает его в небо. «У тебя развилось нездоровое влечение, – сурово сказала няня Бруен, глядя на Элеонор с неприкрытым осуждением. – Влечение – это дьявол, а дьявол уходит, когда натывается на запертую дверь». Она унесла воздушного змея и спрятала.

Теперь Элеонор повзрослела и сама решала свою судьбу. Рядом не было няни Бруен, чтобы сжечь игрушку и запереть дверь, и никто не мешал ей переступить порог.

– Я как раз собирался зажечь огонь, – сказал он в тот день. – Может, переждете грозу у меня?

Дождь лил как из ведра, и теперь, когда Элеонор не жгло беспокойство за Эдвину, она вдруг поняла, что промокла насквозь и замерзла. За молодым человеком виднелась комнатка, которая вдруг показалась воплощением тепла и уюта. За спиной барабанил дождь, к ногам жалась Эдвина, явно решив остаться, и Элеонор поняла, что выбора нет. Она поблагодарила, сделала глубокий вдох и вошла.

Он последовал за ней, закрыв за собой дверь, и шум падающего дождя сразу стал тише. Подав полотенце, молодой человек принялся разводить огонь в маленькой железной печке посреди кибитки. Вытирая волосы, Элеонор воспользовалась случаем и осмотрелась.

Кибитка не блистала роскошью. Мебели и прочих вещей только-только хватало, чтобы придать ей обжитой вид. На подоконнике Элеонор заметила несколько изящных бумажных журавликов, вроде того, что случайный знакомый складывал в поезде.

– Пожалуйста, садитесь, – предложил он. – Я затоплю печку. Она у меня с характером, но недавно мы с ней нашли общий язык.

Элеонор заглушила тихий шепот сомнения. В другом конце кибитки за задернутой занавеской виднелась кровать. Элеонор отвела взгляд, повесила полотенце на плетеный стул и села. Дождь уже не барабанил, а негромко шелестел, и Элеонор подумала, что это один из самых любимых ее звуков. Как приятно знать, что скоро высохнешь и согреешься, пока за окном идет дождь! Восхитительное чувство!

Пламя вспыхнуло, дрова затрещали, и молодой человек встал. Бросил обгоревшую спичку в огонь и закрыл решетку.

– А я вас знаю, – сказал он. – Переполненный поезд из Лондона в Корнуолл несколько месяцев назад. Вы были в моем вагоне.

– Насколько я помню, это вы были в моем.

Он улыбнулся, и сердце Элеонор неожиданно и опасно затрепетало.

– Не поспоришь. Повезло, что я вообще сумел купить билет. – Он вытер запачканные сажей руки о штаны. – Я вспомнил вас, как только мы расстались у почты. Я вернулся, но вы уже ушли.

Так он вернулся!.. Элеонор смутилась.

– Так вы здесь живете?

– Временно. Кибитка принадлежит фермеру, который меня нанял.

– А я думала, вы уже закончили работу у мистера Николсона, – вырвалось у Элеонор.

Она мысленно выругала себя. Теперь он поймет, что она о нем спрашивала.

– Здесь ведь нет ни воды, ни света?

– Мне и не нужно.

– Где же вы готовите?

Он показал на огонь.

– А где моетесь?

Он кивнул в сторону ручья.

Элеонор подняла брови. Молодой человек рассмеялся.

– Мне здесь спокойно.

– Спокойно?

– Разве вы никогда не хотели сбежать от мира?

Элеонор подумала, как тяжело все время быть матерью семейства, как от постоянной бдительности кажется, что суставы одеревенели, а шестеренки в мозгу накрепко стянуты резинкой.

– Нет, – ответила она отрететированным за долгие годы беззаботным голосом. – Никогда.

– Наверное, такая жизнь не для всех, – сказал он, пожав плечами. – Хотите чаю, пока сохнете?

Элеонор проследила взглядом за его жестом и увидела на печке кастрюлю.

– Пожалуй, выпью чашечку. – В конце концов, она замерзла и туфли еще мокрые. – Все равно ждать, когда дождь закончится.

Он заварил чай, и Элеонор спросила про кастрюльку. Молодой человек рассмеялся и сказал, что чайника у него нет, но кастрюля вполне справляется.

– Вы не любите чайники?

– Почему же, люблю. Просто у меня его нет.

– Даже дома?

– Вот мой дом, по крайней мере сейчас.

– Куда же вы пойдете, когда закончите здесь работу?

– Куда глаза глядят. Мне не сидится на одном месте, – объяснил он. – Я нигде долго не задерживаюсь.

– Я бы не вынесла, если бы у меня не было дома.

– Мой дом – люди, те, кого я люблю.

Элеонор горько улыбнулась. Когда-то давно, целую жизнь назад, она тоже говорила что-то подобное.

– Вы со мной не согласны?

– Люди меняются. А дом, настоящий дом со стенами, полом и крышей, с комнатами, где полно милых сердцу вещей, с воспоминаниями, притаившимися в тени... В доме надежно и безопасно. Там все по-настоящему и...

– Честно? – Он подал ей чашку чая и сел рядом на стул.

– Да, совершенно верно, – согласилась Элеонор. – Честно, и хорошо, и правильно.

С чего это она разоткровенничалась? Теперь он решит, что она немного странная – разве может нормальный человек испытывать столь теплые чувства к зданию?.. Но он тоже улыбнулся, и Элеонор поняла, что он все понимает, хотя и не согласен.

Элеонор давно не встречала новых людей, давно не разговаривала так легко и свободно. Она отбросила обычную сдержанность и расспросила о его жизни. Он вырос в Юго-Восточной Азии, отец был археологом, мать – заядлой путешественницей. Родители поощряли желание сына жить своей жизнью и не зависеть от ожиданий общества. Элеонор почти помнила, как тоже этого хотела.

Время протекало незаметно и странно, как будто кибитка существовала за пределами внешнего мира и не имела отношения к его превратностям. Ткань окружающей реальности растворилась, остались только они вдвоем. Элеонор не раз замечала, что может без часов определить время с точностью до пяти минут, но сейчас забыла обо всем. Только взглянув мельком на маленькие часы на подоконнике, она поняла, что прошло два часа.

– Мне пора идти, – охнула она и, отставив пустую чашку, встала.

Какое беспрецедентное легкомыслие! Невообразимо! Девочки, Энтони, мама... что они скажут?

Молодой человек тоже встал, но никто из них не сдвинулся с места. Между ними проскочила та самая искра, которую Элеонор заметила еще в поезде. Ей вдруг захотелось остаться, спрятаться, никогда отсюда не уходить... Следовало попрощаться, однако она сказала:

– У меня ваш носовой платок.

– Еще с поезда? – Он рассмеялся. – Я же сказал, оставьте его себе.

– Не могу. Одно дело, когда я не могла его вернуть, но теперь...

– Теперь?

– Теперь я знаю, как вас найти.

– Да, – кивнул он, – теперь знаете.

У Элеонор по спине побежали мурашки. Она чувствовала себя на краю

пропасти и в тот миг была готова броситься вниз. Только позже Элеонор поняла, что уже бросилась.

* * *

– Ты сегодня не ходишь, а летаешь, – заметила мать чуть позже. – Вот что значит попасть под бодрящий дождь!

Той ночью, когда Элеонор легла рядом с Энтони, а он погладил ее по руке и повернулся набок, она долго лежала в темноте, разглядывала трещины на потолке, слушала ровное, глубокое дыхание мужа и пыталась вспомнить, когда стала такой одинокой. А еще она думала о молодом человеке, которого встретила в поезде и чьего имени так и не удосужилась узнать. С ним она оттаяла душой, вновь смеялась и думала. И до него можно было дойти за считанные минуты.

* * *

Вначале Элеонор просто чувствовала, что впервые за много лет ожила. Она сама не замечала, как превращается в камень. Конечно, она знала, что изменилась с тех пор, как десять лет назад вернулся Энтони, но даже не представляла, что ее решение опекать мужа, защищать и следить за тем, чтобы он в умопомрачении не обидел девочек, так сильно на ней скажется. А теперь появился Бен, свободный и веселый, с ним всегда было легко. Эти отношения предлагали побег от реальности, душевную близость и эгоистичное удовольствие, и как легко можно было сказать себе, что это всего лишь влечение, временное лекарство.

Симптомы увлечения – навязчивые мысли, беспокойный сон, утонченное удовольствие от того, что пишешь чье-то имя или видишь его на листе бумаги – весьма похожи на симптомы влюбленности, и Элеонор не сразу поняла, что происходит. Да она никогда и не думала, что можно любить двух мужчин одновременно. Однажды она поймала себя на том, что напевает старую мелодию из балета, которую не вспоминала целую вечность, и с ужасом поняла: в компании Бена она чувствует себя так же, как в начале знакомства с Энтони, когда весь мир вдруг стал ослепительно-ярким.

Она любит Бена.

Слова, прозвучавшие в мозгу Элеонор, ошеломили ее. Она забыла, что

любовь может быть такой простой и радостной. Любовь к Энтони никуда не делась, за пару десятков лет она стала глубже, изменилась; жизнь бросила им двоим вызов, и любовь его приняла. Теперь любить означало ставить на первое место интересы любимого, жертвовать собой, не давать залатанному кораблю потонуть в шторм. А с Беном любовь была маленькой шлюпкой, которая легко скользила по морю невзгод.

* * *

Забеременев, Элеонор сразу поняла, чей это ребенок, но все равно посчитала дни и недели, чтобы знать наверняка. Было бы гораздо проще, если бы ребенок оказался от Энтони.

Она не собиралась лгать Бену, однако не спешила рассказывать о ребенке. Человеческий мозг обладает способностью отрицать серьезные проблемы, и потому Элеонор просто сосредоточилась на своей радости: у нее будет ребенок, ей всегда хотелось еще одного малыша, Энтони будет счастлив. Более того, ему наверняка станет лучше, он выздоровеет. Элеонор так давно лелеяла эту мысль, что ей даже в голову не пришло усомниться.

Вначале она отказывалась признать, что щекотливый вопрос отцовства существует. Хранила секрет, даже когда живот начал расти и она почувствовала первые шевеления плода. Однако на четырехмесячном сроке, уже сообщив замечательную новость Энтони и девочкам, Элеонор поняла, что пора поговорить с Беном.

Она размышляла о том, как ему сказать, и вдруг осознала, что ждет предстоящего разговора с ужасом. Нет, она не боялась, что Бен осложнит ей жизнь. С самого первого дня в кибитке Элеонор ждала, что он исчезнет, холодея, представляла, как придет однажды, а его там не будет. Каждый раз, спеша вдоль ручья на свидание, она сдерживала дыхание и готовилась к худшему. Конечно, никто не произносил слово «любовь» вслух. Мысль о том, что они расстанутся, была невыносима, однако Элеонор напоминала себе, что Бен – перекасти-поле. Собственно, потому-то она и позволила себе им увлечься. Кратковременность этих отношений казалась полной противоположностью бремени, которое лежало на ее плечах. В один прекрасный день он уйдет, говорила себе Элеонор, и все закончится. Ни уз, ни сожалений, и никто не пострадает.

Как оказалось, она обманывала себя. Сейчас, когда ей предстояло сообщить своему бродяге-возлюбленному – человеку, у которого за душой нет даже чайника! – нечто такое, после чего он точно должен уйти, Элеонор

увидела, что ошибалась, самонадеянно считая их отношения легкими и ничего не значащими. Она привыкла к Бену, такому доброму и веселому, привыкла к его поддержке. Элеонор любила Бена, и хотя разумом понимала, что его уход был бы лучшим решением, не хотела, чтобы он уходил.

Поймав себя на этой мысли, она выругала себя за наивность. Конечно, теперь все изменится. У нее будет ребенок. Она замужем за Энтони. Он ее муж, она его любит и всегда будет любить. Сейчас нужно просто сказать Бену, что он станет отцом, и посмотреть, как он собирает вещи.

* * *

Элеонор не приняла в расчет биологию. Не учла любовь.

– Ребенок, – изумился Бен, когда Элеонор сообщила ему новость. – Ребенок.

Его лицо приняло необычное выражение: он улыбался от радости и удовольствия, более того, благоговел. Тео еще не родился, а Бен его уже любил.

– Мы создали маленького человечка, – сказал тот, кто всю свою жизнь избегал обязательств. – Я и не думал, что это произойдет таким образом!.. Я чувствую связь с малышом и с тобой. А ты?

Что она могла сказать? Она тоже чувствовала эту связь. Ребенок соединил Элеонор и Бена независимо от той любви, что она испытывала к мужу, от их будущего в Лоэннете, которое она себе нарисовала.

Следующие несколько месяцев Бен пребывал в восторге, ни секунды не сомневаясь, что их дитя – желанный подарок судьбы. Его оптимизм заражал Элеонор.

Бен считал, что все образуется. «Обязательно образуется. За свою жизнь я в этом убедился», – уверенно говорил он, и Элеонор начинала ему верить. Пусть все идет, как шло: она и ребенок в Лоэннете, а Бен здесь. До сих пор их это устраивало.

Летом, когда ей подошло время рожать, Бен заявил, что покидает кибитку. Сперва Элеонор испугалась, решив, что он передумал и навсегда уезжает из Корнуолла, но Бен убрал с ее лица прядь волос и сказал: «Я должен быть рядом. Я нашел новую работу, по объявлению в местной газете. На следующей неделе меня ждет мистер Харрис. Там вроде есть лодочный сарай, где иногда живут садовые рабочие?»

Наверное, Элеонор изменилась в лице, потому что Бен торопливо

добавил: «Я не буду осложнять тебе жизнь, обещаю». Он ласково положил обе ладони на ее упругий круглый живот. «Я должен быть рядом, Элеонор, рядом с тобой и ребенком. Вы – мой дом».

* * *

Бен начал работать в Лозннете поздним летом тысяча девятьсот тридцать второго года. Пришел по подъездной аллее в один из череды необычайно жарких дней, и со стороны казалось: он ничего не знает о поместье, просто вычитал в газетном объявлении, что нужен садовник. И даже тогда Элеонор убеждала себя, что все в порядке. Бен сможет без опаски смотреть, как растет его ребенок, она будет встречаться с Беном, когда захочет, а Энтони, милый Энтони, ничего не заподозрит.

Элеонор жила в выдуманном раю. Любовь, волнение перед рождением ребенка, долгое знойное лето – все это ослепило ее. Но вскоре иллюзии растаяли. Близость Бена сделала их отношения реальными. Раньше он существовал как бы в другом мире, а сейчас, в Лозннете, стал частью жизни, которую Элеонор делила со своей семьей. В душе Элеонор зашевелилось чувство вины, которое она так долго подавляла.

Сейчас Элеонор отчетливо понимала, что совершила ошибку, когда изменила Энтони. И о чем только она думала? Что на нее нашло? Энтони – вот ее настоящая любовь. Элеонор вспоминала его юное веселое лицо – тем утром, когда он вытащил ее из-под омнибуса; на их свадьбе, когда Энтони легонько сжал руку Элеонор и улыбнулся, а она живо представила себе их безоблачное будущее; в тот день на вокзале, когда он уходил на войну, полный желания принести пользу отечеству, – и ей хотелось свернуться клубочком и умереть от стыда.

Она почти перестала выходить в сад. Сад всегда был для нее самой любимой частью Лозннета, местом, где отдыхаешь душой и телом, и эту потерю Элеонор считала вполне заслуженным наказанием. Была еще одна причина. От постоянного чувства вины у Элеонор развился невротический страх, что в саду она столкнется с Беном и ненароком выдаст свой секрет. Она не могла рисковать: последствия оказались бы губительными для Энтони. Элеонор торопливо отворачивалась, если видела в окно Бена, а по ночам лежала без сна и думала, что будет, если Бен захочет от нее и ребенка больше, чем она готова дать.

И все же, как бы Элеонор себя ни бранила, как бы ни раскаивалась, она не жалела о том, что произошло, ведь благодаря ее роману с Беном у

нее появился Тео. Элеонор любила малыша с той самой минуты, когда поняла, что беременна; после того, как мальчик родился, она в нем души не чаяла. И дело было не в том, что Элеонор любила его больше, чем дочерей, просто она сильно изменилась с тех пор, как они были крохами. Стала печальнее, старше, больше нуждалась в утешении. Теперь она могла любить малыша с освобождающей самоотверженностью. А самое главное, когда они были вдвоем, суровая мать семейства исчезала.

Элеонор рассматривала множество вариантов развития событий, но никак не предполагала, что с появлением Тео состояние Энтони ухудшится. Она так долго верила, что маленький ребенок – долгожданный сын! – поможет мужу выздороветь, что ей и в голову не пришло усомниться. Огромная ошибка!.. Неприятности начались почти сразу, через несколько недель после того, как родился Тео.

Энтони его обожал, бережно держал на руках, удивленно вглядываясь в очаровательное личико, однако в его радости чувствовалась грусть, горький стыд за то, что он живет идеальной жизнью, тогда как на долю других выпали невыносимые страдания. Еще хуже, порой, когда малыш плакал, на лице Энтони появлялось бессмысленное выражение, он словно уходил в себя и слышал только то, что происходило в голове.

Ночами, когда Энтони мучили кошмары, – его била ужасная дрожь, он кричал: «Успокойте ребенка! Пусть замолчит!», и приходилось удерживать его изо всех сил, не давая выскочить в коридор, – Элеонор со страхом думала, что же она наделала.

А потом Клементине исполнилось двенадцать, и на день рождения ей подарили планер. Так решил Энтони, и сама по себе идея была превосходной, но все надежды Элеонор остаться дома пошли прахом. Они уже пообедали, когда Клемми развернула подарок и выбежала наружу. Сказав себе, что ничего плохого не случится, Элеонор велела служанке вынести поднос с чайными принадлежностями в сад.

Стояла прекрасная погода, выдался один из тех солнечных осенних дней, когда отважный человек вполне может искупаться. Всех охватило праздничное настроение, они дурачились на лужайке, запускали планер и весело смеялись, когда самолетик едва не задел прическу Элеонор, однако сама Элеонор не находила себе места. У озера работал Бен, и она не хотела, чтобы домочадцы случайно увидели их вдвоем, а еще боялась, что он заметит люльку с Тео и под каким-нибудь предлогом подойдет ближе.

Бен, конечно, не стал бы этого делать, ведь он обещал, но страх – плохой советчик, и Элеонор хотела, чтобы день поскорее закончился. Осталось выпить чай с тортом – и можно возвращаться в дом!.. Однако вся

семья будто сговорилась. Все отмахивались и от чая, и от торта, и Элеонор пришлось разыгрывать строгую мать, хотя больше всего на свете она мечтала остаться одна.

А тут еще Клемми, которая, похоже, обладала даром выбирать самое неподходящее время, чтобы показать свою природную безрассудность, полезла на верхушку высокого платана. Сердце Элеонор едва не выскочило из груди, нервы были на пределе, она боялась, что не выдержит, и поспешила под дерево, не отводя глаз от младшей дочери, которая босиком, с расцарапанными коленками и подоткнутой юбкой, взбиралась все выше и выше. Элеонор решила, что успеет поймать Клемми, если та вдруг сорвется и упадет.

Собственно, именно поэтому Элеонор не заметила, что случилось. Первой увидела няня Роуз. Она ахнула и схватила Элеонор за руку, прошептав: «Скорее! Малыш!»

Элеонор похолодела. Казалось, мир покачнулся, когда она оглянулась и увидела, что Энтони идет к люльке Тео. Малыш плакал, и по скованным, неловким движениям Энтони Элеонор поняла, что муж не в себе.

Роуз уже спешила через лужайку. Она одна из немногих знала о состоянии Энтони. Элеонор ей ничего не говорила, няня сама догадалась. Ее отец тоже перенес боевую психическую травму, сказала она, когда как-то вечером подошла к хозяйке и предложила свою помощь.

– Дафид, покатайте девочек на лодке, – попросила Элеонор.

Должно быть, он услышал в ее голосе паническую нотку, потому что сразу все понял, весело подозвал Дебору и Клемми и повел девочек к привязанной у берега лодке.

Элеонор побежала, чуть не сбив с ног Элис, которая торопилась за сестрами. Сердце бешено колотилось. Только бы успеть! Она добежала до Энтони и с одного взгляда поняла, что муж не здесь, перенесся туда, куда исчезает всякий раз, когда его накрывает помутнение. «Ребенок, – лихорадочно твердил он. – Успокой его, пусть немедленно замолчит!»

Элеонор обняла мужа, силой повернула к дому и повела, шепча, что все хорошо. Улучив секунду, она оглянулась на няню Роуз, которая успокаивала Тео. Няня подняла взгляд на Элеонор, и та поняла, что за малыша можно не беспокоиться.

* * *

Ночью, когда Энтони провалился в тяжелый наркотический сон,

Элеонор босиком выскользнула из спальни и прошла по коридору. Осторожно спустилась по лестнице, обойдя прореху в белуджистанском ковре дедушки Хораса, и по полу за ней кралась тень.

Плиты садовой дорожки еще хранили дневное тепло, Элеонор нравилось чувствовать под мягкими пятками твердый камень. Когда-то давно пятки у нее были жесткими.

У озера она зажгла сигарету и глубоко затянулась. Никто не знал, что она курит.

Элеонор скучала по саду, другу ее детства.

Вода тихо плескалась в темноте, ночные птицы хлопали крыльями, какая-то мелкая зверюшка – наверное, лиса – испуганно метнулась в сторону.

Элеонор затушила сигарету и торопливо подошла к озеру. Расстегнула платье, сняла через голову и осталась в одной комбинации.

Ночь стояла довольно теплая, но совсем не подходящая для купания, однако у Элеонор жгло в груди. Ей хотелось возродиться, почувствовать себя живой, свободной от уз. Уйти, скрыться ото всех и вся. «Разве вы никогда не хотели сбежать от мира?» – спросил Бен в кибитке. Да, очень хотела, а сегодня больше, чем когда-либо.

Она погрузилась в воду с головой, опустилась на дно, чувствуя под ногами холодные и скользкие камыши. Представила себя обломком дерева, который качается туда-сюда на волнах. Ни ответственности, ни тревог.

Элеонор всплыла, взбудоражив залитую лунным светом гладь, перевернулась на спину, слушая ночные звуки: фыркание лошади в загоне поблизости, шум птиц в лесу, журчание воды.

В какой-то миг она поняла, что больше не одна, и догадалась, что это Бен. Элеонор подплыла к берегу, вышла из воды, села рядом с Беном на поваленное бревно. Он снял пиджак, накинул ей на плечи, обнял, погладил по голове и, даже не зная, в чем дело, сказал, что все будет хорошо. Бен успокаивал Элеонор, а она молча слушала. Она истосковалась по нему, и от его прикосновений стало так легко на душе, что перехватило горло.

Но Элеонор знала правду. Она, Элеонор, похожа на королеву из «Волшебной двери Элеоноры», которая так хотела ребенка, что пошла на сделку с дьяволом. Элеонор открыла дверь, переступила порог и любила запретной любовью, а теперь пришло время пожинать последствия. В мире существует равновесие и природная справедливость; за все приходится платить, и уже слишком поздно запирать дверь.

Глава 30

Корнуолл, 2003 г.

– Вот это да!

Клайв уставился на Сэди, голубые глаза округлились за стеклами очков, когда до него дошел смысл сделанного открытия.

– Не понимаю, почему мне это не пришло в голову раньше? – сказала Сэди.

– С какой стати? Я был здесь в тысяча девятьсот тридцать третьем году и видел всю семью. Никто даже словом не обмолвился, что такое вообще может быть.

– Думаете, Энтони знал?

Клайв тихонько свистнул сквозь зубы, прикидывая.

– Если да, то теперь все выглядит гораздо мрачнее.

Сэди пришлось согласиться.

– А в дневнике он ничего не писал? Примерно в то время, когда Дебора заходила к нему в кабинет?

– Записи-то есть, но все завуалировано, я ничего толком не понял.

– Вы же разговаривали с ним в тысяча девятьсот тридцать третьем? Я знаю, вы сказали, что не слышали ни одного намека, ставящего под сомнение отцовство Энтони, но, может, было еще что-нибудь? Какая-нибудь мелочь, которая в то время выглядела совсем незначительной?

Клайв надолго задумался и наконец заговорил. В его голосе слышалось сомнение.

– Вроде было кое-что. Не знаю, насколько это важно, может, вообще не стоит об этом упоминать... Когда мы впервые разговаривали с Эдевейнами, шеф предложил им обратиться в прессу. Он считал, что если заручиться симпатией публики, то намного больше глаз будут высматривать пропавшего малыша. В тот день стояла духотища, а мы собрались внизу в библиотеке: Энтони и Элеонор сидели рядом на диване, еще там были фотограф с репортером, а полицейские в это время прочесывали озеро. – Клайв покачал головой. – Ужасно. Так вот, Элеонор стало плохо, и Энтони резко оборвал интервью. Понятное дело, я его нисколько не винил, но вот что застряло в памяти: «Сжальтесь, – сказал он, – моей жене плохо, пропал ее ребенок». – Клайв взглянул на Сэди. – Не «наш ребенок», а «ее ребенок».

– Возможно, он просто сопереживал ее горю. Хотел подчеркнуть именно ее чувства.

– Вряд ли, – с нарастающим волнением сказал Клайв. – Наоборот, чем больше я думаю об этих словах, тем подозрительнее они кажутся.

Сэди внутренне воспротивилась его убежденности. Если Клайв все сильнее верил в то, что Энтони знал о Тео, то Сэди хотелось доказать, что это не так. Никакой логики в ее упрямстве не было, просто не хотелось верить, и все тут. Прежде они с Элис полагали, что Энтони убил Тео случайно, в приступе буйной ярости, вызванной психической травмой. Но если Тео, долгожданный обожаемый ребенок, не приходился ему сыном и если Энтони узнал правду тогда же, когда ему сообщили о неверности жены, то появлялась другая, куда более страшная версия.

Будь Дональд здесь, он наверняка сказал бы, что Сэди слишком вовлечена в дело, и потому, пока Клайв перечислял все, что он заметил в поведении Энтони в тысяча девятьсот тридцать третьем году, Сэди постаралась не делать поспешных выводов. Она не допустит, чтобы личные чувства повлияли на ее профессиональное суждение. Картина, которую нарисовал Клайв, выглядела довольно мрачно. Энтони, должно быть, тщательно выбирал время и остановился на идеальной для преступления ночи ежегодного праздника, зная, что жена собьется с ног, принимая гостей, а прислуга будет слишком занята, чтобы глазеть по сторонам. Увольнение Роуз Уотерс тоже пришлось кстати: бдительная молодая няня, по словам Элеонор, никогда бы не допустила, чтобы с ее подопечным что-то случилось. Няню Роуз заменили старой Хильдой Бруен, которая, как всем известно, с радостью побалуует себя глотком-другим виски, если шум вечеринки будет мешать ей спать. Все отлично продумано. А что же Элеонор? Какова была ее роль?

– Думаете, она знала? – спросила Сэди.

– Наверняка. Иначе почему она отказалась объявить награду? Знала, что это бесполезно, сына все равно не найдут.

– Но почему она помогла скрыть преступление? Почему ничего не сказала? Как ни в чем не бывало продолжала жить с Энтони Эдевейном, и, по общему признанию, они были счастливой парой.

– Семейные дела – сложная штука. Возможно, он угрожал, например Бену; кстати, это объясняет, почему Мунро навсегда исчез из их жизни. А возможно, Элеонор чувствовала, что сама виновата, что именно ее неверность довела мужа до преступления.

Действительно, Элис говорила, что Элеонор была сильным человеком со своеобразной системой моральных ценностей. Предположим, что женщина с подобными этическими взглядами испытывала глубокое чувство вины из-за того, что нарушила клятву верности. Но могла ли она

принять смерть Тео как должное наказание? Вряд ли. Одно дело простить Энтони ужасную случайность (да и то с натяжкой) и совсем другое – оправдать умышленное убийство своего ребенка. Как ни старалась Сэди не судить предвзято, у нее в голове не укладывалось, что Энтони Эдевейн – добрый отец, любящий муж и в прошлом храбрый солдат – оказался мстительным чудовищем.

– Ну, что вы думаете? – спросил Клайв.

Он явно ждал, что Сэди с ним согласится. Однако она его не поддержала. Что-то они упустили. Все *почти* сходится, но не хватает самого важного кусочка головоломки.

– Думаю, надо спуститься вниз, открыть термос с чаем и выпить по чашечке. Не будем рубить сплеча, пусть все отстоится.

Клайв кивнул. Солнце заливало комнату светом, и, пока Сэди собирала разбросанные конверты, старик подошел к окну.

– Вот те на! – воскликнул он. – Посмотрите, кто приехал!

Сэди подошла к окну, окинула взглядом знакомый вид, заросший сад и озеро за ним. По дорожке медленно шагали два человека. Наверное, Сэди меньше бы удивилась, если бы увидела, что к дому топает малыш Тео собственной персоной.

– Это же Элис Эдевейн!.. Элис Эдевейн и ее помощник Питер.

– Элис Эдевейн, – повторил Клайв, недоверчиво присвистнув. – Наконец вернулась домой.

* * *

– Я передумала, – заявила Элис вместо объяснения, когда Сэди с Клайвом встретили ее в передней.

Питер довел свою работодательницу до двери, и его снова отправили к машине за «снаряжением», как туманно выразилась Элис. Сама она со слегка негодующим видом стояла на пыльном плиточном полу, похожая на щеголеватую хозяйку поместья, которая вышла на утреннюю прогулку, но уже вернулась домой и не слишком довольна нерадивой прислугой.

– Здесь не мешало бы навести порядок, – коротко бросила она. – Может, устроимся в библиотеке?

– Давайте, – согласилась Сэди, взглянув на Клайва и озадаченно пожав плечами, когда они вошли вслед за Элис в дверь на другом конце коридора.

Сэди сразу узнала комнату, которую видела через окно в тот день, когда впервые попала в Лоэннет; в тысяча девятьсот тридцать третьем году

полиция опрашивала здесь свидетелей, и, по словам Клайва, именно в этой комнате Энтони и Элеонор встречали репортера и фотографа после того, как Тео объявили без вести пропавшим.

Теперь Клайв сел на один конец дивана, а Сэди на другой. Диван покрывала густая пыль, но, похоже, тут уж ничего нельзя было сделать, разве что устроить срочную генеральную уборку. Впрочем, Элис наверняка приехала сюда, чтобы узнать, как идет расследование, и точно не позволит какой-то грязи помешать своей цели.

Сэди ждала, что Элис усядется в кресло и начнет засыпать их вопросами, однако пожилая женщина продолжала расхаживать по библиотеке от камина до письменного стола под окном и обратно, останавливаясь на миг-другой, прежде чем повернуться и зашагать в противоположную сторону. Ее подбородок был высоко поднят, но Сэди наметанным взглядом сыщика видела, что Элис отчаянно пытается скрыть волнение. И неудивительно. Вернуться в дом своего детства через семьдесят лет и увидеть, что вся обстановка там совершенно не изменилась! И это еще без учета трагического происшествия, из-за чего, собственно, Эдевейны и уехали из дома. Элис остановилась у стола и взяла рисунок с изображением детского лица.

– Это он? – тихо спросила Сэди, вспомнив необычную красоту наброска, который видела в окно библиотеки в то утро, когда открыла для себя Лоэннет. – Тео?

Элис не подняла взгляд, и на миг Сэди подумала, что она не расслышала. Сэди уже хотела было повторить вопрос, когда Элис произнесла:

– Этот набросок сделал друг семьи, Дафид Ллевелин. Нарисовал в день смерти Тео. – Стиснув зубы, она посмотрела в окно. Расползшиеся побеги ежевики почти полностью закрывали обзор, но Элис, похоже, ничего не замечала. – Я видела, как он возвращался с ручья и нес этот рисунок. Мистер Ллевелин всегда жил у нас летом, в Пурпурной комнате наверху. Почти каждое утро он уходил с мольбертом на плече и альбомом под мышкой. Я и не знала, что он рисовал Тео, пока не увидела это изображение.

– Интересное совпадение, – осторожно закинула удочку Сэди. – Он впервые нарисовал Тео в тот день, когда мальчик исчез.

Элис резко подняла голову.

– Может, и совпадение, только я бы не назвала его интересным. Мистер Ллевелин не имеет отношения к судьбе Тео. Впрочем, я рада, что он нарисовал его портрет, все следующие недели мама черпала в нем

утешение.

– Дафид Ллевелин умер вскоре после Тео, так ведь? – Сэди вспомнила разговор с Клайвом и свои сомнения насчет того, что оба происшествия совпали по времени.

Клайв кивнул, а Элис сказала:

– Полиция нашла его тело, когда прочесывала поместье. Чудовищное...

– Совпадение? – предложила Сэди.

– Чудовищное развитие событий, – подчеркнуто произнесла Элис. Она снова посмотрела на рисунок, и выражение ее лица смягчилось. – Такая трагедия, такая ужасная потеря... Конечно, порой невольно задумываешься... – О чем она задумывалась, Элис так и не сказала. – Мы все любили мистера Ллевелина, но больше всего он дружил с мамой. Он не слишком любил общество других взрослых, мама была исключением. Его смерть вскоре после исчезновения Тео стала для нее вторым ударом. Обычно она искала утешение в их с мистером Ллевелином дружбе. Мама любила его как отца.

– И делилась с ним секретами?

– Наверное. У нее было мало друзей, тех, с кем бы она стала откровенничать.

– А с матерью?

Элис по-прежнему рассматривала портрет Тео, но после вопроса Сэди бросила на нее иронично-удивленный взгляд.

– С кем, с Констанс?

– Она ведь жила с вами, не так ли?

– Вынужденно.

– Могла ли ваша мать ей довериться?

– Конечно, нет! Мама и бабушка никогда не ладили. Не знаю, почему они недолго любили друг дружку, но неприязнь была застарелой и глубокой. А после того как Тео умер и мы покинули Лоэннет, их отношения окончательно испортились. Бабушка не поехала с нами в Лондон. Она неважно себя чувствовала; еще за несколько месяцев до Иванова дня стала терять память, а потом ее состояние резко ухудшилось. Бабулю отправили в дом престарелых в Брайтоне, где она и дожила свои дни. На самом деле, это был один из весьма редких случаев, когда мама проявила дочерние чувства: она выбрала для бабушки самое лучшее заведение, настояла, чтобы все было идеально. Семья – дело непростое, так ведь, детектив?

Еще бы, подумала Сэди, обменявшись взглядами с Клайвом. Тот кивнул.

– В чем дело? – Элис, как всегда проницательная, посмотрела на Сэди, потом на Клайва. – Вы что-то нашли?

Письмо от Элеонор к Бену по-прежнему лежало в заднем кармане джинсов Сэди, и она отдала его Элис, которая пробежала взглядом по строчкам и подняла бровь.

– По-моему, мы уже установили, что у моей матери и Бенджамина Мунро был роман.

Тогда Сэди рассказала о другой странице, которую нашла в лодочном сарае, той, где Элеонор сообщала о своей беременности.

– Я думала, что письмо адресовано вашему отцу, когда тот воевал во Франции. Элеонор писала, что очень скучает, и сокрушалась, как им с ребенком будет без него тяжело. Но когда я наверху нашла первую страницу, то стало ясно: ваша мать писала Бену. – На миг Сэди замялась. – О Тео.

Элис медленно опустилась в кресло, и Сэди наконец поняла значение выражения «земля ушла из-под ног».

– Вы думаете, что Тео был сыном Бена, – произнесла Элис.

– Да.

Побледневшая от неожиданного известия, Элис смотрела перед собой невидящим взглядом и шевелила губами, мысленно подсчитывая сроки. В Лондоне она выглядела довольно грозно, однако сейчас Сэди разглядела в ней некую незащитность. Не то чтобы Элис казалась слабой, нет, скорее, она просто вышла из созданного ею образа и стала обычным человеком с обычными человеческими слабостями.

– Да, – в конце концов сказала она с легкой ноткой удивления в голосе. – Вполне логично. Это многое объясняет.

Клайв кашлянул.

– И многое меняет, не находите?

Элис взглянула на него:

– Но не меняет судьбу моего брата.

– Нет, конечно, нет. Я имел в виду...

– Вы имели в виду мотив, который двигал моим отцом. Я знаю, куда вы клоните, и вот что вам скажу: папа никогда бы не причинил Тео вреда умышленно.

Сэди почувствовала то же самое, когда Клайв впервые изложил свою версию. Теперь же, видя, как яростно отменяет предположение Элис, Сэди задавалась вопросом: а была ли она сама достаточно объективна?

В соседней комнате послышались шаги, и в дверях появился Питер. Похоже, он выполнил свое таинственное задание.

– Элис? – воскликнул молодой человек. – Вам плохо? – Он встревоженно посмотрел на Сэди. – У вас все нормально?

– Я в полном порядке, – заявила Элис.

Питер уже стоял рядом, спрашивал, не хочет ли она воды, или свежего воздуха, или перекусить. Элис отмахнулась от всех предложений.

– Ну правда, Питер, у меня все в порядке. Просто разволновалась, давно здесь не была, вот и нахлынули воспоминания. – Она передала ему рисунок. – Смотрите, это мой младший брат, Тео.

– Какой восхитительный рисунок! Вы сами...

– Конечно, нет. – Элис чуть не рассмеялась. – Это нарисовал друг семьи, Дафид Ллевелин.

– Писатель, – удовлетворенно кивнул Питер, как будто узнал ответ на давно мучивший его вопрос. – Конечно, мистер Ллевелин. Вполне логично.

Разговор ушел в сторону, прежде чем Сэди уточнила время самоубийства Ллевелина. А вдруг он мучился чувством вины не из-за того, что причинил вред Тео, а потому, что не остановил Энтони?

– Ваш отец и мистер Ллевелин дружили? – спросила она.

– Они прекрасно ладили, – ответила Элис. – Отец считал его членом семьи, кроме того, они оба имели отношение к медицине и уважали друг друга как коллеги.

А кроме медицины, припомнила Сэди, у них было еще кое-что общее. Дафид Ллевелин, подобно Энтони, не смог заниматься медицинской практикой после пережитого потрясения.

– Как вы думаете, что вызвало у него нервный срыв?

– Я никогда не спрашивала. И до сих пор жалею: я ведь хотела спросить, он очень странно себя вел перед приемом в канун Иванова дня, но тогда у меня на уме было совсем другое, вот и не успела.

– А кто еще мог знать?

– Возможно, мама, но она бы никогда не сказала. Бабушка знавала Ллевелина в молодости, только выпытать у нее правду было бы настоящим подвигом: они друг друга терпеть не могли. Констанс не выносила слабости и считала Ллевелина недостойным даже презрения. Как она злилась, когда стало известно, что его наградят орденом Британской империи! Все остальные ужасно гордились мистером Ллевелином... Жаль, что он не дожил до вручения.

– Он был для вас наставником, – мягко произнес Питер. – Как мисс Тальбот для меня.

Элис выпятила подбородок, словно отгоняя слезы, если вдруг они посмеют навернуться на глаза.

– Да, до тех пор, пока я не решила, что стала взрослой и больше в нем не нуждаюсь. Такая гордыня!.. Хотя молодые всегда стремятся избавиться от стариков, разве не так?

Питер улыбнулся, как показалось Сэди, печально.

Должно быть, воспоминание побудило Элис к действиям. Она решительно вздохнула и прижала одну ладонь к другой.

– Ладно, хватит. Сегодняшний день не для сожалений, разве только чтобы от них избавиться. Питер, вы принесли снаряжение?

Он кивнул.

– Оставил у передней двери.

– Превосходно. А теперь, может, вы найдете...

– Половицу с завитушкой в виде головы лося? Я готов.

– Отлично.

Не вслушиваясь в разговор о лосиных головах, Сэди взяла письмо Элеонор. Она даже представить не могла, каково прочитать такое откровенное письмо мамы. Словно голос из давнего прошлого донесся до настоящего, чтобы осложнить поиск правды. До Сэди вдруг дошло: надо иметь недюжинную храбрость, чтобы вот так излить свои чувства на бумагу и отдать другому человеку.

Вспомнилась Шарлотта Сазерленд. Сэди так перепугалась, получив эти письма, что даже не подумала, сколько понадобилось девочке смелости, чтобы написать их и отправить. В передаче своих мыслей есть что-то глубоко личное, а Шарлотта написала два раза, рискуя, что во второй раз ее тоже отвергнут. Сэди поспешила отвергнуть Шарлотту в первый раз и даже не подумала, что побудило девочку написать второе письмо – смелость или безрассудство?

– Вот чего я не могу понять, – сказала Сэди, обращаясь больше к себе, чем к остальным, – зачем хранить такие письма? Одно дело написать в порыве страсти, но держать у себя после того, как... – Она покачала головой. – Такая улика!

Элис улыбнулась и стала больше похожа на саму себя.

– Вы спрашиваете, детектив Спэрроу, только потому, что не любите писать письма. А если бы любили, то знали бы: писатель никогда не уничтожает свою работу. Даже если боится, что ее содержание приведет к неприятным последствиям.

От входной двери позвали:

– Эй, здесь есть кто-нибудь?

Голос Берти.

– Это мой дед, – удивленно сказала Сэди. – Подождите, я на минутку.

Она подошла к входной двери.

– Я привез ленч, – сообщил Берти, держа корзину с огромным термосом и душистым, только что из печи, хлебом. – Пытался позвонить, но твой телефон не отвечал.

– Ох, черт, прости. Я отключила звук.

Берти понимающе кивнул.

– Хочешь сосредоточиться.

– Вроде того.

Сэди вытащила мобильник и посмотрела на экран. Шесть пропущенных звонков. Два от Берти и четыре от Нэнси.

– Что случилось? Ты хмуришься?

– Ничего, не обращай внимания. – Сэди улыбнулась, подавляя нарастающую тревогу. Нэнси, конечно, упертая во всем, что касается исчезновения дочери, но четыре звонка подряд – это по меньшей мере странно. – Заходи, познакомишься со всеми.

– Со всеми?

Сэди рассказала о неожиданном приезде Элис и Питера, радуясь, что не одна в доме, – за ленчем Берти наверняка бы захотелось поговорить о Шарлотте Сазерленд или последствиях дела Бейли, а эти две темы были ей неприятны.

– Хорошо, что я всегда готовлю с запасом! – весело сказал Берти, когда внучка прошла с ним в библиотеку.

Элис стояла, скрестив руки, поглядывая на часы и нетерпеливо барабаня пальцами, и Клайв облегченно вздохнул, увидев Сэди.

– Это мой дедушка, Берти, – объявила она. – Привез ленч.

– Как мило, – сказала Элис, подходя к Берти, чтобы пожать ему руку. – Элис Эдевейн.

В ее манере не было ни намека на беспокойство, настоящая хозяйка большого дома, излучающая уверенную властность. Сэди подозревала, что, должно быть, в богатых семьях когда-то учили так держаться.

– Что в меню?

– Я приготовил суп, – ответил Берти, – и яйца вкрутую.

– Моя любимая еда! – Удивленная Элис наградила его коротким, довольным кивком. – Как вы узнали?

– Все лучшие люди предпочитают яйца вкрутую.

Элис улыбнулась, и от искренней благодарной улыбки ее лицо совершенно изменилось.

– Дед всю неделю пек кексы для киоска от больницы на праздничную ярмарку, – заявила ни с того ни с сего Сэди.

Элис одобрительно кивала, когда вернулся Питер, держа в руке маленький черный мешочек.

– Я готов, жду вас, – сказал Питер и, увидев Берти, добавил: – О, здравствуйте.

Их познакомили, потом Элис и Питер немного поспорили, что лучше: сразу приступить к намеченному делу или перекусить, но все-таки решили, что будет невежливо, если суп Берти остынет.

– Отлично, – сказал Берти. – Может, покажете, где здесь лучшее место, чтобы поесть? На всякий случай я захватил плед для пикника.

– Очень разумно, – похвалила Элис. – Этот сад просто создан для пикников. Правда, он немного разросся, но у воды есть красивые полянки.

Элис вышла из комнаты вместе с Питером и Берти, оживленно рассказывая об огромном платане во дворе, деревянном планере и лодочном сарае чуть поодаль.

– Мы с сестрами проводили там почти все время, – говорила Элис; чем дальше они уходили по каменной дорожке, тем тише становился ее голос. – В доме есть туннель, который выходит на опушку леса, совсем рядом с лодочным сараем. Как потрясающе здесь было играть в прятки!..

Когда наступила тишина, Сэди повернулась к Клайву и смущенно пожала плечами.

– Ну что, сделаем перерыв на ленч?

Он кивнул.

– Я пойду с вами, только остаться не смогу. Дочь вместе со своей семьей берут меня на послеобеденную пробежку по антикварным магазинам.

Вид у Клайва был не самый радостный, и Сэди сочувственно улыбнулась. Они пошли к остальным, и только у озера Сэди сообразила, что утром не видела машины Клайва, да и ворота были закрыты.

– А как вы сюда добрались?

– На лодке, – ответил он. – У меня есть небольшой ялик. Самый легкий путь, и уж точно быстрее, чем на машине.

– Наверняка и приятнее. Здесь так спокойно!

Клайв улыбнулся:

– Да, иногда можно проделать весь путь и не встретить ни одной живой души.

Телефон Сэди снова зазвонил, она вытащила его и, взглянув на экран, соорудила недовольную гримасу.

– Плохие новости?

– Это Нэнси Бейли. Помните дело, о котором я вам рассказывала?

– Бабушка маленькой девочки. Как же, помню. Интересно, что ей нужно?

– Понятия не имею. Она звонит целый день.

– Должно быть, что-то важное.

– Возможно. Она очень упрямая.

– Вы ей перезвоните?

– Вообще-то, мне нельзя. Идет служебное расследование, и если суперинтендант узнает, что я с ней общаюсь, то быстренько сделает выводы. К тому же у нас здесь дело.

Клайв кивал, но Сэди видела, что он сомневается.

– Считаете, надо ответить?

– Ну, не мне судить, но порой дело ужасно въедается в душу, если вы с ним не закончили. Посмотрите на меня: прошло семьдесят лет...

Телефон снова зазвонил, на экране высветился номер Нэнси Бейли, и Сэди бросила взгляд на Клайва. Тот ободрительно улыбнулся, и Сэди, глубоко вздохнув, ответила на звонок.

Глава 31

Плед для пикника расстелили на высокой траве под ивой, у причала рядом с лодочным сараем спокойное течение покачивало маленький ялик «Дженни». Питер и Клайв оживленно беседовали, а Элис, аккуратно сидя на невесть откуда взявшемся старом стуле, смеялась над шуткой Берти. Сэди села на краешек пледа и рассеянно взяла предложенную кружку супа. Мозг лихорадочно работал, распаковывая улики, которые последние несколько недель прятались в дальних уголках памяти. В работе над каждым делом наступает переломный момент, когда из-за одной новой детали появляется возможность взглянуть на имеющиеся факты под другим углом, и все неожиданно становится яснее и понятнее. То, что сообщила Нэнси, полностью изменило ситуацию.

– Ну? – Клайв поднял голову. – Я не уеду, пока не узнаю, что она сказала.

Разговор стих, все с интересом глядели на Сэди. Она вдруг поняла, что все люди, которым она рассказала о своей дурацкой одержимости делом Бейли, собрались здесь, на пледе для пикника.

– Детка, – ласково произнес Берти, – Клайв сказал, что Нэнси Бейли весь день пыталась до тебя дозвониться.

Дело официально закрыто. У нее и так полно неприятностей. Сэди боялась, что сейчас взорвется от новой информации, если с кем-нибудь не поделится.

– Нэнси позвонили новые владельцы квартиры ее дочери.

Берти почесал голову.

– У новых владельцев есть ее телефон?

– Долгая история.

– И что же они сказали?

– Сказали, что нашли на краю встроенного кухонного стола надпись ручкой. Там написано: «Это сделал он». Они бы не обратили внимания, но Нэнси недавно их навещала и история об исчезновении Мэгги еще свежа в их памяти.

Все задумчиво молчали.

– Кто такой «он» и что он сделал? – растерянно спросил Питер.

Сэди вспомнила, что из всей компании только помощник Элис не знает о деле Бейли и о ее подозрениях, что Мэгги стала жертвой преступления. Сэди наскоро рассказала все Питеру, а когда закончила, он сказал:

– Значит, этот таинственный «он» и есть тот человек, которого вы ищете.

Сэди признательно кивнула. Вот и Питер согласен, что в исчезновении Мэгги кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

– Остается выяснить, кто это.

Элис, прежде молчавшая, кашлянула.

– Если женщина в беде говорит: «Это сделал он», то она уверена, что люди знают, о ком идет речь. В жизни Мэгги Бейли было много мужчин?

Сэди покачала головой:

– В ее жизни вообще было мало людей. Только дочь Кэйтлин и Нэнси, мама.

– Как насчет отца Кэйтлин?

– Да, но...

– Он получил опеку над дочерью, так ведь?

– Да.

– После развода с матерью он женился во второй раз, да?

– Два года назад.

– Своих детей у них нет?

– Нет.

В памяти Сэди промелькнула последняя встреча с Кэйтлин в полицейском участке. Ленты, заботливо вплетенные в косички, жену Стива, Джемму, которая держала девочку за руку и так ласково улыбалась, что Сэди издалека чувствовала тепло ее улыбки...

– Его новая жена без ума от Кэйтлин.

На Элис это не произвело впечатления.

– Что за человек бывший муж Мэгги?

– Стив? Серьезный, деловитый. Я его плохо знаю. Он помогал следствию.

Клайв нахмурился.

– Да? И активно?

Стив организовал поиски Мэгги, сам пришел в полицию и рассказал о характере бывшей жены и ее прошлом, нарисовав весьма убедительный портрет взбалмошной, безответственной женщины, которая любила повеселиться и считала ребенка обузой.

– Очень активно, – сказала Сэди. – Я бы назвала его помощь исключительной.

Клайв удовлетворенно хмыкнул, как будто ответ Сэди подтверждал какую-то его теорию, и вдруг Сэди вспомнила, что он говорил о двух типах людей, причастных к преступлению. По коже Сэди побежали мурашки. К

первому типу, говорил Клайв, относятся те, кто сторонится полиции как чумы, а виновные второго типа, наоборот, всячески стараются «помочь» сыщикам, общаются с полицейскими при любой возможности и стремятся быть в центре следствия.

– Но ведь мы нашли записку, – торопливо сказала Сэди, пытаясь поймать ускользающие мысли. Перед ее мысленным взором разворачивалась новая, ужасная картина. – Мэгги написала...

Ее голос дрогнул. Как сокрушался Стив из-за беспечности Мэгги, как обвинял ее в том, что она забыла о его поездке на рыбалку! «Я ее предупредил, что поменял даты, заставил записать на бумажке», а потом, в следующем предложении: «Я все ей написал». Маленькое несоответствие. Хотя Сэди еще тогда его заметила, она решила, что Стив просто разволновался, вот и путает слова, подумаешь, большое дело. Теперь Сэди задалась вопросом, а не было ли это оговоркой по Фрейду? Может, Стив нечаянно проговорился, что заставил Мэгги написать записку?

– Убийство? Стив?

Его никогда не подозревали, даже до того, как нашли записку. У Стива было алиби, он ездил на рыбалку в Лайм-Реджис. Полиция, конечно, проверила его слова, но только потому, что так положено. Все сошлось – номер в гостинице, время, когда Стив ушел с работы, компания по прокату лодок и катеров, – и на этом с бывшим мужем закончили. Теперь Сэди казалось, что неожиданная поездка Стива в отдаленную часть страны как раз в то время, когда его бывшая жена исчезла, выглядит подозрительной. Прекрасная возможность совершить преступление.

– Но зачем? – Вопреки собственным правилам, Сэди невольно задумалась о мотиве. – Они с Мэгги когда-то были женаты. Любили друг друга. После развода практически не общались. С какой стати ему ее убивать?

Надтреснутый голос Элис прорезал клубок спутанных мыслей Сэди.

– Один из моих ранних романов о Диггори Бренде основан на истории, которую я услышала от моей сестры Клемми. Мы сидели в Гайд-парке перед Второй мировой войной, и Клемми рассказала мне о человеке, чья жена так хотела ребеночка, что он украл для нее малыша. Я навсегда запомнила эту историю. Мне казалось вполне вероятным, что бездетность и любовь к жене способны толкнуть мужа на отчаянный поступок.

Сэди представила доброе, счастливое лицо Джеммы, вспомнила, как та держала ладошку Кэйтлин, а потом бережно взяла девочку на руки. Господи, Сэди тогда была счастлива за Кэйтлин, радовалась, что, несмотря на исчезновение матери, малышка живет в любящей семье, где о ней

позаботятся.

– Что ты собираешься делать? – мягко спросил Берти.

Да, точно, список задач. Это поможет. По крайней мере, гораздо лучше, чем сидеть и заниматься самокопанием.

– Нужно перепроверить алиби Стива. Понять, было ли у него время наведаться в квартиру Мэгги. Еще раз с ним поговорить... Но, боюсь, не получится – из-за служебного расследования.

– А если позвонить Дональду? Пусть допросит Стива за тебя.

Сэди покачала головой.

– Прежде чем обратиться к нему, я должна быть совершенно уверена. – Она нахмурилась, как будто у нее возникла новая мысль. – Нужно еще раз исследовать записку Мэгги, привлечь криминалистов.

– ДНК?

– Не только, пусть проверят, нет ли в записке признаков, что ее написали под принуждением. Графологи уже сравнивали ее с другими образцами почерка Мэгги и сказали, что некоторые элементы выглядят не совсем обычно; похоже, записку нацарапали в спешке. На мой взгляд, почерк там вполне ровный и аккуратный, но на то они и специалисты, чтобы видеть, что нам недоступно. Мы решили, что Мэгги нервничала из-за своего чудовищного поступка, вот и спешила. Все логично.

Записка была написана на элегантной карточке. Мэгги работала в магазине канцелярских товаров и, по словам Нэнси, обожала красивые письменные принадлежности. Почерк в записке действительно выглядел аккуратно, однако у верхнего края карточки были какие-то некрасивые каракули. Мэгги удивилась. «Наверное, ручку расписывала, – сказал Дональд, пожав плечами. – Я сам так часто делаю». Сэди тоже так делала, но как-то это не вписывалось в общую картину. С чего бы человек, судя по всему, аккуратный и педантичный, стал бы расписывать ручку на дорогой карточке, которую собирался использовать для важного послания? «Она была не в себе, – ответил Дональд, когда Сэди задала этот вопрос. – Послушай, она собиралась бросить свою дочь, сильно нервничала. Тут уж не до карточки». Тогда Сэди придержала язык. Записка и так разрушила все ее версии, не хватало еще цепляться к капельке чернил на куске картона. Впрочем, Нэнси с Сэди согласилась. «Мэгги никогда бы этого не сделала, – сказала она. – Ей нравились чистые и красивые вещи. Она с детства старалась все делать правильно».

Неожиданно чернильные каракули показались Сэди очень важной зацепкой. А если это доказательство, что кто-то был там с Мэгги? Стоял над ней, возможно, даже расписал ручку, а затем продиктовал текст

записки?

Сэди кое-как донесла свои сомнения до остальных, потом достала из кармана телефон. Слава богу, она сфотографировала (хотя и незаконно) записку, прежде чем ее подшили к делу. Сэди листала галерею снимков, пока не нашла фото, и отдала телефон, чтобы другие тоже могли взглянуть.

Она встала и начала расхаживать по лужайке. Мог ли Стив придумать и осуществить столь ужасный план? Или это она сходит с ума и хватается за соломинки?.. Сэди посмотрела на остальных, и к ней вернулась уверенность. Бывший полицейский, автор детективных романов и ученый с научной степенью. Все вместе, учитывая послушной список каждого, – первоклассная команда, и, похоже, они тоже думают, что новая версия Сэди достаточно правдоподобна.

Берти улыбнулся, его доброе, знакомое лицо осветило чувство, весьма напоминающее гордость.

– Сэди, детка, что ты намерена делать? Что дальше?

Неважно, как это ей аукнется, но если есть хоть малейшая вероятность, что Стив стоял над Мэгги, когда та писала записку, если Мэгги предчувствовала, что их встреча кончится для нее плохо, и нашла в себе силы оставить зацепку для следствия, то она, Сэди, должна проработать новую версию. Или добиться, чтобы это сделал кто-нибудь другой.

– Думаю, надо позвонить и все рассказать.

Берти кивнул.

– Согласен.

Только Дональду она звонить не будет. Вполне возможно, что новый след никуда не приведет. Нельзя, чтобы Дональд вновь нажил неприятности. Сэди решила обратиться напрямую к начальству, хотя это и означало, что ей придется сказать, кто слил информацию.

Пока Берти и остальные складывали посуду и плед для пикника, Сэди набрала номер полицейского управления и попросила соединить ее с суперинтендантом Эшфордом.

* * *

После полудня, когда остальные вернулись в деревню, Сэди с ними не поехала. Клайв уплыл на «Дженни» сразу после ленча, выудив у Сэди обещание, что она свяжется с ним, как только ей перезвонят из управления, Берти первым дежурил в киоске от больницы и должен был быть на месте к

трем часам: начинался праздник солнцестояния. Дед заманивал Сэди свежими сконами и топлеными сливками, но она представила, что будет чувствовать среди всеобщего веселья, когда у самой нервы как сжатые пружины, и отказалась.

Однако Элис, одарив Берти одной из своих редких улыбок, сказала:
– Сто лет не пробовала настоящих корнуоллских топлёных сливок!

Она нахмурилась, когда Питер тактично напомнил о таинственном деле, которое не давало ей покоя с тех пор, как они приехали, потом махнула рукой: оно долго ждало и вполне может подождать еще денек. Кроме того, еще надо было устроиться в гостинице до того, как начнется праздник и деревенскую площадь наводнит народ. Элис пообещала хозяйке гостиницы подписать пару книжек, чтобы получить два номера в праздничный уик-энд без предварительного заказа.

В общем, Сэди стояла в одиночестве и смотрела, как две машины уезжают по подъездной аллее, а потом их одну за другой проглатывает лес. Когда машины исчезли, Сэди вытащила мобильник. Пропущенных звонков не было. Она недовольно вздохнула и сунула телефон в карман.

Сэди несколько слукавила, когда сказала остальным, что в полицейском управлении обрадовались новой зацепке. Когда Эшфорд ее услышал, то буквально рассвирепел. Ухо Сэди до сих пор пылало от всего, что он высказал; слюна шефа словно ошпарила ее через телефон. Сэди тоже разозлилась, но сдержала злость, дала шефу выговориться, а потом спокойно извинилась за свой проступок и рассказала о новых данных. Эшфорд ничего не хотел знать, и Сэди, чувствуя, как внутри все сжимается от страха потерять любимую работу, напомнила шефу, что у нее есть телефон Дерека Мэйтленда, – как будет выглядеть лондонская полиция, если выяснится, что женщину все-таки убили, а полицейские сидели сложа руки?

Эшфорд пыхтел, как огнедышащий дракон, а когда Сэди закончила, коротко бросил: «Ладно, велю кому-нибудь заняться», – и повесил трубку. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что он сообразовит позвонить и сказать, как все обернулось.

И Сэди ждала. Надо признать, Лоэннет оказался не самым плохим местом, чтобы убить время. После обеда дом изменился. Солнце светило под другим углом, и все будто приобрело более обжитой вид. Исступленная утренняя суeta птиц и насекомых прекратилась, крыша потягивалась, потрескивая нагретыми суставами, в окно медленно и удовлетворенно струился свет.

Сэди осмотрела кабинет Энтони. Книги по анатомии все еще стояли на

полке, в письменном столе обнаружили школьные награды: за успехи в классической литературе, латыни и несчетное число других. В темном заднем углу пряталась фотография с изображением нескольких молодых людей в студенческих мантиях и квадратных шапочках, и Сэди узнала очень юного Энтони. Рядом с ним стоял, смеясь, юноша, чей студийный портрет в рамочке был на столе. Портрет изображал темноволосого лохматого юношу с умным лицом и в военной форме. За стеклом рамки стояла высохшая веточка розмарина; судя по тускло-коричневому цвету, если вытащить ее из-за стекла, она тут же рассыплется в прах. Еще на столе стояла обрамленная фотография Элеонор на фоне каменной стены, сделанная в Кембридже, где Эдевейны жили до того, как Энтони спас Лоэннет и вернул его жене.

Дневники Энтони занимали целую полку в большом, от пола до потолка, книжном шкафу, и Сэди вытащила наугад несколько тетрадей. Вскоре она увлеклась чтением и оторвалась от исписанных страниц только тогда, когда дневной свет померк и у нее заболели глаза. В дневниковых записях не было ни намека на то, что Энтони замышляет убийство. Наоборот, он писал о том, как старается «привести себя в порядок», как укоряет себя за то, что подвел жену, брата, страну, а еще, как и упоминал Клайв, Энтони заполнял страницу за страницей упражнениями для развития памяти, пытаясь вернуть искалеченному уму былую остроту. Судя по записям, Энтони терзало всепоглощающее чувство вины за то, что он выжил, а другие погибли; от его писем потерянному другу Говарду у Сэди защемило сердце. Простые, точные описания того, что значит жить, как называл Энтони, «по ту сторону полноценности», чувствовать, что жизнь – незаслуженный дар, полученный за счет других. Было тяжело читать о благодарности, которую Энтони испытывал к Элеонор, и о стыде за себя, но еще хуже были завуалированные описания ужаса, что он случайно навредит самым близким и любимым людям. *«Дорогой друг, ты, как никто другой, знаешь, что я на это способен».* (Почему? Значит ли это что-нибудь, или Энтони просто подчеркивал, что друг его хорошо знал?)

Судя по всему, Энтони сильно мучился из-за того, что не мог стать хирургом. *«После того что произошло во Франции, – писал он, – я думал только об этом. Единственным способом загладить свою вину, доказать, что я выжил не зря, было вернуться в Англию, работать врачом и лечить людей».* Но у него ничего не вышло, и Сэди отчаянно ему сочувствовала. Она сама жила без любимой работы несколько недель и понимала, какое это наказание.

Кабинет... одинокое, печальное и затхлое помещение. Сэди

представила, как себя здесь чувствовал Энтони, запертый в компании своих демонов и разочарований, в вечном страхе, что они его одолеют. Он был прав, что боялся; в конце концов так оно и случилось.

Конечно, смерть Тео – результат трагической случайности. Даже если отцом Тео был Бен Мунро, даже если Энтони узнал о измене Элеонор и его переполняла ревность, он не смог бы совершить страшное преступление: убить ребенка своей жены. Сэди в такое не верила. Самоощущение Энтони, его тревога, что он способен на насилие, меры, которые он принимал, чтобы этого не случилось, противоречили версии Клайва. Энтони не пошел бы на убийство намеренно. И не имеет значения, кто настоящий отец Тео.

Сэди вздохнула и потянулась. Начались долгие летние сумерки. В укромных местах согретого солнцем сада сверчки завели вечерние песнопения, тени в доме удлинились. Скопившееся тепло дня застыло и стояло, густое и неподвижное, ждало, когда его разгонит ночная прохлада. Сэди закрыла дневник, положила на полку. Прикрыв дверь в кабинет Энтони, она спустилась вниз за фонариком. Осветила экран мобильного – по-прежнему ничего, – а затем снова направилась к письменному бюро Элеонор.

Сэди сама не знала, что искала. Просто чувствовала, что недостает какой-то детали и лучше всего поискать ее среди писем Элеонор. Начать до рождения Тео и читать все подряд, пока не наткнется на что-нибудь важное, ту линзу, через которую все остальное увидится как единое целое. Сэди взялась за дело в хронологическом порядке: просматривала письмо Элеонор в книге для третьих экземпляров, потом находила соответствующий ответ.

Работа подвигалась медленно, но времени хватало, идти никуда не хотелось, и нужно было отвлечься. Сэди отогнала от себя все мысли о деле Бейли и Эшфорде и погрузилась в мир Элеонор. Несомненно, любовь Элеонор к Энтони стала главными отношениями всей ее жизни, великая любовь, омраченная безжалостным ужасом и замешательством от тяжелого состояния мужа. Элеонор писала одно письмо за другим, обращалась к врачу за врачом, умоляя помочь, и в каждом письме сохранялся ровный сердечный тон и непоколебимая решимость найти лекарство.

Но вежливые, сдержанные послания не отражали глубины горя этой женщины, только в письмах к Дафиду Ллевелину она давала себе волю. Долгое время он один знал о тяжелом состоянии Энтони и его страданиях. Девочки ничего не подозревали, как и прислуга, за исключением двух-трех самых доверенных лиц. Констанс тоже держали в неведении; и Элеонор, и Дафид Ллевелин питали к старухе давнюю неприязнь.

Элеонор не раз писала, что дала Энтони обещание хранить его секрет и никогда не нарушит слово. Для всех остальных она создала фантазию, в которой она и ее муж вели беззаботную жизнь: она занималась хозяйством, а он изучал естественный мир и работал над Великим Трудом. Элеонор писала пространные послания немногим знакомым о жизни в Лоэннете, полные забавных, иногда ехидных наблюдений за дочерьми: *«каждая еще с большими странностями, чем предыдущая»*.

Сэди восхищалась упрямой настойчивостью Элеонор; та взвалила на себя непосильную ношу. Дафид Ллевелин тоже советовал Элеонор открыться окружающим, особенно в начале тысяча девятьсот тридцать третьего года, когда ее заботы переросли в тревоги. Элеонор, как всегда, волновалась за Энтони, но теперь страшилась и за своего кроху сына, чье рождение, говорила она, запустило какой-то ужасный механизм в мозгу мужа.

Глубокая психическая травма дала о себе знать, в памяти у Энтони ожили воспоминания об ужасном событии, когда он потерял своего лучшего друга Говарда. *«Симптомы нарастают как снежный ком. Энтони стыдится своего счастья и жалеет, что не может работать врачом, и все это каким-то образом смешалось с его военными воспоминаниями, в особенности с одним «инцидентом»*. Во сне он плачет, кричит, что они должны уходить и что нужно заставить замолчать собаку и ребенка».

И через несколько недель: *«Как вы знаете, Дафид, я сама навела справки и удивилась, когда не нашла имени Говарда в списках награжденных. Я копнула глубже... О, Дафид, это ужасно! Беднягу расстреляли на рассвете свои же войска. Я отыскала человека, который служил в одном полку с Энтони и Говардом, и вот что он мне рассказал: Говард пытался дезертировать, а Энтони его остановил. Мой бедный возлюбленный наверняка хотел сохранить это в тайне, но там оказался другой офицер, вот и случилось то, что случилось. Человек, с которым я разговаривала, сказал, что Энтони очень тяжело пережил смерть Говарда, и, зная своего мужа, я уверена, что он наверняка винит себя, как будто он сам спустил курок»*.

Хотя Элеонор узнала, что кроется за ночными кошмарами Энтони, это ни в коей мере не объясняло, почему они усилились, и не помогло успокоить мужа и вернуть к реальности. Он обожал малыша Тео и страшно боялся ненароком причинить ему вред, от чего впадал в отчаяние и даже говорил о том, *«что с этим надо покончить»*. *«Я не позволю, – писала Элеонор, – не могу допустить, чтобы надежды и чаяния этого потрясающего человека закончились так печально. Я должна найти*

способ все исправить. Чем дольше я думаю об этом, тем сильнее склоняюсь к мысли, что только откровенный разговор о Говарде даст Энтони шанс уйти от преследующих его кошмаров. Я собираюсь сама расспросить его об «инциденте», но только когда все уладится. Когда все будут в безопасности».

В это мрачное время у Элеонор была одна-единственная отдушина: отношения с Беном. Дафид Ллевелин знал об их романе, а Элеонор рассказала Бену о тяжелом состоянии Энтони. Она писала, что бродячая натура Бена, отсутствие корней делают его идеальным наперсником. «Не думайте, что мы часто говорим об этом. У нас так много тем для разговоров! Он очень много путешествовал, его детство – сокровищница забавных историй о разных людях и местах, и мне хочется их услышать. Вроде как сама путешествую, пусть и ненадолго. Иногда, когда мне просто необходимо облегчить свое бремя, он – единственный человек, конечно, кроме вас, дорогой Дафид, кому я могу доверять. Разговаривать с ним – все равно что писать на песке или кричать по ветру. В нем есть что-то природное, и я знаю, что он никогда не выдаст ни одной моей тайны!»

Сэди задавалась вопросом, что Бен думал о психическом состоянии Энтони и об угрозе, которую он, возможно, представлял для Элеонор и малыша Тео. Его малыша. Письмо, которое Сэди нашла в лодочном сарае, доказывало, что Бен знал о своем отцовстве. Сэди провела пальцем по стопке его писем к Элеонор. До этой минуты Сэди в них не заглядывала, полагая, что читать чужую любовную переписку – это уже слишком. Но сейчас, похоже, придется взглянуть.

Она не только взглянула, прочитала все до единого, а когда дошла до последнего послания, в комнате было совсем темно, а в доме и саду стояла такая тишина, что издали доносился рокот моря. Сэди закрыла глаза. Странная смесь противоречивых фактов, все, что она увидела, услышала и подумала за сегодня, сложились в картинку. Элис рассказывает Берти о выходе из туннеля возле лодочного сарая; Клайв и его лодка – «Самый легкий путь... можно проделать весь путь и не встретить ни одной живой души»; обещание, которое Элеонор дала Энтони, и ее тревога за Тео; истории Бена о его детстве.

Она думала и о Мэгги Бейли, о том, на что готовы пойти люди, чтобы спасти своего ребенка; о Кейтлин и о том, как улыбалась ей Джемма; о Роуз Уотерс и искренней любви, которую человек может чувствовать не к своему малышу. Она жалела Элеонор, которая потеряла Тео, Бена и Дафида Ллевелина почти одновременно, с разницей в неделю. А еще Сэди

постоянно возвращалась к словам Элис о своей матери: «Она считала, что обещание надо выполнять любой ценой».

Помог не один-единственный ключ к разгадке; скорее, сложились все мелкие детали. Словно возник тот самый миг, когда солнце чуть смещается и паутина, прежде незримая, вдруг высвечивается тонким серебристым узором. Сэди внезапно увидела всю картину и поняла, что случилось той ночью.

Энтони не убивал Тео. Ни намеренно, ни случайно. Вообще не убивал.

Глава 32

Корнуолл, 23 июня 1933 г.

Посреди озера пылал костер. Оранжевые языки плясали на фоне ночного звездного неба, высвечивая черные силуэты птиц. Констанс любила праздник накануне Иванова дня. Одна из немногих традиций семьи мужа, которые она одобряла. Ее всегда радовала возможность повеселиться, а факелы, фонарики, музыка, танцы, отмена запретов добавляли празднику особую прелесть. Констанс совершенно не интересовали суеверные разговоры семейства Дешиль о возрождении, о защите от злых духов, однако в этом году она задумалась, а может, и вправду в этом что-то есть. Сегодня Констанс приготовилась к важному обновлению: решила избавиться от застарелой, почти сорокалетней вражды.

Она поднесла руку к сердцу. Давняя боль все еще здесь, гнездится в грудной клетке, как косточка персика. Несколько десятилетий она подавляла воспоминания, но сейчас они приходят очень часто. Странно, порой она не помнит, что вчера ела на ужин, – и вдруг снова возвращается в лихорадочную суету той комнаты, в то раннее утро, когда за окном загорался рассвет, а ее тело рвалось изнутри на части. Смущенная бестолковая служанка с тряпкой в руках, закатанные до красных локтей рукава кухарки, угли, плюющиеся в камине. Из коридора доносились мужские голоса, они обсуждали, Что Надо Делать, но Констанс не слушала, все заглушал шум моря. Тем утром дул злобный ветер, и когда в полумраке вокруг нее начали двигаться грубые руки, Констанс исчезла под безжалостными ударами волн. (Как она ненавидела шум моря! Даже сейчас он сводил ее с ума.)

После одна за другой потянулись безрадостные недели, Генри вызывал лучших лондонских врачей, и все согласились, что это было неизбежно – пуповина туго, как петля, обвилась вокруг маленькой шейки – и лучше несчастный случай поскорее предать забвению. Однако Констанс ничего не забыла, и она знала: «несчастного случая» можно было избежать. Ребенка погубила некомпетентность. Его некомпетентность. Конечно, врачи горой встали на его защиту, еще бы, цеховая солидарность. Природа не всегда добра, говорили они, один вкрадчивее другого. Но Констанс всегда знала, что они лгут.

Не теряй твердость духа.

Словами делу не поможешь.

В следующий раз все будет по-другому.

Вот тут они промаха не допустили. Когда двенадцать месяцев спустя родилась Элеонор и повитуха подняла ее, чтобы осмотреть – «девочка!» – Констанс окинула ее взглядом от макушки до пяток, заметила, что малышка мокрая, розовая и все время плачет, а потом коротко кивнула, отвернулась и велела принести горячего чаю.

Она ждала, что на нее нахлынут чувства, проснется материнская любовь и страстное желание не расставаться с младенцем, как в первый раз (о, то пухлое бледное личико, длинные изящные пальчики, милые губки бантиком, из которых никогда не вырвется звук!), но день шел за днем, ее грудь раздулась и болела, потом снова опала, и не успела Констанс и глазом моргнуть, как приехал доктор Гиббонс, объявил, что она здорова, и отменил постельный режим.

К тому времени между Констанс и Элеонор возникла взаимная неприязнь. Девочка плакала и не желала успокаиваться, когда Констанс брала ее на руки. Констанс смотрела на орущее детское личико и не могла подобрать подходящее имя. Генри сам назвал дочь, сам держал на руках и укачивал, пока не дали объявление в газету. Вскоре на пороге появилась няня Бруен с безупречными рекомендациями и таким же отношением к воспитанию маленьких детей. К тому времени, как за дело взялся Дафид Ллевелин со своими сказками и стишками, Констанс и Элеонор стали чужими. Постепенно Констанс озлобилась на человека, который отнял у нее не одного, а двух детей.

Констанс вздохнула. Она устала злиться. Много лет она лелеяла раскаленную добела ненависть, пока та не застыла, превратившись в сталь. Оркестр играл очередную веселую мелодию, люди кружились на залитой светом фонарей танцевальной площадке в кольце из ивовых деревьев, а Констанс прошла через толпу к столам, где нанятые официанты разливали напитки.

– Бокал шампанского, мэм?

– Спасибо. И еще один для моего друга.

Констанс взяла оба бокала и пошла на скамью в увитой зеленью беседке. Дело предстояло нелегкое – она привыкла к давней неприязни, как к собственному отражению, – но пора отпустить вражду и освободиться от злости и горя, которые долгие годы держали ее в тюрьме.

Как по заказу, Констанс заметила на краю толпы Дафида Ллевелина. Он шел напрямик к беседке, огибая подвыпивших гостей, как будто знал, что Констанс его ждет. От этого совпадения она утвердилась в мысли, что

поступает правильно. Она будет с ним вежлива, даже добра, решила Констанс, справится о его здоровье – насколько ей известно, Ллевелина мучает изжога – и поздравит с недавними успехами и предстоящими почестями.

Она чуть улыбнулась краешком губ, встала и позвала его, махнув рукой:

– Мистер Ллевелин!

Голос Констанс звучал еще пронзительнее, чем обычно.

Ллевелин огляделся и, увидев ее, остолбенел от удивления.

Перед мысленным взором Констанс мелькнуло воспоминание: Дафид Ллевелин, блестящий и энергичный врач, друг ее мужа... Она собралась с духом.

– Не могли бы вы уделить мне минутку? – Ее голос слегка дрогнул, но Констанс сдержала волнение. Полная решимости освободиться, она продолжила: – Я хотела бы с вами поговорить.

* * *

С шампанским в руках, Констанс звала его в беседку, туда, где Дафид через пятнадцать минут должен был встретиться с Элис. Девочку как магнитом тянуло к Бену Мунро, и Элеонор упросила Дафида сегодня вечером ее отвлечь. «Ну пожалуйста, Дафид, – сказала она, – если Элис окажется там, где ей быть не следует, то все пропало».

Он согласился, но только потому, что любил Элеонор как родную дочь. Любил с тех пор, когда она была совсем крохой. Малютка в свертке, постоянное приложение к Генри, всегда у него на руках, а позже – когда подросла – на его плечах или рядом с ним. Стала бы она похожа на Генри, если бы не проводила с ним так много времени в детстве? Трудно сказать, но Элеонор была копией отца. «Пожалуйста, – попросила она, взяв его за руки. – Умоляю, без вас я не справлюсь». И конечно, он согласился.

По правде говоря, ему очень не нравилась ее затея, Дафид чувствовал, что добром это не кончится. От тревоги за Элеонор он потерял покой и сон. После того как она посвятила его в свой план, Дафид постоянно мучился изжогой, вернулась давняя депрессия, которая когда-то чуть его не погубила. Он собственными глазами видел, что может произойти с женщиной, потерявшей ребенка.

Дафид умолял Элеонор отказаться от задуманного – они подолгу разговаривали, и она изливала ему душу, – но Элеонор была как кремень.

Дафид понимал ее преданность Энтони; он знал их обоих еще совсем юными, скорбел вместе с ней о трагедии, которая постигла ее мужа, и беспокоился о малыше Тео. Но пойти на такую жертву! Должен же быть какой-то другой выход. «Покажите мне этот выход, – сказала она, – и я им воспользуюсь». Увы, как Дафид ни крутил кусочки головоломки, не нашлось ни одного варианта, который устроил бы Элеонор. Ведь пришлось бы огласить печальную тайну Энтони, а Элеонор категорически была против.

«Я дала ему обещание, – сказала она, – кому, как не вам, знать, что обещания нарушать нельзя. Вы сами меня этому учили». Дафид возражал ей, сперва мягко, потом строже, пытался убедить, что логика, оживляющая выдуманный мир фей и эльфов, блестящие нити, из которых он плел ткань повествования, не подходят для трудностей реального мира. Бесполезно! «Иногда нам ничего не остается, как любить издалека», – заявила она, и в конце концов он соогласился. Возможно, все к лучшему, малыш пока будет в безопасности.

Дафид сделал все, как она просила. Договорился сегодня о встрече с Элис, чтобы та не помешала планам матери. Элеонор полагала, что природного любопытства Элис достаточно, чтобы она встретилась с Дафидом, и он готовился целый день, перебирал разные варианты, предвидел сложности, – но не предполагал, что его перехватит Констанс. Как правило, Дафид старался о ней не думать. Они никогда не сталкивались лицом к лицу до той ужасной ночи. Дафид смотрел со стороны, как она увлекла его друга в веселом танце. Такая жестокая и равнодушная, но Генри потерял голову: хотел ее укротить, думал, что если она согласилась выйти за него замуж, то не будет искать развлечений на стороне.

Констанс по-настоящему горевала после смерти ребенка. Ее сердце разбилось, ей нужен был козел отпущения, и Констанс выбрала Дафида. Неважно, сколько докторов говорили ей о пуповине, уверяли, что это все равно случилось бы, кто бы ни присутствовал при родах, – она им не верила. Она не простила Дафида, да он и сам себя не простил. Больше никогда не практиковал. Его любовь к медицине умерла тем промозглым утром. Дафида преследовали кошмары: личико младенца, липкая духота комнаты, жуткий вой Констанс, когда она припала к мертворожденному сыну.

И вот сейчас она протягивает ему бокал шампанского и хочет поговорить.

– Спасибо, – сказал Дафид и отпил из бокала.

Шампанское было холодным и искрящимся; только сейчас Дафид понял, как хочет пить и как волнуется перед встречей с Элис. Он сделал несколько глотков. Констанс наблюдала за ним со странным выражением лица, наверняка удивляясь, с какой жадностью он пьет.

А потом все прошло. Она улыбнулась.

– Я всегда любила ночь накануне Иванова дня. Воздух полон возможностей. Как вы считаете?

– Боюсь, для меня слишкомлюдно.

– На празднике – да. Но я говорила в общем. Идея возрождения, новое начало...

В ее манере было что-то настораживающее, и вдруг Дафид понял, что Констанс тоже волнуется.

– Уж вам-то, Дафид, известно, как полезно начать все сначала. Поразительно, как вы воспользовались вторым шансом.

– Мне повезло.

– Генри очень гордился вашими литературными талантами, а Элеонор... Элеонор в вас души не чает.

– И я всегда ее любил.

– О да, я знаю. Вы ее ужасно разбаловали. Рассказывали ей истории, сделали героиней книги... – Констанс весело рассмеялась, потом внезапно посерьезнела. – Я состарилась, Дафид. Часто думаю о прошлом. Упущенные возможности, люди, которых не вернуть.

– Со всеми бывает.

– Вообще-то я хотела поздравить вас с орденом. Полагаю, прием будет во дворце?

– Думаю, да.

– Вы встретите короля. Я вам рассказывала, что в молодости я чуть было не удостоилась такой чести? К сожалению, я заболела, и вместо меня во дворец попала моя сестра Вера. Ничего не поделаешь, жизнь полна взлетов и падений. Взять, к примеру, ваш успех – настоящее возрождение из пепла.

– Констанс...

– Дафид. – Она глубоко вздохнула и выпрямилась во весь рост. – Надеюсь, вы согласитесь, что пора забыть о прошлом.

– Я...

– Нельзя всю жизнь хранить вражду. Приходит время, когда нужно действовать.

– Констанс, я...

– Нет, Дафид, позвольте мне закончить. Я столько раз представляла

этот разговор, я должна сказать. – Он кивнул, Констанс благодарно улыбнулась и подняла бокал. Ее рука слегка дрожала. – Я хочу предложить тост. За действие. За исцеление. И за обновление.

Он тоже поднял бокал, и они выпили. Дафид осушил остаток шампанского одним глотком. Все произошло неожиданно, он не знал, что сказать: накопившиеся за всю жизнь скорбь и чувство вины грозили вырваться наружу. Слишком много на него сегодня навалилось.

Должно быть, он выдал свое смятение, потому что Констанс смотрела на него изучающим взглядом, словно видела впервые. От пристального внимания Дафиду стало не по себе, он качнулся. Внезапно его бросило в жар. Здесь так душно! Столько людей, все суетятся, и музыка играет слишком громко.

– Дафид? – Констанс нахмурилась. – Вам плохо? Что-то вы неважно выглядите.

Он коснулся лба, помигал, чтобы сфокусировать зрение и не видеть вокруг людей и предметов сияющий ореол.

– Принести воды? Может, вывести вас на свежий воздух?

– Воздух, – хрипло пробормотал он. В горле пересохло. – Пожалуйста.

Повсюду были люди, лица, голоса, все в дымке, и Дафид обрадовался, что может опереться на руку Констанс. Он даже представить себе не мог, что именно Констанс предложит ему помощь. А теперь он боялся, что упадет без ее поддержки.

Они прошли мимо группы смеющихся людей, и Дафиду показалось, что вдали мелькнула Элис. Он пытался что-то сказать, объяснить Констанс, что ему нельзя уходить, его ждет важное дело, но язык не слушался. Ничего, успею, подумал Дафид. Элеонор сказала, что они встретятся не раньше полуночи. Дафид сделает, что обещал, а сейчас ему нужен глоток свежего воздуха.

Они шли по тропе за зеленой изгородью, пока шум толпы не стих. Сердце Дафиды отчаянно колотилось, и не от привычного приступа изжоги или мучительной тревоги; он чувствовал, как в висках пульсирует кровь. Конечно, это все чувство вины, воспоминания о том ужасном рассвете много лет назад, неудачная попытка спасти младенца. Подумать только, Констанс первая сделала шаг к примирению. Дафиду хотелось плакать.

В ушах звучала далекая какофония звуков, но неразборчивый шум пререзал голос:

– Подождите здесь, отдохните. Я принесу вам воды.

Дафиду внезапно стало холодно. Он огляделся. Хозяйка голоса исчезла. Он был один. Где она? Где кто? С ним ведь кто-то был... Или ему

привиделось? Он так устал...

Голова кружилась; в темных прудах ходила рыба, из глубины леса доносились таинственные звуки падающих капель.

У лодочного сарая толпились люди, смеялись и взвизгивали, веселясь в залитых светом лодках. А ему нужно побыть одному, подышать, собраться с силами.

Ничего, сейчас он немножко пройдет вдоль ручья в другую сторону и там отдохнет. Он всегда любил это место. Как чудесно они с Генри проводили здесь длинные летние дни, а позже к ним присоединилась малышка Элеонор – бегала вокруг вприпрыжку и радовала их своей смышленостью. Господи, каким полным любви и обожания взглядом Генри смотрел на дочь! Дафид много раз пытался запечатлеть это выражение на бумаге, но безуспешно.

Он споткнулся, ноги не слушались. Казалось, все сухожилия стали резиновыми. Дафид решил ненадолго присесть. Совсем на чуть-чуть. Порылся в кармане, доставая таблетку от изжоги, положил ее в рот и тяжело сглотнул.

Земля под ним была прохладная и сырая, он привалился спиной к мощному, крепкому стволу дерева и закрыл глаза. Пульс был рекой, стремительно несущейся после ливня, а Дафид чувствовал себя лодкой, которую влечет течение, а она качается, подпрыгивает и кружится вокруг своей оси.

Перед глазами возникло лицо Генри. Доброе, умное лицо настоящего джентльмена. Элеонор права. Порой нам ничего не остается, как любить издалека. И все-таки это лучше, чем никогда не любить.

Но как же тяжело!..

Дыхание Дафида Ллевелина замедлилось, вошло в ритм с рекой. Нужно встретиться с Элис, он обещал Элеонор. Сейчас он встанет и пойдет, только еще немного полежит на прохладной, устойчивой земле под надежным деревом, чувствуя на лице легкий ветерок. В памяти вновь всплыло лицо Генри, старый друг махал рукой, зовя Дафида за собой...

* * *

Элис глядела на часы, когда чуть не налетела на бабушку. Старуха шла очень быстро и, похоже, была чем-то непривычно взволнована.

– Вода, – сказала она, увидев Элис. Щеки у старухи покраснелись, глаза блестели. – Мне нужна вода.

При обычных обстоятельствах необычный прилив энергии у бабули наверняка пробудил бы любопытство Элис. Только не сегодня. Весь ее мир перевернулся, и она была слишком занята собственными переживаниями, чтобы интересоваться особенностями поведения других людей. Она пришла сюда только потому, что обещала мистеру Ллевелину. От одного воспоминания об их утреннем разговоре ее мучили угрызения совести: она пыталась поскорее избавиться от старика, чтобы показать рукопись Бену.

Какая ошибка! Господи, она сейчас умрет от стыда и унижения!.. Элис села на стул в беседке и подтянула коленки к груди, чувствуя себя совершенно несчастной. Она не хотела идти на праздник, раны лучше зализывать в одиночестве, однако мать настояла. «Нельзя сидеть всю ночь дома и дуться, – сказала она. – Надень лучшее платье и присоединяйся к остальным. Не знаю, что на тебя нашло и почему ты выбрала именно сегодняшнюю ночь, но я этого не потерплю, Элис. Слишком много сил затрачено на подготовку к приему, чтобы ты все испортила своим скверным настроением».

И вот она здесь, помимо своей воли. Элис хотела бы провести всю ночь у себя в комнате, спрятаться под одеяло и попытаться забыть, какой она была дурочкой, глупой, маленькой дурочкой. И виноват в этом мистер Ллевелин. К тому времени, когда от него удалось избавиться, Элис поняла, что не стоит рисковать и показывать Бену рукопись, – вот-вот вернутся мистер Харрис и его сын. Она решила, что после обеда отнесет свою книгу в лодочный сарай и там они с Беном наконец останутся только вдвоем.

Элис сгорала от стыда, вспомнив, как все было. Как она взбежала по ступенькам и постучала в дверь, излучая радостное возбуждение и уверенность. С какой тщательностью оделась и причесала волосы. Она даже брызнула маминым одеколоном под пуговицы на блузке и на запястья, как делала Дебора.

– Элис! – сказал Бен и улыбнулся (смущенно, она только теперь это поняла, а тогда подумала, что он просто взволнован. До чего же унижительно!). – Я никого не ждал.

Он открыл дверь лодочного сарая, и Элис перешагнула через порог, довольная, что за ней тянется шлейф духов. Внутри было уютно: комната с кроватью и скромная кухонька. Элис впервые попала в мужскую спальню и с трудом заставила себя отвести взгляд и не пялиться, как глупый ребенок, на лоскутное стеганое одеяло, небрежно наброшенное на матрас.

На столе лежал маленький четырехугольный подарок, просто, но аккуратно завернутый и перевязанный бечевкой, к подарку прилагалась карточка в виде сложенного из бумаги животного.

– Это мне? – спросила Элис, вспомнив слова Бена, что у него есть для нее подарок.

Он проследил за ее взглядом.

– Да. Ничего особенного, просто мелочь, чтобы ты продолжала писать. Элис чуть не лопнула от радости.

– Кстати, о писательстве, – сказала она, еле сдерживая желание пуститься в восторженный рассказ, что наконец закончила книгу. – Вот, с пылу с жару. – Она вручила Бену сделанную специально для него копию. – Я хочу, чтобы ты первый прочитал.

Он обрадовался за нее, широко улыбнулся, и на левой щеке появилась ямочка.

– Элис, потрясающе! Это только начало, будут и другие книги, помани мое слово!

Она растаяла от похвалы, почувствовала себя совсем взрослой.

Вот сейчас Бен откроет папку и увидит посвящение... Однако Бен положил рукопись на стол, рядом с открытой бутылкой лимонада. У Элис вдруг пересохло в горле.

– Так пить хочется, что убила бы за глоток, – шаловливо сказала она.

– Не надо, я с удовольствием поделюсь. – Он налил стакан лимонада.

Пока Бен отвлекся, Элис расстегнула верхнюю пуговку на блузке. Он подал ей стакан, и их пальцы соприкоснулись. По спине Элис словно пробежал электрический разряд.

Глядя Бену в глаза, она отпила холодный и сладкий лимонад, кокетливо облизала губы. Вот оно. Сейчас или никогда. Одним быстрым движением она поставила стакан, шагнула к Бену и, взяв в ладони его лицо, поцеловала, совсем как в своих мечтах.

Целую секунду это было прекрасно. Элис вдыхала его запах, аромат кожи, мускуса с почти незаметной ноткой пота, губы у него были теплые и мягкие, и Элис потеряла голову, потому что всегда знала: это произойдет именно так...

А потом, совершенно неожиданно, разгорающееся пламя погасло. Бен отпрянул.

– В чем дело? – спросила она. – Я что-то сделала не так?

– Ох... – Его лицо выражало смесь понимания и тревоги. – Элис, прости, я был идиотом. Я даже не догадывался.

– О чем ты говоришь?

– Я думал... Я не подумал...

Он улыбнулся мягко и печально. Элис увидела, что он ее жалеет, и только тогда все поняла. Ее как громом ударило. Бен не разделяет ее чувств.

И никогда не разделял.

Он продолжал говорить с серьезным выражением лица, нахмутив брови и глядя на Элис добрым взглядом, а у нее звенело в ушах от унижения. Она ничего не слышала сквозь противный, безжалостный звон. Понемногу в сознание стали прорываться отдельные банальности: «Ты потрясающая девочка... такого умного человека... превосходный писатель... большое будущее... встретишь кого-нибудь другого...»

Элис бросило в жар, ноги стали ватными, ей хотелось оказаться как можно дальше от этого места, где она опозорила себя и где мужчина, которого она любит – и до него никого не любила! – смотрит на нее с жалостью, извиняется и успокаивает, как маленького бестолкового ребенка.

Собрав остатки достоинства, Элис взяла стакан и допила лимонад. Забрала свою рукопись с тошнотворным посвящением и пошла к двери.

Тогда-то она и заметила чемодан. Вспоминая об этом позже, она задавалась вопросом, все ли с ней в порядке, если даже когда сердце рвалось на части, какая-то часть ее стояла в стороне от бури страстей и все аккуратно записывала. Много позже, когда Элис познакомилась с творчеством Грэма Грина,^[28] она поняла: это просто осколок льда, который есть в сердце у любого писателя.

Открытый чемодан стоял у стены, в нем лежали стопки аккуратно сложенной одежды. Одежды Бена. Он собирал вещи.

Не поворачиваясь к нему лицом, Элис сказала:

– Ты уходишь.

– Да.

– Почему?

У Элис на миг появилась надежда, что Бен покидает Лозннет исключительно из-за любви к ней. Из уважения к ее юности и из чувства долга перед семьей, принявшей его на работу.

Увы. Бен произнес:

– Пора. Я и так здесь задержался. Контракт закончился две недели назад, я остался, только чтобы помочь в подготовке к празднику.

– Куда ты пойдешь?

– Пока не знаю.

Правильно, он – цыган, вечный путник. Бен всегда так про себя говорил. А теперь он уходит. Покидает жизнь Элис так же небрежно, как когда-то в ней появился.

Внезапно Элис осенило:

– У тебя кто-то есть?

Бен не ответил, да и не надо было. По его сочувственному виду Элис

поняла, что угадала.

Как в тумане она сдержанно кивнула и, не глядя на Бена, вышла из лодочного сарая. Голову выше, взгляд прямо, один ровный шаг за другим.

– Элис, твой подарок! – крикнул он ей вслед, но Элис не вернулась.

Только дойдя до поворота, она прижала рукопись к груди и со всех ног бросилась к дому, ничего не видя от слез.

Ну почему она все неправильно поняла? Элис сидела на садовой скамейке в беседке и размышляла, а вокруг бурлил праздник. В памяти вставал год их с Беном знакомства. Он всегда был рад ее видеть, внимательно слушал, когда она рассказывала о своих писательских опытах и о своей семье, даже давал советы, если Элис жаловалась на мать и на их разногласия. Элис впервые встретила такого отзывчивого человека.

Да, он никогда к ней не прикасался, во всяком случае так, как этого хотелось Элис, а ведь Дебора часто говорила о молодых людях и их похотливом, развязном поведении. Элис предполагала, что Бен просто ведет себя как настоящий джентльмен. В этом-то и проблема. Элис слишком много предполагала. Видела только то, что хотела видеть: отражение собственных желаний.

Удрученно вздохнув, она огляделась, ища мистера Ллевелина. Его все нет. Пора уходить. Надо же, она с таким трудом притащилась сюда, а он где-то ходит! Наверное, нашел себе более приятную компанию, вот и опаздывает. Придет сюда, а Элис уже не будет. Так ему и надо!

Но куда ей пойти? К гондолам? Нет, они слишком близко от лодочного сарая. Домой? В доме везде слуги, мамины шпионы будут только рады наябедничать, что Элис не послушалась. Танцплощадка? Вряд ли. Меньше всего ей сейчас хотелось скакать с веселыми возгласами, и потом, скажите на милость, с кем там танцевать?

Вот она, горькая правда. Ей нечем заняться, и нет никого для компании. Неудивительно, что Бен ее не любит. А за что ее любить? До полуночи всего десять минут, скоро начнут запускать фейерверки, а она одна-одинешенька. Ни надежд, ни друзей, и, похоже, нет смысла продолжать это существование.

Элис увидела себя со стороны, вернее, как будто сверху. Одинокая, трагическая фигура в своем самом лучшем платье сидит, обняв колени; девушка, которую в семье никто не понимает.

И правда, она немного похожа на девушку-иммигрантку, тоскующую на причале после долгого морского путешествия. Есть что-то необычное в ее ссутуленных плечах, наклоне головы, в красивой прямой шее. На самом деле это стойкая девушка, ей пришлось столкнуться с тяжелым горем. Всю

ее семью убили (как? ужасно, трагично, детали пока неважны), но она полна решимости отомстить за смерть близких. Элис выпрямилась, медленно сунула руку в карман, погладила записную книжку. Думай, думай...

Девушка одна в целом мире, обездоленная, брошенная на произвол судьбы теми, кому, казалось бы, могла доверять. Ничего, она одержит победу!.. Элис торопливо встала, почувствовав, как внутри разгорается искра воодушевления. Дыхание участилось, в голове закружили мерцающие мысли-идеи, которые нужно было связать в одно целое. Нужно подумать, выстроить сюжет, но где?

Лес! Туда-то она и направится. Прочь от праздника, прочь от всех этих глупых веселящихся людей. Не нужен ей ни Бен, ни мистер Ллевелин. Ей вообще никто не нужен. Она – Элис Эдевейн, и она умеет слагать истории.

* * *

Они должны были встретиться в лесу через пять минут после полуночи. Только увидев, что Бен ждет, Элеонор поняла, что почти весь вечер сдерживала дыхание, боялась, что план сорвется.

– Привет, – сказала она.

– Здравствуй, – ответил он.

До странности формально. Только так они смогут справиться с тем, что предстоит сделать. Они не обнялись, скорее, соприкоснулись предплечьями, локтями, запястьями в жалком подобии былой близости, к которой оба привыкли. Сегодня все было по-другому.

– Все спокойно? – спросил он.

– Я встретила на лестнице горничную, но она торопилась – собирала бокалы для шампанского.

– Может, это и к лучшему. Тебя видели на месте происшествия задолго до того, как оно случилось. Меньше подозрений.

Элеонор вздрогнула от его прямолинейности. *«На месте происшествия»*, *«меньше подозрений»*... Как до всего этого дошло? Внутри, грозя сбить с ног, поднимались паника и смятение. Внешний мир – лес рядом, веселое гулянье поодаль – словно затянуло дымкой. Элеонор от всего отрешилась. Не было ни освещенного фонариками лодочного сарая, ни смеющихся и флиртующих гостей в шелковых и атласных нарядах, ни озера, ни дома, ни оркестра; существовал только их план, который совсем недавно казался разумным и логичным.

Сзади просвистела ракета, поднимаясь все выше и выше, пока не взорвалась мириадами красных искр, падающих в озеро. Сигнал к действию. Красочное зрелище должно было продлиться тридцать минут. Элеонор заранее попросила пиротехника устроить такой фейерверк, какого здесь еще не видели, разрешила всем слугам посмотреть на шоу, а Дафид отвлекал Элис.

– Пора, – сказала она. – У нас мало времени. Меня будут разыскивать.

Глаза привыкли к темноте леса, и теперь Элеонор довольно хорошо видела Бена. На его лице читались сомнение и жалость, темные глаза пристально смотрели на Элеонор, ожидая, что ее решимость дрогнет. Сейчас легко сказать: «Думаю, мы делаем ошибку» или «Давай еще немного подумаем» – и спокойно разойтись. Все бы кончилось, даже не начавшись. Но она собралась с силами и подошла к крышке люка, который вел в туннель.

Может, Бен не пойдет за ней, мелькнуло у Элеонор в мозгу. Тогда она пошла бы домой одна, оставила малыша спать в кроватке и вернулась бы к гостям, словно у нее нет ни забот, ни печалей. А завтра встретилась бы с Беном. Они удивленно качали бы головами и недоумевали, как так произошло, что они едва не совершили безумный поступок? Не иначе как *folie à deux*, помешательство на двоих.

Но даже думая об этом и чувствуя, как на душе становится легче, Элеонор знала, что отсрочка ничего не решит. Энтони чувствует себя хуже, чем когда-либо. Тео в опасности. А еще случилось нечто невообразимое – вернее, катастрофическое! – Дебора и Клемми узнали об их с Беном отношениях. От одной мысли, что дочери знают о ее измене, Элеонор хотелось сжаться до размеров пылинки и улететь. А это признак слабости, которая только усиливает чувство отвращения к себе. Нет, их план, ужасный, немыслимый план – единственный способ предотвратить трагедию.

Элеонор замерла. В лесу что-то двигалось. Она увидела – или услышала? – в темноте какое-то движение. Неужели там кто-то есть? Может, их заметили?

Почти не дыша, она вгляделась в деревья. Ничего. Показалось. Всего лишь ее нечистая совесть.

Тем не менее лучше не медлить.

– Быстрее! – прошептала она. – Следуй за мной по лестнице.

Спустившись, Элеонор отошла в сторону, чтобы дать место Бenu в узком туннеле с кирпичными стенами. Бен закрыл крышку люка, и их окутал мрак. Элеонор включила фонарик, который припрятала здесь

раньше, и по узкому проходу пошла к дому. В туннеле пахло землей, плесенью и бесчисленными приключениями детства. Элеонор вдруг захотелось снова стать ребенком. Ни тебе тревог, ни тебе волнений, лишь одна забота: чем заполнить бесконечный солнечный день. Рыдание подступило к горлу, грозя вырваться наружу, и Элеонор сердито затрясла головой, кляня себя за слабость. Нужно быть сильной. Завтра утром обнаружат пропажу, объявят поиски, вызовут полицию. Будут допросы и расследование, и Элеонор придется играть свою жуткую роль, а Бен к тому времени исчезнет.

Бен. Элеонор слышала за спиной его шаги, и у нее снова мелькнула горькая мысль, что его она тоже потеряет. Всего лишь через несколько минут он повернется и уйдет, и она больше никогда... Нет. Элеонор стиснула зубы и заставила себя думать только о пути по туннелю. Шаг за шагом, с единственной остановкой возле ступенек, которые вели наверх через проем в стене дома. Застоявшийся в туннеле воздух пах землей, в луче света почти неподвижно висели пылинки. Элеонор подумала, что, когда они с Беном войдут в дверь, обратного пути не будет. Она собиралась с силами, чтобы подняться по лестнице, как вдруг Бен схватил ее за руку. Элеонор удивленно повернулась.

– Элеонор, я...

– Нет, – сказала она, и в узком кирпичном пространстве голос прозвучал неожиданно глухо и невыразительно. – Бен, не надо.

– Мне больно прощаться.

– Тогда не прощайся.

По повеселевшему в свете фонаря лицу Бена Элеонор догадалась, что он ее неправильно понял. Решил, что ему можно остаться. Элеонор торопливо добавила:

– Не говори «до свидания», просто делай то, что нужно.

– Должен быть какой-то другой выход!

– Нет.

Другого выхода не было. Если бы он существовал, Элеонор его нашла бы. Она думала об этом до умопомрачения, но так ничего и не придумала. Даже мистер Ллевелин не смог предложить приемлемую альтернативу. Невозможно сделать так, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы. Оставалось только одно – главный удар должна принять на себя Элеонор. Вначале Тео растеряется, возможно, будет плакать, однако он еще маленький и скоро все забудет. Элеонор поверила Бену, когда он сказал, что любит ее и хочет быть с ней, но он – бродяга, дорога у него в крови, со временем он все равно бы ушел. Нет, больше всего страданий выпадет на

ее долю, она будет скучать по ним обоим, как луна скучает по солнцу, будет всегда задаваться вопросом...

«Нет. Не думай об этом». Собрав всю свою волю, Элеонор выдернула руку из руки Бена и пошла вверх по ступенькам. Нужно сосредоточиться и проверить, все ли она сделала, чтобы план сработал. Усыпил ли лишний глоток виски няню Бруен? Отвлекает ли мистер Ллевелин Элис, которая весь вечер была просто невыносима?

На самом верху Элеонор взглянула в глазок на потайной двери. Невыплаканные слезы мешали, и потому она несколько раз яростно моргнула. В коридоре никого не было. Издалека доносились хлопки фейерверков. Элеонор посмотрела на часы. Осталось десять минут. Вполне достаточно. Пора.

Ладонь легла на ручку двери, твердую, осязаемую, реальную. Вот оно. Она знала, что этот миг наступит, но не хотела о нем думать, предпочла сосредоточиться на отработке деталей плана, не давая себе представлять, что почувствует, когда будет стоять у порога.

– Расскажи мне еще раз, какие они, – тихо попросила она.

Его голос был наполнен теплотой и печалью, и, что хуже всего, в нем звучала покорность судьбе.

– Самые лучшие люди из всех, кого я знаю, – сказал Бен. – Работящие, преданные и веселые. В их доме всегда пахнет вкусной едой, и даже если чего-то не хватает, то любви там с избытком.

«Где это? – рвалось у нее с языка. – Куда ты его увозишь?» Но Элеонор сама заставила Бена дать слово, что он никогда ей не скажет. Она себе не доверяла. Их план сработает только в том случае, если она не будет знать, где найти Тео.

Бен положил руку ей на плечо.

– Я люблю тебя.

Она закрыла глаза, уткнулась лбом в жесткую, холодную доску двери. Понятно, Бен хочет, чтобы она сказала ему то же самое, однако она промолчала. Это стало бы роковой ошибкой.

Слегка кивнув, Элеонор подняла потайную защелку и осторожно выбралась в коридор. Над озером еще грохотал фейерверк, красные, синие, зеленые всполохи освещали окна, проливались на ковер разноцветными лужицами.

Элеонор собралась с духом и вошла в детскую.

Тео неожиданно проснулся. Было темно, на кровати в закутке тяжело храпела няня Бруен. Вдалеке что-то хлопнуло, и по тюлевой занавеске прокатилась волна зеленого цвета. Из-за окна доносились веселые звуки, как будто там было много людей. Но Тео разбудил не шум. Он пососал большой палец, прислушался, а потом улыбнулся.

Мама еще не успела подойти к кроватке, а Тео уже знал, что это она. Мама взяла его на руки, и Тео угнездился под ее подбородком – было там уютное местечко, как раз для его головы. Она говорила что-то ласковое ему на ухо, а он поднял левую ручку и погладил маму по лицу. Тео довольно вздохнул. Больше всего на свете он любил маму. С сестрами было веселее, а папа мог поднять его выше, но в маме он любил все: ее запах, звук ее голоса, ласковые прикосновения, когда она гладила его по лицу.

Раздался еще какой-то звук, и Тео поднял голову. В комнате стоял кто-то еще. Глаза Тео привыкли к темноте, и он разглядел рядом с мамой мужчину. Тот подошел ближе, улыбнулся... Бен из сада! Тео очень нравился Бен. Он делал игрушки из бумаги и рассказывал истории, которые заканчивались веселой щекоткой.

Мама что-то шептала, однако Тео не слушал, он то выглядывал из-за маминого плеча, то снова прятался, стараясь привлечь внимание Бена. Мама прижимала его к себе крепче, чем обычно, и Тео забарахтался, пытаясь высвободиться. Она несколько раз поцеловала его в щеку, но Тео отодвинулся. Он хотел, чтобы Бен улыбнулся. Тео не нравилось, что его тискают, ему хотелось играть. Когда Бен погладил его по щеке, Тео засмеялся, по-прежнему с пальцем во рту.

– Ш-ш! – прошептала мама.

Ее голос звучал как-то странно, и Тео поднял голову. Мама больше на него не глядела, она показывала на что-то под кроваткой. Бен присел, а потом снова встал с сумкой на плече. Сумку Тео не узнал и потому больше не обращал на нее внимания.

Бен подошел ближе, погладил маму по лицу. Она закрыла глаза и прижалась к его ладони.

– Я тоже тебя люблю, – сказала мама.

Тео смотрел то на маму, то на Бена. Они оба стояли неподвижно и молчали, и Тео попытался догадаться, что будет дальше. Когда мама отдала его Бену, Тео удивился.

– Время, – прошептала мама, и Тео взглянул на большие часы на стене. Он не понимал, что такое время, но знал, что оно живет в часах.

Они вышли из детской, и Тео стало интересно, куда они идут. Странно, ночью из детской никуда не ходят. Он сосал палец, смотрел и ждал, что

будет. Они подошли к двери в коридоре, которую Тео раньше не замечал. Теперь мама ее открыла. Бен остановился и придвинулся к маме, а она зашептала что-то ему в ухо, слов было не разобрать. Тогда Тео сам залепетал, будто шепча «Шу-шу-шу», и довольно улыбнулся. А потом Бен понес его и дверь за ними тихо закрылась.

Было темно. Бен включил фонарь и стал спускаться по ступенькам. Тео огляделся, ища маму. Ее нигде не было. Может, она спряталась? Это новая игра? Он выглянул из-за плеча Бена, надеясь, что мама выскочит и скажет «Ку-ку!». Тео все выглядывал и выглядывал, а мама так и не появилась.

Нижняя губа Тео задрожала, и он уже хотел было заплакать, но Бен что-то говорил, и от его голоса Тео стало тепло и уютно. Было в этом голосе что-то правильное, такое же, как уютное местечко у мамы под подбородком, как запах сестренки Клемми, похожий на его собственный. Тео зевнул, поднял Щена, пристроил на Беновом плече и прижался к игрушке щекой. Сунул большой палец в рот, закрыл глаза и стал слушать.

Тео было хорошо. Он узнал голос Бена точно так же, как узнавал свою семью, тем особенным чутьем, древним, как сам мир.

Глава 33

Корнуолл, 2003 г.

Стояла крошечная тьма, только яркие белые лучи фонарей освещали землю на несколько метров вперед. Питер так толком и не понял, почему они с Элис сейчас здесь, в лесу за Лоэннетом, а не в деревне на празднике солнцестояния. Он охотнее угостился бы рыбным рагу, а потом стаканчиком местного меда, однако Элис повела себя упрямо и не в меньшей мере загадочно. «Согласна, ночь – не лучшее время, – сказала она, – но дело есть дело, и я должна его закончить». Напрашивался вопрос, почему они не сделали все раньше, днем, как и собирались. «Я не хотела этим заниматься в присутствии сыщицы и ее деда. Это личное».

Отчасти правда, Элис действительно терпеть не могла вмешательства в личную жизнь и была очень скрытной. Питер удивился, что Элис позвала его с собой, но список вещей, которые она поручила достать (Элис упорно называла их «снаряжением»), предполагал, что Питера взяли в качестве рабочей силы. Он нашел все, что она просила. Нелегкая задача, учитывая, что времени было мало.

Очевидно, Элис считала это дело очень важным, судя по тому, что она позвонила Питеру в пятницу поздно ночью и заявила, что поедет с ним в Корнуолл. Она говорила непривычно возбужденно, даже многословно, и Питер подумал, а не перебрала ли она оставшегося джина с тоником. «Я не собираюсь командовать», – сказала она и тут же добавила, что в пять утра будет уже готова, пусть Питер за ней заедет. «Лучше выехать пораньше, пока мало машин, вы согласны?» Питер согласился и хотел было повесить трубку, когда она добавила:

– Да, кстати...

– Что, Элис?

– Не могли бы вы достать лопату и пару крепких садовых перчаток? Пока мы там будем, я хочу кое-что сделать.

Всю дорогу из Лондона Элис сидела рядом с Питером. Судя по застывшему выражению лица, она полностью погрузилась в свои мысли и лишь отвечала коротким «не нужно», когда Питер предлагал сделать остановку, чтобы подышать свежим воздухом, поесть, попить или хотя бы размять ноги. Разговаривать ей явно не хотелось, и хорошо. Питер включил аудиокнигу и начал слушать очередную порцию «Больших надежд». Последние две недели он крутился как белка в колесе; долгая дорога даст

ему возможность закончить книгу. Они уже подъезжали к деревне, когда Питер предложил сначала заехать в гостиницу, но Элис категорически возразила: «Ни в коем случае. Едем напрямик в Лозэннет».

Тогда-то она и попросила его принести ей ключ.

– Наверху есть комната для сушки белья. Там под вешалкой одна половица отходит. Вы сразу заметите: завитушка на ней очень похожа на голову лося. Под половицей вы найдете маленький кожаный мешочек. Внутри лежит ключ. Это мой ключ, и мне его долго не хватало.

– Понял, – кивнул Питер. – Отошедшая половица, завитушка, похожая на голову лося, маленький кожаный мешочек.

Элис по-прежнему была полна решимости выполнить свое таинственное дело, когда они вместе с остальными устроили пикник. Она заставила Питера взять тележку и отвезти «снаряжение» к месту пикника, так как намеревалась пойти в лес сразу после еды, но потом дед Сэди Спэрроу, Берти, пригласил ее на праздник солнцестояния, и Элис согласилась. Питер наверняка очень удивился бы, если бы еще утром не заметил одну странность, которая, похоже, объясняла, почему Элис передумала идти в лес. Похоже, ей очень понравился Берти. Она внимательно его слушала, смеялась над его шутками и воодушевленно кивала, когда он что-то рассказывал. Совершенно несвойственное ей поведение, решил Питер, Элис не из тех, кто быстро сближается с людьми, да и вообще она предпочитает одиночество.

Как бы то ни было, они поехали в деревню, вселились в гостиницу, и Элис с удовольствием пошла с Берти на праздник. Питер извинился, что не может составить им компанию, и оправился по своим делам. Всю вторую половину дня в его голове крутилась какая-то мысль, которую он никак не мог поймать, и потому Питер решил зайти в библиотеку, чтобы кое-что проверить. Но теперь они с Элис здесь, идут в ночи тем же путем, что шли раньше: вокруг озера и к лодочному сараю. У реки Элис не стала задерживаться, а сообщила, что они идут дальше, в лес. Питер колебался, не зная, стоит ли тащить ночью в лес пожилую женщину, разменявшую девятый десяток, но Элис его успокоила.

– Я знаю этот лес как свои пять пальцев, – сказала она. – Человек всегда помнит места, где прошло его детство.

* * *

Уже не в первый раз Элис порадовалась, что Питер не из

разговорчивых. Ей не хотелось ни говорить, ни объяснять. Она хотела просто идти и вспоминать, как в последний раз спешила по этой тропке. В темноте над ними пролетела ночная птица, и на Элис нахлынули звуки той давней ночи: ржание лошади, плеск озера, щебет славок.

Элис споткнулась, и Питер подхватил ее под локоть.

– Как вы? – спросил он.

Хороший мальчик. Вопросов задавал мало, сделал все, как она просила.

– Почти пришли, – сказала Элис.

Дальше они шагали молча, по крапиве через вырубку, где прятался вход в туннель, мимо ручья с форелью. Элис ощущала странный душевный подъем, ей нравилось, что она идет ночью по лесу. Именно так она все себе и представляла прошлым вечером в Лондоне, когда сидела в библиотеке и слушала тиканье часов на камине. Тоска по Лоэннету оформилась в невыносимое желание туда вернуться; отсюда звонок Питеру. Не то чтобы Элис вновь почувствовала себя юной, конечно, нет, скорее, она впервые за семьдесят лет разрешила себе вспомнить, какой она тогда была. Испуганной, влюбленной, глупой девочкой.

Наконец они дошли до места, выбранного Элис много лет назад, с которым все эти годы ее связывало чувство вины.

– Здесь, – сказала она.

Элис вдохнула знакомый запах лесных мышей и грибов. Накатившее воспоминание чуть не сбilo ее с ног, и она вцепилась в руку Питера, чтобы не упасть.

– Не могли бы вы кое-что для меня раскопать? Я имею в виду по-настоящему, в буквальном смысле.

Слава богу, он ничего не спрашивал, просто вытащил из мешка лопату, натянул садовые перчатки и начал копать там, где она показала.

Элис держала фонарь, чтобы ему было лучше видно. У нее перехватило дыхание, когда она вспомнила ту ночь, проливной дождь, заляпанный грязью подол платья, который лип к ботинкам... Вернувшись домой, Элис свернула то платье в тугой ком и при первой же возможности сожгла.

Тогда она заставила себя пойти через поля, хотя шел дождь. Можно было, конечно, воспользоваться туннелем. В одиночку через него пройти трудно из-за хитроумной защелки, но она бы справилась. Однако Элис не хотелось ходить там, где ступала нога Бена. Она не сомневалась, что это он забрал Тео, и ужасно боялась, что кто-нибудь догадается, какую роль в похищении сыграла она сама.

– Элис, – позвал Питер. – Пожалуйста, сдвиньте чуть-чуть свет.

– Простите.

Она настолько увлеклась своими мыслями, что отвела фонарь.

Звякнув, лопата наткнулась на что-то твердое.

Питер опустился на колени, достал из ямы сверток. Развернул и убрал остатки матерчатой сумки.

– Это коробка, – сказал он, с удивлением глядя на Элис. – Металлическая коробка.

– Все верно.

Питер встал, стряхнул рукой в перчатке грязь с крышки.

– Хотите, чтобы я открыл коробку?

– Нет. Возьмем ее в машину.

– Но...

Хотя при виде коробки сердце Элис судорожно заколотилось, она сдержала волнение и сказала спокойным голосом:

– Нет нужды открывать коробку прямо сейчас. Я совершенно точно знаю, что в ней.

* * *

Сэди протискивалась сквозь толпы людей, которые пришли на праздник солнцестояния. На отходящих от деревенской площади улицах стояли ряды киосков, где продавали кукурузные початки, одежду, домашние пироги из свинины и пирожки. Из перевернутых бочонков вырывались языки пламени, а в гавани плавающий понтон, нагруженный фейерверками, ждал полночи. Элис и Питер остановились в гостинице на углу Хай-стрит, домике с выбеленными стенами, цветами в свисающих корзинах и высокомерной хозяйкой. Сэди надеялась, что они сейчас в гостинице, а не бродят среди празднующих. Ей отчаянно хотелось сообщить Элис правду о смерти Тео, сказать, что Энтони ни в чем не виноват.

В кармане завибрировал телефон. Сэди вытащила мобильник, едва не столкнувшись с мальчуганом с огромным шаром сахарной ваты, взглянула на экран и поняла, что звонят из лондонской полиции.

– Алло?

– Спэрроу?

– Дональд?

– Ну ты разворошила осиное гнездо!

Сэди замерла. Пульс забился чаще.

– Что случилось? Полиция разговаривала с бывшим мужем, Стивом?

– Его арестовали. Он во всем признался.

– Что? Подожди, я зайду куда-нибудь, где потише. – Отыскать спокойное место было довольно трудно, но Сэди нашла закуток у каменной стены гавани, в стороне от людских толп, и забилась туда. – Расскажи поподробней.

– Эшфорд сперва вызвал его новую жену. Поручил инспектору Хизер расспросить ее, как дела у Кэйтлин, что нового, в общем, мило и по-дружески, а затем Хизер вывела разговор на то, есть ли у нее другие дети и хочет ли она завести еще. Выяснилось, что новая жена Стива не может иметь детей.

Сэди закрыла свободное ухо ладонью.

– Как так?

– Они с мужем больше года пытались завести ребенка, потом обратились к врачу и провели тесты на бесплодие.

За ленчем в Лоэннете они обсуждали эту версию, сюжет из одной книги про Диггори Брента, основанный на истории, которую Элис услышала от сестры много лет назад.

– Значит, он раздобыл ей ребеночка?

– В двух словах, да. Стив сказал, что жена пришла в отчаяние, когда узнала, что бесплодна. Больше всего на свете она хотела ребенка, маленькую девочку. Забеременеть никак не получалось, а лекарства от бесплодия действовали на психику. Стив сказал, что она была на грани самоубийства и он хотел ей помочь.

– И нашел для нее дочку, – сказала Сэди. – Идеальное решение, если не считать досадного факта, что у Кэйтлин уже была мать.

– Он сломался на допросе. Рассказал, как убил ее, куда спрятал тело. На рыбалку он ездил, как же! Там сейчас работают водолазы. Плакал, говорил, что он не преступник, не хотел ее убивать, так получилось.

Сэди кипела от гнева. Подумать только, он сидел на допросе, отламывал кусочки от полистиролового стаканчика, разыгрывал из себя любящего отца, обиженного супруга, делал вид, что встревожен и готов на все, чтобы найти безответственную беглянку, а сам все это время знал, где она. Что он с ней сделал.

Мэгги, должно быть, понимала, что ее ждет. Точнее, поняла, когда бывший муж пришел в последний раз. «Это сделал он», – нацарапала она в отчаянии. «Это сделал он». От прошедшего времени этой финальной фразы кровь стынет в жилах. И какая отчаянная смелость! Хорошо, что Кэйтлин,

судя по всему, не видела, что случилось с ее мамой.

– Он сказал, как отвлек дочь, пока расправлялся с Мэгги?

– Включил ей мультфильм про Дору-исследовательницу. Девчушка смотрела телевизор, не отрываясь.

Мэгги не стала сопротивляться – не хотела, чтобы дочь стала свидетельницей ужасной сцены, оберегала ее, даже когда поняла, чем все закончится. Нет предела тому, на что готов пойти любящий родитель, защищая своего ребенка. Сегодня Сэди убедилась в этом уже второй раз.

Голос Дональда зазвучал сконфуженно:

– Послушай, Спэрроу...

– Он оставил дочь одну на целую неделю.

– Говорит, что должна была прийти бабушка, во всяком случае, он так думал. Тогда бы девочку нашли гораздо раньше.

– Нужно сказать Нэнси Бейли.

– К ней уже послали инспектора по делам несовершеннолетних.

– Она была права.

– Да.

– Ее дочь не сбежала. Мэгги никогда бы так не поступила.

Женщину убили. И они чуть было не позволили ее бывшему мужу выйти сухим из воды. Сэди чувствовала облегчение, радовалась, что доказала свою правоту, но вместе с тем на душе было горько и печально, ведь это означало, что дочь Нэнси никогда не вернется домой.

– Что будет с Кэйтлин?

– Сейчас девочкой занимаются органы опеки и попечительства.

– А потом?

– Не знаю.

– Нэнси обожает девочку, – сказала Сэди. – Она присматривала за ней, когда Мэгги работала. У Нэнси есть комната для Кэйтлин. Ребенку лучше жить в семье.

– Возьму на заметку.

– Дональд, этого мало. Мы в долгу перед этой девчушкой. Однажды мы ее подвели, нельзя, чтобы это случилось снова.

В тот миг, когда Сэди давала себе мысленную клятву, что будет стучать во все двери и ни перед чем не остановится, пока бабушка и внучка не воссоединятся, в толпе мелькнули две знакомые фигуры.

– Слушай, Дон, мне нужно бежать.

– Ладно, Спэрроу, я все понял. Я должен был к тебе прислушаться, и...

– Не переживай, все нормально. Позже поговорим. Только сделай мне одолжение...

– Хорошо.

– Проследи, чтобы бабушка и внучка были вместе.

Сэди закончила разговор, сунула телефон в карман и со всех ног поспешила сквозь толпу к тому месту, где видела Элис и Питера. Там она осматривалась до тех пор, пока не заметила снежно-белые волосы.

– Элис! – Сэди помахала рукой. – Питер!

Они остановились и недоуменно оглядывались, пока Питер, который был на голову выше большинства людей, не увидел Сэди. Он улыбнулся, и Сэди снова почувствовала, как между ними проскочила искра.

– Детектив Спэрроу, – удивленно произнесла Элис.

– Хорошо, что вас нашла! – задыхаясь, выпалила Сэди. – Это был Бен! С самого начала это был он!

Она заметила, что за спиной у Питера мешок с лопатой, а Элис держит в руках большую коробку. После слов Сэди пожилая женщина еще крепче вцепилась в свою ношу.

– О чем вы?

– Бен забрал Тео. Ваш отец, Энтони, ни при чем. Он не виноват!

– Питер, она бредит, – сказала Элис. – Помогите ей.

Сэди покачала головой. Ее еще трясло после разговора с Дональдом. Нужно успокоиться, подумала она, начать все сначала и вразумительно объяснить.

– Мы можем где-нибудь поговорить? В каком-нибудь тихом уголке?

– Здесь неподалеку гостиница, – ответила Элис, – но я сомневаюсь, что там тихо.

Сэди взглянула на гостиницу. Элис права, там очень шумно. То ли дело внутренний дворик дедова коттеджа, высоко над деревней и с видом на море.

– Идемте, – сказала она, – я знаю отличное место.

* * *

Хотя Берти еще не вернулся с праздника, над крыльцом горел свет, а дверь была открыта. Собаки покрутились возле гостей, приняхиваясь, затем поняли, что это друзья, и пошли за ними на кухню.

– Хотите чашечку чего-нибудь? – предложила Сэди, вспомнив, что положение хозяйки дома накладывает определенные обязательства.

– Подозреваю, что меня больше устроит стаканчик, – ответила Элис. – Чего-нибудь покрепче.

Сэди нашла в кладовке Берти бутылку хереса и вывела гостей во внутренний дворик. На каменных стенах уже мерцали огоньки гирлянд, и, пока Элис и Питер придвигали к столу стулья, Сэди зажгла свечи в высоких фонарях «летучая мышь» и наполнила стаканы.

– Так, – сразу взяла быка за рога Элис, явно не расположенная к светским беседам. – Что там насчет того, что моего брата забрал Бен? Мы же с вами вроде решили. Мой отец, боевая психическая травма...

– Да, мы решили, – согласилась Сэди, – и психическое состояние вашего отца сыграло свою роль, только Тео не умер в ту ночь. Его забрал Бен, и он действовал не один. Ему помогала ваша мать.

– О чем вы говорите?

Рука Элис опустилась на металлическую коробку. Крышку покрывал слой грязи, и Сэди сразу вспомнила о земле на лопате Питера, но не стала ничего спрашивать, а продолжила:

– Мы были правы, из-за психической травмы ваш отец действительно представлял угрозу для Тео, однако мы ошиблись, когда подумали, что он причинил вред Тео. Бен и ваша мать решили, что малыша нужно спасти. Туннель, праздничный прием, фейерверки – все это дало им прекрасную возможность организовать исчезновение мальчика. Ваша мать очень сильно страдала, но не могла придумать другого способа защитить Тео. Она любила вашего отца, не могла его оставить и дала слово, что никто не узнает о его болезни. Ваша мать считала, что у нее нет выбора.

– А Бен был биологическим отцом Тео, – сказал Питер, который согласно кивал, пока Сэди говорила. – Лучшее решение.

– Единственное, – поддержала его Сэди.

– Так вот почему она не объявила награду, – неожиданно произнесла Элис, соединив точки со скоростью и аккуратностью человека, который более полувека сочиняет детективные романы. – Я никак не могла понять... Она была непреклонна. Заявила, что из-за денег набегут авантюристы и еще больше все запутают. Теперь понятно: она не хотела, чтобы Бена и Тео искали. Не хотела, чтобы их нашли.

– И это объясняет, почему в прессе не упоминалось об оплошности няни Бруен, – заметила Сэди, – и почему ваша мать щедро вознаградила местную полицию и Роуз Уотерс.

– Да? А я и не знала, – сказала Элис.

– Роуз очень убивалась из-за того, что ее уволили, и неудивительно – ее уволили за то, что она была слишком бдительной. План не сработал бы, если бы за Тео присматривала Роуз. Когда ее уволили, ваша мать дала ей блестящие рекомендации и достаточно денег, чтобы Роуз пошла учиться.

Это определило ее дальнейшую судьбу.

– Ваша мать возмещала ущерб, – сказал Питер.

Сэди кивнула.

– Она сама придумала это «похищение» и постаралась, чтобы все, кто так или иначе пострадал, получили достаточную компенсацию за потерю дохода или напрасное беспокойство.

– Очень похоже на маму, – согласилась Элис. – Она всегда руководствовалась своим собственным чувством справедливости, «правильности».

– И что дальше? – спросил Питер. – Бен вынес Тео через туннель и увез из Лоэннета. Думаете, он его вырастил?

Элис нахмурилась, покачивая туда-сюда свой стакан.

– Бен сражался во время Второй мировой войны и погиб в ходе Нормандской операции. Бедняга – так ужасно погибнуть почти в самом конце войны. Моя сестра Клементина видела его в тысяча девятьсот сороковом году.

– Во время войны Тео был еще ребенком, – сказала Сэди, быстро посчитав в уме. – Ему исполнилось только семь, когда она началась. Если Бен пошел в армию в самом начале войны, он не мог сам воспитывать Тео. Может, он на ком-нибудь женился?

– Или отправил ребенка куда-нибудь, – добавил Питер.

– Вот мы и вернулись к тому, откуда начали, – заключила Элис.

За столом воцарилось уныние, которое озвучил Эш, – протяжно вздохнул во сне. Сэди долила в стаканы херес, и все молча выпили. Из деревни снизу доносился веселый праздничный шум, который усилился к полуночи.

– А письма? – наконец очнулась Элис. – Не было ли в них чего-нибудь о том, куда направился Бен после Лоэннета?

– Не заметила. На самом деле ваша мать настойчиво просила, чтобы Бен не говорил ей, куда они поедут.

– А если он все-таки сказал?

– Вряд ли.

– Ну, может, есть хотя бы намек? Какая-нибудь мелочь, которую вы пропустили?

Уверенность Сэди не шла ни в какое сравнение с упрямством Элис.

– Нужно посмотреть, – сдалась Сэди. – Сейчас схожу за папкой. Я принесла несколько писем.

Когда она дошла до кухни, в дом вошел Берти.

– Привет, детка, – сказал дед с усталой, но счастливой улыбкой. – Я

сбежал, пока гулянье не развернулось в полную силу. Ужинать будешь?

Сэди объяснила, что Элис и Питер сидят во внутреннем двореке и обсуждают дело Эдевейнов.

– Мы его раскрыли, но возникло очень много новых вопросов.

– Значит, ужин на четверых. Сейчас организуем.

– Дед, разве за целый день тебе не надоело подавать грушевый кекс?

– Конечно, нет. Что за кощунственное предположение!

Пока Сэди доставала из рюкзака папку, Берти что-то мурлыкал, хлопоча над чайником.

– Да, а как насчет другого дела? – спросил он, раскладывая по чашкам чайные пакетики. – Тебе звонили из Лондона?

Сэди наскоро рассказала ему о звонке Дональда.

– Значит, ты была права, – произнес дед с мрачным удовлетворением. – Я же говорил, что верю в твое чутье. – Он покачал головой, его губы сочувственно сжались. – Несчастливая женщина, бедная малышка!.. Ты теперь вернешься на работу?

– Не знаю. Эшфорд в курсе, что это я слила информацию, и не станет закрывать глаза на мой поступок, вне зависимости от того, как все обернулось. Ладно, поживем – увидим. А пока...

Она подняла папку и кивнула в сторону внутреннего дворека.

– Конечно. Через несколько минут я к вам присоединюсь.

Сэди подошла к столу, когда Элис говорила Питеру:

– А я ведь всегда была уверена, что той ночью видела в лесу Бена.

– Почему же вы ничего не сказали полиции? – спросила Сэди, усаживаясь на свое место и подталкивая папку на середину стола.

Элис посмотрела туда, где порывистый ветер качнул гирлянду.

– Я не должна была там находиться. – На ее скулах играли тени. – Меня позвал мистер Ллевелин. Я всегда винила себя за его смерть. Может, все сложилось бы и иначе, если бы я дождалась его у беседки. Видите ли, в тот день он подошел ко мне и сказал, что нам нужно встретиться и поговорить. Мол, это очень важно. Я ждала его, но он не пришел.

– Еще одно «совпадение», которое мне не нравится, – заметила Сэди. – В смерти мистера Ллевелина что-то не так. Он был преданным другом вашей матери, знал, что она собирается сделать и как много поставлено на кон. У меня в голове не укладывается, что Дафид Ллевелин решил покончить с собой именно в тот день.

– Согласна, – кивнула Элис. – Совершенно бессмысленно. С другой стороны, депрессия, как и многие другие психические расстройства, непредсказуема.

– Если бы только знать побольше – о его депрессии, о нервном срыве, после которого он бросил медицину и начал писать книги. По моему опыту, когда кто-то коренным образом меняет свою жизнь, за этим решением обязательно что-то стоит. Интересно, что случилось с Ллевелином?

Питер поднял руку.

– Думаю, у меня есть ответ.

Сэди резко повернулась к Питеру, Элис посмотрела на него поверх очков.

– Ну?

– Сегодня в Лоэннете, когда вы говорили о нервном срыве Ллевелина, я смутно вспомнил: в университете мне попадалось что-то на эту тему. Я пошел в местную библиотеку и встретил там очень любезного человека...

– Аластера? – предположила Сэди.

– ...совершенно верно, и у него на столе нашлась потрясающая книга. Ее прислали по межбиблиотечному обмену и уже собирались отправить обратно. Замечательное совпаде...

– Не произносите это слово!

– ...везение. В ней есть глава, посвященная книге «Волшебная дверь Элеоноры», очень интересный анализ аллегорий, опирающийся на кантианские принципы символических...

– Питер! – сурово произнесла Элис.

– Да-да, простите. Автор утверждает, что эту сказку можно считать аллегорическим отражением событий из жизни самого Дафида Ллевелина, в особенности нервного срыва, который он пережил в молодости, когда был врачом. В сельском поместье его друга случилась непредвиденная ситуация, и Ллевелин потерял пациента.

– Ребенка, – выдохнула Сэди. – Пациентом был новорожденный.

Питер посмотрел Сэди в глаза, на миг задумался, и его лицо осветила понимающая улыбка.

– Вы думаете, это был ребенок Констанс.

– Да! – Сэди бросилась к столу. – Да, да, да!

Она торопливо перебирала свои записи, рядом мерцали огоньки фонарей.

– Тогда все становится ясно, – сказал Питер, скорее самому себе, чем остальным. – Их натянутые отношения, неприязнь, которую она к нему питала. Она и вправду была мисс Хэвишем.

– Питер! – нетерпеливо воскликнула Элис. – Какого черта! При чем здесь Диккенс?

Он повернулся к ней, его глаза горели.

– Когда я работал над вашим веб-сайтом, вы сказали, что не желаете о нем слышать и чтобы я сам им занялся. Я искал ответ на вопрос и заглянул в одну из ваших записных книжек, что хранятся наверху в вашем кабинете.

– Да, и что?

– Вы написали о своей бабушке, что она была похожа на «скелет в истлевшем богатом платье». Это цитата из «Больших надежд».

– Очень верное описание. Бабушка обожала наряжаться в пышные старые платья времен ее молодости. Но, во имя всего святого, при чем здесь ребенок?

– Вот, смотрите.

Сэди вытащила страничку с заметками о разговоре полицейских с Констанс в доме престарелых.

– Сиделка сказала, что Констанс постоянно твердит об Элеонор и о новорожденном мальчике, который умер. Я думала, что до Тео у Элеонор был сын, который родился мертворожденным. Теперь понятно, что он родился не у Элеонор.

Элис коротко вздохнула.

– У бабушки.

Сэди кивнула.

– А Дафид Ллевелин присутствовал при родах. Это все объясняет: его отношения с Констанс, причину депрессии, почему он бросил медицину и искал утешения, сочиняя волшебные сказки для детей...

– И еще объясняет сюжетную линию «Волшебной двери Элеоноры», – добавил Питер. – Старик, измученный сожалениями и запертый за пределами королевства, жестокая королева, чья скорбь по утраченному ребенку навлекла на королевство вечную зиму, девочка Элеонора, единственная, кто может все исправить... – Он задумчиво постучал пальцами по подбородку. – Непонятно, правда, почему Дафид Ллевелин решил покончить жизнь самоубийством в Иванову ночь тысяча девятьсот тридцать третьего года.

– Он этого не делал, – тихо произнесла Элис, встретившись глазами с Сэди. – Он ведь не убивал себя, правда?

– Нет. – Сэди улыбнулась, испытывая то восхитительное чувство, когда все кусочки головоломки становятся на место. – Уверена, что не убивал.

Питер недоуменно почесал голову.

– Он умер от передозировки барбитуратов. Есть медицинское освидетельствование.

– Той ночью из дома украли флакончик сильнодействующего снотворного, – сказала Элис. – Долгое время я считала, что им напоили

Тео, чтобы малыш не шумел.

– Однако снотворное использовали для других целей, – продолжила Сэди. – Совсем нетрудно растворить несколько таблеток в напитке. Скорбь о потерянном ребенке несколько десятилетий снедала Констанс, и она решила...

– ...отомстить, – закончил ее фразу Питер. – Да, я понимаю, что вы хотите сказать, но ведь прошло сорок лет! Почему она так долго ждала?

Сэди задумалась. Подошел Рэмзи и уселся на ее ноги, Сэди наклонилась, чтобы погладить пса.

– Знаете, – задумчиво промолвила она, – недавно я прочитала книгу, где задавали точно такой же вопрос. Женщина ни с того ни с сего убила бывшего мужа, хотя до этого много лет с ним мирилась. Как выяснилось, поводом послужила сущая мелочь. Муж решил провести отпуск там, куда всю жизнь мечтала поехать его бывшая жена. Когда он объявил об этом, чаша ее терпения переполнилась.

– «Блюдо, которое подают холодным», – одобительно сказала Элис. – Не самая остросюжетная из моих книг, но я ее нежно люблю. А что подтолкнуло бабушку? Насколько я помню, мистер Ллевелин не собирался проводить отпуск в экзотической стране.

– Да, но он кое о чем объявил, – внезапно произнес Питер. – Вы сегодня об этом упоминали. Его наградили орденом Британской империи за вклад в литературу; вы даже сказали, что бабушке это очень не понравилось.

– Королевская почесть, – сказала Сэди.

– Королевская почесть, – повторила Элис. – Констанс всю жизнь мечтала возвращаться в королевских кругах. Когда она была девушкой, ее пригласили во дворец, но она не смогла поехать. Сколько раз в детстве мы слышали эту историю! Констанс так и не утешилась. – В улыбке Элис промелькнуло легкое удовлетворение. – Теперь все понятно. Такой сюжет даже я бы не придумала.

Какое-то время они сидели тихо, слушали рокот прибоя и далекий шум праздника. Всех троих согревала радость от разгаданной тайны. «Кому нужны наркотики или алкоголь? – думала Сэди. – Нет ничего лучше, чем осознание, что ты решил загадку».

Размышляли они недолго. Элис – как же она нравилась Сэди! – выпрямилась на стуле и подтянула к себе папку.

– Так, насколько я помню, мы пытались найти информацию, куда Бен мог увезти Тео.

Питер поднял брови и переглянулся с Сэди, но они оба послушно

пододвинулись к столу, чтобы изучить содержимое папки.

– Мне вот что интересно, – сказала Элис после безрезультатных поисков. – Мама каждый год возвращалась в Лоэннет, может, это и есть зацепка?.. Хотя нет, вряд ли Бен с Тео остались в Корнуолле, а если и остались, то точно не в Лоэннете. – Она разочарованно вздохнула. – Скорее всего, это было что-то вроде дани памяти, там мама чувствовала себя ближе к Тео. Бедная мама, можно только представить, каково это – знать, что где-то живет твой ребенок, твоя кровиночка, мучиться от тоски...

Берти, который вышел во двор, держа поднос с грушевым кексом и четырем чашками чая, бросил многозначительный взгляд на Сэди.

Сэди старательно не смотрела деду в глаза, отгоняя от себя мысли о Шарлотте Сазерленд в школьном форменном блейзере, о крошечной, похожей на звездочку руке, которая высывалась из-под больничного одеяльца.

– Думаю, если человек принял решение отказаться от ребенка, главное – держаться выбранного курса и не дать слабину. Это по-честному. Пусть ребенок живет спокойно. Зачем осложнять ее жизнь?

– Его жизнь, – поправил Питер.

– Его жизнь, – повторила Сэди.

– Да вы весьма рациональная особа, инспектор Спэрроу! – Элис подняла бровь. – Наверное, во мне говорит писательская натура, но я считаю, что в душе у всех родителей, которым пришлось отказаться от детей, живет крупница надежды, что когда-нибудь их пути пересекутся.

Сэди по-прежнему избегала взгляда Берти.

– Наверняка есть случаи, когда родители боятся, что ребенок в них разочаруется. Или будет злиться и упрекать их за то, что от него отказались.

– Думаю, да, – сказала Элис, вытаскивая из папки газетную статью и глядя на портрет Элеонор, где ее сфотографировали в компании трех девочек в летних платьях под деревом в Лоэннете. – Но моя мама всегда действовала в соответствии со своими убеждениями. Я не сомневаюсь, что, отдав Тео из лучших, как она думала, побуждений, она была готова к тому, что он, возможно, ее за это возненавидит.

– О господи!

Они все посмотрели на Берти, который стоял над столом, держа в одной руке тарелку с кексом, а в другой – чашку.

– Дед?

Быстрее всех оказался Питер. Он подскочил к Берти, забрал у него кекс и чай, пока они не упали, и усадил старика на стул.

– Дед, тебе плохо?

– Нет, все нормально. Просто такое... нет, не совпадение, люди часто употребляют это слово неправильно. Они имеют в виду поразительную согласованность событий, но забывают, что обычно есть какая-то связь. Нет, не совпадение. Просто я очень удивился.

Берти разволновался, что-то бессвязно бормотал, и Сэди вдруг испугалась, что день был слишком утомительным и у деда может случиться удар. Страх за деда, любовь к нему перемешались, и Сэди решила, что не отстанет, пока не выяснит, что с ним.

– О чем ты говоришь? – строго спросила она.

– Эта женщина, – сказал Берти, постучав пальцем по фотографии Элеонор в газетной вырезке. – Я встречал ее раньше, когда мальчишкой работал в нашем магазине во время войны.

– Вы встречали мою мать? – спросила Элис.

Одновременно с ней заговорила Сэди:

– Ты встречал Элеонор Эдевейн?

– Да, и не раз. Хотя я не знал, как ее зовут. Она заходила в наш магазинчик в Хакни, когда занималась волонтерской работой.

– Точно, – просияла Элис. – Во время войны мама работала в Ист-Энде, помогала детям, чьи дома разбомбили.

– Знаю. – Теперь Берти тоже широко улыбался. – Она была очень доброй. Одна из самых верных наших покупательниц. Заходила к нам в магазин, покупала всякие пустяки, в которых наверняка не нуждалась, а я угощал ее чаем.

– Вот это действительно совпадение, – заметил Питер.

– Ничего подобного, – возразил Берти, – это я и пытаюсь сказать. – Он рассмеялся. – Конечно, я удивился, когда увидел ее фотографию после всех этих лет и понял, что она имеет отношение к событиям в Доме на озере, которые так увлекли мою внучку. Однако случайности здесь нет.

– То есть?

– Это из-за нее я перебрался сюда, в Корнуолл, именно она заронила в мою голову мысль о переезде. В нашем магазине над кассой висела картинка: открытка от моего дяди, фотография с изображением маленькой деревянной двери в кирпичной садовой стене, заросшей плющом и папоротниками. Как-то раз ваша мама увидела ее и рассказала мне о садах Корнуолла. Думаю, потом я ее сам расспрашивал – у меня была книга, где действие происходило в Корнуолле, и это место всегда казалось мне волшебным. Она рассказывала о Гольфстриме и экзотических растениях, которые можно выращивать в Корнуолле. Я навсегда запомнил ее истории. Она даже упоминала Лоэннет, как я теперь понял, только не по названию.

Сказала, что родилась и выросла в поместье, знаменитом своим озером и садами.

– Невероятно! – произнес Питер. – Надо же, через столько лет ваша внучка нашла ее заброшенный дом и теперь одержима тем, что там случилось.

– Не одержима, – поправила Сэди. – Мне просто интересно.

Берти не заметил, что его перебили, и продолжал вспоминать свои разговоры с Элеонор Эдевейн о Лоэннете.

– Волшебное место, по ее словам: море, контрабандисты, туннели, феи. Она сказала, что там даже был маленький потайной сад – изумительное, безмятежное местечко с прудом, где плавали золотые рыбки.

– Помню, – сказала Элис. – Его построил Бен Мунро.

– Бен Мунро?

– Да, один из садовников в Лоэннете.

– Ну и ну... – Берти склонил голову набок. – А вот это странно. Так звали моего любимого дядю, он погиб во Второй мировой войне.

Элис нахмурилась, а Питер спросил:

– Ваш дядя работал в Лоэннете?

– Не знаю. Может, и работал. Он был на все руки мастер, и ему не сиделось на одном месте.

Все переглянулись, Элис нахмурилась еще сильнее.

– Должно быть, это другой Бенджамин Мунро. Бен, которого мы знали в Лоэннете, не мог быть ничьим дядей – он был единственным ребенком в семье.

– Так и мой дядя тоже. Собственно, он не был мне биологической родней, просто очень хороший друг моей мамы. Они выросли вместе и всю жизнь дружили. У обоих родители были археологами и много путешествовали. Бен и мама встретились, когда их семьи жили в Японии.

Все замолчали. Воздух вокруг, казалось, дрожал от напряжения. Тишину прорезал громкий хлопок, и по небу рассыпались искры первого в Иванову ночь фейерверка.

– Берти, где вы родились? – слабым голосом спросила Элис.

– Дедушку усыновили, когда он был совсем маленьким, – вспомнила Сэди.

Дед рассказывал о своей матери и о том, что она не могла забеременеть. О том, как она радовалась, когда наконец появился Берти, и очень его любила, а он любил ее. Это было в то время, когда Сэди переехала к нему и Рут, и его рассказы немного облегчили боль, когда Сэди приняла решение отказаться от ребенка. Потом те разговоры стерлись из

памяти, слишком много всего тогда навалилось, а Берти так часто говорил о своих родителях с теплотой и любовью, что Сэди совсем забыла, что они ему не родные.

Берти все рассказывал о своей матери, Фло, о дяде Бене и даже не заметил, что Элис тихо встала и идет вокруг стола к нему. Она обхватила его лицо трясущимися ладонями, не говоря ни слова, впилась в него взглядом, изучая каждую черточку... и осела. Питер едва успел ее подхватить.

– Дедушка, – благоговейно произнесла Сэди.

– Берти, – сказал Питер.

– Тео, – всхлипнула Элис.

* * *

Они еще сидели во внутреннем дворике коттеджа «Морской вид», когда звезды начали меркнуть и над горизонтом протянулась светлая лента – обещание нового дня.

– Он часто мне писал. – Берти открыл деревянную коробку, которую принес с чердака, и достал стопку писем. Самые первые были датированы тысяча девятьсот тридцать четвертым годом. – До того, как я научился читать, мне их читали папа с мамой. Иногда он присылал маленькие подарки или животных-оригами, которые складывал для меня. Где бы он ни работал, и даже когда ушел на войну, он всегда мне писал. Я его очень любил. Чувствовал, что мы близки. Голос крови, наверное.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – вновь сказала Элис. Она повторяла эти слова как мантру. – Я почувствовала эту связь сегодня утром, когда мы встретились. Близость. Как будто я тебя узнала.

Берти улыбнулся ей и кивнул, его взгляд снова затуманился.

– Дед, а что еще в коробке? – мягко спросила Сэди, почувствовав, что его надо отвлечь.

– Всякая всячина. Реликвии детства.

Он вытащил замусоленного игрушечного щенка, старую книжку и маленький детский комбинезончик. Сэди ахнула, заметив, что на нем нет одной пуговицы. Сунула руку в карман джинсов и достала пуговицу с пухлощеким купидоном, которую нашла в Лоэннете. Подошло идеально.

– Мать с отцом рассказывали о ваших биологических родителях? – спросил Питер.

Берти улыбнулся.

– Они рассказывали мне историю о тигре и жемчужине. В детстве мне ужасно нравилось верить, что меня привезли из Африки в облике заколдованной драгоценности, что я родился в лесу, где меня нянчили феи, а потом оставили на пороге дома моих родителей. – Он вытащил из коробки цепочку с подвеской из тигрового клыка и провел пальцем по потускневшей кости. – Дядя Бен подарил мне это ожерелье, и я считал, что оно подтверждает историю. Когда я подрос, то перестал спрашивать о родителях. Конечно, мне хотелось узнать, кто они, но папа с мамой меня очень любили – лучшей семьи и пожелать было нельзя! – и я смирился... А теперь ты, – сказал он, кивая на металлическую коробку, которая, все еще покрытая грязью, стояла на столе перед Элис. – Я свою показал.

Элис вытащила из сумочки ключ, отперла филигранную шкатулку, подняла крышку, и все увидели две одинаковые стопки бумаги. Надпись на верхнем листе гласила: «Спи, моя лапочка», автор: Элис Эдевейн.

– Рукописи, – произнес Берти.

– Да, – кивнула Элис. – Единственные когда-либо существовавшие экземпляры моей первой законченной книги.

– А почему они в коробке?

– Писатель никогда не уничтожает свою работу, – ответила Элис.

– Да, но что они делали в земле?

– О, это долгая история.

– Может, когда-нибудь мне расскажешь?

– Возможно.

Берти скрестил на груди руки с видом шутливого осуждения, и на какой-то миг Сэди углядела в этом жесте Элис.

– Хотя бы скажи, о чем там, – попросил дед. – Это детектив?

Элис рассмеялась открыто и беспечно, впервые на памяти Сэди. Смех звучал мелодично и молодо.

– Ох, Берти, – сказала Элис. – Тео. Расскажу – не согласишься!

Глава 34

Лондон, 1941 г.

Элеонор поспешила туда, как только узнала, какой район ночью бомбили. Прошло два года с тех пор, как пришло короткое письмо: сообщение, что Бен поступил на военную службу, и адрес в Хакни. Благодаря волонтерской работе она часто видела на улице ребятишек, смотрела, как они играют в бабки или, в серых шортах и изношенных ботинках, бегают с поручениями, представляла, что один из мальчишек – ее сын, и довольствовалась малым. Однако, когда Элеонор прочитала в газете о бомбежках, а утром на службе ей дали список пострадавших улиц, она тут же развернулась и побежала.

Выщербленную дорогу усеивали обломки камней, кирпичи и разбитая мебель, но Элеонор спешила изо всех сил. Пожарный приветственно наклонил голову, и она вежливо кивнула в ответ. Элеонор скрестила пальцы – глупо, конечно, и по-детски, но помогает! Всякий раз, когда она проходила мимо остова дома, ее сердце сжималось.

Они не ждали еще одной войны. Когда Элеонор заставила Бена пообещать, что они больше никогда не увидятся, убедила не говорить, куда он отвез Тео, она не представляла, что все так обернется. Ей достаточно знать, уговаривала себя Элеонор, что ее ребенок – ее прекрасный малыш! – будет расти счастливым и в безопасности. Но война все изменила.

Она не собиралась рассказывать Энтони, где сегодня была. Какой смысл? Она только посмотрит, уцелел ли дом, даже заходить не будет. И не будет искать Тео. Тем не менее ей казалось, что она делает что-то недозволенное. Элеонор не любила секреты и старалась, чтобы их больше не было, – они едва не погубили ее с Энтони любовь.

Она думала, что известие о ее неверности уничтожит Энтони, но этого не произошло. Однажды он тихо подошел к ней и предложил оставить его. К тому времени он уже понял, что Тео не его сын, и сказал, что хочет, чтобы Элеонор еще раз попытала счастья. Он устал быть обузой, устал причинять горе самым любимым людям.

Но разве она пошла бы на это? Разве уехала бы с Беном и Тео, чтобы начать жизнь заново? Нет, она бы никогда не оставила девочек и не смогла бы увести их от Энтони. Кроме того, Элеонор любила мужа. Всегда любила. Так получилось, что она любила обоих, Энтони и Бена, и души не чаяла в Тео. Однако жизнь – не сказка, нельзя получить все, что ты хочешь.

Как ни странно, после того, как Энтони узнал о романе Элеонор, ему немного полегчало. Он сказал, что его жизнь стала не такой идеальной, он тоже заплатил свою цену, сделал хотя бы шаг к искуплению.

– Искуплению за что? – спросила Элеонор, думая, что наконец он поговорит с ней откровенно.

– За все. За то, что выжил. Вернулся домой.

Элеонор, конечно, знала, что долгие годы его преследует мрачная тень, и потому, когда Тео уже был в безопасности и далеко от Лоэннета, спросила о Говарде. Вначале Энтони разозлился и очень сильно расстроился (Элеонор никогда еще его таким не видела), однако после долгих уговоров подтвердил то, что ей уже было известно. Он рассказал ей все: о Говарде и Софи, о малыше Луи, о той ночи в амбаре, об ужасной черте, которую чуть не пересек.

– Ты ведь этого не сделал, – сказала Элеонор, когда муж плакал на ее плече.

– Я хотел и жалел, что не сделал. До сих пор иногда жалею.

– Ты хотел спасти Говарда.

– Я должен был его спасти.

– Не такой ценой. Он любил Софи и малютку Луи. Считал себя его отцом, а родитель всегда готов пожертвовать собой ради ребенка.

– Наверняка был какой-нибудь другой выход.

– Не было. Я знаю тебя. Если бы выход существовал, ты бы его нашел.

Энтони посмотрел на нее, и в его глазах Элеонор углядела крошечную искру надежды. Она продолжила:

– Если бы ты поступил по-другому, расстреляли бы вас обоих. Говард был прав, он сразу все понял.

– Он пожертвовал собой ради меня.

– Ты пытался ему помочь. Ты очень сильно рисковал, но все равно попытался.

– Я не сумел. Подвел его.

Элеонор не знала, что на это ответить. Просто сидела рядом с мужем, пока он оплакивал потерянного друга, затем крепко сжала его руку и прошептала:

– Ты не подвел меня. Ты дал мне слово. Обещал вернуться домой и сказал, что тебя ничего не остановит.

Остался только один секрет, который Элеонор хранила от Энтони: правда о смерти Дафида Ллевелина. Энтони любил старика и не вынес бы, узнав, что сделала Констанс. Элеонор нашла в комнате матери пустой флакончик из-под снотворного и обо всем догадалась. Мать и не думала

отрицать. «У меня не было другого выхода, – сказала она. – Моя единственная надежда на обновление».

После этого отношения Констанс и Элеонор, никогда не отличавшиеся теплотой, испортились окончательно. Не было и речи о том, чтобы взять старуху с собой в Лондон. Но и бросить ее одну Элеонор не могла. Она обыскала все, что можно, и нашла наконец дом престарелых «У мола». «Лучший дом престарелых во всей Англии. Посмотрите, какое прекрасное месторасположение, – сказала старшая медсестра, когда водила Элеонор по лечебнице. – Прямо на набережной. И во всех комнатах слышен шум прибоя».

– Замечательно, – сказала Элеонор, подписывая необходимые бумаги.

И это было правильно и справедливо. Безжалостный рокот океана до конца жизни – именно то, что заслужила Констанс.

* * *

Элеонор свернула на улицу, чуть не налетев на сурового полицейского на велосипеде. Ее взгляд перебегал с дома на дом, пока не остановился на бакалейном магазине. Сразу стало легче дышать, когда она увидела на двери бодрую надпись: «Открыто дольше, чем обычно!»

От сердца отлегло. Бомба сюда не попала.

Ладно, раз уж она здесь, то можно взглянуть на фасад магазина. Элеонор подошла так близко, что могла бы заглянуть в заклеенное крест-накрест окно. Бросила взгляд на название магазина, гордо написанное краской на стекле сверху, посмотрела внутрь и увидела аккуратно расставленные на полке консервные банки. Над магазинчиком было еще два этажа, на каждом окне висели красивые занавески. Хорошее место. Уютное. Наверняка хозяевам стоит немалых усилий, чтобы стекла и тент сияли чистотой, когда город постоянно бомбят.

Элеонор распахнула дверь, негромко звякнул колокольчик. Магазин был небольшой, но, учитывая трудности с продовольствием, предлагал на удивление хороший выбор товаров. Кто-то не пожалел сил, чтобы измученные войной покупатели могли найти что-нибудь интересное. Бен сказал, что его подруга, Фло, очень энергичная и пробивная: «Ничего не делает наполовину». Еще один довод в пользу незнакомой женщины, про которую Бен говорил, что она преданная, добрая и великодушная.

В магазине было тихо, пахло свежими чайными листьями и порошковым молоком. За прилавком никто не стоял, и Элеонор решила, что

это знак. Она увидела то, что хотела, и теперь пора уходить.

Вдруг она заметила в задней части магазина приоткрытую дверь. Туда, где ее сын спит по ночам, ест, смеется и плачет, веселится и поет. Туда, где он живет.

Сердце отчаянно колотилось. Может, заглянуть? Элеонор посмотрела через плечо, увидела, как какая-то женщина катит по улице черную коляску. В магазине по-прежнему никого не было. Нужно только проскользнуть в щель, и все. Элеонор глубоко вдохнула, стараясь успокоиться, как вдруг сзади донесся шум. Она резко повернулась и увидела мальчугана, который вылез из-под прилавка.

Элеонор его сразу узнала.

Все это время он сидел на полу и теперь смотрел на нее широко распахнутыми глазами. Густые прямые волосы песочного цвета подстрижены «под горшок», вокруг пояса завязан белый фартук, слишком длинный для мальчика и потому подвернутый. Примерно девяти лет от роду. Нет, не примерно. Ему девять лет, поправила себя Элеонор. Девять лет и два месяца. Худощавый, но не тощий, и щеки у него круглые.

Мальчик открыто улыбнулся Элеонор, как будто знал, что этот мир – замечательное место.

– Извините, что заставил вас ждать, – сказал он. – Боюсь, молока сегодня нет, зато есть свежие яйца, прямо с фермы в Кенте.

У Элеонор закружилась голова.

– Яйца, – еле выговорила она. – То, что нужно.

– Одно или два?

– Два, пожалуйста.

Элеонор достала продовольственные карточки и, когда мальчик повернулся к корзине на полке за прилавком и начал по одному заворачивать яйца в старую газету, подошла поближе. Ей казалось, что сердце колотится в ребра. Если протянуть руку, то можно коснуться сына.

Элеонор решительно сложила руки вместе на прилавке и вдруг заметила книжку, потрепанную, с загнутыми страницами и без суперобложки. Когда Элеонор входила в магазин, книги на прилавке не было. Должно быть, мальчик захватил ее с собой оттуда, где прятался на полу.

– Ты любишь читать?

Мальчик виновато посмотрел через плечо и покраснел.

– Мама говорит, что я прирожденный читатель.

Мама. Элеонор вздрогнула.

– Правда?

Он кивнул, слегка хмурясь, аккуратно перекрутил концы газетной бумаги, от чего завернутое яйцо стало похоже на конфету. Он положил яйца на прилавок, потом сунул книжку на полку вниз. Посмотрел на Элеонор и мрачно сказал:

– Вообще-то я не должен читать, когда присматриваю за магазином.

– Я тоже была такой в твоём возрасте.

– А потом переросли?

– Нет.

– Вот и я думаю, что не перерасту. А эту книгу я уже четыре раза перечитал.

– Наверное, знаешь её почти наизусть?

Он гордо улыбнулся и кивнул.

– В ней говорится о девочке, которая живет в старом большом доме за городом и однажды находит тайную дверь в волшебную страну.

Элеонор покачулась.

– Девочка живет в месте, которое зовется Корнуолл. Вы про него знаете?

Она кивнула.

– А были там когда-нибудь?

– Да.

– Расскажите.

– Там воздух пахнет океаном, и вокруг все зеленое. В Корнуолле много чудесных садов, где растут странные и удивительные растения, которых в Англии больше нигде не сыщешь.

– Да, – кивнул мальчуган. Его глаза сияли. – Я так и думал. Мой дядя рассказывал. Видите ли, он тоже там был. Он говорит, что там и вправду есть такие дома, как в моей книжке, с озерами, утками и секретными туннелями.

– Я выросла в таком доме.

– Ух ты! Вам повезло. Дядя Бен – он сейчас на войне – прислал мне открытку.

Элеонор посмотрела, куда показывал мальчик. На кассовом аппарате сбоку была приклеена фотография с изображением заросших садовых ворот. В нижнем правом углу висела белая надпись курсивом, желаящая получателю «*Волшебных воспоминаний*».

– А вы верите в волшебство? – серьезно спросил мальчуган.

– Думаю, да.

– Я тоже.

Они улыбнулись друг другу в полном согласии, и Элеонор

почувствовала себя на пороге чего-то, о чем не догадывалась раньше и что не смогла бы описать словами.

Но тут в вихре шума и движения в заднюю дверь ворвалась женщина, и все их внимание переключилось на нее. У женщины были темные кудрявые волосы, оживленное лицо с полными губами и блестящими глазами. Она наполнила комнату своим присутствием и неукротимым духом, и Элис почувствовала себя хрупкой и слабой.

– Что ты здесь делаешь, милый? – Она взъерошила волосы мальчика, глядя на него с любящей улыбкой, затем посмотрела на Элеонор. – Берти о вас позаботился?

– Он был очень любезен.

– Надеюсь, он вас не задержал? Мой парнишка кого хочешь заболтает. Берти ухмыльнулся, и Элеонор поняла, что это их любимая шутка.

Боль сдавила грудь, и Элеонор схватилась за прилавок, чтобы не упасть. У нее закружилась голова.

– Вам плохо? Вы побледнели.

– Ничего страшного.

– Уверены? Берти, детка, поставь чайник.

– Право же, не надо, – сказала Элеонор. – Я тороплюсь. Меня еще много где ждут. Спасибо за яйца, Берти, я съем их с большим удовольствием. Давно уже не видела настоящих яиц.

– Вкрутую, – заявил он. – Единственно правильный способ готовить яйца.

– Не могу не согласиться.

Дверь открылась, колокольчик над ней снова звякнул, и в памяти Элеонор вспыхнуло воспоминание о том дне десять лет назад, когда она толкнула дверь почты и налетела на Бена.

– В следующий раз, когда вы придете, я угощу вас чаем! – крикнул ей вслед Берти.

Элеонор улыбнулась ему в ответ.

– Я буду рада, – сказала она. – Очень-очень рада.

Глава 35

Лондон, 2004 г.

В годовщину смерти Элеонор они, как всегда, встретились в Музее естественной истории. Сестры не обнялись, у них это было не принято, но, взявшись под руки, слегка поддерживали друг дружку, пока обходили зал. Никто ничего не говорил, обе шли молча, погружившись в воспоминания об Энтони и Лозннете, а еще обо всем, что узнали – слишком поздно, чтобы помочь отцу, однако достаточно рано, чтобы в их собственной жизни многое прояснилось.

Остальные присоединились к ним позже, чтобы выпить чаю в кафе Музея Виктории и Альберта. Даже Берти приехал из Корнуолла. «Мне бы и в голову не пришло пропустить такое событие! – сказал он, когда Сэди пригласила его по телефону. – Я собирался в Лондон на той неделе. Обязательно буду на торжественном открытии...»

Берти уже занял столик и помахал рукой Элис и Деборе, когда те зашли в кафе. Он встал, улыбаясь, по очереди обнял сестер. Странно, удивилась Элис, глядя, как Дебора смеется и гладит его по щекам, почему-то их нелюбовь к физическим проявлениям чувств не распространяется на младшего брата. Как будто после стольких пропущенных лет общения им хочется построить мост через все это время. А может, причина в том, что они потеряли брата, когда тот был совсем маленьким, и их любовь требовала тактильного выражения, точно так же, как взрослый не в силах удержаться, чтобы не взять малыша на руки. Так или иначе, обе сестры обожали брата. Элис вдруг подумала, как бы обрадовалась Элеонор, если бы узнала, что они снова вместе.

Следующей пришла Сэди с целой охапкой бумаг. Она, как обычно, шла быстрым шагом и, опустив голову, пыталась на ходу выровнять стопку.

– Простите, – сказала Сэди, подходя к столику. – Застряла в метро и опоздала. Я была бы не я, если бы перед открытием ничего не случилось. Надеюсь, вы не слишком долго ждали?

– Конечно, нет, – с ласковой улыбкой ответила Дебора. – Мы сами только что пришли.

– А вот и Питер! – Берти кивнул в сторону входной двери.

Сэди отдала рукопись Элис.

– Я отметила все, что нашла, но там совсем немного. Так, процедурные мелочи. Ох, Элис, отличная книга! – Сэди уронила сумочку и

рухнула на свободный стул. – Я не могла оторваться.

Элис слушала ее с довольным видом.

– С радостью сообщаю, что номер пятьдесят один получился более впечатляющий, чем номер пятьдесят.

Питер подошел к столику, наклонился, чтобы поцеловать Сэди в щеку. Сэди взяла его за рубашку и тоже поцеловала.

– Удачно сходил? Принес?

– Все здесь. – Питер похлопал свой рюкзак.

– Как тебе удалось? Мне сказали, что будет готово не раньше чем через неделю!

Он загадочно улыбнулся.

– У меня свои способы.

– Не сомневаюсь.

– Да, Питер знает, о чем говорит, и он – мой помощник, – вмешалась Элис. – Только попробуй его увести!

– И в мыслях не было.

– Доставайте скорей, – попросил Берти. – Не томите. Давайте посмотрим, что получилось.

Питер извлек из рюкзака прямоугольный предмет, завернутый в тонкую оберточную бумагу. Металлическая табличка сверкнула серебром, когда Питер показал ее остальным.

Элис надела очки и наклонилась, чтобы прочитать гравировку: «С. Спэрроу, частный детектив. Звоните в дверь, если вам нужна помощь», потом сняла очки и снова сунула их в футляр.

– Что ж, все по существу, мне нравится. Терпеть не могу претенциозные названия вроде «Секретный агент», «Всевидящее око»...

– «Проблемы ваши стали наши», – сказал Питер.

– А вот это мне нравится, – заметил Берти.

– К сожалению, не мое, – признался Питер. – Это Шарлотты.

– Она придет?

– Не сегодня, – ответила Сэди. – Слишком много уроков. Обещала прийти в субботу вечером на открытие агентства.

– Вот и ладно, – сказал Берти. В его улыбке смешались гордость, радость и глубокое удовлетворение. – А может, бог с ним, с чаем? Давайте выпьем шампанского, по-моему, нам есть что отпраздновать.

Информация об авторе

Кейт Мортон выросла в горах на юго-востоке Квенсленда, сейчас вместе с мужем и тремя сыновьями живет в Брисбейне. Дипломированный специалист в области драматического искусства и английской литературы, изучала трагедии XIX века и современные готические романы.

Книги Кейт Мортон разошлись в количестве более десяти миллионов экземпляров на тридцати трех языках в тридцати восьми странах. Романы «Когда рассеется туман» (который был опубликован в других странах под названием «The House at Riverton»), «Забытый сад», «Далекие часы» и «Хранительница тайн» были бестселлерами № 1 в странах по всему миру. Узнать больше о Кейт Мортон и ее книгах можно на сайте автора <https://katemorton.com> или на странице в Фейсбуке <https://www.facebook.com/KateMortonAuthor>

Благодарности

Как всегда, выражаю огромную благодарность многим людям. Неоценимую поддержку мне оказали Аннет Барлоу, которая прочитала, тщательно изучила и прокомментировала больше вариантов рукописи, чем смог бы обычный человек, и Мария Рейт, постоянно добрая, внимательная и мудрая. Вы мое бесценное сокровище, и благодаря вам издание книги доставляет радость.

Еще выражаю сердечную признательность моим друзьям в австралийском издательстве «Allen & Unwin», в особенности: Кристе Маннз, Карен Уильямс, Тами Рекс и Энди Паркеру, которые в очередной раз поразили меня своим энтузиазмом и компетентностью; Али Лаво и Симоне Форд за их владение словом и внимание к деталям; Веноне Берн за ее многочисленные таланты; и Роберту Горману за непоколебимую веру в меня и мои книги.

Благодарю мою бесценную команду в издательстве «Pan Macmillan, UK»: Элоиз Вуд, Софи Орме, Джози Хамбер, Джоффа Даффилда, Анну Бонд, Стюарта Дуайера, Джонатана Аткинса, Кэти Джеймс и Энтони Форбса Уотсона, которые приносят неоценимую пользу благодаря своей неукротимой энергии и мастерству; Рейчел Райт и Кейт Мур за их зоркость; и Лиз Кауэн за ее обширные познания во всех областях.

Большое спасибо всем в нью-йоркском издательстве «Atria» за колоссальную самоотдачу и профессионализм, в особенности Лизе Кейм, Джудит Керр и Каролин Рейди, а также Кимберли Гольдштейн, Изольде Зауэр, Лайзе Сциамбра и Хилари Тисман; а еще замечательной канадской команде – Кевину Хансону, Дэвиду Миллару и Рите Сильва.

Я бесконечно признательна многим замечательным издателям и переводчикам, благодаря им мои книги можно прочитать на языках, которыми я сама не владею, а также всем книготорговцам, библиотекарям, журналистам и читателям, которым нравятся мои книги: любая история остается черными значками на белых страницах до тех пор, пока ее не начнут читать.

Неоценимую помощь и поддержку мне оказали родственники и друзья. Благодарю Джулию Кречмер, которая вдохновляла меня с самого начала, когда вся история была горсточкой разрозненных кусочков головоломки, которые вроде бы совпадали; моего агента Селву Энтони за ее непревзойденное великодушие, заботу и проницательность; Ди Маккин,

рассудительную, спокойную и организованную союзницу; Мэри Роуз Маккол и Луиз Лимерик за их неоценимую писательскую дружбу, Герберта и Риту Дэвис, моих блистательных и любимых наставников; а еще благодарю Карен Робсон, Далери Паттерсон и Ди Мортон за то, что они дарили мне свое бесценное время.

Отдельного упоминания заслуживает Дайди, чьи незыблемая любовь и сострадание показывают, на что готова пойти мать ради своих детей.

Больше всего я, как всегда, хотела бы поблагодарить моего умного, забавного и доброго мужа Дэвина и троих сыновей, Оливера, Луи и Генри, которые все вместе сделали меня более дальновидным, многогранным, чувствительным, храбрым (и, надеюсь, более хорошим) человеком и писателем.

Список литературы, который я использовала во время работы над «Домом у озера», слишком обширен, чтобы приводить его полностью, но самые полезные источники перечислены ниже:

Джюльет Николсон, «Идеальное лето: Англия, 1911 год, перед тем, как разразилась буря» (Juliet Nicolson «The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm»);

Джудит Фландерс, «Викторианский дом» (Judith Flanders «The Victorian House»);

П. Д. Джеймс, «Разговор о детективной беллетристике» (P. D. James «Talking about Detective Fiction»);

«Антология сознания, способного на убийство» под редакцией Рут Ренделл («An Anthology of the Murderous Mind» edited by Ruth Rendell);

«За любовь и отвагу. Письма подполковника Э. У. Хермона» под редакцией Энн Нейсон (For Love and Courage: The Letters of Lieutenant-Colonel E. W. Hermon» edited by Anne Nason);

Бен Шепард, «Война Нервов» (Ben Shepard «A War of Nerves»);

Вера Бриттен, «Заветы юности» (Vera Brittain «Testament of Youth»).

Из книги Веры Бриттен я позаимствовала безжалостную сентенцию ректора: «Если человек не может принести пользу своей стране, ему лучше умереть!»

На веб-сайте www.beaumontchildren.com я нашла информацию о розыском процессе, а сайт www.firstworldwar.com располагает обширным материалом о боевых психических травмах. Кстати, это тот самый сайт, на котором ищет информацию Сэди после встречи с Марго Синклэр. В Интернете я ознакомилась с рассказами молодых женщин, столкнувшихся с процессом усыновления. Большинство историй были анонимными, и я

благодарю авторов за то, что они нашли в себе смелость поделиться пережитым опытом.

Графство Корнуолл остается для меня источником вдохновения, и мне было очень приятно проводить там время в своем воображении.

---

notes

Примечания

Битва при Пашендале (Passchendaele) – одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между союзными и германскими войсками. Сражение состояло из ряда отдельных боевых операций, продолжавшихся с июля до ноября 1917 года. Сражение велось на территории Бельгии в районе деревни Пашендаль, близ города Ипр в Западной Фландрии.

Виктор Голланц (Victor Gollancz; 1893–1967) – британский общественный деятель, книгоиздатель, публицист-социалист и правозащитник. В 1927 году основал собственное издательство, носившее его имя. Издательство специализировалось на выпуске высококачественной литературы, научных и научно-популярных книг, а также научной фантастики.

Рональд Нокс (Ronald Knox; 1888–1957) – английский религиозный деятель, писатель, автор детективов. Рональд Нокс не стал популярным автором, но прославился как скрупулезный критик и систематизатор. Во время своего служения в Оксфорде Нокс публикует детективные романы и в частности пишет свое самое известное эссе, которое представляет собой введение к очередной книге. В нем автор изложил десять заповедей для авторов детективных произведений.

4

Помешательство на двоих, индуцированный психоз (*фр.*).

Крест Виктории – высшая военная награда Великобритании. Ее появление связано с событиями Восточной (Крымской) войны. Была утверждена королевским указом от 29 января 1856 г.

Десятичная классификация Дьюи (сокр. ДКД, *англ.* DDC) – универсальная классификация (печатных) трудов, используется в модернизированном виде в основном в библиотеках.

Брит-поп (Britpop) – жанр альтернативного рока, возрождение доминировавшего гитарного стиля поп-музыки 60-х годов на музыкальной сцене Великобритании в 90-е.

Эдмунд Спенсер (Spenser, Edmund; ок. 1552–1599) – английский поэт, наряду с У. Шекспиром и Дж. Мильтоном признан одним из величайших англоязычных стихотворцев. «Королева фей» (*англ.* The Faerie Queene) – аллегорическая рыцарская поэма Эдмунда Спенсера, оставшаяся незаконченной.

Элино́р Гли́н (Elinor Glyn; 1864–1943) – английская писательница, автор эротических романов, сценарист, продюсер, режиссер.

«Придворный циркуляр» (The Court Circular) – ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях; рассылается редакциям газет и журналов. Введен королем Георгом III в 1803 г.

Хрустальный дворец (Chrystal Palace) – выставочный павильон в Лондоне, построенный ко Всемирной выставке 1851 года. Представлял собой огромную, расположенную террасами трехнефную постройку, состоявшую из ажурного железного каркаса, заполненного стеклом. Сгорел в 1936 г.

Энид Мэри Блайтон (Enid Mary Blyton; 1897–1968) – известная английская писательница, работавшая в жанре детской и юношеской литературы. Стала одной из наиболее успешных подростковых писательниц двадцатого века.

Лайм-Реджис (Lyme Regis) – небольшой прибрежный город с населением около 4400 человек в графстве Дорсет, Англия.

Миозотидиум гортензиевый (*M. hortensia* (Decaisne) Baili), который часто называют чатемской незабудкой, поскольку растение встречается на островах Чатем в Новой Зеландии. Суккулентный травянистый многолетник с крупными, на длинных черешках, ярко-зелеными листьями, отходящими от мясистого корневища.

Речь идет о похищении полуторагодовалого сына Чарльза Линдберга – героя Америки, летчика, впервые перелетевшего Атлантику на одноместном самолете, которое произошло 1 марта 1932 года.

Первое послание апостола Павла Коринфянам, 13:4–5. Слово «мыслит» в этом отрывке – перевод греческого глагола «логизо», что означает «считать, вычислять, подсчитывать». Так, любовь не считает, не подсчитывает зло.

Скон – небольшого размера британский хлеб быстрого приготовления, традиционно приготавливаемый в Шотландии и на юго-западе Англии. Он обычно делается из пшеницы, ячменя или овсянки, с пекарским порошком как пищевым разрыхлителем.

Псалтирь, 54:7.

Персонажи романа Чарльза Диккенса «Большие надежды».

«Пожелание вступающим в жизнь», «Desiderata» – вдохновенная поэма в прозе о достижении счастья в жизни, написанная в 1927 г. американским поэтом Максом Эрманном (1872–1945), была особенно популярна в 60-е годы без указания авторства. Часто утверждали, что эту поэму якобы нашли в церкви Святого Павла в Балтиморе, построенной в 1692 г.

Сэди цитирует немного измененную первую строку поэмы: «Среди суеты и шума иди с миром по жизни своей; и помни о том, что можно покой в тишине обрести». (*Перевод И. Ефремова.*)

Потейто Пит – Пит Картофелина, персонаж, придуманный Министерством сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия в годы войны, чтобы побудить людей есть больше картофеля, так как, в отличие от зерновых, например пшеницы, картофель выращивали в самой Британии, а не экспортировали из США.

«Видение розы», или «Призрак розы», – одноактный балет по стихотворению Т. Готье «Я – призрак розы, которую ты вчера носила на балу» на музыку концертной пьесы К. М. Вебера «Приглашение к танцу». Был поставлен в труппе Русского балета Дягилева, декорации и костюмы – Леона Бакста.

Уильям Гальс Риверс Риверс (William Halse Rivers Rivers; 1864–1922) – английский психолог, физиолог, этнограф, этнолог и антрополог. Профессиональную карьеру начинал как врач и экспериментальный психолог. Несколько позже занялся психотерапией. Исследовал время реакций, память, утомляемость и др. проблемы. Во время Первой мировой войны работал в госпитале Эдинбурга, где лечил преимущественно неврозы военного времени.

Ларч – дворецкий, персонаж из фильма «Семейка Аддамс» (режиссер Барри Зонненфельд), снятого по мотивам одноименного сериала 1960-х годов и комиксам Чарльза Аддамса.

Ноэл Пирс Кауард (Noël Peirce Coward; 1899–1973) – английский драматург, актер, композитор и режиссер.

Скорее! Пойдем (*фр.*).

Грэм Грин (Henry Graham Greene; 1904–1991) – английский писатель, в 1940-е годы – сотрудник британской разведки. В своей автобиографии писал: «В сердце писателя есть осколок льда».